

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2017

#6 (26) || November

№6 (26) || ноябрь

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2017-26-6-1-342

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортов

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Технический редактор:

канд. филол. наук Е.В. Федорова

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьепулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Technical Editor:
Candidate of Philological Sciences E.V. Fedorova

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

- Чекалина Е.М. (Москва, Россия)* Выражение неспецифицированного агенса в шведском и русском языках: контрастивный анализ и перевод 9
- Володина М.Н. (Москва, Россия)* О стихийном и системном характере терминологической номинации 24
- Ружицкий И.В. (Москва, Россия)* «Смех» Достоевского глазами лексикографа..... 37
- Большева Е.М., Николенкова Н.В. (Москва, Россия)* Правила переноса в истории русской письменности и в современности..... 48
- Сидорова М.Ю. (Москва, Россия), У Баоянь (Пекин).* К поэтике вечных образов: «Тигр в зоопарке» П. Когана и «Хуананьский тигр» Нью Ханя 60
- Шешкен А.Г. (Москва, Россия)* Надреализм и фольклор: сербская модель сюрреализма..... 67
- Розинская О.В. (Москва, Россия)* Польский период эмиграции Д. Мережковского 77

Фундаментальные исследования

- Косарик М.А. (Москва, Россия)* Разработка лексикологической проблематики в ранних грамматиках, трактатах и диалогах о языке (на материале филологических сочинений Португалии) 85

Материалы и сообщения

- Сорокина В.В. (Москва, Россия)* Западноевропейская русистика в начале XXI века 115
- Липгарт А.А. (Москва, Россия)* Исторический контекст жизни и творчества Уильяма Шекспира. Часть 1 130
- Иванова Е.В. (Москва, Россия)* «И если я умру на белом свете, то я умру от счастья, что живу...» (О поэтике индивидуального стиля Е. Евтушенко) 141
- Анастасьева И.Л. (Москва, Россия)* Новые заметки по вопросу реализма – не-реализма в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина 146
- Солнцева Н.М. (Москва, Россия)* О вкусе поэтов к крови 153
- Большакова Т.А. (Москва, Россия)* Канонизации Николая II в 1981 и 2000 гг.: история и проблемы принятия..... 163
- Зыкова Г.В. (Москва, Россия)* Всеволод Некрасов о Козьме Пруткове и Алексее Константиновиче Толстом..... 168
- Якушкина Е.И. (Москва, Россия)* Этическое содержание социальных обозначений в сербском языке 175
- Бугорская В.В. (Москва, Россия)* Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебных пособиях 1900–1917 гг..... 182
- Елфимова М. (Москва, Россия)* Ритмическая организация текста в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» 189

<i>Чурилова Ю.Э. (Москва, Россия)</i> Концепт «страх» в рамках миграционного кризиса в Германии в 2015–2016 гг.	197
<i>Яровой С. (Москва, Россия)</i> «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя: опыты экранизаций	203

Программы

Программа учебной дисциплины «Учение о языке в древней Индии»	212
Программа учебной дисциплины «История итальянского языка»	226

События. Имена. Судьбы

<i>Азаров Ю.А. (Москва, Россия)</i> Эмигрантские диалоги Олега Михайлова	244
<i>Мещеряков С.Н. (Москва, Россия)</i> Иво Андрич. Загадка ясности, или Мир без Бога: К 125-летию со дня рождения писателя	251

Библиографии

<i>Воропаев В.А. (Москва, Россия)</i> Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1981–1985).....	261
--	-----

Научная жизнь

<i>Мирчевска-Бошева Б. (Скопје, Македонија)</i> Кон јубилејот на Катедрата за славистика при Филолошкиот факултет «Блаже Конески» во Скопје	312
<i>Розинская О.В. (Москва, Россия)</i> V Соколовские научные чтения на филологическом факультете МГУ	321

Критика. Библиография

<i>Злочевская А.В. (Москва, Россия)</i> Элиаш М. и колл. Роды и разновидности русского искусства XIX и XX веков. Ключевые этапы развития русского искусства XIX и XX веков и его резонанс в европейском культурном пространстве. Братислава: Университет Коменского, 2016. 308 с.	324
<i>Шешкен А.Г. (Москва, Россия)</i> Петров А. Литературная Россия. Взгляд из Сербии. Белград, 2015. 360 с.	326
<i>Якушкина Е.И. (Москва, Россия)</i> Работы по языкознанию кафедры сербского языка филологического факультета белградского университета / Сост.: Велько Брборич, Райна Драгичевич; пер. И. Гучковой. Белград, 2015.	330
<i>Мухортов Д.С. (Москва, Россия)</i> How to Teach Creative Writing: Творческое письмо на уроках английского языка: учебное пособие. М.: КДУ, 2017. 64 с.	333
<i>Гурулева Е.В. (Москва, Россия)</i> Русские литературоведы XX века: Библиографический словарь. Т. I: А–Л / Сост. А.А. Холиков; под общей редакцией О.А. Клинга и А.А. Холикова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 532 с., ил.	335
<i>Орлова Т.Я. (Москва, Россия)</i> Труды и дни. Памяти В.Е. Хализева: Сборник / Под ред. О.А. Клинга, С.А. Мартыановой, О.В. Никандровой, Л.В. Чернец (отв. ред.). Москва: МАКС Пресс, 2017. 448 с.	339

Content

Articles

- Chekalina E.M. (Moscow, Russia)* Expressing an Unspecified Agent in Swedish and Russian: A Comparative Analysis and Translation Practice..... 10
- Volodina M.N. (Moscow, Russia)* Spontaneous and Systemic Character of the Terminological Nomination 24
- Ruzhitskiy I.V. (Moscow, Russia)* The Lexicographer’s View on Dostoevsky’s “Laugh” 37
- Bolycheva E.M., Nikolenkova N.V. (Moscow, Russia)* Rules of Hyphenation in Russian: Diachrony and Synchrony 48
- Sidorova M.Yu. (Moscow, Russia), Wu Baoyan (Beijing)*. Poetics of Eternal Images: P. Kogan’s “A Tiger at the Zoo” and Niu Khan’s “Huanan Tiger” 60
- Sheshken A.G. (Moscow, Russia)* “Nadrealism” and Folklore: The Serbian Model of Surrealism 67
- Rozinskaya O.V. (Moscow, Russia)* The Polish Period of Dmitry Merezhkovsky’s Emigration 77

Fundamental Research

- Kossarik M.A. (Moscow, Russia)* Analysis of Lexicological Problems in Early Portuguese Grammars, Treatises and Dialogues on Language 86

Communications and Materials

- Sorokina V.V. (Moscow, Russia)* West European Studies in Russian Literature of the Early 21st century 115
- Lipgart Andrey (Moscow, Russia)* Concerning the Historical Context of William Shakespeare’s Life and Works. Part 1 130
- Ivanova E.V. (Moscow, Russia)* “If ever should I die in broadest daylight, I would die for being happy to be alive...”: The Poetics of Evgenij Evtushenko’s Style 141
- Anastasyeva Irina L. (Moscow, Russia)* New Comments on Realism – Non-Realism in Alexander Pushkin’s Evgenij Onegin 146
- Solntseva N.M. (Moscow, Russia)* Why Poets Talked Blood 153
- Bolshakova T.A. (Moscow, Russia)* The Canonization of Nicholas II in 1981 and 2000: The History and Problems of Acceptance 163
- Zykova G.V. (Moscow, Russia)* Vsevolod Nekrasov about Kozma Prutkov and Alexey Konstantinovich Tolstoy 168
- Yakushkina E.I. (Moscow, Russia)* Ethical Content of Serbian Social Names 175
- Bugorskaya V.V. (Moscow, Russia)* M. Lermontov’s Work in the Textbooks of 1900–1917 182
- Elfimova M. (Moscow, Russia)* Rhythmic Organization of N. Gogol’s “Taras Bulba” 189

<i>Churilova Yu.E. (Moscow, Russia)</i> The Concept ‘Fear’ in Terms of the Migration Crisis in Germany in 2015–2016	197
<i>Yarovoy S. (Moscow, Russia)</i> N.V. Gogol’s Taras Bulba: Movie-Interpretations	203

Programs

The Course Programme “The Language Doctrine in Ancient India”	212
The Course Programme “History of the Italian Language”	

Events. Names. Destiny

<i>Azarov Yu.A. (Moscow, Russia)</i> Oleg Mikhailov’s Emigration Dialogues.....	244
<i>Meshcheryakov S.N. (Moscow, Russia)</i> Ivo Andrić: The Clarity Enigma, or a World without God. On the 125 th Anniversary of the Writer’s Birth	251

Bibliography

<i>Voropaev V.A. (Moscow, Russia)</i> The Bibliography of N.V. Gogol’s Works and Literature about Him in Russian (1981–1985).....	261
---	-----

Academic Life

<i>Mirchevska-Bosheva B. (Skopje, Macedonia)</i> Towards the Jubilee of the Department of Slavic Studies at the Faculty of Philology “Blaze Koneski” in Skopje.....	312
<i>Rozinskaya O.V. (Moscow, Russia)</i> The 5 th Sokolov Readings at Moscow University’s Faculty of Philology.....	321

Critique. Bibliography

<i>Zlochevskaya A.V. (Moscow, Russia)</i> Eliáš M. a kol. Podoby ruského umenia 19 – a 20. storočia. Kľúčové etahy vývoja ruského umenia 19 – a 20. storočia a ich rezonancia v európskom kultúrnom priestore. Bratislava: Univerzita Komenského, 2016. 308 s.	324
<i>Sheshken A.G. (Moscow, Russia)</i> A. Petrov. Literary Russia. A Look from Serbia. Belgrade, 2015. 360 p.	326
<i>Yakushkina E.I. (Moscow, Russia)</i> Linguistics Works of the Department of Serbian Language (Philological Faculty of the Belgrade University) / Comp.: Velko Brborich, Raina Dragichevich; Transl. by Irina Guchkova. Belgrade, 2015.	330
<i>Mukhortov D.S. (Moscow, Russia)</i> How to Teach Creative Writing: Schoolbook. Moscow: KDU Publ., 2017. 64 p.	333
<i>Guruleva E.V. (Moscow, Russia)</i> Russian Literary Critics of the 20th Century: Biographical and Bibliographical Dictionary. Vol. I: A – L / Compil. by A.A. Kholikov (author); Eds.: O.A. Kling and A.A. Kholikov. Moscow; St.-Petersburg. Nestor-Istoriya Publ. 2017. 532 p., ill.	335
<i>Orlova T.Ya. (Moscow, Russia)</i> Works and Days. In Memory of V.E. Khalizev: A Collection of Articles / Eds.: O.A. Kling, S.A. Martianova, O.V. Nikandrova, L.V. Chernets (ed.-in-chief). Moscow: MAKS Press, 2017. 448 p.	339

Статъи

Articles

Е.М. Чекалина
(Москва, Россия)

Выражение неспецифицированного агенса в шведском и русском языках: контрастивный анализ и перевод

Аннотация: В статье содержится контрастивное описание способов выражения неопределенно-личного агенса в шведском и русском языках. Выражение пассивного залога с имплицитным агенсом в шведском и русском языках проявляет системно-типологическое сходство, поскольку в обоих языках имеются формы с возвратным показателем (-ся/-s) и аналитические конструкции с пассивным причастием, хотя в функционально-семантическом плане между ними наблюдаются существенные различия. Поэтому основное внимание в статье уделяется способам выражения неспецифицированного агенса в активном залоге, которые обусловлены принципиальными различиями в грамматическом строе этих языков. В шведском языке основным из них является неопределенно-личное местоимение *man* в синтаксической функции грамматического субъекта, а в русском языке – особые функции согласовательных категорий глагола в предикатах односоставных предложений с формами 3 лица множественного числа и 2 лица единственного числа. Сопоставительный анализ проводится на материале текстов из художественных произведений на языке оригинала и их переводов как со шведского на русский, так и с русского на шведский язык. При этом учитываются функционально-прагматические различия не только между шведским и русским языками, но и между односоставными неопределенно-личными и обобщенно-личными высказываниями с различным грамматическим оформлением предикатов в русском языке. Контекстуальный анализ лексико-синтаксических и стилистических аспектов выбора переводных эквивалентов выявляет и другие, более периферийные средства выражения неопределенно-личного агенса при сохранении основного структурно-синтаксического различия между языками. Это проявляется в обязательной двусоставности шведских предложений с различными местоимениями в функции неопределенно-личного грамматического субъекта (*någon* ‘кто-то’; *vi* ‘мы’; *de* ‘они’; *flera* ‘некоторые’) и вариативности односоставных предложений с неопределенно-личными предикатами различной структуры в русском языке.

Ключевые слова: контрастивный анализ, переводной эквивалент, неспецифицированный агенс, неопределенно-личное местоимение, неопределенно-личное предложение

Expressing an Unspecified Agent in Swedish and Russian: A Comparative Analysis and Translation Practice

Abstract. The article presents a contrastive description of the ways of expressing the indefinite-personal agent in Swedish and Russian. Expressing the passive voice with an implicit agent in Swedish and Russian exhibits a systemic-typological similarity as both languages have forms with reflexive markers (-ся/-s) and analytic constructions with passive participles, although in functional-semantic terms there are significant discrepancies between them. The main focus of the article is therefore the ways of expressing an unspecified agent in the active mood, which are conditioned by the principle differences between the grammatical systems of these two languages. In Swedish the main means for that is the indefinite-personal pronoun *man* in the syntactic function of grammatical subject, and in Russian – special functions of verbal agreement categories in the predicates of mononuclear sentences with 3rd person plural and 2nd person singular forms. The contrastive analysis is carried out on the basis of literary fiction texts in the original language and their translations both from Swedish to Russian and from Russian to Swedish. It includes taking into account functional-pragmatic differences not only between Swedish and Russian, but also between mononuclear indefinite-personal and generalised-personal utterances with differently encoded grammatical predicates in Russian. A contextual analysis of lexical-syntactic and stylistic aspects of choosing translation equivalents exposes still other, more peripheral ways of expressing indefinite-personal agents while preserving the main structural-syntactic differences between the languages. This is manifest in the binuclearity of Swedish sentences with various pronouns in the function of indefinite-personal grammatical subject (*någon* ‘somebody’; *vi* ‘we’; *de* ‘they’; *flera* ‘several / some people’) and the variation in mononuclear sentences with indefinite-personal predicates of various structure in Russian.

Key-words: comparative analysis, translation equivalent, unspecified agent, indefinite-personal pronoun, indefinite-personal sentence

Особенности выражения неопределенно-личного агенса, обусловленные различиями в синтаксической структуре предложений и в морфологической системе словоизменительных категорий глагола, представляют значительный интерес для контрастивного анализа шведского и русского языков. В русском языке при «умолчании о субъекте»¹ используется функционально-семантический потенциал согласовательных категорий лица и числа глагола в структуре «семантически самодостаточных»² односоставных предложений двух типов. В неопределенно-личных предложениях с формами 3 лица множественного числа настоящего, прошедшего и будущего времени содержится идея «несущественной субъектности»³, которая предполагает исключение говорящего из числа возможных референтов нулевого подлежащего и его «отчужденность, дистанцированность»⁴, «отстраненность»⁵ от

¹ Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. М., 1938. С. 367.

² Шелякин М.А. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. М., 1991. С. 62.

³ Шелякин М.А. *Op. cit.* С. 70; Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 31.

⁴ Падучева Е.В. *Op. cit.* С. 33.

⁵ Шелякин М.А. *Op. cit.* С. 68.

подразумеваемого субъекта. Поэтому неспецифицированный агенс «никогда не находится в фокусе эмпатии, ситуация никогда не описывается с его точки зрения»¹.

В обобщенно-личных предложениях с формами 2 лица единственного числа настоящего / будущего времени подразумеваемый агенс, напротив, находится в фокусе эмпатии, а говорящий может быть включен в неопределенное множество референтов нулевого подлежащего. Ср.: *Неприятно, когда тебя обманывают.* – *Неприятно, когда обманываешь того, кто верит каждому твоему слову*²; *С начальством не спорят.* – *С тобой не поспоришь*³. Таким образом, грамматическое лицо играет определяющую роль в прагматической семантике таких высказываний, поскольку подразумеваемый субъект является «именно лицом, а не произвольной сущностью, как в обычном двусоставном предложении»⁴. Согласовательная категория в этих случаях «довлеет сама себе и с а м а обозначает лицо»⁵. Оба типа неопределенно-личных предложений представляют собой «две особые разновидности к а т е г о р и и л и ц а в русском языке и две особые ф о р м ы м ы ш л е н и я говорящего по-русски человека»⁶.

В отличие от русского, в германских и романских языках, ориентированных на двусоставность предложения, употребляются неопределенно-личные местоимения: франц. *on*, англ. *one, somebody*, нид. *men*, нем. *man*, которое было заимствовано в скандинавские языки⁷. Таким образом, в этих языках значение «неопределенно представляемого субъекта»⁸ выражается в предложениях активного залога особым типом грамматического субъекта, а в русском языке – особой грамматической формой предиката.

Одним из основных средств выражения неопределенно-личного агенса в шведском языке является местоимение *man*, которое не требует обязательного указания на отнесенность субъекта речи к неопределенному множеству референтов грамматического субъекта высказывания, но и не исключает этого. В зависимости от контекста, оно может употребляться как в обобщенно-личных высказываниях, так и в высказываниях с конкретной пространственно-временной локализацией; не исключается также его соотнесенность только с субъектом речи, который намеренно предпочитает оставаться в тени.

Соотнесенность *man* с неопределенным множеством неопределенных референтов наглядно иллюстрирует отрывок из интервью с королем Швеции Карлом Густавом XVI, опубликованное в шведском журнале в год его пятидесятилетия⁹ (перевод мой. – Е. Ч.):

Stefan Mehr: Hur var det att växa upp som ensam pojke bland alla dessa kvinnor?

¹ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. М., 1991. С. 50.

² Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Op. cit.* С. 60.

³ Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. С. 294.

⁴ Падучева Е.В. *Op. cit.* С. 36.

⁵ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001. С. 111.

⁶ Пешковский А.М. *Op. cit.* С. 342.

⁷ Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004. С. 172–173; Лунд К.Х. Русские конструкции с неспецифицированным субъектом действия в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их соответствия в английском и датском языках // Синхрония, диахрония, текстология: Сб. науч. статей и переводов. К юбилею Е.М. Чекалиной. М., 2016. С. 215.

⁸ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Op. cit.* С. 45.

⁹ *Månadsjournalen*. 1996. Nr 5.

Каково было единственному мальчику среди всех этих женщин?

Carl Gustaf: *Det gick faktiskt förvånansvärt bra. Mina många systrar tog väl hand om mig. Men det ledde till att jag fick umgås med mängder av damer... MAN tyckte det blev lite för mycket.*

На самом деле было на удивление хорошо. Несколько моих сестер хорошо заботились обо мне. Но это привело к тому, что мне пришлось общаться с множеством дам... (**НЕКОТОРЫЕ**) сочли, что их стало многовато.

SM: Tyckte kungen det?

И Вы так считали, Ваше Величество?

CG: Jag tyckte inte det, men "MAN" tyckte det.

Я так не считал, но "**НЕКОТОРЫЕ**" так считали.

SM: Vem var "MAN"?

Кто были эти "**НЕКОТОРЫЕ**"?

CG: *Det vet jag faktiskt inte själv. "MAN" tyckte att jag borde vidga mina vyer – och så hamnade jag på internatskola.*

Я сам этого не знаю. "**НЕКОТОРЫЕ**" считали, что мне следовало бы расширить свой кругозор – и поэтому я попал в школу-интернат.

Принципиальные структурно-семантические и функционально-прагматические различия между шведским и русским языком определяют сложность и вариативность выбора эквивалентов при переводе как со шведского на русский, так и с русского на шведский язык.

Функционально-семантический потенциал шведских высказываний с неопределенно-личным местоимением ярко представлен в новелле современного шведского журналиста и писателя Фредрика Линдстрема «Новый стиль к осени», которая вместе с русским переводом опубликована в сборнике материалов переводческого семинара в Санкт-Петербурге «Вдоль и поперек» (2011). Текст этой небольшой новеллы насыщен предложениями с неопределенно-личным местоимением, что обусловлено художественной спецификой произведения: на трех с половиной страницах *man* встречается в четырех небольших отрывках 21 раз. Изображение главного и единственного героя представлено в новелле как его собственный взгляд на себя со стороны. При этом повествование почти все время ведется в третьем лице без прямой речи, и лишь в конце новеллы, когда герой вступает в диалог с Богом, появляется его личное *jag*. Поскольку семантика шведского неопределенно-личного местоимения не исключает соотнесенности с субъектом речи, использование *man* позволяет передать внутренний голос героя, который вместе с тем созвучен голосу автора новеллы. При переводе на русский язык реализуется несколько контекстуальных эквивалентов, в которых используются различные лексические средства и синтаксические типы предложений.

1. Существительные *человек* и *люди* при обобщенной референции, указывающие на неопределенное множество лиц, представленное как открытый класс, включающий не только человека по имени Лассе, который является главным и единственным героем новеллы, но и её автора, а возможно, и читателя:

Kanske borde han lägga ner hela skiten. Inse att man aldrig blir lycklig¹. – Ему, наверное, пора бросить всю эту муть. Осознать, что человеку никогда не стать счастливым.

¹ Lindström F. Ny stil till hösten. Новый стиль к осени / Пер. А. Шаболтас // Вдоль и поперек. Шведская проза: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011. С. 104–111.

Выражение обобщенной референции усиливается в русском переводе использованием бессубъектной синтаксической модели с дательным лица и инфинитивом, которая имеет оттенок «объективной необходимости»¹.

На выбор лексических эквивалентов *человек* или *люди* в приводимом ниже переводе, возможно, влияет морфологический фактор – употребление форм единственного или множественного числа именных частей речи в контексте оригинала:

*Jaha, man blir inte lyckligare av att äta mer glass, dricka mer rödvin, eller bo i större hus med fler gästtoaletter – vad blir man då lycklig av?*² – Оказывается, **люди** не становятся счастливее, если едят больше мороженого, пьют больше красного вина или **живут в более просторных домах с большим числом гостевых туалетов**, – так что же делает человека счастливым?

При употреблении формы единственного числа прилагательного в именной части предиката *lycklig счастливый* в качестве эквивалента неопределенно-личного местоимения используется лексема *человек*, в то время как в случае неизменяемого предиката в сравнительной степени при контекстуальном указании на количественное множество формами существительных выбирается лексема *люди*.

Выбор существительного *человек* в качестве эквивалента шведскому неопределенно-личному местоимению представлен и в переводе новеллы другого современного шведского писателя, которая включена во второй сборник материалов переводческого семинара в Санкт-Петербурге «Бутерброд с вареньем» (2016):

*När man älskar och är mottagen i sin kärlek känner sig kroppen lätt*³. – Когда человек **любит**, и чувство это взаимно, во всем теле чувствуется легкость.

Здесь в шведском оригинале указание на обобщенность референции находит выражение в употреблении возвратно-притяжательного местоимения *sin*⁴.

Следует отметить, что в шведском языке наблюдается тенденция к стилистической однородности текста, создаваемой повторным, иногда многократным употреблением одной и той же конструкции, в том числе с неопределенно-личным местоимением *man*. При переводе на русский язык, напротив, чаще всего требуется снять стилистическую однородность и найти, наряду с лексической заменой существительным *люди*, и другие эквиваленты, создающие стилистическое разнообразие. Приводимый ниже пример из новеллы Ф. Линдстрема хорошо иллюстрирует это:

*När man (1) senast gjorde en rundfrågning bland svenskarna, så visade det sig att man (2) i genomsnitt inte blivit ett dugg lyckligare än man (3) var i början av sextioalet. Det är nästan absurt om man (4) tänker på alla de materiella förbättringar vi fått sedan dess*⁵. – Последний **опрос среди шведов показал** (1 – номинализация), что в среднем **люди** не стали ни на йоту счастливее (2 – люди), чем были (3 – опущение субъекта при повторе предиката) в начале 60-х. Это почти абсурд, если **подумать** (4 – бессубъектная инфинитивная конструкция) обо всех материальных благах, которые появились у нас за эти годы.

При переводе на русский язык здесь используется не только лексическая замена существительным *люди*, но и некоторые другие виды лексико-синтаксических трансформаций, которые более подробно рассматриваются ниже.

¹ Пешковский А.М. Оp. cit. С. 347.

² Lindström F. Оp. cit.

³ Andersson L. Ur Egenmäktigt förfarande – en roman om kärlek. Отрывок из романа «Неправомерное завладение – роман о любви» / Пер. Ю. Томиной // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 10–14.

⁴ См. об этом: Hultman T.G. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm, 2008. S. 121.

⁵ Lindström F. Оp. cit.

2. Местоимение 1 лица множественного числа в качестве переводного эквивалента шведскому неопределенно-личному местоимению:

*Man planerar och planerar och planerar, och under tiden går livet ifrån en?*¹ – **Мы** планируем, планируем и планируем, а жизнь тем временем ускользает от нас?

В шведском оригинале включенность субъекта и адресата речи в неопределенное множество референтов маркируется употреблением местоимения *en* в качестве супплетивной объектной формы *man*². В русском переводе для выражения этого используется одна из «переносных» функций местоимения *мы*, которое говорящий употребляет, «заявляя свою личность, себя как выразителя мысли и воли группы, целого коллектива»³. Ср. также пример из другой новеллы с использованием *мы* при переводе:

*Jag tror nu, så här i efterhand, att man så gärna vill tro att man förstår; att man låter bli att förstå. Ja, att saker och ting liksom blir mer begripliga genom att vi inte förstår dem*⁴. – Сейчас, когда все позади, мне кажется, **нам** настолько хочется думать, будто **мы** все понимаем, что **мы** даже и не пытаемся понять. Да, словно вещи и явления становятся более доступными, когда **мы** их не понимаем.

Выбор местоимения *мы* в качестве эквивалента шведскому *man* обусловлен здесь и употреблением *vi* в последующем высказывании, которое как бы подводит итог авторскому рассуждению в завершающей части сверхфразового единства. Важно, однако, что в обоих случаях субъект речи представлен не как индивидуально-конкретное лицо, а как член неопределенного множества референтов.

3. Бессубъектные синтаксические конструкции с неопределенно-личными модальными предикатами при переводе шведских предложений с *man* и модальными глаголами с инфинитивом.

а) При выражении волеизъявления – с возвратным глаголом *хотеться*, в лексическом значении которого содержится имплицитное указание на лицо:

*Ifall hösten är vuxen, mogen och sofistikerad, så är det precis tvärtom med våren. För att nu inte tala om sommaren. Då vill man vara ungdomlig, nonchalant och nästan lite farlig. Så farlig som man nu kan vara om man har manchesterjeans och jobbar på en tidning för Skogsvårdsstyrelsen*⁵. – Если осень – солидная, зрелая и причудливая, то весна ей прямо противоположна. А лето тем более. Летом **хочется быть** молодым, беззаботным и чуть-чуть рисковым. Настолько рисковым, насколько позволяют вельветовые брюки и работа в газете Управления лесным хозяйством.

Здесь наблюдается как бы незаметное «сужение» от неопределенного множества референтов в первом предложении до представленного «инкогнито» героя новеллы во втором предложении, где неопределенно-личное местоимение *man* употреблено дважды. Стилистически оправданное повторное употребление его в шведском оригинале снимается в русском переводе «переключением» синтаксической функции второстепенных членов предложения – как прямого объекта, так и обстоятельства – на функцию грамматического субъекта с заменой лексического значения предиката.

б) При выражении возможности – с модальным предикатом состояния *можно* и инфинитивом:

¹ Lindström F. Op. cit.

² Hultman T.G. Op. cit. S. 121.

³ Виноградов В.В. Op. cit. С. 365.

⁴ Askestad E. Ett två tre. Раз, два, три / Пер. Ю. Григорьевой // Вдоль и поперек. Шведская проза: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011. С. 19–24.

⁵ Lindström F. Op. cit.

Och så **kan man rota fram** gamla vinylplattor och halskedjor och örhängen som **man** aldrig skulle se åt när hösten kommer¹. – А еще **можно достать** старые виниловые пластинки, подвески и серьги, которые осенью уму непостижимы.

в) При выражении необходимости – с неопределенно-личным модальным предикатом *надо*:

Man kan inte sitta på krogen ett helt liv och se varandra i ögonen och **samtala**. Någon gång **måste man se på tv tillsammans också**². – **Невозможно** всю жизнь **сидеть** в баре и **разговаривать**, глядя друг другу в глаза. Когда-нибудь **надо** и телевизор вместе **посмотреть**.

4. Бессубъектное высказывание с предикатом в форме 2 лица единственного числа:

Det viktigaste när **man gör** en syltmacka är att inte snåla med sylten³. – Когда **делаешь** бутерброд с вареньем, самое важное – не жадничать; Tricken när **man ska låtsas sova** är att inte göra för mycket⁴. – Когда **притворяешься** спящим, главное – не перестараться.

Иногда в качестве синтаксического варианта бессубъектной конструкции встречается эксплицитное употребление местоимения *ты*:

På våren och sommaren **blir man oerhört ungdomlig**, för att inte säga barnslig. **Man bygger upp** ett helt ny identitet under vinterhalvåret som **man** sedan bara **tar** avstånd ifrån. Helt plötsligt **slutar man** fantisera om museibesök och middagar och vuxenliv i alla former, och bara tanken på att gå omkring i en mörkbrun kostym känns helt absurd. Och där **man** tidigare **sett** en distingerad mogen man sitta med en espresso på något av stadens italienska kaféer, **ser man** nu sig själv med en romantisk kalufs och kvällssol i håret bada med brudar i Råambshovsparken⁵. – Весной и летом **начинаешь** жутко **молодиться**, если не сказать впадать в детство. За холодные полгода **ты становишься** совершенно новой личностью, от которой потом **отнекиваешься**. **Ты** вдруг **перестаешь мечтать** о посещении музеев, званых ужинах и взрослой жизни во всех ее проявлениях, и даже мысль о том, чтобы ходить в темно-коричневом костюме, кажется абсурдной. И если раньше в воображении **ты был** благородным зрелым мужчиной, сидящим в одном из городских итальянских кафе с чашечкой эспрессо, то теперь **видишь** себя купающимся с девушками в Роламбхувспаркен, а в копне твоих волос романтично играет вечернее солнце.

Как было отмечено выше, в шведском языке неопределенно-личное местоимение *man* может употребляться при соотнесенности с субъектом речи, когда говорящий как бы «маскирует» себя, представляя происходящее с ним несколько отстраненно и тем самым подчеркивая свою незначительность. В русском языке бессубъектные обобщенно-личные предложения с предикатом в форме 2 лица единственного числа также не исключают отнесенности говорящего к потенциальным участникам ситуации или могут относиться непосредственно к субъекту речи, если ситуация имеет не конкретный, а потенциально-узуальный характер⁶.

В приведенном выше шведском примере неопределенно-личное местоимение *man* скорее всего предполагает отнесенность не только к субъекту ситуации – герою новеллы Ф. Линдстрема, но и к субъекту, и к адресату речи, о чем свидетельствует спорадическое эксплицитное употребление личного местоимения *ты* в русском переводе, хотя обобщенно-личная семантика при этом сохраняется. В то

¹ Lindström F. Op. cit.

² Andersson L. Op. cit.

³ Karlsson J. Syltmacka. Бутерброд с вареньем / Пер. П. Смирновой // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 129–145.

⁴ Karlsson J. Op. cit.

⁵ Lindström F. Op. cit.

⁶ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Op. cit. С. 53.

же время использование *man* создает особый стилистический эффект, позволяющий передать в повествовании от третьего лица внутренний голос персонажа. Аналогичные примеры встретились также в тексте другой шведской новеллы, написанной от первого лица:

*Men ni vet hur det är, man inbillar sig saker, får för sig att man anade någonting som man inte kunde ha någon aning om*¹. – Знаете, как иногда бывает: навьдумываешь себе, и взбредет в голову, что возникает понимание чего-то, о чем и представления никакого не имеешь; *Ni vet nog hur man känner på sig att någon stirrar*². – Знаете, как бывает, когда чувствуешь на себе чей-то взгляд.

На включенность не только субъекта, но и адресата речи в неопределенное множество референтов прямо указывает вводная реплика *ni vet* *знаете*, обращенная к потенциальному адресату высказывания. При этом и в оригинале, и в переводе не утрачивается обобщенно-личная семантика и соотнесенность с неопределенным множеством лиц.

5. Субъектная номинализация при лексико-синтаксической трансформации в обобщенно-личные высказывания афористического характера:

*Men man försöker ju i alla fall*³. – Но попытка – не пытка; *Är det så att man aldrig blir lycklig?*⁴ – Неужели счастье и правда недостижимо?

Смысловое содержание предиката в таких случаях «переносится» при переводе в грамматический субъект.

Следует вместе с тем отметить, что перевод предложений с *man* высказываниями с формой 3 лица множественного числа встречается достаточно редко, главным образом, в тех случаях, когда в контексте содержится указание на дистанцированность неопределенно-личного субъекта от субъекта речи⁵:

*Jag tror knappt ens att han skulle kunna erinra sig händelsen om man frågade honom*⁶. – Думаю, он и не вспомнил бы этот маленький эпизод, если бы его спросили.

В то же время односоставные высказывания с формами 3 лица множественного числа нередко выступают переводными эквивалентами шведских предложений с пассивной диатезой при устраненном агенсе, представленном как «множественная неопределенно-личная масса в качестве действующей среды»⁷. Необходимым условием их употребления в русском переводе является конкретная пространственно-временная локализация события, а также акциональное лексическое значение глагола, предполагающее контролируемое целенаправленное действие одушевленного агенса. В шведском оригинале залоговая семантика предиката может быть выражена как синтетическими формами пассива на *-s*, так и аналитической конструкцией с глаголом становления *bli* и причастием 2. При этом, в отличие от высказываний с неопределенно-личным местоимением *man*, семантика пассивных конструкций в шведском языке исключает интерпретацию субъекта речи как потенциального агенса. Многочисленные примеры соответствий такого рода

¹ Askestad E. Op. cit.

² Askestad E. Op. cit.

³ Lindström F. Op. cit.

⁴ Lindström F. Op. cit.

⁵ Падучева Е.В. Op. cit. С. 33

⁶ Lindström F. Köpenhamn. Швед в Копенгагене / Пер. Ю. Колесовой // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 202–213.

⁷ Виноградов В.В. Op. cit. С. 367.

встречаются, в частности, в тексте мемуаров шведского кинорежиссера Ингмара Бергмана¹ и его переводе на русский язык²:

Han fördes till sjukhus efter föreställningen. – После представления его увезли в больницу.

Carl flyttades till Stockholm. – Карла перевезли в Стокгольм.

Dag efter dag släpades eller bars jag vrålande av ångest in i klassrummet. – День за днем меня, орущего от страха, втаскивали или вносили в класс.

Min penna hittades i andra ändan av salen. – Мою ручку нашли в другом конце зала.

Barn talar inte vid bordet. De svarar om de blir tilltalade. – Дети за столом не разговаривают и отвечают лишь в том случае, если к ним обращаются.

Efter två år av vilt fläktande blev jag kallad till Göteborg. – Через два года неустовой борьбы меня пригласили в Гетеборг.

В.В. Виноградов обращал внимание на то, что в русском языке неопределенно-личное употребление формы 3 лица множественного числа «синонимически ассоциируется в кругу переходных глаголов с личными формами пассивного, страдательного залога»³. При этом он подчеркивал, что сам процесс «транспозиции» активной неопределенно-личной формы 3 лица множественного числа в пассивно-личный оборот (как, например, в случаях *поле вспахали* и *поле вспахано*) «ярко обнаруживает ее личный характер, отношение ее к неопределенному лицу (*люди, кто-то*)»⁴.

Вместе с тем при сопоставлении неопределенно-личных высказываний с формами 3 лица множественного числа в русском оригинале и их переводов на шведский язык картина контекстуальных соответствий выглядит более сложно. Так, сопоставительный анализ текстов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»⁵ и его шведского перевода⁶ показывает, что пассивная конструкция используется при их передаче, наряду с другими трансформациями:

Его вывели, поместили в отдельной комнате <...>. – Han fördes bort och placerades i ensamcell<...>.

После этого Ивана повели по пустому коридору и привели в кабинет <...>. – Sedan fördes Ivan längs en tom korridor till ett stort rum<...>.

Из коридора выехала на резиновых колесиках кушетка, на нее переложили затихшего Ивана, и он уехал в коридор, и двери за ним замкнулись. – En sjukhussäng på gummihjul rullades (1) in från korridoren. Den avdomnade Ivan lades (2) upp på den, sköts (3) ut i korridoren och dörrarna stängdes (4) bakom honom.

Представляется, что использование высказываний с пассивным залогом там, где это позволяет лексическая и акциональная семантика переходных глаголов и указание на пациенс, встречается в тех случаях, когда в фокусе внимания находятся контролируемые устраненным агенсом целенаправленные процессы. В таких случаях сообщается о том, что происходило с пациенсом в конкретной ситуации. Особенно показателен в этом плане последний из приведенных отрывков, в котором синтетическая форма пассива на *-s*, акцентирующая в шведском языке процесс и имеющая имперфективную аспектуальную семантику⁷, используется

¹ Bergman I. *Laterna magica*. Stockholm, 1987.

² Бергман И. *Латерна магика* // Исповедальные беседы / Пер. А.А. Афиногеновой. М., 2000.

³ Виноградов В.В. *Op. cit.* С. 367.

⁴ Виноградов В.В. *Op. cit.* С. 368.

⁵ Булгаков М.А. *Мастер и Маргарита* // Булгаков М.А. Романы. Кишинев, 1988.

⁶ Bulgakov Michail. *Mästaren och Margarita*. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm, 2006.

⁷ Thorell O. *Svensk grammatik*. Stockholm, 1973. S. 135.

несколько раз подряд: при переводе непереходных глаголов с инактивным субъектом – (1) *выехала кушетка* (букв. *кушетку вкатили*); (2) *он уехал* (букв. *его выкатили*) и (3) формы на *-ся* с инактивной семантикой (*двери закрыли / закрылись*).

В то же время обращает на себя внимание довольно частое использование трансформаций русских неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа в двусоставные синтаксические структуры с неопределенно-личным местоимением *man*. Так, в шведском переводе 27-й главы романа «Конец квартиры № 50» это местоимение встречается 60 раз, из них 36 раз, т. е. более чем в половине употреблений, оно используется при переводе именно таких предложений. Высказывания с неопределенно-личным местоимением часто встречаются при переводе контекстов, где в фокусе внимания находится динамика изменения ситуации, когда сообщается о том, что произошло, происходит или может произойти:

*Ивана **подержали** еще несколько секунд и потом **опустили** на диван <...>. Лишь только его **отпустили**, он опять было вскочил <...>. – **Man höll fast** Ivan några sekunder och **släppte** honom sedan ner på soffan <...>. Så fort **man släppte** honom ville han hoppa upp igen <...>.*

*В самом деле, **засадили** здорового человека в лечебницу, да еще **делают вид**, что это так и нужно! – **Man hade** ju **spärrat in** en frisk människa på sjukhus och till på köpet **gjort min** av att det skulle vara nödvändigt!*

*Это **их** ввели на помост. – Nu **har man lett upp** dem på plattformen.*

*Вижу, что меня **хотят убить**. – Jag förstår att **man vill döda** mig.*

Перевод неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа высказываниями с местоимением *man* встречается также в контекстах, содержащих указание на множественность действий и/или их актантов:

*<...> с семи часов утра четверга к **Босому** начали **звонить** по телефону <...>. – <...> från klockan sju på torsdagsmotgonen **började man ringa** till Bosoj <...>.*

*В квартире № 50 **побывали**, и не раз, и не только **осматривали** ее чрезвычайно тщательно, но и **выстукивали** стены в ней, **осматривали** каминные дымоходы. **Искали** тайников. – **Man besökte** mer än en gång lägenheten nr 50, **man undersökte** den ytterst noggrant, **man knackade** i väggarna, **kontrollerade** rökgångarna och **letade** efter hemliga gömställen.*

*А между тем всякий раз как в нее **направлялись**, решительно никого в ней не оказывалось. А **были там уже не раз, и в разное время суток**. И мало этого, по квартире **проходили** с семьей, проверяя все углы. – Men varje gång **man tog sig in** där var lägenheten fullkomligt tom. **Man hade** redan varit där vid olika tider på dygnet. **Man hade finkammat** varje hörn av lägenheten.*

*А между тем меня силою **задержали** здесь, **тычут** в глаза лампой, в ванне **купают**. Про дядю Федю чего-то **расспрашивают!** – Här **håller man** mig kvar med våld, **lyser** med en lampra i ögonen på mig, **badar** mig och **frågar** mig om farbror Fjodor.*

При указании на множественность действий и их актантов, как показывают приведенные примеры, неопределенно-личное местоимение *man* может употребляться несколько раз подряд, в том числе при переводе других способов выражения неспецифицированного агенса в русском оригинале:

***Охраняли** не только тот путь, что вел во двор через подворотню, но и черный ход; мало этого, на крыше у дымовых труб **была поставлена охрана**. – **Man hade folk utposterade** i stora uppgången och vid köksingången. Dessutom **hade man poster** uppe vid skorstenarna på taket.*

К вечеру же пятницы **нашли** и след Лиходеева. Во все города **были разсланы телеграммы** с запросами о Лиходееве <...>. Единственно, чей след **не удалось поймать**, это след Варенухи. – *Mot fredagskvällen fick man också upp ett spår efter Lichodejev. Man hade telegraferat till alla städer och hört sig för om honom <...>. Den ende som man överhuvudtaget inte kunde spåra var Varenuha.*

Слышно было, как барона **впустили** в квартиру. Ровно через десять минут после этого, без всяких звонков, квартиру **посетили**. Но не только хозяев в ней **не нашли** <...>, **не обнаружили** в ней и признаков барона Майгеля. – *Man kunde höra hur baronen släpptes in. På sekunden tio minuter senare steg man in i våningen utan att ringa på. Men man träffade inte på några hyresgäster och <...>, man kunde inte upptäcka det minsta spår efter baron Meygel.*

Вместе с тем, наряду с местоимением *man* как наиболее специализированным способом выражения неопределенно-личного агенса в шведском языке, при переводе русских неопределенно-личных высказываний с формами 3 лица множественного числа используются и другие местоименные лексеммы с семантикой неопределенности.

1. Неопределенное местоимение *någon* некто, кто-то:

Наобум позвонили в комиссию изящной словесности и, конечно, никого там не нашли. – *Någon ringde på måfå till Kommissionen för skönlitteratur, men fick förstås inget svar.*

2. Неопределенно-количественное местоимение *flera* несколько (об исчисляемых денотатах), некоторые:

Тут догадались броситься на Ивана – и бросились <...>. – *Flera drog samma slutsats samtidigt och kastade sig över Ivan <...>.*

3. Личное местоимение *de* они при контекстуальном указании на то, что субъект речи не входит в неопределенное множество референтов:

Увидели меня, подумал Пилат. – *De har sett mig, tänkte prokuratorn.*

4. Существительное *folk* люди с обобщенным значением, когда в контексте содержится указание на то, что неопределенное множество референтов ограничено определенным пространством:

В стареньком особнячке знали, конечно, видели, что приходит ко мне какая-то женщина <...>. – *I det där gamla gudsförgätta huset visste folk förstås om det, de hade sett att jag fick besök av en kvinna <...>.*

На Садовую, конечно, съездили и в квартире № 50 побывали. Но никакого Коровьева там не нашли <...>. – *Folk skickades förstås iväg til Sadovaja och besökte lägenheten nummer 50. Men där fanns ingen Korovjev <...>.*

При переводе предиката *съездили* в первом предложении осуществляется лексико-синтаксическая трансформация, которая предполагает использование формы пассива на *-s skickades* (букв. *были посланы*); трансформация имеет место и при переводе формы *нашли* депонентным глаголом с возвратным показателем (букв. *имелся*).

Показательно, что *man* часто встречается в шведском переводе романа М.А. Булгакова при передаче и других способов выражения неопределенно-личного агенса в русском языке, которые, как было показано выше, используются в качестве переводных эквивалентов шведских предложений с этим местоимением.

1. Бессубъектные высказывания с модальными предикатами в форме среднего рода и инфинитивом:

Кто-то суетился, кричал, что **необходимо** сейчас же, тут же, не сходя с места, **составить** какую-то коллективную телеграмму и немедленно **послать** ее. – *En beskäftig person krävde att man omedelbart, här och nu och utan dröjsmål, måste författa och avsända ett kollektivt telegram.*

И уж по глазам Кутайцева **можно было видеть** и смело сказать, что он чист как хрусталь. – *Redan på hans ögon kunde man se att Kitajtsev var oskyldig som ett lamm.*

<...> ни в один из приездов в квартиру в ней **никого обнаружить не удалось** <...> – <...> *man upptäckte ingenting under besöken i våningen <...>.*

Тем временем **пришлось возиться** с происшествиями и в других местах Москвы <...>. **Пришлось разьяснять** необыкновенный случай с поющими служащими <...>. Ими впрочем **занимались** мало. Теперь уж **легко было установить**, что эти двое стали жертвами одной и той же шайки, возглавляемой этим таинственным магом. – *Samtidigt var man tvungen att ta itu med händelser på andra håll i Moskva <...>. Man måste åstadkomma en förklaring till den egendomliga händelsen med kontorspersonalen <...>. Men dessa två hade man inte så stort intresse av. Man kunde lätt fastställa att de hade råkat ut för den hemlighetsfulle magikern och hans kumpaner.*

2. Предложения с личным местоимением *vi* мы в качестве грамматического субъекта:

Но какую телеграмму? **спросим мы** <...>. – *Men vad då för ett telegram? frågar man sig <...>.*

3. Предложения с существительным *люди* в качестве грамматического субъекта: По всем комнатам мгновенно **рассыпались люди** и нигде никого **не нашли**, но зато в столовой **обнаружили** остатки только что, по-видимому, покинутого завтрака. – *På ett ögonblick hade man spritt ut sig över hela lägenheten, men ingenstans kunde man hitta en levande själ. Däremot upptäckte man på matsalsbordet resterna av en tydligen nyss avslutad frukost.*

Интересно, что и здесь в контексте содержится указание на множественность референтов и/или совершаемых ими действий.

Встречаются и более кардинальные лексико-синтаксические трансформации русских предложений с нарицательными существительными в функции грамматического субъекта, вызывающие необходимость употребления *man* в шведском переводе.

1. Метонимическое употребление нарицательного существительного при выражении соотнесенности с неопределенным множеством лиц в лексическом значении предиката:

Но в это время, то есть на рассвете субботы, **не спал целый этаж** в одном из московских учреждений <...>. – *Men vid samma tid denna tidiga lördagsmorgon fanns det ett ställe där man inte sov alls <...>.*

Тут приехавшая большая **группа** **разделилась** на две маленьких <...>. – *Man delade upp sig i två mindre grupper <...>.*

2. Употребление в функции грамматического субъекта отглагольных существительных с процессуальной семантикой, содержащих указание на неопределенно-личный агент:

Сопоставление <...> с показаниями других <...> сразу **установило** то место, где надлежит искать виновника всех этих приключений. – <...> *när man alltså jämförde alla dessa upplysningar, kunde man snabbt bestämma var den skyldige bakom alla dessa äventyr skulle sökas.*

3. Употребление фразеологически связанных высказываний, в которых имплицитное указание на личный агенс содержится в лексическом значении грамматического субъекта и/или предиката:

На этот раз если и не полная, то все же какая-то удача была налицо. – *Den här gången såg det ut som om man åtminstone skulle få någon lön för mödan.*

Тут прибавились новые и очень интересные данные. – *Då fick man nya och mycket intressanta upplysningar.*

Контекстуальный анализ лексико-синтаксических и стилистических аспектов выбора переводных эквивалентов выявляет как основные, так и более периферийные средства выражения неспецифицированного агенса при сохранении принципиального структурно-синтаксического различия между языками. Оно проявляется в обязательной двусоставности шведских предложений с различными местоименными способами выражения неопределенно-личного грамматического субъекта (*någon кто-то, vi мы, de они, flera некоторые*) и вариативности односоставных предложений с неопределенно-личными предикатами различной структуры в русском языке. Таким образом, двустороннее сопоставление текстов оригинала и перевода позволяет более ярко и выпукло увидеть специфику каждого языка сквозь призму другого и заметить в каждом из них семантические тонкости и нюансы, остающиеся в тени при системно-типологическом подходе.

ЛИТЕРАТУРА

Бергман И. Латерна магика // Бергман И. Исповедальные беседы / Пер. А.А. Афиногеновой. М.: РИК «Культура», 2000. С. 5–252.

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Романы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 463–768.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Изд-во «Наука», 1991. С. 41–62.

Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. М.: Учпедгиз, 1938. 591 с.

Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: АСА-DEMIА, 2004. 248 с.

Лунд К.Х. Русские конструкции с неспецифицированным субъектом действия в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их соответствия в английском и датском языках // Синхрония, диахрония, текстология: Сборник научных статей и переводов. К юбилею Е.М. Чекалиной. М.: МАКС ПРЕСС, 2016. С. 214–223.

Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: УРСС, 2001. 451 с.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: УРСС, 2011. 383 с.

Шелякин М.А. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Изд-во «Наука», 1991. С. 62–72.

Andersson L. Ur Egenmäktigt förfarande – en roman om kärlek. Отрывок из романа «Неправомерное завладение – роман о любви» / Пер. Ю. Томилиной // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 10–14.

Askestad E. Ett två tre. Раз, два, три / Пер. Ю. Григорьевой // Вдоль и поперек. Шведская проза: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011. С. 1–24.

Bergman I. Laterna magica. Stockholm: Norstedts, 1987. 337 s.

Bulgakov Michail. Mästaren och Margarita. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm: En bok för alla, 2006. 468 s.

Hultman T.G. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2008. 342 s.

Karlsson J. Syltmaska. Бутерброд с вареньем / Пер. П. Смирновой // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 129–145.

Lindström F. Köpenhamn. Швед в Копенгагене / Пер. Ю. Колесовой // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 202–213.

Lindström F. Ny stil till hösten. Новый стиль к осени / Пер. А. Шабольтас // Вдоль и поперек. Шведская проза: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011. С. 104–111.

Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm: Esselte Studium, 1973. 302 c.

REFERENCES

Andersson L. A Fragment from the Novel “Arbitrary Conduct – a Novel about Love” / Transl. by Ju. Tomilina. In: Sandwich with Jam: Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2016, pp. 10–14.

Askestad E. One, Two, Three / Transl. by Ju. Grigorjeva. In: Outside and Inside. Swedish Prose. Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2011, pp. 19–24.

Bergman I. (1987) Laterna magica. Stockholm: Norstedts Publ. 337 p.

Bergman I. (2000) Laterna magica. In: Private Conversations / Transl. by A. Afinogenova. Moscow. RIK Kultura Publ., pp. 5–252.

Bulgakov M.A. The Master and Margarita. In: Bulgakov M.A. Novels. Kishinev. Literatura Artistike Publ. 1988, pp. 463–768.

Bulgakov Michail (2006) The Master and Margarita / Transl. and Preface by Lars Erik Blomqvist. Stockholm: En bok för alla Publ. 468 p.

Bulygina T.V., Shmelev A.D. Referential, Communicative and Pragmatic Aspects of the Indefinite and Generalized Personality. In: Theory of Functional Grammar. Personality. Voice. St.-Peterburg. Nauka Publ. 1991, pp. 41–62.

Hultman T.G. (2008) The Swedish Academy Grammar. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag Publ. 342 p.

Karlsson J. Sandwich with Jam / Transl. by P. Smirnova. In: Sandwich with Jam: Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2016, pp. 129–145.

Lindström F. A Swede in Copenhagen / Transl. by Ju. Kolesova. In: Sandwich with Jam: Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2016, pp. 202–213.

Lindström F. New Style This Autumn / Transl. by A. Shaboltas. In: Outside and Inside. Swedish Prose: Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2011, pp. 104–111.

Lund K.H. The Russian Constructions with the Unspecified Agent in M.A. Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita” and Their Equivalents in English and Danish. In: Synchrony, Diachrony, Textology: Collected Articles and Translations. Festschrift in Honour of E.M. Chekalina. Moscow. MAKS Press Publ. 2016, pp. 214–223.

Paducheva E.V. Indefinite-Personal Sentence and Its Implicit Subject. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. 2012. No 1, pp. 27–41.

Peshkovsky A.M. (2001) *Russian Syntax in the Light of Science*. 8th ed. Moscow. URSS Publ. 451 p.

Plungjan V.A. (2011) *Introduction to the Semantics of Grammar: Grammar Meanings and Grammar Systems in Languages of the World*. Moscow. URSS Publ. 383 p.

Sheljakin M.A. On the Semantics of Indefinite-Personal Sentences. In: *Theory of Functional Grammar. Personality. Voice*. St.-Petersburg. Nauka Publ. 1991, pp. 62–72.

Thorell O. (1973) *The Swedish Grammar*. Stockholm. Esselte Studium Publ. 302 p.

Vinogradov V.V. (1938) *The Modern Russian Language. A Grammatical Study of Word*. 2nd ed. Moscow. Uchpedgiz Publ. 591 p.

Zelenetskij A.L. (2004) *Comparative Typology of the Main European Languages*. Moscow. Academia Publ. 248 p.

Сведения об авторе:

Елена Михайловна Чекалина,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena M. Chekalina,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

etch1@yandex.ru

М.Н. Володина (Москва, Россия)

О стихийном и системном характере терминологической номинации

Аннотация: Статья посвящена исследованию двух этапов в процессе терминологической номинации: стихийному и системному периодам терминообразования. Анализируются сущность терминологической номинации, базирующаяся на информационной природе термина, с позиции ономазиологии, а также пропозитивный характер семантики термина, основанного на дефиниции, т. е. предикация термина.

Ключевые слова: терминологическая номинация, ономазиология, семантика термина, предикация термина

М.Н. Володина (Moscow, Russia)

Spontaneous and Systemic Character of the Terminological Nomination

Abstract: The article deals with two stages of the terminological nomination: the spontaneous natural of term creation and the systematic term creation. Here are given analysis of essence of the terminological nomination based on the informative nature of term from the perspective of onomasiology and also propositive character of the semantics of the term based on the definition, that is predication of the term.

Key words: terminological nomination, onomasiology, semantics of the term, predication of the term

Если имя дано неверно, то речь не повинуется,
и дело не может быть образовано.
Если же имя дано верно, то речь повинуется,
если речь повинуется, то и дело образуется.

Конфуций

Слова древнего китайского мыслителя, взятые в качестве эпиграфа к данной статье, очень кратко и одновременно очень емко формулируют принцип «орудности» имени, подчеркивая его коммуникативно-организующую роль в жизни людей. Именованье является необходимым условием существования и развития человеческого коллектива. Именуя реальные (и нереальные) объекты окружающей действительности, человек превращает язык в своего рода «орудие», которым он постоянно пользуется в процессе физической и духовной деятельности.

Являясь важнейшим средством коммуникации и выражения мысли, язык служит инструментом постоянного, активного освоения мира человеком и превращения опыта в знание. В основе этого процесса лежит номинативная деятельность людей, которая представляет собой целостную, системно-содержательную языковую интерпретацию действительности, создание особого информационно-языкового видения мира.

Необходимость и способность именовать предметы и явления окружающего мира сопровождает человека на протяжении всей истории его существования. В настоящее время особенно актуальным является процесс номинации в области терминологии, обусловленный непрерывным ростом научно-технического знания.

Современную языковую ситуацию характеризует «информационно-терминологический взрыв», вызванный к жизни социальным заказом – потребностью в именовании (номинации) огромного числа новых понятий.

Первостепенное значение в связи с этим приобретает разработка теории терминологической номинации, направленной на исследование широкого спектра проблем, связанных с именованием специальных понятий.

Специфика терминологической номинации заключается в создании именовании особого рода – терминов, которые представляют собой один из важнейших элементов ориентации человека в окружающей действительности. Выступая в качестве активных посредников в процессе специальной коммуникации, термины способствуют постоянному развитию познавательной и преобразующей деятельности человека.

Основные принципы терминологической номинации полностью соответствуют номинации языковой.

В отечественной лингвистике языковая номинация рассматривается как опосредованный мышлением процесс обращения фактов внеязыковой действительности в языковые значения, в которых «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой»¹.

Теория языковой номинации нацелена на изучение проблем, связанных с именованием объектов окружающего мира. Если считать, что в центре внимания семиотики находится «готовое» значение слова, то «изучение закономерностей создания новых наименований, в том числе – на базе уже имеющихся в языке слов»², является предметом *ономасиологического* анализа.

Как единица номинации слово подчинено коммуникативному предназначению языка. Акт номинации смыкается с категорией деятельности вообще и языковой деятельности в частности.

У истоков ономасиологических исследований стояли представители пражской лингвистической школы³, а также немецкие лингвисты Р. Мерингер, В. Мейер-Любке и Г. Шухарт⁴. Работы последних проводились в начале прошлого века в русле особого направления «слова и вещи» (ср.: одноименный журнал «Wörter und Sachen»)⁵. Особое значение для развития ономасиологии как самостоятельной науки имели исследования Л. Вайсгербера, К. Балдингера, Ф. Дорнзайфа, Б. Квадри и др.⁶

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 134.

² Телия В.Н. Типы языковых значений. М., 1981. С. 98.

³ Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 17

⁴ Meyer-Lübke W. Aufgaben der Wortforschung. In: Germanisch-Romanische Monatschrift. 1909. № 1.

⁵ Weisgerber L. Vorschläge zur Methoden und Terminologie der Wortforschung // Indogermanische Wortforschungen. 1948. № 46.

⁶ Quadri B. Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung. Bern, 1952.

Само название науки связано с именем А. Цаунера, который в 1903 г. предложил новое ономаσιологическое направление лингвистического анализа, противопоставив его семасиологическому.

«Однако еще в конце XIX в. основания такого деления были намечены М.М. Покровским, называвшим две возможные области исследования внутри семантики, одна из которых связана с изучением закономерностей в судьбе слов, принадлежащих к общей морфологической или деривационной категории, а другая – с установлением того, как выражается в различных языках определенное понятие»¹.

Большой вклад в развитие ономаσιологии внесли представители отечественного языкознания последних десятилетий. С именами Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, В.Н. Телии, А.А. Уфимцевой, Д.Н. Шмелева и др. связана разработка гносеологических и лингвистических основ теории ономаσιологии, расширение границ и усложнение ее исследовательского аппарата.

Главный принцип, лежащий в основе номинации, заключается в том, чтобы через конкретный признак именуемого предмета выразить его обобщенный образ, т. е. от частного, субъективного перейти к общему, объективизированному.

По словам немецкого философа XVIII в. Гердера, только когда человек начал воспринимать некую конкретную вещь как признак и найденный им признак «субституировал» в «произвольный знак», появился «язык разума», который и открыл «путь ко всем наукам и искусствам». При этом ученый выделяет два ключевых понятия – *замечать и обозначать*, с которыми он связывает творческую силу человеческого разума².

Характеризуя огромную роль номинации, наш современник, немецкий лингвист В. Флейшер³, соотносит ее с основным назначением языка – быть средством человеческого общения. Эта характеристика укладывается в краткую рифмованную формулу «Без номинации нет коммуникации» («Ohne Nomination – keine Kommunikation»), что очень точно указывает на важнейший аспект номинативной деятельности.

Номинация не только процесс обозначения и коммуникации, это вместе с тем процесс познания, и от структуры именованного во многом зависит «адекватность передачи информации, выраженной в языковой форме, что в конечном итоге определяет адекватное отражение в человеческом сознании материального мира»⁴.

В этом контексте номинативная деятельность человека представляет собой процесс активного, творческого восприятия действительности, являясь основой создания субъективного образа объективного мира.

Новый предмет или явление квалифицируются по определенному признаку, выбираемому подчас достаточно произвольно, благодаря чему именование представляет собой закрепленный в конкретном языке результат субъективного подхода к обозначаемому предмету или явлению действительности.

Отмечая, что «слово не есть представитель самого предмета... но выражение нашего собственного взгляда на предмет»⁵, Вильгельм фон Гумбольдт подчеркивает абстрагирующую сущность и субъективный характер процесса номинации.

¹ Кубрякова Е.С. Ономаσιология // ЛЭС. М., 1990. С. 346.

² Herder J.G. Sämtliche Werke. Bd. 13. Berlin, 1887. S. 367).

³ Fleischer W. Aspekte der sprachlichen Benennung. Berlin, 1984. S. 5.

⁴ Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. С. 78–79.

⁵ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода // Хрестоматия по истории языкознания в XIX–XX вв. / Сост. В.А. Звегинцев М., 1956. С. 26.

Опыт многих поколений, зафиксированный и систематизированный в языке, по-своему формирует представление человека об окружающем его мире. Членение действительности, как известно, осуществляется каждым языком по-разному, так как строительным материалом мысли является конкретный язык со своей неповторимо-национальной спецификой.

Слова (или языковые знаки) – это фиксация, хранение и репродуцирование информации об окружающей действительности. Всякий языковой знак, согласно Лосеву, есть «акт понимания» той или иной «предметной информации», обусловленный восприятием человека¹, т. е. слова определенным образом интерпретируют информацию об окружающем мире.

Национально-субъективная специфика именования состоит прежде всего «в выборе образа и его лексических репрезентаций»². Вследствие этого внутренняя форма слов, выражающих тождественные понятия, выделяет разные стороны именуемых предметов или явлений, «информируя» об их разных отличительных признаках (ср.: русск. *портной*, англ. *tailor*, нем. *Schneider*).

Следовательно, выбор ведущего признака – одновременно и оценка, и интерпретация именуемого объекта, сочетающая в себе субъективные и объективные моменты, ибо выделенные признаки, послужившие основанием номинации, «поставляют», как правило, объективную информацию о соответствующем предмете или явлении.

Таким образом, языковая (а значит, и терминологическая) номинация – это определенная интерпретация именуемого предмета или явления через призму их субъективно-объективного восприятия со стороны именующего.

Рассматривая один из самых ярких аспектов проявления национального своеобразия языковой семантики – выбор признака вторичной номинации, можно увидеть общий для всех языков механизм, лежащий в основе именования. Как правило, это характеристика предметов или явлений с точки зрения свойственных им черт, составленная на основании их сравнения с другими предметами или явлениями.

Так, название электрической лампочки в немецком языке (*Glühbirne*) этимологически связано со словом «груша», а в английском (*bulb*) – со словом «луковица», но в обоих случаях предмет квалифицируется по признаку внешнего сходства с чем-то уже известным.

Часто выбор мотивирующей основы для нового понятия диктуется специфически национальными внутренними и внешними языковыми факторами, которые выступают во взаимной обусловленности. В таких случаях создаются, как правило, мотивированные термины с «живой» внутренней формой, осознаваемой носителями языка. При этом нередко для обозначения тождественных понятий в разных языках в качестве основания номинации избираются отнюдь не тождественные признаки, хотя соотносятся они обычно с наиболее существенными сторонами именуемого явления.

В таких характеристиках предметов или явлений присутствует и субъективный момент, который заключается в самом факте выбора в качестве основания номинации одной из равных по объективной значимости черт обозначаемого предмета или явления. Так, русскому термину самолет соответствует немецкий термин *Flugzeug* («летательный аппарат»), английский – *aircraft* («воздушный корабль») и французский *avion* (от лат. *avis* «птица»).

¹ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 89.

² Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. Вып. 2. С. 49.

Какой необходимый и достаточный признак, «вскрывающий физическую сущность или техническую идею терминируемого понятия в должной связи со всеми соответствующими другими понятиями»¹, будет избран в процессе создания нового термина, во многом зависит от индивидуальной воли автора, именующего то или иное открытие.

Если новый термин отвечает реальным потребностям данного общества, он получает широкое распространение и закрепляется в соответствующем языке. В этом, в частности, состоит закон диалектического единства коллективного и индивидуального в языке, когда «общность психофизиологической организации всех людей в целом, наличие общественного сознания, общности ассоциаций и т. п. создают так называемый общественный потенциал», благодаря чему «созданное отдельным индивидом может быть принято и утверждено обществом»².

Процесс формирования специальных терминологий переживает, как правило, два исторически сложившихся этапа – «стихийный» и «системный», организованно-целенаправленный. Если первый связан со становлением какой-либо терминологии, то второй – с высоким уровнем ее развития. Однако для обоих этапов характерным является тот факт, что в акте терминологической номинации получают название лишь те объекты, на которые направлена деятельность человека.

По словам В. Уэвелля³, «в первый период технические выражения образуются попутно, как они случайно представляются; напротив, во втором периоде технический язык составляется сознательно, с определенным намерением... с видами на установление системы».

Первый этап формирования терминов, определяемый в данной работе как стихийный, непосредственно связан с генетическим аспектом возникновения и развития специальной лексики. На данном этапе становления и формирования конкретных терминологий большую роль играет субъективно-национальный фактор при выборе признака терминологической номинации, определяющий «внутреннюю форму» термина.

Согласно Ю.Д. Апресяну, «семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе и т. п.», вследствие чего «складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т. д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка»⁴.

На заре развития науки и техники общее состояние научного познания было таково, что главным фактором, определяющим терминотворчество, являлось не соответствие понятия и слова, а некоторые аналогии. Когда новое явление обнаруживает нечто общее с тем, что известно из прежнего опыта, выделение этого общего осуществляется посредством языка: новые понятия формируются на базе слов, имеющихся в конкретном языке.

Обогащение знания о мире удобно и естественно фиксировать с помощью уже известных образов, закрепленных в лексических значениях слов. Поэтому чаще

¹ Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии (вопросы теории и методики). М., 1961. С. 26.

² Серебренников Б.А. Введение // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 26.

³ Цит. по: Флоренский П.А. Термин // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. М., 1994. С. 376.

⁴ Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т. 1. М., 1995. С. 55–57.

всего в качестве терминов выступали общеупотребительные слова, подвергшиеся ассоциативному переосмыслению.

Существуют разные принципы терминологического переосмысления, обусловленные разным характером ассоциативных связей. Имеется в виду, например, сходство по функции –

(нем.) <i>Arm</i> –	«рука» –	<i>рычаг, рукоятка</i>
<i>Körper</i> –	«тело» –	<i>корпус, основа</i>
<i>Mantel</i> –	«пальто» –	<i>оболочка, кожан</i>
<i>Rippe</i> –	«ребро» –	<i>каркас</i>
<i>Sohle</i> –	«подошва» –	<i>основание</i>

или сходство по форме –

(нем.) <i>Birne</i> –	«груша» –	<i>реторта</i>
<i>Glied</i> –	«член, сустав» –	<i>звено цепи</i>
<i>Kopf</i> –	«голова» –	<i>головка цилиндра</i>

Ср. также русские технические термины: *башмак, колпак, лебедка, гусеница, кошка, червяк, колено, плечо* и др.

Большое число единиц основного словарного фонда каждого национального языка, обозначающих жизненно важные для человека понятия, представляет собой неотъемлемую часть разных терминологических систем.

Однако необходимо различать слова, подвергшиеся при терминологизации семантическому переосмыслению, и слова, входящие в конкретную терминологию в своем основном значении. Так, например, медицинские термины *голова* (нем. *Kopf*), *рука* (нем. *Arm*), *нога* (нем. *Fuß*) отличаются от соответствующих общеупотребительных слов тем, что имеют дефиницию, раскрывающую наиболее существенные признаки этих специальных понятий.

При рассмотрении стихийного периода терминологической номинации обращает на себя внимание сходство термилирующих ассоциаций в разных языках, причиной чего является универсальность семантических переносов, обусловленная общечеловеческим характером мышления и изначально свойственная разным языкам (ср.: русск. *столяр* – нем. *Tischler*; русск. *подорожник* – нем. *Wegerich*; русск. *подножье горы* – нем. *Fuß eines Berges*).

Интересно отметить, что русский технический термин *лебедка* и немецкий – *Kran* по-своему очень близки, если иметь в виду термилирующую ассоциацию, лежащую в основе их образования (признак сходства по форме).

Термин *Kran* появился благодаря сходству формы между одним из видов подъемного крана и птицей *Kranich* – «журавль». Немецкий исследователь А. Ширмер, в работе которого приводится этот пример¹, обращает особое внимание на принцип «анимализации» (*Tiermetapher*), широко использовавшийся ремесленниками, создававшими свою терминологию на основе «бытовых» понятий, предоставляемых родным языком. Ср. также межъязыковое соответствие: нем. *Laufkatze* – русск. *кошка (кранная тележка)*.

Однако гораздо чаще термины (как, впрочем, именованья вообще) представляют собой закрепленные в конкретном языке результаты субъективно-национального подхода к обозначаемым предметам или явлениям действительности. Вследствие этого «внутренняя форма» слов, выражающих тождественные понятия, в

¹ Schirmer A. Die Erforschung der deutschen Sondersprachen // Fachsprachen (= Wege der Forschung 498). Darmstadt, 1981. S. 27.

разных языках выделяет разные стороны именуемого объекта. Так, немецкое слово *Tischler* (столяр) имеет синоним *Schreiner* (от нем. *Schrein* – «шкаф», «сундук»). Этот признак номинации совсем несвойственен русскому эквиваленту *столяр*. Главной причиной подобных явлений в терминологии является разная метафорика при именовании тождественных понятий в разных языках. Например, русскому термину *рукав реки* соответствует немецкий термин *Flußarm*; русск. *плечо рычага* – нем. *Hebelarm*; русск. *шляпка гвоздя* соответствует нем. *Nagelkopf*.

При этом следует подчеркнуть, что термины, относящиеся к так называемому стихийному периоду терминообразования, очень непросто «организуются» по принципу родо-видовой классификации, необходимой для каждой терминосистемы.

Целенаправленное, «системное» терминообразование представляет собой процесс вторичной номинации, которая «в своем гносеологическом исходе зиждется на свойстве понятий переходить друг в друга и формироваться на основе прежде познанного, отображая все новые признаки осваиваемой человеком действительности»¹.

Для этого, однако, необходимо четкое соответствие информативной наполненности термина его структурно-коммуникативному облику. В одном из положений Лейбница по поводу «символического языка» подчеркивается: «Следует заботиться, чтобы обозначения были удобны для открытий. Это большей частью бывает, когда обозначения коротко выражают и как бы отражают интимнейшую сущность вещей. Тогда поразительным образом сокращается работа мысли и разгружается воображение»².

По словам П. Флоренского, «удачное название (термина) опирается на годы внимательнейшего взглядывания, на познание тесно сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка»³.

На втором «организованно-целенаправленном» этапе терминообразования внутренняя форма слов-терминов создается, как правило, посредством сугубо специализированных национальных и интернациональных языковых средств, обладающих ярко выраженным информативным характером. Здесь термин рассматривается как «объект искусственного регулирования».

Так, сложные слова-термины, образованные из греко-латинских морфем, отличаются информативностью особого рода, связанная с их интернациональной спецификой.

Ярко выраженный агглютинативный характер древнегреческих и латинских элементов, их способность выступать в различных комбинациях для выражения специального понятия, делает этот способ терминологической номинации наиболее перспективным. Существует традиция международного использования названных морфем при формировании новых понятий. Ср., например, терминологические элементы типа -лог, -логия, -скоп, -скопия, -фон, -фония, а также радио-, теле-, видео- и др., с помощью которых образуются информативные, предсказуемые по своему значению термины.

По словам В.Н. Даниленко, эти термины «не вызывают ложных ассоциаций, так как не мотивируют терминологические наименования, а расшифровывают именуемые понятия посредством значения составляющих терминологических элементов»⁴. Ведь «расшифровку» таких терминов, как *филология*, *геология*, *биология*, можно

¹ Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977. С. 168.

² Цит. по: Успехи математических наук. 1948. Т. 3. Вып. 1. С. 155–156.

³ Флоренский П.А. Термин. С. 369–371.

⁴ Даниленко В.Н. Русская терминология. М., 1977. С. 35.

представить в форме первоначальных словосочетаний типа «наука о слове», «наука о земле», «наука о живой природе».

Применительно к данному периоду терминообразования представляется целесообразным говорить о так называемом «дефиниционном» способе терминологической номинации, который носит интернациональный характер и основывается на предикации.

В этом контексте особенно важным представляется рассмотрение семантики термина под углом зрения пропозиции.

Впервые подобная мысль была высказана П. Флоренским, по мнению которого термин «должен быть соотносительным с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в него свитым... Название термина – сжатая в одно слово, простое или сложное, формула изучаемой вещи». Согласно Флоренскому, любое слово, «понимаемое узко», необходимо рассматривать «как свившееся в комок предложение и даже целую речь»¹.

Это положение Флоренского пересекается с характеристикой понятия у А.А. Потебни: «Понятие, рассматриваемое психологически, т. е. не с одной только стороны своего содержания, как в логике, но и со стороны формы своего появления в действительности, одним словом – как деятельность, есть известное количество суждений, следовательно, не один акт мысли, а целый ряд их»².

Формирование понятий, таким образом, определяется как мыслительно-языковая деятельность, осуществляемая с помощью целого ряда суждений или высказываний, оформленных в виде предложений.

Понятие как бы вбирает в себя суждение и содержит его в свернутом виде, что принципиально важно для термина, назначение которого – по возможности кратко и точно выразить специальные понятия.

По словам А. Пуанкаре³, «чтобы хорошо разглядеть проблему, надо взять на себя труд хотя бы высказать ее». И далее: «вся творческая деятельность ученого по отношению к факту исчерпывается высказыванием, которым он выражает этот факт»⁴. Согласно Р. Геккелю, «термин есть речение, обозначающее сущность вещи».

Являясь языковым выражением специального понятия, отображающим важнейшие его признаки, термин фокусирует в краткой языковой форме «семантический инвариант» или «семантическое ядро» соответствующего предложения-высказывания (т. е. его пропозицию).

Налицо определенная языковая интерпретация мыслительного процесса, связанная с «конденсацией» предложения, не меняющей сущности передаваемой терминологической информации.

Определение предикатной номинации текста Н.Д. Арутюновой⁵ очень хорошо «накладывается» на наше представление о специфике терминологической номинации: «Предикатная номинация, или собственно обозначение, представляет собой творческий процесс проникновения в суть конкретного явления, его познания... Именно в сфере предикатных номинаций, фиксирующих знания человека о мире, возникают, интегрируются и дифференцируются значения, обогащается и расширяется система наших понятий, и, в конечном счете, наших знаний».

¹ Флоренский П.А. Термин. С. 369–371.

² Потебня А.А. Мысль и язык. Т. 1. Харьков, 1926. С. 125.

³ Пуанкаре А. Наука и метод // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований. М., 1995. С. 97.

⁴ Пуанкаре А. Ценность науки. С. 94.

⁵ Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. (Виды наименований). М., 1977. С. 332.

Конденсируя информацию, термин обретает «профессиональную» память. Объективное содержание термина, являющегося собой своеобразную «запись» научно-технического знания, характеризуется тем, что оно дается как смысл или значение специального выражения, которое представляет не только объект познания, но и мыслительный процесс, связанный с его познанием.

Этот мыслительный процесс фиксируется дефиницией, содержащей конкретное определение терминируемого объекта. Определение, представляющееся автору (или авторам) соответствующего термина наиболее адекватным, выражается сначала суждением о терминируемом предмете или явлении, затем (нередко) – раздельнооформленным словосочетанием и после этого стягивается в цельнооформленную лексическую единицу.

Превращение развернутого синтаксического целого в единое именование, как известно, называется *номинализацией*. Словообразовательные процессы, базирующиеся на данном явлении, Е.С. Кубрякова¹ характеризует как *дефиниционное словообразование*, или *словообразование на синтаксической основе*.

Н.И. Филичева в одной из своих работ² отмечает семантическую изофункциональность словосочетаний и сложных слов в немецком языке.

На принципе предикации основывается, как правило, образование терминов-понятий, для которых поиск «своего пространства внутри познания» связан с необходимостью перехода от ложного к истинному, что достигается лишь в процессе мышления с помощью целой серии суждений, раскрывающих сущность терминируемого понятия.

Так, процесс формирования термина телевидение можно представить следующим образом:

1. передача и прием изображений на расстояние при помощи электричества;
2. видение на расстоянии (при помощи электричества);
3. видение на расстоянии;
4. дальновидение;
5. телевидение³.

В данном случае имеется в виду создание специального термина для выражения нового научно-технического понятия, что позволяет говорить о первичном кодировании соответствующей терминологической информации.

Достаточно часто, однако, в функции термина выступают слова конкретного языка, терминологическая информация которых выражается не с помощью ассоциации, ведущей к переносу значения этих общеупотребительных слов, а с помощью соответствующей дефиниции.

Ср.:

русск. *вес* (нем. *Gewicht*) – сила, с которой тело действует на опору, препятствующую ее свободному падению;

русск. *луч* (нем. *Strahl*) – линия, вдоль которой распространяется энергия излучения в приближении геометрической оптики и звуковая энергия в приближении геометрической акустики.

¹ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М., 1981. С. 26.

² Filičeva N.I. Zur semantischen Isofunktionalität von Wortverbindungen und Komposita im Deutschen // Deutsch als Fremdsprache. 1992. Heft 2. S. 84–90.

³ Подробнее об этом см.: Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М., 1993.

Раскрывая через дефиницию наиболее существенные признаки специальных в своей области понятий, такие слова-термины кодируют информацию дважды: в первый раз с их помощью кодируется общезыковая информация, а во второй – терминологическая.

В обоих случаях конденсируемая в термине информация расшифровывается (декодируется) дефиницией, которая рассматривается как научное определение, «метаязыковое высказывание» (Р. Якобсон) или «объяснение понятий» (П. Флоренский), и базируется на предикации.

Установление системы в терминологии предполагает, прежде всего, иерархическую родо-видовую классификацию понятий конкретной отрасли научно-технических знаний, выраженных соответствующими терминами.

В настоящее время существует мнение, что основное отличие общеупотребительной лексики от терминологической состоит именно в особой системной организации последней. Термин, закрепленный за специальным понятием, занимает определенное место в системе и имеет смысл только как член конкретной системы. С этим в очень большой степени связана его информативность.

Термин должен найти «подобающее» место в определенной понятийной системе, чтобы стать посредником-медиатором, оптимизирующим процесс человеческой деятельности.

Как Периодический закон химических элементов Менделеева, основанный на последовательном чередовании основных свойств этих элементов, обусловил развитие периодической системы, так «правильно ориентирующий» термин, занимающий свое, именно ему предназначенное место в конкретной понятийно-терминологической системе, может превратиться в инструмент познания, способствующий дальнейшему развитию данной научно-технической системы.

Информативная наполненность и целевая установка отдельных терминов непосредственно связана с логической последовательностью и классификационно-категориальным характером понятийно-терминологических комплексов, составной частью которых эти термины являются.

Ср., например, немецкие терминообразующие микрокомплексы из области радиоэлектроники:

Funk – funken – Funken – Funker;

Bildfunk – Fernsehfunke – Horchfunk – Hörfunk – Rundfunk – Sprechfunk;

Sprechfunk – Fernsprechfunk.

hören – Hören – Hörer;

hörbar – Hörbarkeit;

Hörbarkeitsbereich – Hörbarkeitsfaktor – Hörbarkeitsgebiet –

Hörbarkeitsgrad – Hörbarkeitsgrenze – Hörbarkeitsmesser –

Hörbarkeitsmesser – Hörbarkeitsschwelle – Hörbarkeitszone.

Kode – Koder;

kodieren – Kodierer – Kodierung;

kodifizieren – Kodifizierung.

В данной работе принимается определение, согласно которому «терминология конкретной научной области – это не просто совокупность (список) терминов, а семиологическая система, т. е. выражение определенной системы понятий, в свою очередь отражающей определенное научное мировоззрение»¹.

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 467.

В этом контексте конкретные терминологии представляют собой систему знаковых средств особого рода, которая функционирует в специальной сфере и направляет творческую деятельность людей.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Избр. тр. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. VIII, 472 с.

Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. (Виды наименований). М., 1977. С. 304–357.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–189.

Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М., 1993. 111, [1] с.

Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997. 179, [1] с.

Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977. 245 с.

Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976. 308 с.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 175 с.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. М., 1981. 200 с.

Левковская К.А. Теория слова. М., 1962. 300 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 129–140.

Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. 656 с.

Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии (вопросы теории и методики). М., 1961. 160 с.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. 597 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. Т. 1. Государственное издательство Украины, 1926. XXXII, 207 с.

Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996. 126 с.

Серебрянников Б.А. Язык как общественное явление // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. 1977. С. 417–450.

Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. 296 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981. 361 с.

Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т. 1: Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. М., 1994. 408 с.

Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. Т. 2: Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. М., 1995. М., 1995. 333, [1] с.

Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 17.

Телия В.Н. Типы языковых значений. М., 1981. 269 с.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968. 287 с.

Филичева Н.И. История немецкого языка. М., 1959. 280 с.

Хрестоматия по истории языкознания в XIX–XX вв. / Сост. В.А. Звегинцев. М., 1956. 458 с.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.

Языковая номинация. (Виды наименований). М., 1977. 359 с.

Языковая номинация. (Общие вопросы). М., 1977. 357 с.

REFERENCES

Apresyan Yu.D. Selected Works. Vol. 1: Lexical Semantics (Synonymous Means of Language). 2nd ed. Moscow. 1995. VIII, 472 p.

Arutyunova N.D. Nomination and Text. In: Language Nomination. (Types of Nomination). Moscow. 1977, pp. 304–357.

Chrestomathy on the History of Linguistics in the 19–20-ies / Comp. by V.A. Zvegintsev. Moscow. 1956. 458 p.

Danilenko V.P. (1977) Russian Terminology. Experience of Linguistic Description. Moscow. 245 p.

General Linguistics. Forms of Existence, Functions, History of the Language. Moscow. 1970. 597 p.

Felber H. (1993) Allgemeine Terminologielehre und Wissenstechnik. 2. Aufl. IITF-Series 1. Wien. TermNet. V, 130 p.: ill.

Filičeva N.I. Zur semantischen Isofunktionalität von Wortverbindungen und Kompositum im Deutschen. *Deutsch als Fremdsprache*. 1992. Heft 2. S. 84–90.

Filicheva N.I. (1959) History of the German Language. Moscow. 280 p.

Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig. Niemeyer Verlag 1971. 326 S.

Herder J.G. Sämtliche Werke / Hrsg. von B. Suphan. Berlin. 1877–1913.

Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Forum für Fachsprachenforschung. Band 1. Tübingen. 1985. 307 S.

Humboldt W. v. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihrem Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Im: Gesammelte Schriften / Hrsg. Albert Leitzmann. Bd. VII. Berlin; Leipzig. 1907.

Kolshansky G.V. (1984) Communicative Function and Structure of the Language. Moscow. 175 p.

Kubryakova E.S. (1981) Types of the Language Meanings. Moscow. 200 p.

Language Nomination. (Types of Nominations) Moscow. 1977. 359 p.

Language Nomination. (General Questions). Moscow. 1977. 357 p.

Leontyev A.N. Acts and Consciousness. *Voprosy Filosofii*. 1972. No 12, pp. 129–140.

Levkovskaya K.A. (1962) The Theory of the word. Moscow. 300 p.

Losev A.F. (1990) Philosophy of the Name. Moscow. 656 p.

Lotte D.S. (1961) Fundamentals of the Construction of Scientific and Technical Terminology (Questions of Theory and Methodology). Moscow. 160 p.

Nomination Methods in the Contemporary Russian. Moscow. 1982. 296 p.

Potebnya A.A. Thought and Language. Vol. 1. Gosudarstvennoe Izdatelstvo Ukrainy. 1926. XXXII, 207 p.

Prokhorova V.N. (1996) Russian Terminology (Lexical and Semantic Formations). Moscow. 126 p. Vinogradov V.V. The Main Types of Lexical Meanings of a Word. In: Vinogradov V.V. Selected Works. Lexicology and Lexicography. Moscow. 1977, pp. 162–189.

- Quadri B. (1952) Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung. Bern. 271 S.
- Schirmer A. Die Erforschung der deutschen Sondersprachen. *Fachsprachen*. (=Wege der Forschung 498). Darmstadt, 1981. S. 15–37.
- Serebrennikov B.A. Language as a Social Phenomenon. In: General Linguistics. Forms of Existence, Functions, History of the Language. Moscow. 1970, pp. 417–450.
- Shmelev D.N. (1977) The Contemporary Russian Language. Lexics. Moscow. 335 p.
- Stepanov Yu.S. (1981) Names. Predicates. Sentences. Moscow. 361 p.
- Tatarinov V.A. History of Russian Terminology: In 3 vols. Vol. 1: Classics of Terminology: Essays and Chrestomathy. Moscow. 1994. 408 p.
- Tatarinov V.A. History of Russian Terminology: In 3 vols. Vol. 2: Trends and Methods of Terminological Research: Essays and Chrestomathy. Moscow. 1995. 333, [1] p.
- Teliya V.N. (1981) Types of Language Meanings. Moscow. 269 p.
- Theses of the Prague Linguistic Circle. In: the Prague Linguistic Circle. Moscow. 1967. P. 17.
- Ufimtseva A.A. (1968) A Word in the Lexico-Semantic System of Language Moscow. 287 p.
- Volodina M.N. Fachsprachen und Terminologieforschung aus kognitiver Sicht. Im: Vielfalt und Einheit der Germanistik weltweit. Band 18. Fachsprachen in Theorie und Praxis. Frankfurt am Main; Berlin; Bern usw. Peter Lang-Verlag. 2013. S. 37–41.
- Volodina M.N. (1993) National and International in the Process of Terminology Nomination. Moscow. 111, [1] p.
- Volodina M.N. (1997) Theory of Terminological Nomination. Moscow. 179, [1] p.
- Volodina M.N. Über den internationalen Charakter terminologischer Nomination. Im: Beiträge zur Terminologie und Wissenschaft. Internationales Institut für Terminologieforschung: IITF-Series 7. Wien. TermNet. 1997. S. 87–94.
- Volodina M.N. Zur Geschichte der Nomination von Massenmedien im Deutschen. Im: Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. Heft 4/1996. 24. Jahrgang. Berlin. Erich Schmidt Verlag. S. 359–365.
- Wüster E. (1991) Einführung in die allgemeine Terminologielehre. Bonn. XXI, 239 p.; ill.
- Zvegintsev V.A. (1976) The Sentence and Its Relation to Language and Speech. Moscow. 308 p.

Сведения об авторе:

Майя Никитична Володина,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maya N. Volodina,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
volodina@philol.msu.ru

И.В. Ружницкий (Москва, Россия)

«Смех» Достоевского глазами лексикографа¹

Аннотация: Смех, комическое занимает центральное место в творчестве Достоевского, о чем говорит употребление самого слова ‘смех’, а также близких к нему по значению лексических единиц. Задача, решаемая в статье, – показать основные особенности этой лексемы, отраженные в словарной статье Словаря языка Достоевского, предполагающей многопараметровое лексикографическое представление идиоглоссы, ключевых для авторского идиостиля лексем. Расширяется перечень ситуаций смеха в текстах Достоевского, предложенный Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом, например, говорится о том, что интенцией смеха может служить желание скрыть отрицание персонажем каких-либо моральных норм, выделяется также компенсаторная функция смеха и др. Наибольшее внимание в статье уделяется анализу атрибутивных сочетаний слова ‘смех’, а также его нестандартного употребления. Наблюдения показывают, что «болезненный смех» встречается в основном в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», наиболее известных и часто цитируемых произведениях Достоевского, что, возможно, послужило причиной обращения внимания ученых именно на такой смех. Круг определений «смеха радостного» намного шире. Делается вывод о том, что языковую личность Достоевского определяет в первую очередь *Homo Ridens*, «человек смеющийся».

Ключевые слова: *Homo Ridens*, Словарь языка Достоевского, тезаурус, идиоглосса, комическое, ситуации смеха, типы смеха

I.V. Ruzhitskiy (Moscow, Russia)

The Lexicographer’s View on Dostoevsky’s “Laugh”

Abstract: Comic takes a central place in Dostoevsky’s prose, with *laugh* and *laugh*-related words being in regular use. The article seeks to show semantic and syntactic properties of the lexeme and its occurrences in Dostoevsky’s stories and novels. This is done with the help of the Dictionary of Dostoevsky’s Language which introduces key words in the writer’s oeuvre. It is claimed that laugh serves to make up for something a character lacks, or it may withhold someone’s immorality. Special emphasis is laid on irregular

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанных РФФИ научных проектов (грант № 15-04-00135).

uses of *laugh* and the attributive function of the word. Research pinpoints so-called unhealthy *laugh*, encountered in *Crime and Punishment*, *The Gambler*, and the *Brothers Karamazov*, most popular and most-cited Dostoevsky's novels, which helps to understand why researchers highlighted it. Laughing for joy is no less frequent, however. The article concludes that Dostoevsky's prime image is *Homo Ridens*, a person who laughs.

Key words: *Homo Ridens*, Dostoevsky's Language Dictionary, thesaurus, idioglossa, comical, situations of laugh, types of laugh

Ф.М. Достоевского сложно представить человеком смеющимся, чему, конечно, есть вполне конкретные причины: ранняя смерть матери, гибель отца, каторга, постоянная нужда... До 1864 г. Достоевский все-таки еще смеялся, смеялся он даже первые годы после каторги. П.И. Вейнберг так вспоминает об игре Достоевского в любительском спектакле «Ревизор»: «Я думаю, что никто из знавших Федора Михайловича в последние годы его жизни не может себе представить его комиком, притом комиком тонким, умеющим вызывать чисто гоголевский смех; а между тем, это было действительно так, и Достоевский-Щепкин был за немногими неважными исключениями безукоризнен...» (цит. по: [Летопись 1993: 291]). После 1864 г. Достоевский остался в памяти современников, о чем говорят многочисленные мемуары, как человек скорее *не-смеющийся*, мрачный, нелюдимый и т. п. Не каторга, но именно 1864 г. стал во многих отношениях для писателя переломным: смерть первой жены и любимого брата, участвовавшие припадки эпилепсии, проблемы с журналом «Эпоха», очень непростые, надрывные отношения с Ап. Сусловой и т. д. Как итог – практически полное одиночество. Вместе с тем именно смех, комическое занимает центральное место в творчестве Достоевского начиная с самых первых его произведений и до конца жизни, до «Братьев Карамазовых», о чем, в частности, говорит употребление писателем самого слова *смех*, а также близких к нему по значению лексических единиц.

Герои Достоевского смеются чаще и больше, чем, например, персонажи Тургенева, Толстого или Лескова. Именно это, по всей видимости, дало основание Томасу Манну говорить о Достоевском как о «великом юмористе», о том, что творчество писателя проникнуто «необузданной стихией комического» (цит. по: [Назирова 1982: 117]), чему, казалось бы, трудно поверить, учитывая то количество смертей, убийств и самоубийств, болезней, надрывов и т. д., которые мы встречаем в его произведениях. В «Бесах» всего 39 персонажей – и треть из них погибает, в «Братьях Карамазовых», по подсчетам Л.И. Сараскиной, 43 смерти (см. [Сараскина: URL]). Какой же тут смех? И – главное – для чего смех?

Смех, специфический юмор Достоевского, роль и особенности комического в его произведениях исследовались с самых разных позиций, в основном философских и литературоведческих. М.М. Бахтин, исследуя творчество Рабле и Достоевского, создает целую концепцию смеха, где смех «агрессивен, монструозен, анархичен», он разрушает старое, способствуя тем самым обновлению жизни (см. [Кунильский 2007]). У Бахтина смех – это приближение к телесности, однако ученый ничего не говорил о смехе сочувствующем (князя Мышкина или, например, генерала Иволгина). Л.В. Карасёв рассматривал проблему смеха у Достоевского в философско-психологическом плане, выделяя две его разновидности: смех комического характера и смех злой, «бесовский» (см. [Карасёв 1996]). Достоевскому, на его взгляд, в подавляющем большинстве случаев присущ именно второй смех,

издевательско-бесовский, что, как мы полагаем, совершенно неверно, если говорить о всем корпусе текстов писателя.

Наша задача намного скромнее – показать основные особенности лексемы *смех*, отраженные в Словаре языка Достоевского, предполагающем многопараметровое лексикографическое представление идиоглосс, ключевых для авторского идиостиля лексем без каких-либо глобальных философских или литературоведчески-интерпретационных обобщений.

Ключевая роль смеха у Достоевского была отмечена Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом в статье *Homo Ridens* 1996 г. (см. [Караулов, Гинзбург 1996]). Проведенный лингвистический анализ текстов романов «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы» позволил выделить шесть разных «ситуаций смеха» у Достоевского/

1. Смех как звучание, смех как таковой, без дополнительных его характеристик и свойств:

Князь взял извозчика и отправился на Пески. В одной из Рождественских улиц он скоро отыскал один небольшой деревянный домик. К удивлению его, этот домик оказался красивым на вид, чистеньким, содержащимся в большом порядке, с палисадником, в котором росли цветы. Окна на улицу были открыты, и из них слышался резкий непрерывный говор, почти крик, точно кто-нибудь читал вслух или даже говорил речь; голос прерывался изредка **смехом** нескольких звонких голосов (Идиот).

2. Смех детский, т. е. смех от избытка радости, ощущения здоровья и жизни, как бы беспричинный (такой смех является в первую очередь характеристикой князя Мышкина):

Наконец Шнейдер мне высказал одну очень странную свою мысль, – это уж было пред самым моим отъездом, – он сказал мне, что он вполне убедился, что я сам совершенный ребенок, то есть вполне ребенок, что я только ростом и лицом похож на взрослого, но что развитием, душой, характером и, может быть, даже умом я не взрослый, и так и останусь, хотя бы я до шестидесяти лет прожил. Я очень смеялся: он, конечно, не прав, потому что какой же я маленький? Но одно только правда, я и в самом деле не люблю быть со взрослыми, с людьми, с большими, – и это я давно заметил, – не люблю, потому что не умею. Что бы они ни говорили со мной, как бы добры ко мне ни были, все-таки с ними мне всегда тяжело почему-то, и я ужасно рад, когда могу уйти поскорее к товарищам, а товарищи мои всегда были дети, но не потому, что я сам был ребенок, а потому, что меня просто тянуло к детям. Когда я, еще в начале моего житья в деревне, – вот когда я уходил тосковать один в горы, – когда я, бродя один, стал встречать иногда, особенно в полдень, когда выпускали из школы, всю эту ватагу, шумную, бегущую с их мешочками и грифельными досками, с криком, со **смехом**, с играми, то вся душа моя начинала вдруг стремиться к ним. Не знаю, но я стал ощущать какое-то чрезвычайно сильное и счастливое ощущение при каждой встрече с ними. Я останавливался и смеялся от счастья, глядя на их маленькие, мелькающие и вечно бегущие ножки, на мальчиков и девочек, бегущих вместе, на **смех** и слезы (потому что многие уже успевали подражаться, расплакаться, опять помириться и поиграть, покамест из школы до дому добежали), и я забывал тогда всю мою тоску (Идиот).

Отметим, что самое первое употребление существительного *смех* Достоевским именно в сочетании с прилагательным *детский*:

[Добросёлова] С виду он [молодой Покровский] был такой странный; так неловко ходил, так неловко раскланивался, так чудно говорил, что я сначала на него без **смеху** и смотреть не могла. Саша беспрерывно над ним проказничала, особенно когда он нам уроки давал (Бедные люди).

Такой же смех у Мечтателя в «Белых ночах», у Саши в повести «Село Степанчиково и его обитатели» и др.

3. Смех над комическим, смех юмористического характера, когда смеются вестлой и беззлобной шутке, анекдоту, неожиданной игре слов или комичной ситуации (т. е. смех как реакция на смешное, на то, что своей интенцией имеет вызывание смеха):

Говоря это, он приблизился к Аглае. Она отняла платок, которым закрывала лицо, быстро взглянула на него и на всю его испуганную фигуру, сообразила его слова и вдруг разразилась хохотом прямо ему в глаза, – таким вестлым и неудержимым хохотом, таким смешным и насмешливым хохотом, что Аделаида первая не выдержала, особенно когда тоже поглядела на князя, бросилась к сестре, обняла её и захохотала таким же неудержимым, школьнически вестлым смехом, как и та. Глядя на них, вдруг стал улыбаться и князь <...> (Идиот).

Данный контекст интересен также насыщенностью лексем, входящих в семантическое поле СМЕХ: *смех, смеяться, хохот, хохотать, смешной, насмешливый, насмехаться, насмешка, усмешка, улыбаться, улыбка* и т. п.

4. Смех неверия тому, что говорит собеседник, неприятия всерьёз его утверждения:

[Ставрогин] Переменили тактику? | – Тактики нет. Теперь во всем ваша полная воля, то есть хотите сказать *да*, а хотите – скажете *нет*. Вот моя новая тактика. А о *нашем* деле не заикнусь до тех самых пор, пока сами не прикажете. Вы смеетесь? На здоровье; я и сам смеюсь. Но я теперь серьезно, серьезно, серьезно, хотя тот, кто так торопится, конечно, бездарен, не правда ли? Всё равно, пусть бездарен, а я серьезно, серьезно (Бесы).

В таких контекстах присутствует номинация смеха, но нет самого смеха, есть отрицание какого-либо утверждения, неверие чему-л.:

[Генерал] Наш бесценный Прохорыч там не на месте и, кажется, к утру его палатку снесут. Впрочем, смеюсь. Я только жду, какая это будет «кадриль ли-те-ра-туры», а там в постель. Простите старого подагрика, я ложусь рано, да и вам бы советовал ехать «спатиньки», как говорят *aux enfants* (Бесы).

5. Смех-издевка; этот смех мы, конечно, не найдем ни у Вареньки Добросёловой, ни у Сонечки Мармеладовой, ни у князя Мышкина, ни у старца Зосимы или Алешки Карамазова. Собственно говоря, эти персонажи Достоевского и не шутят, даже не пытаются шутить, тем не менее они могут быть радостны и веселы.

– Нет-с, позвольте-с, так нельзя-с! – закричал Лебедев, вскакивая и махая руками, как будто желая остановить начинавшийся всеобщий **смех**, – позвольте-с! С этими господами... эти все господа, – обернулся он вдруг к князю, – ведь это, в известных пунктах, вот что-с... – и он без церемонии постучал два раза по столу, отчего **смех** еще более усилился (Идиот).

Смех-издевка, смех-насмешка чаще встречается в публицистике:

Явилась потом смеющаяся маска Гоголя, с страшным могуществом **смеха**, – с могуществом, не выразившимся так сильно еще никогда, ни в ком, нигде, ни в чьей литературе с тех пор, как создалась земля. И вот после этого **смеха** Гоголь умирает пред нами, уморив себя сам, в бессилии создать и в точности определить себе идеал, над которым бы он мог не смеяться; Это глумление чрезвычайно ловко и выгодно для всех «умеющих разрешать загадку жизни». Они имеют влияние даже на честнейших людей, незнакомых с делом, отбивая у них своими клеветами и **смехом** даже и охоту с ним знакомиться. К этому способу обыкновенно прибегал Фаддей Булгарин с компаниею.

6. Смех патологический, болезненный, смех человека, впавшего в истерию или близкого к помешательству; смех измененного или раздвоенного сознания:

[Ипполит] Имею честь просить вас ко мне на погребение, если только удостоите такой чести, и... всех, господа, вслед за генералом!.. Он опять **засмеялся**; но это был уже **смех** безумного. Лизавета Прокофьевна испуганно двинулась к нему и схватила его за руку. Он смотрел на нее пристально, с тем же **смехом**, но который уже не продолжался, а как бы остановился и застыл на его лице (Идиот).

Отметим, что эти шесть ситуаций смеха, а точнее было бы говорить о функциях смеха, или его интенциях, которые мы встречаем у Достоевского, следует расширить. Так, смех персонажей – демонических злодеев Достоевского (Валковский, Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов), а также персонажей-шутов (Фома Фомич, Ежевикин, Фердыщенко, капитан Лебядкин, Ф.П. Карамазов, отчасти Порфирий Петрович и Лебедев) может предполагать другие интенции, например желание скрыть отрицание персонажем любых моральных норм: «Да, я подлец, но это как бы и не всерьез». То есть смех в данном случае является своеобразной маской. Таких персонажей мы находим практически в любом крупном произведении Достоевского, начиная с романа «Униженные и оскорбленные».

Нельзя также забывать и об известной компенсаторной функции смеха (т. е. смех как своеобразная разрядка, реакция, наступающая после сильного психологического напряжения), проявление которой мы нередко встречаем в произведениях Достоевского (наиболее ярко – в «Преступлении и наказании», где постоянный страх Раскольникова часто сопровождается его смехом). Такой смех впоследствии стал предметом изучения психоаналитиков. И смех шутов – это не только желание рассмешить, но и стремление в, казалось бы, несерьезном высказать что-то важное. Есть еще и такая функция смеха, о которой говорил сам Достоевский, обрисовывая в своих заметках образ Порфирия Петровича, как «раздражить», – вывести из себя Раскольникова, чтобы тот проговорился в совершенном преступлении.

Приведем некоторые наблюдения, сделанные в ходе лексикографического описания слова смех. Прежде всего отметим довольно высокую частоту употребления: СМЕХ <519:444,67,8,->¹, СМЕЯТЬСЯ <1208:984,176,48,->. Относительная частота употребления глагола *смеяться* Достоевским существенно превышает его частоту употребления в текстах других значимых авторов XIX в.

В словарной статье Словаря языка Достоевского есть зона комментария, в которой фиксируются подчинительные связи описываемого слова. Первое, что обращает на себя внимание, – это разнообразие определений существительного *смех*, которые мы встречаем у Достоевского и которые позволяют отнести смех к той или иной ситуации из описанных выше, хотя сами эти функции смеха могут и пересекаться. Некоторые определения, очевидно, «заимствованы» Достоевским, например, *короткий деревянный смех* Д. Карамазова (2 раза + 1 раз *отрывистый деревянный смех* у него же). *Короткий деревянный смех* дважды встречается у Тургенева – в «Отцах и детях» и в «Дыме», произведениях, хорошо известных Достоевскому и написанных до «Братьев Карамазовых».

Повторы используемых Достоевским определений смеха очень редки (даже повторяющийся деревянный смех относится лишь к одному персонажу). Из повторяющихся определений отметим уже упомянутый выше детский, а также:

¹ Первой цифрой обозначается общая частота употребления слова в Полном собрании произведений Достоевского [Достоевский 1972–1990], затем после двоеточия следует частота употребления в художественной прозе, в публицистике, в личных письмах и в деловой корреспонденции (*смех* и *смеяться* в деловых письмах не встречаются).

веселый (4) веселый, молодой, беззаветный (1) визгливый (2) всеобщий (7) громкий (6) звонкий (3) звонкий, веселый (1) звонкий, здоровый, раскатистый (1) знакомый (2) истерический (1) истерический и беспредметный (1) маленький (1) маленький какой-то (1) милый (2) милый, дружественный, ласкающий (1) недавний (1) недавний, частый, насмешливый (1) нервический (2) нервный (1) нервный, болезненный (1) нервный длинный (1) нервный, истерический (1) нервный, мелкий, неслышный, долгий (1) нервный, неслышный (1) нервный, продолжительный (1) неслышный (1) неслышный, мелкий, нервический (1) неудержимый (1) неудержимый, школьнически веселый (1) общий (4) презрительный (2) самый веселый (1) самый веселый, беззаботный (1) самый веселый и ясный (1) самый веселый, самый неудержимый (1) самый простодушный (1) самый простодушный, самый детски-веселый (1) сверкающий (1) сверкающий, искрометный (2) светлый (2) светлый, свежий (1) самый неудержимый (2) самый неудержимый, самый детски веселый (1) самый неудержимый, самый неподдельный (1) самый откровенный (1) странный (2).

Частое использование определений *истерический*, *нервный* и т. п. (*нервный смех* у Достоевского употребляется примерно столько же раз, сколько и *нервный припадок*) характерно для писателя, однако *смех детский* и *веселый* и 'смех как таковой' явно преобладает.

Из единичных определений к такому патологическому смеху относятся следующие:

безумный, болезненно-нервический, длинный, нервный, сотрясающийся и неслышный, искривленный, какой-то неслышный длинный, нервозный и сотрясающийся, прерываемый рыданиями, припадочный, совершенно припадочный.

Этот смех отражают также другие подчинительные связи, например:

смех безумного (Идиот); **смех** превратился в нестерпимый кашель (Преступление и наказание); смеха припадок (Идиот); **после смеха** стать угрюмой, брюзгливой и раздражительной (Идиот); умирать (Публицистика); **после смеху** закатиться кашлем (Преступление и наказание); **при смехе** повеситься (Дневник писателя).

Такой болезненный смех встречается в основном в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», произведениях, наиболее известных и наиболее часто цитируемых. Это, возможно, и послужило причиной того, что именно на такой смех в первую очередь обращают внимание (или потому, что на этот смех хочется обратить внимание). Тем не менее круг единичных определенных смеха 'радостного' намного шире:

в высшей степени простодушный, не развратный, здоровый, хотя и грубоватый, – совсем не такой, каким смеются иные размазыватели в нашем обществе или в нашей литературе (Дневник писателя); добрый (Идиот); здоровый (Бесы); не громкий, но залихватый, длинный, счастливый (Бесы); не злобный, а добрый (Братья Карамазовы); почти детский (Идиот); простодушный и веселый (Униженные и оскорбленные); радостный (Идиот); развеселый (Идиот); совершенно невинный, простой, беззаботный, ребяческий (Публицистика).

Зафиксированные в словарной статье подчинительные связи слова *смех* показывают и такую особенность идиостиля Достоевского, как частое использование тавтологических сочетаний *смеяться / рассмеяться / захохотать / расхохотаться* и т. п. **смехом**, в общей сложности их около 30, причем такие сочетания встречаются во всех периодах творчества писателя и во всех жанрах, это своеобразная константа идиостиля Достоевского.

Скажем несколько слов о других наиболее интересных особенностях употребления слова *смех* у Достоевского, позволяющих реконструировать соответствующее текстовое ассоциативное поле.

Отмеченные в зоне сочинительных связей комментария словарной статьи сочетания:

– с положительной коннотацией:

смех и веселье (Хозяйка); **смех** и веселость (Записки из Мёртвого дома); встретить и **смехом**, и весельем (Идиот); с самою детскою доверчивостью и еще со **смехом**, дрожавшим на губах (Идиот); всеобщее веселье, **смех** и резвый говор (Бесы); с их светлым **смехом** и светлыми глазками (Подросток); здоровый **смех** и веселую шутку (Бесы); с тем **смехом** и радостью (Дневник писателя);

– с отрицательной коннотацией:

грусть и **смех** (Бедные люди); **смех** и горе (Роман в письмах); навлек <...> злобу и **смех** (Неточка Незванова); **смех**, ругательства и тюканье (Записки из Мертвого дома); раздался **смех** и даже ругательства (Преступление и наказание); раздались прежний **смех** и ругательства (Преступление и наказание).

То есть примерно такое же количество, как и сочетаний с положительной коннотацией.

В примечаниях к этой зоне словарной статьи зафиксированы случаи повтора (повтор, наряду с амплификацией, – одна из самых любимых Достоевским фигур речи) слова *смех*, оба в «Преступлении и наказании»:

[Порфирий Петрович Раскольникову] **Смех-то, смех-то** ваш, как вошли тогда, помните, ведь вот точно сквозь стекло я все тогда угадал, а не жди я вас таким особенным образом, и в **смехе** вашем ничего бы не заметил (Преступление и наказание). [О девочке из сна Свидригайлова] Но вот уже она совсем перестала сдерживаться; это уже **смех**, явный **смех**; что-то нахальное, вызывающее светится в этом совсем не детском лице; это разврат, это лицо камелии, нахальное лицо продажной камелии из француженок (Преступление и наказание).

В амплификации и в параллелизме:

[Мечтатель] Отчего, скажите мне, Настенька, разговор так не вяжется у этих двух собеседников? отчего ни **смех**, ни какое-нибудь бойкое словцо не слетает с языка внезапно вошедшего и озадаченного приятеля, который в другом случае очень любит и **смех**, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасном поле, и другие веселые темы? (Белые ночи) Он [Алеша] всегда рассказывал эту историю с восторгом, с детским простодушием, с звонким, веселым **смехом** <...> (Униженные и оскорбленные). Только в остроге я слышал рассказы о самых страшных, о самых неестественных поступках, о самых чудовищных убийствах, рассказанные с самым неудержимым, с самым детски веселым **смехом**. Особенно не выходит у меня из памяти один отцеубийца (Записки из Мертвого дома). А какое симпатичное, какое милое лицо у старшей дочери Лебедева, вот у той, которая стояла с ребенком, какое невинное, какое почти детское выражение и какой почти детский **смех**! (Идиот) [Великий инквизитор] Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют; глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к **смеху**, светлой радости и счастливой детской песенке (Братья Карамазовы).

В зевгме:

Это был человек лет под тридцать, росту высокого, толстый, жирный, с румяными, заплывшими жиром щеками, с белыми зубами и с ноздревским раскатистым смехом. По лицу его было видно, что это самый незадумывающийся человек в мире (Записки из

Мертвого дома). Он везде с своим карандашом и лорнетом и тоненьким, сытненьким **смехом** (Публицистика).

Не могут не обратить на себя внимания и многочисленные повторы в одном контексте однокоренных со словом *смех* слов, их функция та же самая, что и функция амплификации и параллельных конструкций, – усиление, нагнетание смысла. Приведем лишь наиболее характерные примеры, зафиксированные в зоне комментария словарной статьи:

[Неточка] Я отвечала ему нервным, истерическим **смехом** прямо в глаза, прошла смеясь мимо него и вошла, не переставая хохотать, к Александре Михайловне (Неточка Незванова). [Маленький герой] <...> старалась подавить свою краску **смехом**... Всё это, если взглянуть со стороны, конечно, было очень смешно; но в это мгновение одна пренаивная и неожиданная выходка спасла меня от всеобщего смеха <...> (Маленький герой). [Фома Серёже] Какое право вы имели выставлять на **смех** вашего доброго, вашего великодушного дядю, который вам сделал столько добра? Зачем вы хотели свалить на него смешное, когда сами были смешны? (Село Степанчиково и его обитатели) [Парадоксалист] Я тогда одолел, но Зверков, хоть и глуп был, но был весел и дерзок, а потому отсмеялся и даже так, что я, по правде, не совсем и одолел: **смех** остался на его стороне. Он потом еще несколько раз одолевал меня, но без злобы, а как-то так, шутя, мимоходом, смеясь (Записки из подполья). – Думаю, – серьезно отвечал он [Раскольников] помолчав. Настасья так и покатила со **смеху**. Она была из смешливых и, когда рассмешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом, до тех пор, что самой тошно уж становилось. (Преступление и наказание) – Вам смешно! Он быстро вырвал из моей руки свою руку, надел шляпу и, смеясь, смеясь уже настоящим **смехом**, вышел из квартиры (Преступление и наказание). [Аркадий] Если и не глуп его **смех**, но сам человек, рассмеявшись, стал вдруг почему-то для вас смешным, хотя бы даже немного, – то знайте, что в человеке том нет настоящего собственного достоинства, по крайней мере вполне (Подросток) – Представьте себе, что он женат, ну не **смех** ли, не ужасно ли это? И Lise всё смеялась своим нервным мелким смешком, лукаво смотря на Алешу (Братья Карамазовы). – Только я вижу, что вышло глупо... Lise засмеялась и закрыла лицо руками. – И в этом платье! – вырвалось у ней между **смехом**, но вдруг она перестала смеяться и стала вся серьезная, почти строгая (Братья Карамазовы).

В словарной статье Словаря языка Достоевского отмечаются также случаи нестандартного употребления описываемого слова, т. е. различного рода отклонения от современной языковой нормы, то, что заставляет читателя остановиться в процессе чтения:

все эти игры и **смехи** всех этих чиновных дам, более похожих на фей, чем на дам (Двойник); Аркадия Ивановича взял **смех** про себя (Слабое сердце); [Мармеладов Раскольникову] <...> вам, может быть, всё это в **смех**, как и прочим, и только беспокою я вас глупостию всех этим мизерных подробностей домашней жизни моей, ну а мне не в **смех** (Преступление и наказание); сказала она вдруг, прерывая веселый разговор и **смех** с окружающими (Идиот); смеялись более уже на его радостный **смех**, чем самим анекдотам (Идиот); поднял руку, потер ею лоб, потрянул своею мохнатою головой и, как будто решившись на все, шагнул два шага вперед и – вдруг фыркнул смехом, не громким, но залихватным, длинным, счастливым, от которого заколыхалась вся его дебелая масса и съежились глазки (Бесы); с первых же слов валился неудержимым *смехом* (Дневник писателя).

Характерно также тропеическое употребление слова *смех* у Достоевского:

Какая-то странная улыбка медленно появилась на ее губах, словно **смех** пробивался сквозь эту улыбку (Хозяйка). **Смех** и веселье в первый раз засверкали в лице ее и иссушили грустные слезы на ее черных ресницах (Хозяйка). Неподвижный **смех**, мертвивший все существо Ордынова, не сходил с лица Катерины. Неистощимая насмешка ра-

зорвала на части его сердце (Хозяйка). Но когда она спрятала у сердца его свою голову, таким обнаженным, бесстыдным **смехом** засмеялась каждая черточка на лице старика, что ужасом обдало весь состав Ордынова (Хозяйка). Ордынов и Ярослав Ильич сделали друг другу по полупоклону, каждый с своего стула и несколько набок, и оба прикрыли возникшее недоумение извинительным **смехом** (Хозяйка). Гомерический, немолкаемый **смех** всем залпом своим накрыл слова Ползункова (Ползунков). – Знаешь, душечка, это кто? – заговорил наконец старик, освобождаясь от **смеха**. – Кто? (Чужая жена и муж под кроватью) **Смех**, раздававшийся кругом нас и который она умела-таки вызвать, только поджигал ее на новые шалости (Маленький герой). – Наутро я вышел по городу побродить, – продолжал князь, лишь только приостановился Рогожин, хотя **смех** все еще судорожно и припадочно вздрагивал на его губах <...> (Идиот). – Знаете, для чего я сейчас солгала? – вдруг обернулась она к князю с самою детскою доверчивостью и еще со **смехом**, дрожавшим на ее губах (Идиот). Нервный, неслышный **смех** порывался из его груди (Вечный муж). – Знаете, мне со вчерашней ночи ужасно хочется смеяться, всё смеяться, беспрерывно, долго, много. Я точно заряжен **смехом**... (Бесы) В его голосе сверкал милый, дружественный, ласкающий **смех**... (Подросток)

Конечно, принимая во внимание всю важность смеха, которую уделял ему Достоевский, в текстах писателя просто не могло не встретиться высказываний афористического характера с этой идиоглоссой. Больше всего афоризмов со словом *смех* в «Подростке», что, по всей видимости, не случайно:

[Аркадий] Чаще всего в **смехе** людей обнаруживается нечто пошлое, нечто как бы унижающее смеющегося, хотя сам смеющийся почти всегда ничего не знает о впечатлении, которое производит. Точно так же не знает, как и вообще все не знают, каково у них лицо, когда они спят; **Смехом** иной человек себя совсем выдает, и вы вдруг узнаете всю его подноготную. Даже бесспорно умный **смех** бывает иногда отвратителен. **Смех** требует прежде всего искренности, а где в людях искренность? **Смех** требует беззлобия, а люди всего чаще смеются злобно. Искренний и беззлобный **смех** – это веселость, а где в людях в наш век веселость, и умеют ли люди веселиться?; Но я понимаю лишь то, что **смех** есть самая верная проба души. Взгляните на ребенка: одни дети умеют смеяться в совершенстве хорошо – оттого-то они и обольстительны.

Встречаются, тоже в основном в романе «Подросток», и высказывания афористического типа с глаголом смеяться:

[Аркадий] <...> если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а высмотрите лучше его, когда он **смеется**. Хорошо смеется человек – значит хороший человек; Чрезвычайное множество людей не умеют совсем **смеяться**. Впрочем, тут уметь нечего: это – дар, и его не выделаешь.

Языковая личность Достоевского – это прежде всего Homo Ridens, человек смеющийся. Конечно, смех Достоевского амбивалентен, как и вообще любой смех, но у писателя явно преобладает тот, который скорее соотносится с радостью, весельем, т. е. тот, который не отрицается христианством. И если бы у Достоевского не было такого смеха, то осталось бы «Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен» Кириллова («Бесы»).

Известно, что перед уходом из Ясной Поляны Лев Толстой перечитывал «Братьев Карамазовых», даже взял книгу с собой. Он записал в свой дневник 12 октября 1910 г.: «Хороши описания, хотя какие-то шуточки, многословные и мало смешные, мешают» [Толстой: URL]. Действительно, Толстому в момент ухода из Ясной Поляны в поисках помощи старцев смех был явно ни к чему. А между тем у Достоевского «Возбуждение сострадания и есть тайна юмора» (это слова само-

го писателя, не персонажа, сказанные в одном из его писем), возможно, в этом и состоит главное в личности Достоевского.

В завершение приведу слова Р.Г. Назирова, как нельзя лучше иллюстрирующие описанные выше наблюдения: «От начала и до конца, при всех изменениях, главным в его <Достоевского> творчестве оставался то приглушенный (редуцированный), то по-новому выявленный прославляющий смех, смех сострадания и сочувствия к искаженной человечности. Юмор Достоевского – это прежде всего и более всего улыбка печальной любви при виде человечески священного в его неотъемлемо-земной, смешной форме» [Назирова 1982: URL].

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Карасёв Л.В.* Философия смеха. М.: Изд-во РГГУ, 1996. 222 с.
- Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Homo Ridens // Слово Достоевского. М.: Ин-т русского языка РАН, 1996. С. 160–186.
- Кунильский А.Е.* Смех Достоевского: прав или не прав Бахтин // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 148–154.
- Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. Т. 1: 1821–1864 / Сост. И.Д. Якубович и Т.А. Орнатская; под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридлендера. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1993. 544 с.
- Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. Т. 2: 1865–1874 / Сост. И.А. Битюгова, В.А. Викторovich, Е.И. Кийко, Т.А. Орнатская; ред. Н.Ф. Буданова, Г.М. Фридлендера. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. 586 с.
- Назирова Р.Г.* Творческие принципы Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 160 с. nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php (дата обращения: 18.11.2017).
- Сараскина Л.И.* Достоевский в Японии: Стукнуться о «Бесов». www.pravmir.ru/dostoj-skij-v-yaponii-stuknutsya-o-besov-video/ (дата обращения: 15.11.2017).
- Толстой Л.Н.* Дневник 1910 г. tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevniki/1910/dnevnik-1910.htm (дата обращения: 17.11.2017).

REFERENCES

- Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Leningrad. Nauka Publ. 1972–1990.
- Karasev L.V. (1996) The Philosophy of Laugh. Moscow. RGGU Publ. 222 p.
- Karaulov Yu.N., Ginzburg E.L. Homo Ridens. In: The Word of Dostoevsky. Moscow. Institute of Russian Academy of Sciences. 1996, pp. 160–186.
- Kunilsky A.E. The Laugh of Dostoevsky: Was Bakhtin Right or Wrong. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2007. No 4, pp. 148–154.
- The Chronicle of Life and Creativity of F.M. Dostoevsky: In 3 vols. Vol. 1: 1821–1864 / Comp.by I.D. Yakubovich and T.A. Ornatsky; ed. by N.F. Budanova and G.M. Friedlander. St.-Petersburg. Humanitarian Agency “Academicheskyy proect” Publ. 1993. 544 p.
- The Chronicle of Life and Creativity of F.M. Dostoevsky: In 3 vols. Vol.N2: 1865–1874 / I.A. Bityukova, V.A. Shmakov, E.I. Kiiko, T.A. Ornatsky; ed. by N.F. Budanova and G.M. Friedlander. St.-Petersburg. Humanitarian Agency “Academicheskyy proect” Publ. 1994. 586 p.
- Nazirov R.G. (1986) Creative Principles of Dostoevsky. Saratov: Saratov State University Press. 160 p. nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php (date accessed: 18.11.2017).

Saraskina L.I. Dostoevsky in Japan: to Bump on “Demons”. www.pravmir.ru/dostoevskij-v-yaponii-stuknutsya-o-besov-video/ (date accessed: 15.11.2017).

Tolstoy L.N. Diary, 1910. tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevniki/1910/dnevnik-1910.htm (date accessed: 17.11.2017).

Сведения об авторе:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт
русского языка им. В.В. Виноградова, РАН

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University, Vinogradov
Institute of the Russian Language, RAS
konnitie@mail.ru

К СТОЛЕТИЮ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Е.М. Большева, Н.В. Николенкова (Москва, Россия)

Правила переноса в истории русской письменности и в современности

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы, связанные с моделированием правил переноса в русском языке в разные периоды его истории и в современности. Авторы связывают формирование принципов переноса не с представлением говорящих о таком фонетическом явлении, как слог, а с морфемным членением слова и с графическими принципами. Также показано, что мнение пишущих о «правильности» переноса слова во многом связано с характером обучения чтению и письму.

Ключевые слова: история и теория орфографии, принципы орфографии, переносы, слог

E.M. Bolycheva, N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia)

Rules of Hyphenation in Russian: Diachrony and Synchrony

Abstract: The article discusses Russian hyphenation patterns today and throughout history of the language. It is claimed that hyphenation rules have been formed not on the basis of the word's syllable division, but in connection with its morpheme division and graphic principles. It is also shown that the word's hyphenation is deemed "correct" largely due to the ways of how people have been taught to read and write.

Key words: history and theory of orthography, principles of orthography, hyphenation, syllable

Правила переноса относятся к числу находящихся на периферии орфографической системы. Трудно представить себе задание на ЕГЭ по русскому языку с формулировкой «определите, какое слово перенесено неверно». Однако вопрос о правильности переноса того или иного слова у Справочных служб по русскому языку возникает регулярно. К примеру, на портале Грамота.ру можно найти более 150 вопросов с формулировкой «можно ли так переносить» [new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer], что свидетельствует об уверенности большинства пишущих, что переносы подчиняются каким-то строгим правилам и в переносе можно допустить ошибку.

В Правилах русской орфографии и пунктуации [Правила-56] переносу посвящены §117–124, однако четыре последних относятся не к методике членения словоформы в тексте, а скорее к техническим вопросам оформления издания. Что касается остальных пунктов правила, они предлагают при переносе учитывать сразу несколько принципов:

- *фонетический*: нельзя ни оставлять в конце строки, ни переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога: *просмо-тр, *ст-рах (§117), отделять согласную от последующей гласной: *люб-овь, *наст-ух (§118);
- *морфемный*: желателно не разбивать приставку переносом: *бе-зумный, *по-дбить (примечание 1 §118, примечание 4 §119), нельзя оставлять с приставкой начальную согласную корня: *прис-лать (примечание 5 §119), нельзя неверно разбивать корни сложного слова: *пятиг-раммовый (примечание 6 §119) и сложносокращенного: *спе-цодежда (примечание 8 §119); есть также примечание 3 §118, где разрешается разрыв приставки и корня, если приставка в настоящее время отчетливо не выделяется (*ра-зорять, разо-рять*);
- *графический*: нельзя начинать перенос с буквы Ё: *раз-ыскать (примечание 2 §118), нельзя отрывать Ъ и Ь от предшествующей согласной: *под-ъезд (примечания 1 §119), нельзя оставлять или переносить две одинаковые буквы: *жу-жжать (примечание 7 §119).

При перечислении, чего нельзя делать в русском языке при переносе, разные принципы сталкиваются; к примеру, нельзя оставлять одну букву (примечание 3 §119), хотя гласная образует единый слог.

В [Правилах-56] указывается, что для большой массы слов есть разные варианты переноса, при этом следует предпочитать такие, при которых не разбиваются значащие части слова. Можно ли на основании этого говорить о том, что составители [Правил-56] ориентировались на *морфемный* принцип как основной для правил переноса?

Составители новой редакции правил (далее ПАС [Правила-2006]) в основном повторяют сформулированные в 1956 г. принципы переноса, однако смягчают морфемную составляющую, допуская перенос как соответствующий, так и не соответствующий членению слова на значимые части. Однако в §217 ПАС этот критерий опять выходит на первый план: допускается любое членение корня и суффикса, но предпочтительнее учитывать членение слова при переносе на стыке приставки и корня. И однозначно определяется этот критерий в §218, где перенос сложного и сложносокращенного слова в принципе возможен только в соответствии с его морфемной структурой.

В учебных пособиях по курсу русского языка – причем как в школьных, так и вузовских – перенос и правила переноса устойчиво соотносятся с темой «Слог» в разделе «Фонетика», поскольку в принципе орфография соотнесена с фонетическими разделами учебников. К примеру, в пособии «Русский язык» для гуманитарных классов школ правила переноса соотнесены со слого-морфемным принципом (сначала учитывается слоговое членение слова, а затем и его морфемная структура¹ [Багрянцева 2017]). О фонетическом как основном принципе переноса пишут и вузовские учебники [Лекант 1999: 155].

Сопоставив принципы переноса и сформулированные кодификаторами русской письменности в разные периоды развития русского языка и в современности правила, мы пришли к выводу, что говорить о фонетическом критерии как об основном вряд ли возможно. Приоритетными надо признавать морфемный принцип

¹ В числе примеров неправильного переноса *здани-е, *я-года; однако о следовании в этом случае графическому принципу авторы не говорят.

и графический. А целый ряд решений, которые мы видим в бытовой письменности, вне всякого сомнения основаны на тех принципах, которыми руководствуются не в теоретических руководствах, а в практике обучения письму.

ПЕРЕНОС В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI–XVII ВВ.
И В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИКАХ

Изучая ранний этап истории русской письменности, мы должны говорить о переносе очень условно. Скорее речь идет о возможной для писцов границе разрыва слова на конце строки. Для самого раннего периода этот разрыв осуществляется в соответствии с фонетическими принципами: «перенос» может идти только по гласной¹. Рукописи разных периодов демонстрируют только такие разрывы конца строки: *носи|ши, па|че, пре|да, вели|каго, тиву|на* [Ремнева 2016: 22]. Такие же переносы отмечаем и в некнижных текстах, в первую очередь в берестяных грамотах: *о|трокъ, прода|лъ, пра|ви, ма|сла, цетве|рина* [Зализняк 2004], хотя в отдельных случаях встречаются разрывы строки на согласную, что, безусловно, может быть связано и со спецификой самого материала. Вероятнее всего, строгость выполнения переносов на гласные могла быть связана с характером обучения чтению и письму – по складам, что доказывается известной грамотой № 199 мальчика Онфима [Зализняк 2004: 476].

Даже изменение фонетического строя русского языка, которое привело к формированию скопления согласных в речи и возможности заканчивать слово на согласный звук, к резким изменениям оформления конца строк в рукописях не приводит. В подавляющем большинстве случаев строка заканчивается на гласную букву, а если на согласную – она как правило выносная (*иска|ти; облива|ется, предъ|ли* и *Хер|сонисъ, гра|цами*²). Тех же принципов придерживаются издатели первых печатных книг: *глаголю|ще, творя|щья, просвь|тятся, сокро|вищу, про|даеть*³; редкие переносы на согласную оформляются с помощью особого знака, паерка – *обратят'|ся*.

Первые грамматики церковнославянского языка о переносе как правиле орфографии не пишут, но при описании различных знаков, употребляющихся в текстах, вводят соединительные или, наоборот, разделительные знаки. Грамматика Л. Зизания 1596 вводит такое понятие: «Внегда пишемъ въ строцѣ, и къ концу пишущей идеже не въмѣщается реченіе, тогда на ко^нци единая строки реченію по^н сущу, в началѣ же другія другому поль. Тогда съединителная съединяеть оно реченіе раздѣленное, яко, хлѣбъ *аггель-скій* яде члкъ»⁴ [Кузьминова 2000: 42–43].

Иное объяснение нужности особого значка в месте разрыва слова дает М. Смотрицкий в грамматике 1619 года: «Разятная мѣсто заемлетъ в реченіи раздѣльномъ в тожде и едино слитися могуще^м: яко, *скор-бьяше*, да не чтется *скор бьяше: не-сущимъ*, в различіе *несущимъ*» [[Кузьминова 2000: 152]. Для нашей темы в этом примере важна сама возможность переноса на согласную, которую предусматривает автор грамматики. При этом в самом тексте грамматического сочинения нами об-

¹ В нашу задачу не входит обсуждение, действительно ли буква, обозначающая гласный, соответствовала реально произносимому звуку. Понятно, что в процессе падения редуцированных происходили фонетические изменения; однако общий принцип «конец строки должен заканчиваться на гласную» сохранялся.

² Примеры из рукописи Син. 779 ОР ГИМ, в которой содержится черновой перевод Атласа Блау.

³ Примеры из Библии 1663 года.

⁴ Все цитаты из сочинений XVII в. даются в упрощенной орфографии.

наружен всего один случая разрыва слова на согласную (в московском издании грамматики на л. 42об есть перенос *Козма асвѣ|критъ*), т. е. издатели все равно соблюдают стандартное правило – переносят на гласную. Заметим, что в XVII в. правила открытого слога в живом языке уже нет, слоги делятся на открытые и закрытые.

Однако среди рукописей постграмматического периода развития русского литературного языка (церковнославянского для описываемого периода) нам удалось обнаружить один текст, писец которого ломает традицию и позволяет себе переносы на согласную, т. е. использует закрытые слоги.

ПЕРЕНОС У АВТОРА БЕЛОВОГО ТЕКСТА АТЛАСА БЛАУ КАК ПЕРВЫЙ ОБРАЗЕЦ ВЫСТРАИВАНИЯ НОВОГО ПРАВИЛА

Среди ряда рукописей середины XVII в. обнаруживается интересный комплект черновики, выполненных южнорусскими книжниками, и беловиков, переписанных московским писцом, вне всякого сомнения знающим грамматику [Николенкова 2016]. Этот писец представляет нам новую форму отношения к концу строки: в его рукописях отмечен перенос на согласную. При этом автор беловика пытается создать для себе определенные правила с такими параметрами:

Графический принцип часто проявляется при разрыве двойных согласных: *Грам|матикъ, писмен|ныхъ, Брус|скія, стран|ніи, Пан|ноніи*. Говорить о том, что этот принцип соблюдается всегда, нельзя (есть *Бору|ссія*), но все же тенденция выявляется.

Писец интуитивно начинает выстраивать морфемный принцип, отделяя корень от суффикса: *достопамят|ный, Архикняз|ство, герман|скихъ, богат|шій, Прекон|ская, Латин|скаго, Константинопол|скими*; а также приставку от корня: *рас|продается, раз|личнымъ, неиз|мерень*; есть даже случаи, когда разделенным оказывается приставка и корень на гласную: *из|явилъ*. На такое интуитивное словоделение при хорошем знании церковнославянской грамматики книжник вполне способен.

Наконец, в рукописи довольно много примеров, когда разрыв согласных словообразовательными особенностями объяснить невозможно: *тог|да, Петра|рха, пруд|чае, отвер|зается, Ав|стриаку, Бос|форъ* и т. д. Вероятно, никакими фонетическими причинами такой перенос объяснить нельзя, решение, скорее всего, графическое: первая согласная буква остается на одной строке, вторая (или группа) переносятся на новую.

Таким образом, появление переносов на согласную букву в истории письменности с фонетикой и слогаделением оказываются не связаны, первые стихийно вырабатываемые принципы – графические и морфемные.

ПРАВИЛА ПЕРЕНОСА В XVIII–XIX ВВ.

С конца XVII – начала XVIII в. переносы на согласные встречаются все чаще и чаще. Уже в первых печатных текстах на гражданке находим *зем|ный, обра|щеніе, об|ходятъ, экватор|нымъ, декаб|ря*. Много их у писателей XVIII в., создателей литературного языка нового типа, к примеру, у В.К. Третьяковского: *сіятел|ства, дол|женствую, перевод|чикахъ, изряд|ныхъ* и т. д. Таким образом, ситуация меняется и авторам грамматик надо не просто формулировать правила, а обосновывать развивающуюся тенденцию.

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» впервые связал перенос со слогоделением. В §136 ученый пишет: «Единительный знак разделенное в две строки одно речение показывает: *непости-жимъ* Богъ. Здесь наблюдать должно, чтобы не разлучать букв, до одного склада надлежащих (смотри §106); напр., *пре-дстою* весьма неправильно» [Ломоносов 1755: 61]. Заметим, что неверное, с точки зрения Ломоносова, соотносится с морфемным членением слова.

В параграфах 106 и 107 даны примеры складов, как их видит Ломоносов: это сочетание «самогласной» с согласными. В результате перечислены как открытые слоги (*у, жа, дря*), так и закрытые. Выделенные закрытые слоги, по нашему наблюдению, подчинены также не фонетическому, а морфемному принципу: «*воз-ношу*, а не *во-зношу* несмотря на то, что от *зн знаю, зной* начинаются», *потвор-ство, ноч-ный, за-втре-шний, раз-лич-ный* [Ломоносов 1755: 51]. Двойные (по формулировке Ломоносова, «усугубленные») согласные у него разделяются: *стран-ный, Ахил-лесь*. В тексте грамматики Ломоносов следует своему правилу, мы находим *жен/скимъ, немец/каго, углубляет/ся, несчет/номъ*.

Однако в текстах XVIII–XIX вв. есть большое число переносов, которые логикой деления на морфемы не объясняются, разделение двух согласных происходит просто графически – одна согласная остается на одной строке, другая переносится.

Разной, которой отмечается в русской орфографии в период XVIII–XIX вв., обычно с точки зрения ситуации с переносами не рассматривается. Но необходимость создания единых правил переноса слов, вероятно, чувствовалась, поэтому при работе над руководством «Русское правописание» академик Я.К. Грот счел необходимым выделить правила переноса в отдельный раздел и посвятил ему 3, 5 страницы (§99–100) [Грот 1894: 97–101]. Громоздкость правила может объясняться как раз желанием академика обосновать все случаи переносов, которые он отмечает в текстах.

В первую очередь Грот разделяет слова на простые и сложные (имеющие в своем составе приставку). Для приставочных образований морфемный принцип остается основным: приставка отделяется от корня (*вос/токъ, вы/звать, со/всемъ, на/ставникъ*), причем правило сохраняется и для заимствованных слов (*кон/трактъ, аб/рись, адъ/ютантъ, дис/путъ, ин/спектор* [Грот 1894: 100]). Несмотря на то что в самом начале Грот говорит о главном основании для переноса – правильном разделении слова на слоги, для приставочных образований ученый допускает нарушение правила: *раз/уметь, без/образіе*. Только если «состав слова неясен, или когда слово искажено» фонетический принцип становится основным [Грот 1894: 100].

Для бесприставочных лексем словообразовательные основания также являются актуальными: в п. 4 §99 Грот говорит о необходимости переносить «суффиксы, начинающиеся согласною и составляющие слог» (*бож/ба, дерз/кий, жи/зни, долж/но* [Грот 1894: 98]). Грот формулирует правило о том, что некоторые суффиксы – «ство, ск» – не должны разделяться при переносе, словообразовательное исключение есть и для стандартного правила о разрыве при переносе двух одинаковых согласных: «но перед суффиксом, начинающимся с согласной, <...> буквы не должны быть разделяемы, *класс/ный*» [Грот 1894: 98].

В остальных случаях Гротом предпринята попытка сформулировать правила слогоделения, к примеру: при стечении плавного, носового или шипящего с другим согласным граница переноса проходит между ними (*гор/дость, дол/жень, баш/макъ, фиж/мы*), если стечение согласных начинается другими буквами, особенно буквой «с», то разрыва не происходит (*чи/стый, ко/сти, мо/сты, Мо/сква*

[Грот 1894: 98]). Не разрываются переносом сочетания «бл, пл, вл, фл, мл, жд», а в заимствованных словах – «кс, кз, пс, дж» (*кора/бли, тер/плю, зе/мля, стре/млюсь, стра/жду; Але/ксе́й, синта/кисе́ь, экс/педиция, Окс/фордъ* [Грот 1894: 99]), а буква «в», наоборот, всегда относится к предыдущему слогу и сохраняется на строке (*ав/торь, Ав/ро́ра*).

Громоздкое правило практически не может быть выполнено. Даже на рассмотренных страницах мы нашли переносы, нарушающие сформулированное Гротом: *поз/волительны, смяг/чение*), потому что однозначно выполнить какой-то пункт в этих случаях нельзя. Безусловно, пользоваться этим правилом как определенной рекомендацией было возможно, но выполнять его как обязательное – нет. Эта сложность формулировки привела к необходимости его упрощения, поэтому все проекты после 1900 г. раздел о переносах содержат.

ПРАВИЛА ПЕРЕНОСА В ПРОЕКТАХ РЕФОРМЫ ОРФОГРАФИИ

Проект 1900 г. в первую очередь отмечает, что правила переноса не могут иметь никакой научной обязательности, рекомендуется переносить по слогам с соблюдением двух правил: «согласная причисляется к следующей гласной; при стечении нескольких согласных возможно или все отнести к последующей гласной, или некоторые оставить при предыдущей гласной» [Григорьева 2004: 250]. Фактически в данном случае морфемный критерий исключается совсем, рекомендация переносить по слогам означает лишь необходимость следить, чтобы в оставленной и перенесенной части слова обязательно оставалась гласная¹.

Орфографическая комиссия 1904 г. посвящает правилам переноса 2 абзаца. В первом абзаце дана рекомендация согласную не отделять от последующей гласной, а в начале слова переносить после первой гласной после группы согласных [Григорьева 2004: 255]. Второй абзац опять возвращает морфемный принцип, рекомендуя при переносе сложных слов «иметь в виду этимологический их состав» [Григорьева 2004: 255].

Более четко сформулирован раздел о переносе в Постановлениях Орфографической подкомиссии 1912 г. Самой рекомендации переносить по слогам, т. е. опоры на фонетический принцип, нет. Чисто графически рекомендуется не отрывать согласную (или последнюю в группе согласную) от последующей гласной, т. е., вероятно, выбирается перенос *чер/ный* и *ра/зискать*. Однако в случае скопления согласных, одна из которых заканчивает приставку, а другая начинает корень, рекомендован перенос по морфемному принципу: «*под/ходить*, а не *по/дходить*, *раз/вязать*, а не *ра/звязать*» [Григорьева 2004: 285]. Все последующие постановления о введении нового правописания пункт о правилах переноса включали примерно в этой формулировке [Григорьева 2004: 293–295].

Проекты советского времени полностью готовы отказаться от фонетического принципа и какой-то опоры на слог и предлагают свободный перенос, при котором не отделяются от предшествующей буквы Ъ и Ы (*к/уст, ку/ст, кус/т* [Григорьева 2004: 298]), а проект 1964 г. раздела о переносе не включал вовсе.

Таким образом, история формирования принципов переноса в русской письменности – это история отказа от единственно возможного разрыва на гласный (в соответствии с принципом открытого слога) и подбор обоснований для объяснения возможностей переноса на согласный, т. е. образования при разрыве закры-

¹ Хочется обратить внимание, что формулировка 1900 г. позволяет оставлять одну гласную про переносе.

того слога. Пишущие хотели от создателей грамматических руководств и правил однозначных рекомендаций, что породило создание формулировок, объясняющих стихийные поиски пишущих. Становясь правилами, многие формулировки лишь усложняли жизнь их пользователям – в первую очередь учащимся, которые должны были выучивать правила и выполнять их на практике.

ПРИНЦИПЫ ПЕРЕНОСА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПИСЬМА:
ВЗГЛЯД ФОНЕТИСТА И «НАИВНОГО» НОСИТЕЛЯ

Как сказано выше, перечень параграфов в ПАС, посвященных рассмотрению девяти конкретных ограничений при делении слова на части (в связи с их расположением на предшествующей и последующей строках текста) тесно связывается с фонетикой: «в основу правил переноса положен слоговой принцип» [Правила-2006: 195]. Коль скоро между процедурой переноса и слогоделением устанавливается явная связь, прежде всего следует разобраться, как понимается в современной науке слог и по каким принципам люди делят слова на слоги.

Можно привести как минимум пять научных определений слога: каждая из существующих теорий (сонорная, имплозии-эксплозии, мускульного напряжения, открытого слога, оптимальности) оперирует своим представлением о слоге как суперсегментной единице. Объем данной статьи не предполагает возможности сравнительного анализа имеющихся в науке подходов, поэтому ограничимся ссылкой на работу, где соответствующее исследование проделано [Князев, Пожарицкая 2012: 129–155]. Важно подчеркнуть, что все перечисленные теории рассматривают слог как единицу принципиально фонетическую, состоящую из звуков и с буквами не связанную, при этом сама множественность решений, вероятно, свидетельствует о непростой сущности объекта описания.

Понятно, что рядовой носитель языка тонкостей фонетической науки не знает, но тем не менее оперирует понятием слог, вкладывая в него некий смысл. Какой именно? Вряд ли обычный человек, с готовностью откликающийся на задачу поделить слово на слоги, выполняет в уме строгий алгоритм пересчетов и анализирует, шумный согласный произносится или сонорный и каков его индекс по шкале сонорности. Перечисленные признаки важны для теории Р.И. Аванесова и лежат в основе школьного курса фонетики, – но отнюдь не они определяют механизм слогоделения в обыденной ситуации.

Внутренне определяя для себя объем понятия слог, русский человек опирается на интуитивные знания и умения, полученные не в школе, а несколько раньше – в ходе обучения чтению в семье. Основная масса детей начинает пробовать читать в возрасте четырех с половиной – пяти лет и в школу приходит уже с отчасти сформированным навыком.

Беглому чтению предшествует процесс чтения по слогам, с которого, собственно, и начинаются домашние упражнения. В сознание ребенка вводится новое понятие – слог. Это слово постоянно повторяется взрослыми, требующими не торопиться, а читать по слогам. На слоги разбиты слова в азбуке. Мама, охваченная педагогическим рвением, пишет на листочке что-то слогами. Текст в сказке поделен на слоги – между ними ставятся черточки. Или не ставятся, но тем не менее любое слово можно, читая, разбить на слоги. Вывод о значении нового слова напрашивается сам собой: буквы объединяются в слоги; из слогов, если правильно их прочитать, а потом повторить слитно и без пауз, сложится слово. Итак, мысль

о слоге обязательно ассоциирована с буквенным представлением слова, т. е. с графикой, а не с фонетикой.

Слова с группами согласных представляют безусловную трудность для плохо читающего ребенка. В процессе обучения ему помогают с ними справиться: *кош-ка, шум-ный, сес-тра / сест-ра*. Один из предлагаемых методических приемов связан с задачей разбить консонантный кластер. Именно такая модель многие десятилетия была принята в стране в ходе обучения чтению, что, возможно, объясняет непререкаемую привлекательность вариантов с закрытым слогом для взрослых информантов. Исследования о возрастных предпочтениях слогоделения проводились в семидесятые годы XX в., и по результатам была выстроена шкала приоритетов у носителей языка начиная от трех с половиной лет и заканчивая взрослым населением [Винарская 1977].

Получается, что в процессе обучения чтению ребенок интуитивно не только усваивает объем понятия слог как графической единицы, но и обучается делать их закрытыми в ситуациях скопления согласных. Закрепляемые навыком варианты типа *кош-ка, шум-ный, сес-тра / сест-ра* нравятся все больше и больше, а альтернативные версии вызывают интуитивное несогласие (*ко-шка, шу-мный, се-стра*).

Постепенно умение читать оттачивается и становится автоматизированным, однако обретенный опыт слогоделения не забывается за ненужностью, поскольку используется теперь в процессе письма – при переносе слов. Многоцелевая востребованность операции и обучение ей в раннем возрасте определяет прочное усвоение навыка группировать буквы слова в более короткие последовательности, которые принято называть слогами. Модель группировки типа *кош-ка* доводится до автоматизма, и приоритет закрытого слога начинает восприниматься как фактор безусловный, не подвергающийся сомнению.

Информация, получаемая в школе на уроках русского языка в связи с изучением фонетики и сонорной теории слога, противоречит обыденному опыту, уже вошедшему в привычку, и потому очень плохо усваивается. Фонетический разбор остается в коллективной памяти носителей языка как воспоминание о мороке с парностью-непарностью и финальным подсчетом букв / звуков – и не более того. Изучавшаяся в связи с сонорной теорией модель слогоделения типа [кó-шка] в плоть и кровь не входит и, оторванная от процедуры фонетического разбора, вызывает внутренний протест.

Таким образом, в метаязыковое сознание человека слог как обыденное понятие вводится на уровне графических представлений, при этом тяготение слогов к закрытости определяется методикой обучения чтению, т. е. психологическими и социо-культурными факторами, а не собственно языковыми. Поменяется методика – поменяются и наши предпочтения. Сформированное в раннем детстве, обыденно-наивное представление о слоге почти не подвергается ни последующим исправлениям, ни уточнениям. Поэтому делим мы слова при переносе, руководствуясь детским навыком чтения по слогам: *Ма-ма мы-ла ра-му. Тёр-ла тряп-кой до блес-ка*.

Первая фраза, всем знакомая и близкая (несмотря на невозможность продуцировать ее в реальной речи: раму тогда следует заменить на окно), не предполагает никаких иных вариантов членения слов, вторая же фраза, специально составленная авторами, чтобы продолжить пассаж про раму, вовсе не однозначна в плане поиска слоговой границы.

Реальные правила переноса эту ситуацию регламентируют, но по-разному. Так, в изданиях справочников Д.Э. Розенталя 1990-х гг. говорится об упрощении требований к правилам переноса в связи с компьютерным набором текстов. При этом подчеркивается, что более правильным остается тот вариант, когда морфемные границы не нарушаются, именно он рекомендован к использованию в школьной практике и в работе корректоров: *дет-ский, руковод-ство* [Справочник 1994: 80]. В ПАС (§217) свобода от морфемного критерия провозглашается как принцип членения группы согласных в корне и на стыке корня с суффиксом, однако в ситуациях с приставкой традиционный вариант членения по-прежнему остается предпочтительным: *де-тство, дет-ство, детс-тво, детст-во*; но лучше *под-бить, под-бросить* (при допустимом *по-дбить, подб-росить*) [Правила 2006: 196–197]. Если следовать разрешенному ПАС алгоритму, то вышеприведенная фраза про уборку может быть подана иначе: *Тё-рля тря-пкой до бле-ска*. Вам нравится такой вариант? Скорее всего, нет, если ваше детство приходилось на шестидесятые годы прошлого века или раньше. Как и вам, не понравится новый вариант и вашим детям, потому что именно вы учили их читать. Однако визуальный опыт, подкрепленный современным существующим (а теперь и узаконенным) разнообразием в попытке завершить строчку и абсолютной свободой печатающего на компьютере человека от этой проблемы (умная машина сама справится), может корректировать ощущения новых поколений носителей языка. Возможно, вашим внукам, с детства мало пишущим от руки, но много печатающим, подобный перенос слов уже и не покажется столь диким и неуместным. С научной точки зрения было бы весьма любопытно повторить упомянутые выше исследования о возрастных предпочтениях слогаделения, предпринятые в 1970-е гг., связав их со статистической картиной реальных переносов в рукописных текстах современных школьников.

В пользу абсолютной распространенности интуитивного переноса по слогам, заданного детским опытом обучения чтению, говорит и факт незнания конкретных правил переноса рядовыми людьми при достаточно грамотных вариантах членения слов на практике. Пишущие по-русски в основном помнят базовое утверждение «слова переносятся по слогам и с учетом...» – и этого знания им оказывается вполне достаточно. Что именно следует учитывать, основная масса людей затрудняется сформулировать, в лучшем случае воспоминания сведутся к правилу не оставлять одну букву на строчке и не начинать строчку с твердого или мягкого знака. Мысль про необходимость соотносить перенос с морфемными границами вряд ли будет высказана, однако на подсознательном уровне указанный алгоритм будет работать, и из четырех разрешенных вариантов переноса *де-тство, дет-ство, детс-тво, детст-во* люди среднего поколения предпочтут один единственный. Если подобный пример попадет в детскую книжку, он ведь предстанет как *дет-ство* – так естественнее прочесть слово, чтобы понять его. Если есть выбор алгоритмов, то морфемы остаются равными себе, если нет, то легко делятся слоговой границей (*смот-рю, кос-точ-ка*). Получается, что морфемный критерий не может считаться приоритетным при переносе, мы делим слова на части прежде всего исходя из обыденно-наивных представлений о слоге как графической единице, используемой для обучения чтению.

Знакомство с научными представлениями о слоге, связанное с обучением в школе или в соответствующем вузе, неспособно заставить человека забыть о сформированных в детстве предпочтениях. Так, например, филологическая подготовка не мешает студентам время от времени либо пытаться поделить на слоги

буквенную, а не транскрипционную запись (*позд-но* вместо [пó-знь]), либо неверно интерпретировать особенности произношения, мысленно подменяя естественное звучание ([мъивó] *моого*) отчетливым чтением по слогам ([мó | жé | гó]).

Выявление особенностей обыденного метаязыкового сознания помогает прояснить некоторые статистически распространенные феномены и взглянуть по-новому на кажущиеся привычными закономерности. Будучи перспективной, указанная область знания пока только зарождается, в работах соответствующей тематики еще даже не унифицирован терминологический аппарат и для обозначения направления описания используются разные обороты: «обыденная лингвистика», «обыденная металингвистика», «наивная лингвистика», «лингвистика метаязыкового сознания» [Голев 2009: 371], «картина языкового мира» [Орлова 2009: 387], «наивные представления о языке», «интуитивное фонетическое знание» [Болычева 2007; Болычева 2010].

Древнерусский книжник мог опираться при переносе слова на навык читать по «складам», а вот с чем связано начавшееся в текстах XVII в. желание изменить принципы и от привычного переноса на гласную перейти к переносу на согласный – на этот вопрос еще предстоит ответить. Ясно только, что сначала происходила стихийная выработка новой тенденции в практике письма, а потом кодификация.

ЛИТЕРАТУРА

Болычева Е.М. О презумпции буквы в наивных представлениях о языке и некоторых актуальных проблемах фонетики // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г.: Труды и материалы. М., 2007. С. 340–341.

Болычева Е.М. Интуитивное фонетическое знание и лингвистические теории: противоречия и соответствия // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее – Вопросы русского языкознания. Вып. XIII. М., 2010. С. 120–131.

Винарская Е.Н., Лепская Н.И., Богомазов Г.М. Правила слогаделения и слоговые модели (на материале детской речи) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. С. 5–21.

Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул, 2009. С. 371–386.

Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой. М., 2000. 528 с.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004. 456 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. 872 с.

История русского литературного языка XI – сер. XVIII вв.: Лингвотекстологический практикум: Учебное пособие / Под ред. М.Л. Ремнёвой; Е.А. Кузьминова, Н.В. Николенкова, Т.В. Пентковская, М.Л. Ремнёва. М.: МАКС Пресс, 2016. 200 с.

Князев С.В. Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика, орфография: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. М., 2012. 430 с.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755.

Николенкова Н.В. Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2016. № 1. С. 8–19.

Орлова Н.В. Русский язык и его изучение в школе (картина языкового мира школьника) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Коллективная монография. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. С. 387–399.

Правила русской орфографии. new.gramota.ru/spravka/rules/130-mtz (дата обращения: 11.10.2017).

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. orthographia.ru/ (дата обращения: 11.10.2017).

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994. 400 с.

Русский язык: Учебное пособие для старших классов школ гуманитарного профиля книга // Багрянцева В.А., Большева Е.М., Галактионова И.В., Жданова Л.А., Литневская Е.И., Степанова Е.Б. М., 2017. 568 с.

Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К. Гротомъ. 11-е изд. СПб., 1894. 120 с.

Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 1999. 462 с.

REFERENCES

Bolycheva E.M. On the Presumption of Letters in Naive Ideas about the Language and Some Current Problems of Phonetics. In: Russian Language: Historical Destinies and Modernity. 3rd Russian Researchers International Congress. Moscow, MSU, March 20–23, 2007: Proceedings and Materials. Moscow. 2007, pp. 340–341.

Bolycheva E.M. Intuitive Phonetic Knowledge and Linguistic Theories: Contradictions and Correspondences. In: Phonetics and Grammar: Present, Past, Future – Questions of Russian Linguistics. Issue XIII. Moscow. 2010, pp. 120–131.

Golev N.V. Russian Everyday Metalanguage Consciousness and Language Construction. In: Ordinary Metalanguage Consciousness: Ontological and Gnoseological Aspects. Part 1. Collective Monograph. Kemerovo; Barnaul. 2009, pp. 371–386.

Grigoryeva T.M. (2004) Three Centuries of Russian Orthography (18–20 cs). Moscow. 456 p.

History of the Russian Literary Language of the 11th – the middle of the 18th centuries: Practice in Lingvo-Tekstology: Textbook / Ed. by M.L. Remneva / E.A. Kuzminova, N.V. Nikolenkova, T.V. Pentkovskaya, M.L. Remneva. Moscow. MAX Press Publ. 2016. 200 p.

Knyazev S.V. Pozharitskaya S.K. (2012) Modern Russian Literary Language: Phonetics, Orthoepia, Graphics, Spelling: A Manual for Universities. 2nd ed. Moscow. 430 p.

Lomonosov M.V. Russian Grammar. St.-Petersburg. 1755.

Rules of Russian Spelling (1956). new.gramota.ru/spravka/rules/130-mtz (date of access: 11.04.2017).

Modern Russian Literary Language / Ed. by P.A. Lekant. Moscow. 1999. 462 p.

Nikolenkova N.V. Orthographic Features of Two 17th-century Manuscripts: The Authorship of Draft Copy and 'Belovik'. *Philological Sciences (Scientific Reports of the Higher School)*. 2016. No 1, pp. 8–19.

Russian Language and Its Study in School (A Picture of the Student's Language World). In: Ordinary Metalanguage Consciousness: Ontological and Gnoseological Aspects. Part 1. Collective Monograph. Kemerovo; Barnaul. Altai State University Press. 2009, pp. 387–399.

Rosenthal D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. (1994) A Guide to Spelling, Pronunciation, Literary Editing. Moscow. 400 p.

Rules of Russian Spelling. new.gramota.ru/spravka/rules/130-mtz (date of access: 11.10.2017).

Rules of Russian Spelling and Punctuation. Full Academic Handbook / Ed. by V.V. Lopatin. orthographia.ru/ (date of access: 11.04.2017).

Russian Language: A Manual for Senior Classes of Schools of Arts and Humanities / V.A. Bagryantseva, E.M. Bolycheva, I.V. Galaktionova, L.A. Zhdanova, E.I. Litnevskaya, E.B. Stepanova. Moscow. 2017. 568 p.

Russian Spelling. A Manual Compiled on Behalf of the Second Division of the Imperial Academy of Sciences by Academician Ya.K. Grot. 11th ed. St.-Petersburg. 1894. 120 p.

The Grammars of Lavrenty Zizania and Meleti Smotritsky / Comp., Prep. text, scientific commentaries and pointers by E.A. Kuzminova. Moscow. 2000. 528 p.

Vinarskaya E.N., Lepskaya N.I., Bogomazov G.M. Rules of Classification and Syllabic Models (in children's speech). In.: Questions of Theoretical and Experimental Linguistics. Moscow. 1977, pp. 5–21.

Zaliznyak A.A. (2004) Ancient Novgorod Dialect. 2nd ed. Moscow. 872 p.

Сведения об авторах:

Екатерина Марковна Болычева,
канд филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina M. Bolycheva,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
129-130@mail.ru

Наталья Владимировна Николенкова,
канд филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natanik2004@mail.ru

М.Ю. Сидорова (Москва), У Баоянь (Пекин)

К поэтике вечных образов: «Тигр в зоопарке» П. Когана и «Хуананьский тигр» Ню Ханя¹

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению стихотворений русского поэта П. Когана «Тигр в зоопарке» и китайского поэта Ню Ханя «Хуананьский тигр» с точки зрения реализации в них конститутивных свойств лирической поэзии. Выявляются сходства и различия в пространственно-временной локализации (сочетание одномоментности с вечностью, соприсутствия с воспоминанием, конкретного хронотопа с обобщенным), субъектной структуре (приоритет модуса над диктумом и взаимодействие субъектных планов) и последовательности организации элементов стихового ряда («зеркальность» построения двух стихотворений). На основе проведенного анализа обосновывается продуктивность предлагаемой методики для сопоставления стихотворений на одну тему.

Ключевые слова: лирическая поэзия, тигр, русская лирика, китайская лирика, пространственно-временная локализация, субъектная структура

M. Yu. Sidorova (Moscow), Wu Baoyan (Beijing)

Poetics of Eternal Images: P. Kogan's "A Tiger at the Zoo" and Niu Khan's "Huanan Tiger"

Abstract: The article juxtaposes P. Kogan's "A Tiger at the Zoo" and Niu Khan's "The Huanan Tiger", seeking features of lyrical poetry in them. The poems are analyzed in terms of special / temporal localization, the subject's structure, and coherence of and adherence to poetic elements in the lyrical verse making process – with the intent to select out commonalities and differences. The method of confronting thematically bound verses and poems has proved to be viable and can be safely applied in research.

Key words: lyrical poetry, Russian lyrical poetry, tiger, Chinese lyrical poetry, special and temporal localization, the subject's structure

¹ Работа выполнена М.Ю. Сидоровой при поддержке РГНФ (проект 16-24-10001 «Параллельные процессы в языке современной русской и китайской поэзии»).

...Не только осязаемость реального, но и конкретность образов, то есть верно воспроизводящая деятельность воображения, тоже бывает заглушена, отстранена при восприятии поэзии. Бесплотная, неясная, летучая мечта, а не фантазмагория, припоминание или сопутствующие представления – ведут к полному осуществлению эстетического действия поэзии. Чутье всеобщности сквозь конкретные образы – необходимый момент своеобразной абстрактности в ней.

Б.А. Ларин

Тигр играет особую роль не только в русской и китайской, но и в мировой культуре: его образ в мифологии и искусстве разных народов наполнен символическими смыслами, основанными на универсальных представлениях о мощи, таинственности и противоречивости этого животного, о его связи с изначальными стихийными силами природы, матерью Землей и т. п. Неслучайно тигр является спутником или атрибутом богов, героев, великих воинов, а во многих культурах воспринимается как тотемное животное или животное-оборотень, т. е. одна из возможных трансформаций человеческой сущности. Исключительное напряжение «взаимоотношениям» человека и тигра придает то, что они извечно балансируют на грани жизни и смерти, а убийство могучего хищника или лишение его свободы осознается как великая победа, торжество человека и в то же время как нечто противоестественное, нарушающее законы природы.

Если для большинства народов Земли тигр – экзотическое животное, то Китай – его родина, и с далеких времен люди там находились в тесной связи с тигром, сосуществовали в гармонии с ним. В связи с этим в глубокой древности в Китае возникает культ тигра: люди из поколения в поколение уважают, воспевают, почитают и любят его. В Китае тигр – положительный образ, царь зверей, повелитель всех обитающих на суше животных, вызывающий у людей, с одной стороны, ужас и страх, а с другой – симпатию, уважение и любовь. Лоб тигра украшен знаком, в котором узнается иероглиф «ван» 王, что означает «царь». Ян-тигр олицетворяет власть, мужество, военную силу и ярость, авторитет и власть. Образы тигра изображаются в разных произведениях китайского искусства и входят в тысячелетнюю сокровищницу духовной жизни Китая.

Самым известным воплощением тигра в европейской поэзии является, пожалуй, одноименное стихотворение У. Блейка (переводы на русский – К. Бальмонта, С. Маршака, В. Топорова и др.). В нашей статье предметом рассмотрения служат стихотворения русского поэта Павла Когана «Тигр в зоопарке» (1939) и китайского поэта Нью Ханя (牛汉) «Хуананьский тигр» (1973). Китайское стихотворение рассматривается в русском переводе, весьма близко отражающем исходный текст, к которому мы обращаемся при необходимости. Если стихи Блейка – череда безответных вопросов о сути Творения, для которых тигр служит, в общем-то, поводом, то у Когана и Нью Ханя запертый в зоопарке тигр – ключ к ответам.

Аналогия между стихотворениями состоит не только в выборе главного объекта описания, ситуации, в которой он представлен, и его атрибутов. Действительно, во многом видение тигра у поэтов схоже. Его лейтмотивы – мощь («ромбическая лепка мускула» и «я видел лапы мощные твои») как природное свойство тигра и ярость, вызванная пребыванием в неволе, вынужденным подчинением человеку, ср.:

Но человек – создание божие –
Пустое отражение бога
Свалил на землю и стреножил

(П. Коган)

Должно быть, люди их сточили – без опаски
Когда тебя стреножили, связали

(Ню Хань)

Какой вольнолюбивой яростью
Его бросает в стены ящика

(П. Коган)

И ты в бессилье яростного гнева
Принужден мясо грызть кровавыми зубами

(Ню Хань)

Но гораздо интереснее не параллелизм деталей, а аналогии, которые прослеживаются на уровне конститутивных свойств поэтического текста, связанных с его пространственно-временной и субъектной структурой [Сидорова, О Чжон Хюн 2012; 2014], с модальной неопределенностью, с «чутьем всеобщности через конкретные образы», о котором писал Б.А. Ларин (см. эпитафия), и уникальной «моделирующей» силой лирики [Левин 1998]. Такие аналогии обнаруживаются на всех стадиях лингвистического анализа текста (по Г.А. Золотовой): от выбора конкретных языковых средств до тактики автора и его стратегии (замысла) [Золотова 1996; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998]. Разумеется, как и всякая аналогия, они не могут быть полными – тем интереснее проследить их до того момента, как они переходят в различия.

1. Пространственно-временная локализация. В обоих текстах ярко проявляется специфика пространственно-временного плана лирической поэзии, позволяющая совместить одномоментность с вечностью, соприсутствие с воспоминанием, конкретный хронотоп с обобщенным [Сидорова 2001]. Названия стихотворений донельзя конкретны, но эта конкретность у Когана сразу же вступает в противоречие с «локализацией» тигра в первой части стихотворения в совершенно ином пространственно-временном пласте – «Древней Китая или Греции, Древней искусства и эротики». И это не только пространственно-временная локализация, это еще и важнейшая составляющая субъектной перспективы стихотворения, о которой мы поговорим ниже: тигр выше и древней всего, что создано человеком, он вне пределов рукотворности.

За несколько строк мы преодолеваем вместе с автором путь через бездну времен: от момента, «когда, сопя и чертыхаясь, Бог тварей в мир пустил бездонный», до «соломенного» вечера, когда поэт со своим спутником наблюдает в зоопарке тигра, никнущего и жалко старящегося при виде сторожа. Пространство тоже сжимается: от бездонного мира до «ящика». Возникает парадокс. С одной стороны, пространственно-временная позиция, с которой лирический герой предлагает читателю свои впечатления от встречи с великолепным зверем, запертым в клетку зоопарка, в стихотворении Когана – это соприсутствие (мы словно наблюдаем за тигром глазами лирического героя, стоящего перед клеткой). Но с другой – это соприсутствие маркировано сигналом только конца (но не начала!) наблюдения «Мы вышли», после которого лирический герой обращается взглядом и мыслями к своему спутнику:

Вечер был соломенный,
Ты шел уверенным прохожим,
Но было что-то в жесте сломанном
На тигра пленного похожим.

В стихотворении Нью Ханя больше конкретных пространственно-временных локализаторов и предметной лексики. В первых же строчках поэт подчеркивает, что будет говорить о конкретном случае из своей жизни:

В Гуйлине,
В крошечном зоопарке,
Увидел тигра я.
Я был в толпе,
Что у ограды собралась.

Но центром лирического переживания является не сам тигр, заключенный в неволе, а динамика впечатлений и мыслей лирического героя, оцениваемых постфактум. Нью Хань прослеживает их последовательное развитие: от долгого и безнадёжного ожидания лирическим героем в толпе таких же докучных зрителей явления тигриной сущности; от разочарования в тигре, в котором «стреножившие» его люди желают и в неволе видеть воплощение мощи, ярости, дикости; через жалость к нему, вызванную видом сточенных (по первоначальному предположению лирического героя – опять же людьми) когтей, до осознания истинной причины, по которой «когти все до основания сточены – да так, что кровь еще сочится и сочится!» Лирического героя озаряет, как молния, понимание несмирности, неукротимости тигра, его стремления к свободе, что составляет его истинную сущность, в отличие от той бессмысленной ярости, которую пытаются вызвать люди, бросающие в надежно отгороженного от них зверя камешки. И это осознание внутренней сущности зверя заставляет героя стихотворения **услышать** «сотрясший небо рык тигриный, Крик вольной, несмирившейся души» и **увидеть** «огнем горящие тигриные глаза». Он уходит из зоопарка в смятении, которое вызвано не только открывшимся ему через «канавок окровавленных ряды» истинным обликом тигра, но и пониманием былой своей слепоты. Не люди сточили до основания зубы тигра, а сам он, снова и снова вгрызаясь в ненавистную ограду:

И вдруг увидел я в железной клетке,
В стене из серого бетона,
Канавок окровавленных ряды –
И словно молния перед глазами полыхнула!
Я понял наконец...
В смятении ушел из зоопарка
И будто в забытьи услышал громкий звук –
Сотрясший небо рык тигриный,
Крик вольной, несмирившейся души!
Он словно сквозь меня пронесся,
Истаял в пустоте.
И я увидел – огненный его узор,
Огнем горящие тигриные глаза!

Коган движется от **знания** сущности тигра к **наблюдению** его в заточении, он не обманывается и не ошибается насчет тигра: «Он низведенный и охаянный, Но бог по древней одаренности». Лирический герой Нью Ханя проходит противоположный путь: от обманувшего его **наблюдения** к **пониманию**, позволяющему увидеть истинную сущность тигра внутренним взором.

2. Субъектная структура. В стихах Когана тигр – антагонист не только человека, но и Бога. Причем антагонист одного уровня, так как он «сам создал себя из хаоса, минуя божии ладони». «**Лепка** мускула» никому не принадлежит, кроме

самого тигра. Исключительность тигра подчеркивается лексическим повтором: «в неповторимом повороте», в нем «неповторимо спаяны», «неповторимая обида». Уникальна и «бешеная грация» тигра: грация – нечто изящное, легкое, плавное и бешенство – нечто безудержное, резкое, неуправляемое, взрывающееся. Это противоречие, но тигр Когана весь состоит из противоречий. Вместе с божественным началом в нем есть дьявольское («дьявол или идол»: этого опасного зверя бояться, как дьявола, но им же восхищаются, преклоняются перед его величием, как перед идиолом). С другой стороны, и сам Бог приобретает некоторое животное начало («Когда, **сопя и чертыхаясь**, Бог тварей в мир пустил бездонный»). «Поднимает» тигра на божественный уровень и высокая лексика, и номинация его местоимениями – *он, его* (Коган использует слово «тигр» лишь в заголовке и последней строке).

У Нью Ханя такая высшая сущность, посредством связи с которой осмысливается образ тигра, отсутствует, однако субъектная структура усложняется тем, что автор вступает как бы в диалог с тигром, вопрошая о его сущности, о его душевной боли. Следует заметить, что стихотворение «Хуананьский тигр» было написано в 1973 г., в трагический период культурной революции в Китае, когда поэт искал способ философского осмысления и образного переживания настойчивой, упорной жизни, протекающей в отсутствии свободы. Олицетворением такой жизни в стихотворении и является тигр. Нью Хань выступает с обвинением культурной революции, высмеивает равнодушных и бесчувственных «зрителей» – людей, которые видели правду, но молчали, боялись.

Нью Хань пишет стихотворение от первого лица, неоднократно повторяя местоимение «я», что создает ощущение большей приближенности, более глубокого переживания страданий тигра лирическим героем. Люди предстают в этом стихотворении в двух ипостасях: как победители, «стреножившие» тигра (за кадром), и как собравшаяся у ограды толпа (в китайском оригинале в первой строфе – *толпа*, а во второй – *зрители*), в которой кто-то кричит и смеется, а кто-то жалеет тигра. Победа людей над тигром уничтожается с обеих сторон: они не в состоянии оценить свою победу, а он ее не признает.

3. Особая роль последовательности (сукцессивности) стихового ряда. У Когана начало стихотворения – сгусток силы и энергии, соответствующей мощи тигра: первые восемь строк – два сложных предложения, без имени субъекта, без единого глагола, с повторяющимися [р], посредством которых мы как бы слышим рык тигра. Казалось бы, Коган визуализирует тигра, но у того нет ни хвоста, ни лап, ни полосок, ни даже оскаленной пасти: только «ромбическая лепка мускула» и «острый и узкий» глаз – сплошная динамика импрессионистически выхваченных деталей. Тигр предстает как мистическое, непостижимое и непонятное существо, создавшее себя из хаоса, со всей его историей со времени появления на планете. И это существо возвышается и возвышается – до того момента, как попадает в руки человеку: его, миновавшего «божии ладони», человек «рукой уверенно потрогал». Таким образом (возвращаясь к субъектной структуре), в пленении тигра видится вызов и Богу: тигр свободен даже от Бога, и у человека нет права отнимать эту свободу, это противоестественно.

Тон стихотворения сразу меняется. Гордое, дикое создание «никнет», «жалко старится» в неволе. Но *густая ярость* не покидает его, внутреннего смирения нет – есть внешняя *примиренность*. И это заставляет нас внимательно взглянуться в последние четыре строки, резко контрастирующие со всем стихотворением, – строки,

в которых появляются местоимения *мы* и *ты* и, насколько это возможно для лирического стихотворения, конкретный хронотоп. Показательна здесь грамматическая конструкция строки «Ты шел уверенным прохожим». Не *был* *уверенным*, а «*шел* *уверенным* прохожим» – казался уверенным. Перед нами вновь обманчивая внешность: внешняя уверенность контрастирует с внутренней изломанностью, которая, как намекает автор в последней строке, вызвана несвободой. Человеку, в отличие от тигра, не надо быть запертым в клетке, чтобы чувствовать себя лишенным свободы.

Стихотворение Нью Ханя построено «зеркальным» образом относительно стихотворения Когана. На протяжении большей его части мы видим тигра тихо лежащим на брюхе в углу вольера в крошечном зоопарке. Лексический повтор и контраст служат не для передачи уникальности и неукротимости тигра, а для выражения его неестественно жалкого состояния: «лапы мощные твои распластаны бессильно по бетону»; «и ты в бессилье яростного гнева» (в китайском тексте: *от печального гнева*). Великий и неукротимый тигр появляется перед нами только в самом конце, когда автор уже «ушел» из зоопарка: то, что ему не удалось увидеть глазами («Я смотрел так долго... очень долго! – Но так и не увидел... пламени исполненных зрачков»), он видит внутренним взором («...огненный его узор, Огнем горящие тигриные глаза!» – здесь русский переводчик следует за китайским оригиналом, в котором дважды повторяется лейтмотив огня 火焰). То, что у Когана предстает как априорная сущность тигра, у Нью Ханя – результат постижения этой сущности отдельной личностью, причем путем не логического понимания, а эмоционального, инстинктивного прозрения. Не случайно фраза «Я понял наконец...» остается незавершенной. И в акте этого прозрения преобразуется не только душа тигра (ср. «душа скорчилась в рыданиях от униженья» в первой части стихотворения и «крик вольной, несмирившейся души» – в последних строках), но и душа самого лирического героя. Если лирический герой Когана «покидает зоопарк» в раздумьях о человеческой несвободе, то лирический герой Нью Ханя – озаренный мыслью о несмирившейся мысли, проникшийся мятежным «тигриным» духом. Но, восхитившись внутренней свободой тигра, он чувствует, как крик «вольной, несмирившейся души» словно пронесся сквозь него (в китайском оригинале: *надо мной*) и истаял в пустоте (в китайском оригинале: *душа поднялась ввысь и улетела, взмыла в воздух*). Значит ли это, что человек может лишь почувствовать такую поразительную свободу, но не может приблизиться к ней?

Итак, общность главного «персонажа» стихотворений Когана и Нью Ханя, ситуации, в которой он представлен, и идеи несмирившейся души в плененном теле, совпадение ряда конкретных языковых средств и приемов выразительности далеко не приводят к тому, что эти произведения можно воспринимать как «двойников». В них обнаруживаются значимые различия на уровне трех сущностных свойств лирического стихотворения (пространственно-временной организации, субъектной перспективы и последовательности), которые приводят к значимым различиям на уровне гипотетически реконструируемого нами замысла автора. В заключение следует заметить, что использованный подход продуктивен не только для интерпретации данных конкретных текстов, но и целом при сопоставлении лирических стихотворений «на одну тему».

ЛИТЕРАТУРА

- Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество. М., 1996. С. 284–296.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.
- Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Левин Ю.И. Избр. тр.: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 464–480.
- Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М., 2001. 416 с.
- Сидорова М.Ю., О Чжон Хюн. Субъектная перспектива в лирической поэзии // Вестник Моск. ун-та. Серия 9., Филология. 2012. № 2. С. 81–87.
- Сидорова М.Ю., О Чжон Хюн. Система субъектов в лирической поэзии – ключ к инвариантным смыслам художественного мира автора // Филология и человек. 2014. № 3. С. 36–46

REFERENCES

- Zolotova G.A. Composition and Grammar. In: Language as Creativity. Moscow. 1996. pp. 284–296.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. (1998) A Communicative Grammar of Russian. Moscow. 524 p.
- Levin Yu.I. Lyrical Poetry from the Communicative Point of View. In: Levin Yu.I. Selected Works: Poetics. Semiotics. Moscow. 1998, pp. 464–480.
- Sidorova M.Yu. (2001) Grammar of Fiction. Moscow. 416 p.
- Sidorova M.Yu, Oh Jeong Hyun. The Subject Perspective in Lyrical Poetry. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 2012. No 2, pp. 81–87.
- Sidorova M.Yu, Oh Jeong Hyun. The System of Subjects in Lyrical Poetry as the Key to Invariant Ideas in the Author's Poetical World. *Philology and Man. Philology and Man*. 2014. No 3, pp. 36–46.

Сведения об авторах:

Марина Юрьевна Сидорова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina Yu. Sidorova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
sidorovadoma@mail.ru

У Баоянь,
канд. филол. наук
ст. преподаватель
Институт иностранных языков, Пекинский
университет языка и культуры, Китай

Wu Baoyan,
PhD
Senior Lecturer
Institute of Foreign Languages, Peking University
of Language and Culture, China
wubaoyan555@mail.ru

А.Г. Шешкен (Москва, Россия)

Надреализм и фольклор: сербская модель сюрреализма

Аннотация: Надреализм в сербской литературе, сформировавшийся как течение на рубеже 1920–1930-х гг., под влиянием французского сюрреализма, ознаменовал свое рождение громкими манифестами и основал собственные печатные органы. Его авторы недолго оставались «чистыми надреалистами» и влились в течение левой «социальной литературы». Однако интерес к поэтике сюрреализма присутствовал в национальной литературе несколько десятилетий (М. Ристич, А. Вучо, О. Давичо). Его опыт сыграл важную роль в литературе 1950–1970-х гг. в первую очередь как художественная практика, служившая мощному развитию условно-метафорической поэзии. Послевоенный сербский надреализм, в отличие от французского сюрреализма, обратил самое пристальное внимание на национальные истоки поэзии, собственный фольклор, особенно на жанры, где сохранились элементы язычества и магических ритуалов. Соединенная с фольклорной традицией, лирика крупных национальных поэтов (В. Попа) продемонстрировала успешность такого синтеза, способствовала развитию выразительных возможностей национальной поэзии и ее стихотворной техники.

Ключевые слова: надреализм, сюрреализм, модернизм, авангард, примитивизм и стилизация, фольклор, В. Попа, О. Давичо, А. Вучо, М. Ристич

A.G. Sheshken (Moscow, Russia)

“Nadrealism” and Folklore: The Serbian Model of Surrealism

Abstract: French surrealism begot “nadrealism” in Serbian literature at the turn of the 1920s–1930s. Its birth was marked by flashy manifestos and new printing houses. Its authors did not remain “pure surrealists” long and got absorbed by the leftist “social literature”. But the national literature was interested in surrealism poetics for several decades (M. Ristić, A. Vučo, O. Davičo). Serbian surrealism played an important role in the literature of the 1950s–1970s, primarily as an artistic practice, which highly motivated the development of conditional metaphor poetry. Postwar Serbian “nadrealism”, in contrast to French surrealism, was more interested in the national source of poetry, which is Serbian folklore with elements of paganism and magical rituals. Lyrics of famous national poets like V. Popa, combined with folklore tradition, demonstrated the success

of such synthesis and contributed to the development of expressive capacity of national poetry and its poetic techniques.

Ключевые слова: “nadrealism”, surrealism, modernism, avant-garde, primitivism и stylisation, folklore, V. Popa, O. Davičo, A. Vučo, M. Ristić

Сербский надреализм – явление для национальной литературы весьма важное, обогатившее язык лирики богатым метафорами, изменившее в литературе и в искусстве в целом понятие о прекрасном. Это течение типологически близкое европейскому сюрреализму, но в то же время глубоко национальное, которое приобрело за время длительного присутствия в сербской культуре свое неповторимое лицо.

Сербский надреализм возник под непосредственным влиянием французского сюрреализма и почти одновременно с ним. Сам термин «надреализм» является калькой французского названия этого авангардистского течения. Одним из первых в королевской Югославии его популяризатором был Марко Ристич (1902–1984). Он в 1924 г. впервые использовал этот термин в статье, посвященной новым тенденциям во французской культуре. Статья была опубликована в журнале «Свидетельства» («Сведочанства», 1924–1925, Белград), в которой М. Ристич (он часто бывал в Париже и был лично знаком с Бретоном) с воодушевлением приветствовал французский «надреализм». В то же время в статье говорится, что новый белградский журнал «не является органом надреализма в Югославии», хотя «Свидетельства» выступали за поиски радикально новых путей в искусстве. Обновление языка литературы они связывали с поэзией сновидений, экспериментальностью, силой воображения, освобожденного от пут рационального видения мира. Журнал в целом был близок по духу европейскому авангарду.

М. Ристич опубликовал в нем первый в сербской литературе образец «автоматического письма» – стихотворение «Пример» (1924), написанное вскоре после издания во Франции «Манифеста сюрреализма» Бретона. Название стихотворения отражало поставленную автором задачу: оно, действительно, было «примером» такого типа поэзии. М. Ристич предпослал стихотворению вводный текст, в котором подчеркивал новые принципы поэтики, прямо противопоставленной стремлению к эстетизации формы и содержания, характерным для поэзии символизма, культивирующей совершенство формы и гармоничность звучания (М. Ракич, Й. Дучич). Он предложил стихотворение, текст которого представляет собой «пример надреалистского письма, без какого-либо стремления к прекрасному и понятному. Это лишь чистый документ о течении бессвязной мысли». Автор стремился продемонстрировать силу творческого воображения, находящегося вне контроля разума. «Автоматическое письмо» для него интересно неожиданной игрой творческой фантазии, появлением образов, чей символический смысл и поэтичность раскрываются не сразу.

В начале 1930-х гг. в Сербии возникают журналы и альманахи, на страницах которых громко заявляют о себе авторы, намеренные «произвести революцию в жизни посредством искусства». В мае 1930 г. в Белграде появилось издание альманаха «Невозможное» («Немогуће» / «L’Impossible»), задуманного как орган надреализма, о чем свидетельствовала надпись на его обложке: «Издание надреализма». Программное заявление подписали тринадцать поэтов, в том числе А. Вучо, О. Давичо, М. Дединац, Дж. Йованович, Дж. Костич, Д. Матич, М. Ристич, К. Попович и др. Содержание альманаха составили тексты под характерны-

ми названиями, отражающими особенности сюрреалистической метафоры: «Челюсти диалектики», «Мистерия человеческой головы», «стихи, чтения, тексты, сновидения, речи, письма, иллюстрации».

Тексты «Положения надреализма в общественном процессе» («Положај надреализма у друштвеном процесу», 1930), журнал «Надреализм сегодня и здесь» («Nadrealizam danas i ovde». 1931–1932) демонстрировали стремление молодых художников к крайнему иррационализму, синтезу марксизма и фрейдизма и провозгласили решительный разрыв с предшествующей литературной традицией. Вокруг журнала «Надреализм сегодня и здесь» (всего вышло три его номера) объединились практически все сторонники надреализма: А. Вучо, В. Живанович-Бор, О. Давичо, М. Дединац, Дж. Йованович, Дж. Костич, Д. Матич, М. Ристич, К. Попович (всего полтора десятка человек). Кроме них, в журнале публиковались тексты европейских представителей сюрреализма: А. Бретона, П. Элюара, Т. Тцара. В качестве иллюстраций использовались картины С. Дали, М. Эрнста и некоторых сербских художников, которые тоже не остались равнодушными к новым веяниям. В числе сербских художников-надреалистов можно назвать Радоицу Живановича-Носа, картина которого украсила обложку первого номера журнала «Надреализм сегодня и здесь». В 1932 г. в Белграде состоялась его персональная выставка. Такое соединение поэзии и живописи закономерно, если учесть стремление сюрреализма и его сербского аналога к подчеркнутой зрительности и пластичности образов.

Надреализм как организованное течение просуществовал в сербской культуре несколько лет (1928–1932), затем большинство его представителей присоединилось к течению социальной литературы, стали деятельными членами компартии Югославии¹. В их поэтике черты надреализма как художественного стиля продолжали присутствовать еще долго. Исследователь сербской литературы межвоенного периода С.Ж. Маркович видел значение пионеров этого течения (М. Ристич, М. Црнянский, Д. Матич, А. Вучо и др.), в том что они «дали право гражданства иррациональному видению мира» и показали, что «нет областей жизни неподвластных поэзии», открыли особую поэтичность в неожиданном и непривычном соединении реальности и фантазии, уравнили в правах сознание и подсознательные образы².

Одним из самых известных и ярких представителей довоенного сербского надреализма был Оскар Давичо. Он участвовал в основных изданиях течения, в том числе поэтическом альманахе «Невозможное». Ранняя лирика Давичо («Следы» / «Трагови», 1928; стихотворение в прозе «Анатомия», 1930) отмечена попытками создания «автоматического письма» через активизацию энергии подсознательного. Заметным событием сербской лирики стала публикация сборника любовной поэзии «Хана» (1939), где можно выделить важнейшие элементы сюрреалистической образности. Новаторским для сербской лирики является отказ от сентиментально-возвышенной трактовки образа женщины. Обстановка – бакалейная лавка бедной городской окраины, где зарождаются глубокие и неистовые эмоции, подчеркнута непоэтична. Любовные переживания поэта наполнены откровенной чувственностью и эротикой, он вдохновлен женщиной и женственностью как всемогущим источником продолжения жизни, сокрушающим все моральные и социальные преграды. «Хана» отличается яркостью стиля, смелостью и неожиданностью метафоры, богатой оркестровкой стиха.

¹ Богдановић М. Стари и нови. Књ. 3. Социјализација надреализма. Београд, 1961.

² Marković C.Ž. Književni pokreti i tokovi između dva svetska rata. Beograd, 1970. S. 89.

Популярны были и другие поэты-надреалисты, например А. Вучо. Об этом вспоминает, в частности, М. Павич в своей книге «Биография Белграда»: «...в той же школе, где преподавал мой отец, учителями были знаменитые поэты Момчило Настасиевич и Душан Матич, последний как-то раз пришел к нам домой на обед и принес книгу поэта-сюрреалиста Александра Вучо, несколько стихотворений из которой я помню по сей день...»¹.

До войны сербский надреализм тем не менее в большей степени декларировал новые принципы искусства. Его художественная практика была достаточно скромной. Однако влияние надреализма на художественное творчество было очень значительным и проявлялось в течение длительного времени². Соединение с национальной традицией после войны стало залогом длительного интереса к нему сербской литературы. Это не было таким крутым поворотом в художественных поисках авангардной поэзии. В целом, несмотря на поиски радикально нового, обращение к исконным истокам народной культуры, особенно к язычеству, было характерно и для предтеч надреализма. Так, Растко Петрович в «Бурлеске Господина Перуна, Бога Грома» (1921) предлагает весьма свободную интерпретацию древнеславянской мифологии.

После относительно короткого отторжения авангарда уже в начале 1950-х гг. во всех литературах Югославии возрождается внимание к его художественному опыту как в литературе, так в живописи и скульптуре. Это произошло на фоне жесткого конфликта с СССР, в обстановке растущей оппозиции советской модели социализма и художественному методу – соцреализму³. Соцреализм с конца 1940-х гг., до этого бывший официальной доктриной искусства, стал последовательно подвергаться критике и как эстетика, и как художественная практика. В 1952 г. на III съезде Союза писателей Югославии он окончательно провозглашен догматическим искусством и отвергнут. В докладе М. Крлежи «О свободе культуры» были обозначены новые художественные ориентиры и реабилитированы модернистские и авангардистские межвоенные течения, в том числе надреализм. В короткий срок формулировка «узкогрудые рамки соцреализма» стала общим местом в статьях, ратующих за свободу творчества. Вслед за отторжением соцреализма переосмыслению подверглась и реалистическая традиция мирового искусства. Началось десятилетие острых споров о путях развития современного искусства, вошедшее в историю как полемика между «реалистами и модернистами» 1950–1960-х гг. В это время проблемы теории и практики надреализма обсуждались едва ли не в каждом из основных литературных журналов.

В середине 1950–1960-х гг. формируется понимание важности преемственности национального опыта надреализма и современного искусства слова. Причин тут несколько. Надреализм как течение революционного содержания, предполагал и приветствовал участие художника в революционной борьбе, но в то же

¹ См.: Павич М. Биография Белграда. СПб., 2009.

² См.: Novaković J. Nadrealizam u svom i našem vremenu. Beograd, 2007.

³ Разрыв отношений между СССР и Югославией в 1948–1953 гг. вошел в историю как «время Информбюро». По инициативе Сталина орган Коминтерна Международное Информационное бюро коммунистических и рабочих партий приняло в июне 1948 г. резолюцию «О ситуации и положении в КПЮ», содержащую критику ее руководства, что вызвало серьезный внутренний кризис компартии. Раскол в КПЮ сопровождался массовыми репрессиями. Противники Тито расстреливались или ссылались в лагеря, символом которых стал «Голый остров» – аналог советского ГУЛАГа и Колымы. Отношения между странами были восстановлены только после смерти Сталина; особую роль сыграл визит Н.С. Хрущева в Белград в 1955 г.

время был альтернативой соцреализма. Многие представители надреализма участвовали в революционном движении, подвергались преследованиям и арестам (например, Оскар Давичо), сражались в рядах партизанской армии. Константин Попович-Коча, неизменный участник всех межвоенных акций надреалистов, автор (вместе с М. Ристичем) манифеста «Эскиз феноменологии иррационального» (1931), стал легендарным партизанским командиром¹. Подобные факты придавали общественный авторитет надреализму и повышали значимость его художественного опыта в борьбе за обновление языка литературы в стране, которая не отказывалась от перспективы развития социалистического общества и социалистической культуры, важной частью которой должен был стать «социалистический модернизм».

Об этом свидетельствует, в частности, один из крупнейших сербских писателей, участник литературного процесса тех бурных лет Д. Чосич: «...Мы, воодушевленные антитрадиционализмом и модернизмом, создавали и расширяли новый модернистский круг в Белграде, опираясь на довоенных надреалистов и привлекая к сотрудничеству молодых писателей моего поколения, среди которых выделялись Васко Попа, Миодраг Павлович, Раде Константинович, в живописи Миодраг Б. Протич и и Стоян Челич, в литературной критике Зоран Мишич и Петар Джаджич... Чтобы в литературной и культурной жизни заложить основы нашего социалистического модернизма, мы во главе с Давичо основали журнал “Дело”, главными редакторами которого стали Александр Вучо и Антоние Исакович. Белград в те годы стал духовным и творческим центром Югославии, центром сторонников модернизма в искусстве и литературе, центром антидогматизма, демократизма и освобождения от сталинизма, от балканского консерватизма и югославянского провинциализма»².

В эти годы вновь востребована поэзия и особенно эссеистика М. Ристича. Он издал сборник стихов «Nox microcosmica» (1956), где объединена его лирика разных лет. Самый страстный и последовательный в отстаивании принципов поэтики надреализма, он, как и до войны, продолжал писать эссе, посвященные вопросам его теории и практики. Статьи, главным образом написанные в довоенные годы, были изданы под названием «Литературная политика» (1952).

Во второй половине 1950-х гг. начинает формировать отношение к сербскому надреализму и его послевоенным последователям и ответственное литературоведение, в целом отрицательно относившееся к модернистскому искусству. Вернувшийся в 1955 г. из Югославии на родину крупный знаток европейских и славянских литератур, тонкий поэт и переводчик И.Н. Голенищев-Кутузов³ принял участие в издании сборника «Поэты Югославии» (1957), где был составителем, переводчиком и авторов коротких, но емких комментариев о поэтах XX в. (М. Ракич, Й. Дучич, Р. Зокович, В. Назор, Д. Максимович, всего 44 имени). И.Н. Голенищев-Кутузов, не будучи поклонником авангарда в поэзии, зная о негативном отношении советского искусства к модернизму в целом, тем не менее включил в сборник лирику О. Давичо. Он кратко и точно очертил творческую эволюцию сербского поэта, его воззрения на современную литературу и место в

¹ К. Петрович-Коча после войны опубликовал книгу документальной прозы «Дневник боевого пути Первой пролетарской бригады» (1946).

² Ћосић Добрица. Писци мога века. Београд, 2002. С. 34.

³ См.: Шешкен А.Г. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов – переводчик поэзии югославян в России (к 110-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2014. № 6. С. 108–122.

литературном процессе Югославии. «В настоящее время Давичо стоит во главе воскресшего после войны крайнего модернистского направления в поэзии (надреализма. – *А.Ш.*), редактирует главный орган модернистов “Дело” (Белград). Давичо утверждает, что прогрессивному писателю “не обязательно быть реалистом”. Между Давичо и его последователями с одной стороны и сторонниками реалистического направления с другой уже несколько лет ведется острая полемика на страницах журналов. Лучшая книга его стихов “Вишня за стеной” (Белград, 1950); в нее вошли произведения 1939–1945 гг. ... При всех своих модернистских увлечениях... Давичо один из самых одаренных поэтов современной югославской литературы»¹. Эта краткая портретная зарисовка, по сути, должна вызвать интерес читателя, служит автору и современной модернистской поэзии своеобразной рекламой. Верный заявленному при составлении сборника принципу «учитывать не только тематическую направленность стихотворений и поэм, но выбирать произведения подлинно поэтические», И.Н. Голенищев-Кутузов при отборе авторов и стихов ставил на первое место эстетический критерий, в соответствии с которым он характеризует Давичо как яркую поэтическую индивидуальность.

В 1950-1960-е гг. творческий импульс, идущий от довоенного надреализма, дал впечатляющие результаты во всех литературах тогдашней Югославии и продолжал ощущаться несколько десятилетий. Ассоциативно-метафорическую поэзию в духе сюрреализма писали как мэтры, (например О. Давичо, сб-ки: «Флора», 1955, «Каирос», 1959, «Тело телу», 1975 и др.), так яркие молодые поэты, ставшие приверженцами этого течения. Из них наибольшую известность приобрел Васко Попа (1922–1991)².

Поэзия В. Попы вместе с лирикой М. Павловича сыграла главную роль в переосмыслении национальных традиций, повороте литератур Югославии в 1950-е гг. к опыту европейского и сербского авангарда и неоавангарда. М. Павлович (1928) был одним из первых сербских писателей, кто в обстановке яростных полемик об обновлении языка искусства обратился к национальным корням поэзии. Это стало важным мотивом его собственного творчества и нашло отражение в составленной им «Антологии сербского поэтического творчества» (1964), где он выступил и как автор предисловия. Интерес к искусству прошлого, соединенный со стремлением понять «магию» поэтического слова, отразился в его собственной поэзии, для которой характерно соединение разнородных элементов. Но, вопреки ожиданиям, соединение несоединимого не всегда выливалось в его лирике в создание надреалистских образов. Напротив, поэт не культивировал эксцентричную метафору и алогизм образности, при том что его поэзии свойственно столкновение сакрального и тривиального, возвышенного и ироничного. В сборниках «Великая Скифия» (1969) и «Новая Скифия» (1970) он широко обращается к славянским легендам и мифам.

С самого начала творческого пути В. Попа, напротив, заявляет о себе как о стороннике условно-метафорической поэзии. Первый сборник стихов «Скорлупа» («Кора», 1953) показал, что автор дистанцируется и от победной, мажорной лирики послевоенного времени, и от меланхолической поэзии «мягкого и нежного звучания» рубежа 1940–1950-х гг. Его видение мира подчеркнуто иррационально. Экзистенциальные мотивы, предметная образность, абсурд реального мира реа-

¹ Поэты Югославии. М., 1957. С. 290–291.

² Васко Попа был румыном по происхождению. Учился на философском факультете Белградского университета, затем в Бухаресте и Вене. Во время войны был узником немецкого концлагеря в Зреняине. Работал редактором в белградском издательстве «Нолит» (1954–1979).

лизуются поэтом посредством смелой метафоры, превращающей обычные окружающие человека предметы в фантасмагорию: «Галстуки перегрызли / Горло пустот повешенных / Последние мысли никнут / К теплым тульям / Пальцы сумрака топорщатся / Из рукавов овдовевших / Ужас зеленый зреет / В коротких складках» («На вешалке», пер. О. Николаевой). Неожиданный ракурс – своеобразный ключ к открытию мира обычного как мира необычайного (важная черта сюрреалистической живописи) – остается важным свойством лирики поэта в течение всего его творчества.

Следуя традиции сюрреализма, В. Попа не использует рифму и не пишет метром, не употребляет знаков препинания, культивирует свободный стих, создает целый ряд стихотворений в прозе. Он смело осваивает поле подсознательного, обращаясь к мотивам грезы и сновидения. Его лирический герой живет в особой реальности, без труда обнаруживая в привычном окружении фантастический мир, в котором нередко много жестокости и бесчеловечности. Слова «насилие», «кровожадность», «тьма», «смерть», «боль» – ключевые во многих сборниках его поэзии. Эти поэтические принципы реализуются в следующих поэтических сборниках автора: «Недобро-поле» («Непочин полье», 1956), «Окольное небо» («Споредно небо», 1968), «Волчья соль» («Вучја со», 1975), «Дом посреди дороги» («Кућа насред друма», 1975) и др. Их объединяет ощущение глубокого, подчас безысходного трагизма, которым проникнуты мир земной, космос и все мироздание.

Поэт испытывал глубокий и систематический интерес к национальному прошлому и его отражению в народном творчестве. Это важная черта послевоенного сербского надреализма, который, в отличие от французского сюрреализма, обратил самое пристальное внимание на собственный фольклор, особенно на жанры, где сохранились элементы язычества и магических ритуалов. В. Попа был составителем нескольких антологий народной поэзии («Золотое яблоко» / «Од злата јабука», «Полночное солнце» / «Поноћно сунце», «Суматоха» / «Урнебесник»). В них вошли преимущественно короткие рассказы, сказки и песни, пословицы и поговорки, скороговорки, загадки, тексты заговоров, заклинаний, ворожбы, гаданий.

Поэт и в собственной лирике нередко использует характерные для произведений фольклора зачины: «Био је једном један троугао» («Жил-был на свете мудрый треугольник», ст. «Мудрый треугольник»); «Била је једном једна грешка» («Жила-была одна ошибка», ст. «Надменная ошибка»); «Била је једном једна прича» («Жила-была одна история», ст. «Рассказ об одной истории»). Он создает сказочные образы головы-бродяги («Глава бескућница»/ «Голова-бродяга») и мифического возникшего в воображении поэта никчемного и злого существа («Ништарија» / «Ничтожество»). В. Попа рисует образ смеха, от которого детям «хочется лопнуть» («После игры»). Он обыгрывает устойчивую метафорическую фигуру речи, создавая таким образом – фантастическую по сути – реализованную метафору.

Одна из первых в нашей науке попыток проанализировать своеобразие использования фольклора в творчестве В. Попы и других авторов, развивающихся в русле надреализма, была предпринята выдающимся российским ученым, глубоким знатоком славянских литератур и фольклора Н.И. Кравцовым в статье «Искусство и народное творчество (к вопросу о примитивизме и стилизации в славянских литературах)». Н.И. Кравцов считает «основными формами использования народного творчества в произведениях модернистов примитивизацию и стилизацию», выделяя это как типологическую черту, характерную для ряда произведе-

ний живописи, скульптуры, архитектуры и литературы XX в.»¹. Примитивизм как форма стилизации была свойственен ряду славянских художников, пытавшихся по-своему вернуться к истокам народной культуры. В этом Н.И. Кравцов справедливо видит отражение атмосферы, пронизанной всеобщим увлечением опытом нереалистических течений. Он отмечает «влияние поэзии и теоретических рассуждений французского поэта Гийома Аполлинера, о котором много писали и пишут югославские журналы. Используя его мысли о связи поэзии и изобразительных искусств, его принцип примитивизации искусства по образцам первобытного искусства и детского творчества, некоторые югославские модернисты попытаются осуществить их в своих произведениях»². Отмечается сильное влияние на поэзию художников и скульпторов-примитивистов, таких как Петар Симич и Анна Белшич, художник Отон Глиха, керамистка Власта Бараньян и др, которые широко используют мотивы и образы народного творчества.

Для В. Попы, считает Н.И. Кравцов, тоже «характерен синтез модернизма в его крайнем абстракционистском проявлении и стилизаторского обращения к народному творчеству»³, в результате чего достигается особая атмосфера, возникает волшебная магия слова. В собственной лирике сербский поэт интересно использовал приемы народных загадок. Например, в стихотворении «Игра в жмурки»: «Неко се сакрије од некога / Сакрије му се под језик / Овај га тражи под земљом / Сакрије му се на чело / Овај га тражи на небу / Сакрије му се у заборав / Овај га тражи у трави / Тражи га тражи / Где га све не тражи / И тражећи га изгуби себе»⁴.

Особое внимание В. Попы привлекла фольклорная символика, ее изначальное значение и семантический потенциал, который он использовал в своей лирике как источник обогащения поэтической лексики. Сам поэт считал, что современное искусство (он называл его новым Возрождением) рождается на заново открытых основах народного творчества, и называл народ первым поэтом в истории, источником, к которому неизменно обращаются все большие художники.

Поэзия В. Попы базируется на двух главных между собой тесно переплетенных мотивах: народное творчество и история многострадального и стойкого сербского народа. Эти черты сконцентрированы в сборнике, где объединены стихотворения, написанные в 1950–1971-е гг. «Выпрямившаяся земля» («Усправна земља», 1972). Сборник состоит из пяти циклов по семь стихов, композиционно объединенных мотивом паломничества по святым для сербского народа местам («Ходочашће» / «Паломничество», «Источник Святого Саввы» / «Савин извор», «Косово поле» / «Косово поље», «Челе-кула» / «Ћеле-кула», «Возвращение в Белград» / «Повратак у Београд»). Странствие осуществляется по земле и по небу, связывая мир реальный и фантастический. Путешествие сквозь века построено по законам мифологического времени: как вечное возвращение и движение по кругу (паломничество начинается и заканчивается в Белграде). Важную композиционную роль приобретает образ посоха – верного спутника и свидетеля всего, что видит и о чем раз-

¹ Кравцов Н.И. Искусство и народное творчество (к вопросу о примитивизме и стилизации в славянских литературах) // Кравцов Н.И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973. С. 327.

² Кравцов Н.И. Искусство и народное творчество (к вопросу о примитивизме и стилизации в славянских литературах) С. 329.

³ Там же.

⁴ Подстрочник: «Кто-то прячется от кого-то / Прячется ему под язык / Этот ищет его под землей / Он прячется у него на лбу / Этот ищет его на небе / Он прячется в его забвении / Этот ищет его в траве / Ищет его ищет / Где только его не ищет / И в поисках его теряет себя».

мышляет лирический герой. Многократное и в разных сочетаниях использование эпитетов «волчий» и «черный» приводит к образованию емких метафорических образов. «Выпрямившаяся земля» – гордая страна в то же время и «волчья земля», распятая между взлетом, процветанием и катастрофическим падением. Она же и «недобро поле» («непочин-полье»), где человеку невозможно выжить и где, единственно, он жить и выжить должен.

Мир мифа, легенды и предания, прочно укорененный в национальное сознание, взаимодействует с историей (старые монастыри, места сражений, исторические личности) и постоянно присутствует в коллективной судьбе народа. Патриотизм В. Попы не в открытом воспевании славного прошлого, а в понимании неразрывности связей прошлого и настоящего, важности традиции для сохранения самосознания и самобытности народа. Само название сборника – синоним гордой страны, которая не отступает перед грозным врагом. Но это и вертикаль между землей и небом, символизирующая пересечение и взаимопроникновение ратной доблести и высокой духовности народа.

Цикл «Паломничество» посвящен старинным сербским монастырям. В Хиландаре, Раванице, Манасии, Жиче, Сопочанах лирический герой размышляет над вопросами надежды и беспомощности, силы искусства и способности художника проникать взором сквозь время: «Зограф, как далеко твой взор достигает?» В этих стихах сплавляются христианские мотивы (икона, храм), лексика народной поэзии, языческие действия (поклонение Перуну) и молитвенные интонации. Весьма функциональна и символика чисел: «три» и особенно «семь» – семь шагов, семь голубиц, семь сербских церквей. В сборнике появляются образы Св. Саввы («Святой Савва» / «Свети Сава»), «Кузница Святого Саввы» / «Ковачница Светога Саве»), Карагеоргия – предводителя Первого сербского восстания против турок (1804–1813), впоследствии предательски убитого («Черный Георгий» / «Црни Ђорђе»), «Смерть Черного Георгия» / «Смрт Црнога Ђорђа») как символы вечной тяги сербского народа к свету и свободе.

В цикле «Косово поле» рождается ассоциативный ряд, связанный с колыбелью сербского средневекового государства и его гибелью в битве 1389 г. с войском турецкого султана. Косово – символ сербской духовности и символ героической борьбы народа за свое существование, в нем соединились история и миф, поражение и подвиг, личный порыв и самоотверженность и коллективное противостояние злу. Использование черного цвета создает реминисценции и визуальные ассоциации. «Косово поле» населено дроздами («кос» по-сербск. дрозд), черными птицами, ассоциирующимися с бедой, но именно в монастырях многострадального края «черноризцами» создана и сохранена традиция, которая позволила народу сохранить себя в страшных испытаниях.

В целом, можно констатировать, что надреализм в сербской литературе, сформировавшийся как течение на рубеже 1920–1930-х гг., оставил яркий след в национальном искусстве слова. Его опыт сыграл важную роль в литературе 1950–1970-х гг. в первую очередь как художественная практика, служившая мощному развитию условно-метафорической поэзии. Соединенная с фольклорной традицией, лирика крупных национальных поэтов продемонстрировала успешность такого синтеза, способствовала развитию выразительных возможностей национальной поэзии и ее стихотворной техники.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Л.Г. Сюрреализм. История. Теория. Практика. М., 2004. 352 с.

Ильина Г.Я. Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны: В 2 т. Т. 1: 1945–1960 гг. М., 1995. С. 317–406.

Кравцов Н.И. Искусство и народное творчество (к вопросу о примитивизме и стилизации в славянских литературах) // Кравцов Н.И. Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973. С. 323–342.

Новаковић Ј. Nadrealizam u svom i našem vremenu. Beograd, 2007. 273 S.

Marković С.Ž. Književni pokreti i tokovi između dva svetska rata. Beograd. 1970. 148 S.

REFERENCES

Andreev L.G. (2004) Surrealism. History, Theory. Practice. Moscow. 352 p.

Ilyina G.Ya. Literature of Yugoslavia. In: History of Eastern Europe Literatures after the Second World War: In 2 vols. Vol. 1: 1945–1960-ies. Moscow. 1995, pp. 317–406.

Kravtsov N.I. Art and Folk Art (On Primitivism and Stylisation in Slavic Literatures). In: Kravtsov N.I. Questions of Comparative Study of Slavic Literatures. Moscow. 1973, pp. 323–342.

Новаковић Ј. Nadrealizam u svom i našem vremenu. Beograd, 2007. 273 S.

Marković С.Ž. Književni pokreti i tokovi između dva svetska rata. Beograd. 1970. 148 S.

Сведения об авторе:

Алла Геннадьевна Шешкен,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla Shesken,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

О.В. Розинская (Москва, Россия)

Польский период эмиграции Д. Мережковского

Аннотация: В статье исследована литературная и общественная деятельность Д. Мережковского, эмигрировавшего в 1920 г. и в течение года жившего в Варшаве. Автор рассматривает формы участия писателя в литературной и культурной жизни польской столицы, его взаимоотношения с эмигрантами, с польской общественностью. Дана характеристика сотрудничеству Мережковского в местных периодических изданиях и тем откликам, которые появлялись в польской прессе в ответ на публикации художественных произведений и публицистики Мережковского, на постановки его пьес.

Ключевые слова: русская эмиграция, первая волна, Мережковский, Варшава

O.V. Rozinskaya (Moscow, Russia)

The Polish Period of Dmitry Merezhkovsky's Emigration

Abstract: The article studies D. Merezhkovsky's literary and public activities in Warsaw in 1920. The author discusses forms of the writer's involvement in the literary and cultural life of the Polish capital, his relations with emigrants and the Polish public. The article seeks to analyze how Merezhkovsky contributed to local periodicals. Of special interest are the reviews that appeared in the Polish press in response to publications of Merezhkovsky's works and stagings of his plays.

Key words: Russian emigration, first wave, Merezhkovsky, Warsaw

В 1920–1930-е гг. в Польше вместе с эмигрантским потоком оказались и такие видные деятели русской литературы, как З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов, Б. Савинков, М. Арцыбашев, А. Амфитеатров и другие. Для одних Польша была лишь временным прибежищем, короткой передышкой в нелегких скитаниях по чужбине, другие же остались здесь навсегда.

Всего один год прожили в Польше З. Гиппиус и Д. Мережковский. Вместе со своим секретарем Владимиром Злобиным и старым другом по «Литературному триумvirату» Д. Философовым они прибыли в начале 1920 г. в Варшаву.

Автор многочисленных романов Д. Мережковский был известен в Польше задолго до своего приезда. Его знали как представителя «старших символистов»,

автора трилогии «Христос и Антихрист», исследования «Л. Толстой и Ф. Достоевский». Мережковским интересовались, живо обсуждали его творчество.

Трилогия «Христос и Антихрист» была переведена на польский язык и опубликована в 1901–1902 гг., драма «Петр и Алексей» – в 1907, «Александр I» – в 1913 г.¹

Поэтому, когда он приехал в Варшаву, он был встречен как один из выдающихся современных русских писателей, с творчеством которого польский читатель был достаточно хорошо знаком.

Продолжали переводиться книги писателя и в 1920–1930-е гг. Так, в 1922 г. в Кракове в переводе Барбары Белецкой вышел его роман «14 декабря» (1918), фрагменты которого краковская «Нова Реформа» поместила еще в 1918 г. В 1926 фирма «Глобус» издала его исследование «Рождение богов – Тутанхамон на Крите» (1924). Рецензию на книгу поместил польский журнал «Вядомости Литерацке». С интересом были восприняты польским читателем историко-биографическая книга Мережковского о Наполеоне (1929; издана в Варшаве на польском языке в 1930 г.) и исследование «Иисус Неизвестный» (1934; переведено на польский язык и напечатано в 1937 г.).

Произведения Мережковского находили свое сценическое воплощение на польской сцене как до революции, так и в 1920–1930-е гг. Например, драма «Царь Петр I» ставилась в нескольких польских театрах. Первая постановка была осуществлена в Кракове в 1910 г. режиссером Л. Сольским, а последняя в 1926 г. в Варшаве. Премьера драмы «Павел I» состоялась в Варшаве в 1915 г. Было сыграно всего 52 спектакля. Позже она ставилась во Львове, Познани. Пьесу «Царевич Алексей» в переводе Вацлава Роговича поставил варшавский театр в 1921 г.² Постановками интересовались, критика оценивала прежде всего их актуальность и прямое сопоставление с современностью.

О Мережковском много писали на страницах польской печати³. Высокого мнения о творчестве Мережковского был его друг польский литературовед М. Здзеховский, который в своей книге «Русское влияние на польскую душу» говорил о нем как о «самом знаменитом в настоящий момент художнике»⁴, сравнивая его с Львом Толстым, отмечая масштабность и значительность его творчества. Мнение Здзеховского подтверждает то особое место, которое занимал Дмитрий Мережковский в начале 1920-х гг. в сознании польской литературной интеллигенции. Польский писатель Стефан Жеромский посвятил несколько статей творчеству Мережковского, называл его знаменитым «мистиком, а может, и русским мистификатором»⁵.

Польский ученый А. Брюкнер в своем капитальном исследовании «История русской литературы»⁶ отмечал огромный интеллектуальный потенциал художника, его творческие возможности, умение погрузиться в ту или иную историческую эпоху. Но при этом он считал, что в книгах Мережковского идеи подавляют собственно произведения, указывал на достаточно вольное обращение с историческими фактами, явную искусственность исторических стилизаций.

¹ См. об этом: *Sieliński F.* Mereżkowski w Polsce międzywojennej // *Przegląd Humanistyczny*. 1973. № 3.

² *Wiadomości Literackie*. 1926. № 20.

³ В 1906 г. в Кракове появилось первое польское исследование творчества Мережковского В. Гостомского, одновременно и переводчика его произведений. Критик называл писателя одним из наиболее культурных и образованных представителей русской литературы последнего периода.

⁴ *Zdziechowski M.* Wpływy rosyjskie na duszę polską. Warszawa, 1920. S. 61.

⁵ *Żeromski S.* Snobizm i postęp. Warszawa, 1923. S. 181.

⁶ *Brückner A.* Dzieje literatury rosyjskiej. Warszawa, 1932.

Известный польский прозаик Т. Парницкий поместил Мережковского на первое место среди писателей-эмигрантов, подчеркивая, что он является одним из основных кандидатов на Нобелевскую премию. Он причислял писателя к наиболее талантливым, ярким романистам предреволюционной эпохи¹. Однако он считал, что как писатель Мережковский состоялся именно в начале века, а все созданное им в эмиграции значительно слабее с точки зрения художественности, вкуса, чувства меры. Наибольшая удача Мережковского, по его мнению, беллетризованные биографии исторических лиц.

Сразу же по приезде в Варшаву Мережковский начал сотрудничать с газетой «Свобода», в которой публиковал фрагменты из своего петербургского дневника 1918–1919 гг., а также статьи «Крик петуха», «Красный дьявол», «Терновый венец», «Все это любят», «Смысл войны», «Тройная ложь», «Савинков и Врангель», «Балахович». Вместе с З. Гиппиус он пытается установить связи с русскими эмигрантскими организациями, Русско-польским обществом, ведет переговоры с Пилсудским об образовании русских отрядов при польских войсках для борьбы с Советами.

З. Гиппиус в своих воспоминаниях писала: «Общее положение наше было такое: мы все прежде всего были заражены стремлением бороться с большевиками. То, что мы знали о них, поняли, весь наш опыт, вечная мысль об “оставшихся” – это, само по себе, делало невозможным наше молчание...»².

Мережковские с самого начала видели спасение от большевизма в иностранной интервенции. Они возлагали большие надежды на Б. Савинкова, собирали вокруг него политических единомышленников.

Большую помощь и поддержку оказывал им их давний друг Юзеф Чапский, известный в Польше художник и литератор, знаток и ценитель русской культуры и искусства. Он учился на юридическом факультете Петроградского университета. В дореволюционные годы сблизился с четой Мережковских, был постоянным посетителем их литературного салона «Зеленая лампа». В Варшаве Чапский организовал для Мережковского цикл лекций, на которые собиралась вся интеллектуальная элита Варшавы. Мережковский часто говорил об исторической миссии польского народа, о новой Польше, которая противостоит «грядущему хаму», спасая западноевропейскую цивилизацию. Он был убежден, что большевизм является абсолютным метафизическим злом, потому все свои духовные и физические силы писатель стремился использовать для борьбы с большевиками.

Идея о вечной борьбе Христа и Антихриста, которую писатель воплотил в своих романах «Христос и Антихрист» («Смерть Богов. Юлиан Отступник», 1896; «Воскресшие Боги – Леонардо да Винчи», 1901; «Антихрист. Петр и Алексей», 1905), как он полагал, находит в современной истории свое конкретное воплощение.

Он считал, что литературная эмиграция должна стать той духовной оппозицией, которая сохранит традиции и сможет возродить русскую культуру.

Мережковский обращался в своих лекциях и к творчеству Мицкевича. Он говорил о традициях польско-русской дружбы, нашедших свое отражение в творчестве и Мицкевича, и Пушкина, обращался к пророческим предсказаниям поэта, говорил о его вере в особую миссию, предначертанную Польше. Все это Мережковский соотносил со своей идеей крестового похода против большевиков (статья «Распятый народ. Польский мессианизм и Россия» в книге «Царство Антихриста» – Париж, 1921).

¹ *Parnicki T. Rosyjska powieść historyczna // Kurier Literacko-Naukowy. 1933. № 41.*

² *Мережковский Д.С., Гиппиус З.И. 14 декабря: Роман, Дмитрий Мережковский: Воспоминания. М., 1991. С. 478.*

«Рядом публичных докладов по-русски и по-французски на животрепещущие темы, – пишет К. Вендзягольский, – Мережковский в значительной степени рассеял первоначальный холодок консервативно сдержанной польской интеллигенции к русскому патриотическому делу, возглавляемому бывшим революционером и убийцей-террористом»¹.

Много лет спустя в своих воспоминаниях Чапский расскажет о пребывании Мережковского в Варшаве, о его публичных лекциях: «Я вновь с ними подружился. У него тогда были невероятно пропольские выступления, он говорил в Варшаве о Мицкевиче и Пушкине. Ну, и, конечно, невероятно антибольшевистские, но бывали на них все, от Жеромского до Реймонта. Это являлось событием. Ведь это был очень известный тогда человек»². Юзеф Чапский при помощи польского писателя Анджея Струга организовал в августе 1920 г. встречу Мережковского с Юзефом Пилсудским, главой польского государства. Об этом визите Гиппиус писала в своем дневнике: «Пилсудского Дмитрий Сергеевич видел, сидел у него час двадцать минут и то сам ушел. Результаты интересные. Дм.С. даже увлекся им, пишет восторженную статью “Иосиф Пилсудский”, которая тотчас выйдет брошюрой и будет везде распространена»³. Эссе «Юзеф Пилсудский» Д. Мережковского было напечатано в газете «Свобода» в 1920 г.

В этом же году оно было издано отдельной книжечкой в переводе на польский язык В. Роговича (затем было переведено на французский, английский и итальянский языки). Основной идеей данного эссе являлась убежденность в том, что победа над большевиками необходима и возможна, если польский народ поддержит своего великого вождя. Во вступлении автор пытался преодолеть тот невидимый барьер, который неизбежно возникает между столь высоким официальным лицом и писателем-эмигрантом и обращался к Пилсудскому как человек к человеку, называя его своим новым братом и другом. Он очарован его простотой и естественностью, взволнован сердечностью приема, тем, что Пилсудский переходит на русский, подчеркивая свое уважение к нему.

Автор наделяет Пилсудского даром особой интуиции и ясновидения, что, по его убеждению, возвышает его среди современных политиков. Мережковский называл его «избранником божьим», способным разрушить царство Антихриста: «Если совершите это, непременно спасете Польшу и, быть может, даже весь мир»⁴. Ссылаясь на пророческие «Три огненные А», – пишет профессор Б. Бялокозович, – на Августа Цешковского, на Андрея Товянского и на Адама Мицкевича, Мережковский узрел в Пилсудском “дух Божий”, тройственный лик совершенства – мудрость, подвиг, простоту. Односторонность и предвзятость такого взгляда вполне очевидны»⁵. Пилсудский отвергал любые соглашения с российской контрреволюцией: «“Все, что угодно, только не это. Лучше большевизм”, – выкрикнул он в гневе и глаза его заискрились»⁶, – вспоминал Мережковский. И Ленин, и

¹ Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 72. С. 168. Это высказывание Вендзягольского относится к Б. Савинкову, который возглавлял в Варшаве Русский политический комитет.

² *Czapski J. Dzienniki, wspomnienia, relacje.* Kraków, 1986. S. 196.

³ *Мережковский Д.С., Гиппиус З.И.* 14 декабря: Роман, Дмитрий Мережковский: Воспоминания. М., 1991. С. 503.

⁴ *Mereżkowski D. Józef Piłsudski.* Warszawa, 1920. S. 11.

⁵ *Бялокозович Б.* Юзеф Чапский и русские писатели-эмигранты // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1996. № 3. С. 32.

⁶ *Mereżkowski D. Józef Piłsudski.* S. 10.

Троцкий для Пилсудского – это, прежде всего, Божьи отступники, презревшие все законы человеческой морали.

Однако, несмотря на теплый прием, оказанный Мережковскому польской интеллигенцией, его положение в Польше было довольно сложным. В своих дневниках, относящихся ко времени их пребывания в этой стране, З. Гиппиус отмечала неприкаянность своего мужа, вынужденное бездействие и одиночество. Его ожесточенность, непримиримость, неспособность идти на какие-либо компромиссы обусловили его изоляцию в эмигрантской среде. Поначалу он с восторгом отнесся к идее формирования русских отрядов при польских войсках. Но очень скоро наступило разочарование и в Польше, и в Савинкове, к которому он постепенно охладел. Остро переживал Мережковский факт подписания польско-советского перемирия в 1920 г. Его мечта, что Пилсудский завоюет Россию и «водрузит крест на Кремле», не была осуществлена.

«И вдруг Пилсудский заключил мир, – вспоминает Чапский. – Мережковский страшно обиделся на Пилсудского из-за того, что он изменил своей исторической миссии. Уехал – и никогда уже в Польшу не вернулся»¹.

Все эти настроения нашли свое отражение в книге «Царство Антихриста», созданной Мережковским совместно с З. Гиппиус, Д. Философовым, В. Злобинным и изданной на русском языке в Польше в 1921 г. В этом же году книга была опубликована в Париже на французском языке. Д. Мережковским были написаны предисловие к книге и три статьи: «Царство Антихриста», «Крест и Пентаграмма», «Лев Толстой и большевизм». «Ослепленный разум Польши, – заявил автор в предисловии к книге, – закрыл ее душу и сердце. Мир, который она подписала с большевиками – уничтожил или отдалил на долгие годы мир ее с Россией, такой насущно-необходимый обеим соседним странам»².

Все, что было тогда написано Мережковским, пронизано острым ощущением трагедии, неизбежности катастрофы, потерей веры в Польшу, изменившую своему предназначению. «Я слишком люблю ее сердце, ее историю, ее великих людей, Мицкевича, Красинского, Словацкого, Товянского, – всю ее героическую борьбу, проходившую под знаком креста. И вот, на пороге своего возрождения Польша кресту изменила»³.

Писатель, оказавшийся свидетелем великой социальной бури, столкнулся с ней – и отшатнулся. Еще в политическом эссе «Грядущий Хам», написанном им в 1906 г., он провозглашает победу Бога над дьяволом, верит в то, что «Христос освободит мир – и никто, кроме Христа. С Христом против рабства, мещанства и хамства»⁴. В более поздней публицистике (статья «Царство Антихриста») зло находит свое конкретное воплощение – это большевики и революция. Для него «большевизм – это не только политика, но и религия – религия дьявола». Следовательно, победа над большевиками должна быть победой Бога над дьяволом. А третья Россия, т. е. Россия свободная от большевиков, о которой мечтает автор, должна быть Россией религиозной. «Вера творит чудеса, – восклицает автор, – чудо сотворит и наша вера. России нет – Россия будет»⁵.

¹ *Czapski J.* Dzienniki, wspomnienia, relacje. S. 198.

² *Мережковский Д.* Царство Антихриста. Мюнхен, 1922. С. 5.

³ *Мережковский Д.* Царство Антихриста. С. 6.

⁴ *Мережковский Д.С., Гиппиус З.И.* 14 декабря: Роман, Дмитрий Мережковский: Воспоминания. С. 543.

⁵ *Мережковский Д.* Царство Антихриста. С. 34.

Сложные жизненные обстоятельства, вынужденная изоляция писателя в эмигрантской среде, разочарование в Пилсудском, а также охлаждение отношений с Д. Философовым определили решение семейной пары оставить Польшу и уехать в Париж.

В октябре 1920 г. они покинули Варшаву и никогда уже больше сюда не возвращались. Интересно, что в Париже Мережковские поселились в том самом доме, в котором когда-то жил великий польский поэт А. Мицкевич.

Юзеф Чапский и его сестра Мария не теряли связей с Мережковскими и после их отъезда. Свое посещение этой пары в Париже в 1924 г. Чапский описал в статье «У Дмитрия Мережковского»¹. В ней он пытается сопоставить жизнь в эмиграции Мережковского и Мицкевича, делая вывод, что незначительная роль писателя в эмигрантской среде объясняется его изолированностью от современной жизни, полным погружением в свое творчество.

«Мережковский почти постоянно живет в мире своих мыслей и творчества; Гете и Достоевский воспринимаются им как стократно более реальные спутники, чем порой навещающие его время от времени гости. Знатный писатель прозревает современностью и открывает глаза на текущий ход событий только на мгновение и тогда только видит окружение... после нескольких секунд опять погружается в мир собственных мыслей – и перестает видеть окружающих его людей», – писал Ю. Чапский².

Мережковский и Гиппиус продолжали сотрудничество с газетой «Свобода». Так, в ноябре 1920 г. на страницах этой газеты начинает печататься роман писателя «14 декабря», а в мае 1922 г. обращение Д.С. Мережковского к Папе Римскому; в марте 1924 в газете публикуется рассказ З. Гиппиус «Кольцо молчания».

ЛИТЕРАТУРА

Бялокозович Б. Юзеф Чапский и русские писатели-эмигранты // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1996. № 3.

Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 72.

Мережковский Д. Царство Антихриста. Мюнхен: Drei Masken Verlag, 1922. 285 с.

Мережковский Д.С., Гиппиус З.И. 14 декабря: Роман, Дмитрий Мережковский: Воспоминания / Сост., вступ. ст. О.Н. Михайлова. М.: Московский рабочий, 1991. 523 с.

REFERENCES

Byalokozovich B. Józef Czapski and the Russian Emigre Writers. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 1996. No 3.

Wendziagolsky K. Savinkov. *Novy Zhurnal*. 1963. No 72.

Merezhkovsky D. (1922) *The Kingdom of Antichrist*. Munich. Drei Masken Verlag. 285 p.

Merezhkovsky D.S., Gippius Z.I. December 14: Novel, Dmitry Merezhkovsky: Memories / *Compil., introd. article by O.N. Mikhailov*. Moscow. Moskovsky Rabochy Publ. 1991. 523 p.

Brückner A. (1932) *Dzieje literatury rosyjskiej*. Warszawa.

Czapski J. U Dymitra Merezkwowskiego (Paryż, listopad). *Czas*. Kraków. 1924. № 275, 276.

Czapski J. (1986) *Dzienniki, wspomnienia, relacje*. Kraków.

¹ Czapski J. U Dymitra Merezkwowskiego (Paryż, listopad) // *Czas*. Kraków. 1924. № 275, 276.

² Czapski J. U Dymitra Merezkwowskiego // *Czas*. 1924. № 276. S. 2.

Mereżkowski D. (1920) Józef Piłsudski. Warszawa.
Parnicki T. Rosyjska powieść historyczna. *Kurier Literacko-Naukowy*. 1933. No 41.
Sielicki F. Mereżkowski w Polsce międzywojennej. *Przegląd Humanistyczny*. 1973. No 3.
Zdziechowski M. (1920) Wpływy rosyjskie na duszę polską. Warszawa.
Żeromski S. (1923) Snobizm i postęp. Warszawa.
Wiadomości Literackie. 1926. No 20.

Сведения об авторе:

Ольга Валерьевна Розинская,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga V. Rozinskaya,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

o.rozinskaya@mail.ru

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

М.А. Косарик (Москва, Россия)

**Разработка лексикологической проблематики
в ранних грамматиках, трактатах и диалогах о языке
(на материале филологических сочинений Португалии)**

Аннотация: Лексическая проблематика в португальской лингвистике XVI–XVII вв. рассматривается не только в словарях, но и в филологических памятниках других жанров: в грамматиках, трактатах и диалогах о языке.

Процесс становления некоторых идей современной лексикологии в эпоху, предшествующую Пор-Роялю, можно проследить на примере португальских сочинений. 1. Их авторы представляют понимание слова как единицы языка, отражают членимость слова, ставят вопрос о границах слова, об аналитическом слове, выделяют, помимо словоизменяемых, морфемы словообразовательные и корневые, что позволило создать словарь, основанный на принципе словообразовательного гнезда. 2. В сочинениях, кодифицирующих норму, решаются вопросы отбора образцовых вариантов в лексике (ориентация на латынь или на португальский узус, возможность употребления диалектизмов, архаизмов, неологизмов, заимствований), отмечается различный характер лексики в речи разных социальных групп. При фиксации орфографии намечаются элементы орфографического словаря. 3. Зарождение исторического подхода к языку, задача уяснения состава и источников португальской лексики, решавшаяся с учетом семантики и исторических процессов в фонетике, подводит к формированию современного понимания этимологии, позволив создать прообраз португальского этимологического словаря со значительным числом правильных этимологий. 4. В грамматиках, создававшихся для обучения общению на иностранном языке, представлены дискурсивные слова с различными коммуникативными функциями.

Разработка вопросов лексики в сочинениях, формально не связанных с лексикологией, способствовала не только созданию разных типов словарей, но и структурированию научного знания – становлению словообразования и лексикологии как особых дисциплин.

Ключевые слова: история лингвистической мысли, лингвистическая историография, лексикология, норма, этимология, португальский язык

Analysis of Lexicological Problems in Early Portuguese Grammars, Treatises and Dialogues on Language

Abstract: In the Portuguese linguistics of the 16–17th c. lexical issues were discussed not only in dictionaries but also in grammars, treatises and dialogues on language.

Pre-Port-Royal Portuguese linguistic writings help to trace the evolution of some ideas in modern lexicology. 1. Their authors views the word as a language unit, discuss its divisibility into meaningful parts, write about its boundaries, analytical word, about the root, flexional and derivational morphemes, which led to the creation of derivational dictionaries. 2. In writings codifying the language norm Portuguese authors discuss the origins of target lexemes and note lexical variation in the social dimension. By fixing orthography, they pave way to creating orthographic dictionaries. 3. Portuguese linguists write about the origins of lexis, semantics and historical changes, leading to the modern understanding of etymology and creating a prototype of modern dictionary with correct etymologies. 4. In grammars designed for teaching foreign languages one can find the description of discourse particles and their functions in communication.

The development of lexical subjects in the non-lexicological writings led not only to creating dictionaries of various types but also structuring scientific thought, to the growth of lexicology and rise of new disciplines.

Key words: history of linguistic thought, linguistic historiography, lexicology, norm, etymology, Portuguese language

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционно исследователи ранних этапов истории языкознания, в частности XVI–XVII вв., обращаются прежде всего к словарям и на этом практическом материале делают косвенные выводы о понимании вопросов лексики в изучаемую эпоху. Между тем разработка многих важнейших понятий и принципов описания лексики, не только определяющих характер словарей, но и подводящих к созданию лексикологии как особой дисциплины, первоначально осуществляется и, что особенно важно, эксплицируется в сочинениях совсем других жанров: в грамматиках, трактатах и диалогах о языке.

Цель данной статьи состоит в наблюдении над тем, какие аспекты слова привлекают внимание филологов на этапе становления романских языков как национальных литературных языков, который совпадает с ключевым, на наш взгляд, периодом формирования лингвистики как зрелой науки [Косарик 1995; Kossarik 2016b]. Пониманию лингвистами изучаемой эпохи слова как единицы грамматической системы посвящена одна из глав книги о начальном этапе истории португальской лингвистики [Косарик 2013b: 45–66]. В данной же статье рассматривается представление авторами грамматик и трактатов лексической проблематики.

Разумеется, о ее понимании можно судить и по ранним словарям. Португальская лексикографическая традиция, начавшаяся в XVI в., имеет давнюю, но своеобразную историю (так, в ней отсутствует Академический словарь португальского языка в классическом, традиционном его понимании, и не потому, что не было попыток его создания, а в силу особого отношения к норме, проявившегося в португальской лингвистике с самого начала ее существования, и ее соотношения

с узусом [Косарик 2007]). Прежде всего, были созданы португальско-латинский и латинско-португальский словари Кардозо [Cardoso 1570], Барбозы [Barbosa 1611], Перейры [Pereira 1647]. Кроме того, португальская составляющая включается в многоязычные словари, продолжающие принцип словаря Калепино, – словарь Робореду [Roboredo 1621]. Особая характерная черта португальской (как и испанской) лексикографии раннего этапа ее существования – создание словарей языков новооткрытых территорий: Японии, Индии, индейцев Бразилии (значительная их часть остается в рукописях). Истории португальской лексикографии посвящена значительная литература, мы же обратимся к материалу, практически не рассматривавшемуся с позиций истории лексикографии, хотя многие аспекты лексики, часто находящиеся на стыке лексикологии и других лингвистических дисциплин, затрагиваются, помимо словарей, в филологических сочинениях разных жанров: грамматиках, диалогах и трактатах о языке¹, изданных в XVI–XVII вв. в Португалии и ее колониях, либо португальскими авторами за пределами страны.

Обращение к отражению лексической проблематики в грамматиках, диалогах и трактатах XVI–XVII вв. оправдывается тем, что именно в этих сочинениях, созданных на начальном этапе становления европейской лингвистики как зрелой науки, авторы эксплицируют некоторые важные для формирования современной лексикологии понятия и принципы описания, в то время как словари являлись уже их практической реализацией: представления о слове как о единице языка; понимание вопросов словообразования и появление тенденции его выделения в особую область лингвистики; принципы фиксации лексической нормы; зарождение представлений об исторической лексикологии и об этимологии в современном понимании этого термина.

СЛОВО КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ СЛОВА, ЕГО ЧЛЕНИМОСТЬ

Для большинства авторов португальских лингвистических сочинений эпохи слово является основной единицей языка (хотя уже намечается тенденция к выделению уровня предложения, особенно ярко она проявляется в универсальной грамматике Робореду «Грамматический метод для всех языков» 1619 г. [Roboredo 1619: 90–101]; Косарик 2013а).

В определении слова грамматисты опираются на различные критерии. Оливейра, автор первой грамматики португальского языка 1536 г., исходит из логико-семантического критерия и пишет, что слово обозначает вещь (как артикль и имя), действие (как глагол) или модус (как любая другая часть речи), что свидетельствует о связи португальской грамматической доктрины со средневековой традицией, с делением слов на имена, глаголы и синкатегоремы в логике схоластов, восходящей к Аристотелю.

Das dições. Dição, vocabulo: ou palavra: tudo q̃r dizer hũa cousa: e podemos assi dar sua definiçã. Palavra e voz que senifica cousa ou auto ou modo: cousa como artigo e nome auto como modo verbo como qualquer outra parte da oraçõ [Oliveira 1536: Civ].

Барруш в грамматике 1540 г. представляет слово как основную единицу языка в самом определении грамматики, подчеркивая роль слова как инструмента понимания, познания.

¹ Помимо португальского, в них описываются латинский, древнееврейский, тупи-гуарани, конкани (один из языков Индии, который автор называет *sanarim*).

Nós podemos lhe [a gramática] chamar artefício de palavras, póstas ã seus naturáes lugáres: pera que mediãte ellas, assi na fãla como na escitura, venhamos em conhecimento das tenções alheas. Por que bem assy emtram as leteras pela vista, como as palavras pelos ouvidos: instrumento comque o nõsso intendimeto recebe as mais das cousas [Barros 1540: 2].

Для Робореду важнейшее свойство слова, лежащее в основе его определения, – именование: «Palavra he voz, com que cada cousa se diz, ou chama» [Roboredo 1619: 64].

Ренессансным авторам пришлось решать вопрос о делимитации слова, который в позднеантичном грамматическом каноне практически не рассматривается. С проблемой структурной цельности слова, цельных и членимых (аналитических) словоформ впервые сталкиваются авторы грамматик романских языков вследствие формирования в романских языках аналитических форм, соответствующих латинским синтетическим. Перед первыми португальскими лингвистами встает задача различения, с одной стороны, синтетического и аналитического слова, а с другой – отделения аналитических форм от конструкций. Барруш, Нунеш де Леан, Робореду демонстрируют аналитизм романского глагола. Различение аналитических форм и конструкций оказывается связанным с пониманием категорий имени и глагола и проявляется во включении или не включении их в парадигмы именного и глагольного словоизменения. Барруш представляет как аналитические, противопоставленные латинским синтетическим, португальские формы степеней сравнения прилагательных, сложные глагольные формы [Barros 1540: 8, 25]. Эта тенденция распространилась и на грамматику латыни: аналитизм португальского глагола, в сопоставлении с латинскими синтетическими формами, отражают Резенде, Алвареш, Робореду, Нунеш де Леан.

Præt. perfectum. Eu haia, ou tenha amado [...]. Amáverim [Resende 1540: Diiij]. Amavi, Eu amei, ou tenho amado [Alvares 1572: 16v]. 1. Preterito. Eu Am-éi, tenho, & tive amado. Ego Amáv-i. [...]. 1. Plusquãperf. Eu am-ára, & tinha am-ado. Ego Amáv-eram [Roboredo 1619: 15–16]. De duas vozes destas s. [...] da impessoal & passiva carece a lingua Portuguesa como as outras, Hespanhoes, Italiana & Francesa, porque o que haviaõ de dizer per suas palavras directas & extendidas, como fazem os latinos, & os Gregos o dizem por circumloquios, & arto-deos de vozes emprestadas do verbo substantivo sou, es [Leão 1606: 117–118].

С особой остротой проблема делимитации слова встает перед авторами миссионерских грамматик. Описания неиндоевропейских языков иллюстрируют зарождение представлений о возможности различного понимания границ слова в разных языках, соотношения слова и его части, слова и конструкции. В этих грамматиках на эмпирическом уровне решается проблема делимитации слова, определения его границ и целостности: отличия слова, с одной стороны, от морфемы, с другой – от словосочетания. Описание частей речи у авторов первых грамматик языка индейцев Бразилии, Аншьеты (1595 г.) и Фигейры (1621 г.), отражает трудности делимитации слова в тупи-гуарани, для которого характерна инкорпорация. Столкнувшись с этим явлением, авторы миссионерских грамматик пишут о «композиции», «аппозиции», о слове (части речи), уделяют большое внимание явлениям морфонологии, указывают на единое ударение в этих структурах.

Os nomes substantivos se compoem com adjectivos, præcedendo sempre os substantivos, & se tem accentto na ultima, ficão inteiros, ut mbaecatú, mbaéaiba, nbungatú, nhúaiba. Se tem acentto na penultima & encontram cõ vogal, perdem a ultima vogal, ut tûba ete, tubeté, pai verdadeiro. Se encontram com consoante, perdem toda a ultima syllaba, ut tûba, catú, tucatú. [...] Substantivos cõ substantivos, cõ a mesma mudãça. [...] E ainda se soem compor tendo o precedente accentto na ultima, ut cunumî, minino, téra, nome, cunumiéra, pro cunumirera, pueri nomen, usus docebit [Anchieta 1595: 8v–9v]. Os verbos [...] se compoem com algûas partes da oração, e na

conjugação não se fas caso senão da ultima terminação, ut: Com adverbios. aicuâb, sey, catû, bem. [...] he quasi como quando se interpoem o nome, servindo hum dos verbos por nome interposto, ut açûgebîr [Anchieta 1595: 52]. E na composiçãõ ha muita variedade. De dous verbos às vezes se compõe hum. v. g. Aymonhang, faço; Aicuab, sei; Aimonhanguab, sei fazer. Outras vezes do verbo activo, & do seu accusativo, se compõe hũ verbo neutro, ut Aimongueta Tupã; Atupãmongueta; & entãõ se cõjuga como neutro. Outras vezes entre o artigo do verbo activo se mete hũa das tres letras, que servem de relativos, i, ç, com zeura, T, & juntamente o nome que avia de ser accusativo do verbo; & de tudo se forma hũ só verbo activo. E a fora isso tẽ outro accusativo, ut Aycomonhang xeruba, faço a rossa de meu pay; A, he o artigo, i, he relativo, co, rossa, he accusativo, monhãng, he o verbo activo, em direitura, Faço a sua rossa a meu pay [Figueira 1621: 47v–48]. As duas primeiras [syllabas] Nho, Yo, quando compoem, ou se ajuntãõ a algum verbo Activo, sempre denotãõ numero plural, & communicaçãõ de hũs pera com os outros: ut Aimongueta, fallar; Onhomongueta, fallãõ huns para com outros, ou hum com outro [Figueira 1621: 43v]. As duas particulas Nhe, Ye, compondo verbos activos [...] denotãõ cair a acçãõ de cada pessoa sobre si mesma: ut xe ayeiuca, eu me mato a mim mesmo [...]. E se o verbo, a que qualquer destas syllabas Nho, Yo, Nhe, Ye, se ajuntãõ começar por ç, com zeura; o tal ç, se perde, ut açauçub, Aycauçub [Figueira 1621: 44].

Утверждая, в соответствии с античным каноном¹, что слово – минимальная значащая единица языка, что части слова не значат, португальские лингвисты при описании разных языков выделяют значащие части слова: флексии, суффиксы, префиксы (продолжая, таким образом, процесс, начатый еще в античности). Соуза в латинской грамматике 1535 г., помимо исходов, характерных для разных родов имени (-a, -us, -u), приводит «окончания», служащие для образования уменьшительных имен, и, хотя они не всегда полностью совпадают с уменьшительными суффиксами, примечательны сами попытки выделения словообразовательных морфем.

Que finiunt a, sunt feminina [...]. Que finiut u, neutra sunt [Sou, viij]. Que finiunt us, in secunda aut quarta declinatione, sunt masculina [...]. Que finiunt us, in tertia declinatione, sunt neutra [Sousa 1535: ixv]. Personale [verbum] quod per distinctas peronas & terminationes variatur, ut Amo, as [Sousa 1535: xxiiijv]. Letera mutãt genera [participii] per terminationes more adiectivorum, ut Albus, a. um [Sousa 1535: xlvj]. Nominum, tamen diminutivorum non est certa ratio qua possint formari, quia exeũt in varias terminationes. Sed plerũq; In ulus. a. um. ut fraterculus. sororcula. minusculum. Aliquando in io, ut [...] senecio. Aliquando in aster. a. um. ut pinaster. filiastra. apiastrum [...] In olus. a. um. ut Sergiolus [...]. In ellus. a. um. ut tenellus [Sousa 1535: iijv].

Значительное число морфем, выражающих различные грамматические и словообразовательные значения, мы находим в первой грамматике португальского языка. При описании словообразования Оливейра приводит различные аффиксы с указанием их словообразовательных значений: суффиксы отглагольных существительных², уменьшительные и увеличительные, образования наречий, имен со значением специальностей и мастерских.

a regra ãõ demos dos nomes dos offiços ãõ acabassem em .eiro. [carpenteiro, çapateiro] damos das offiças ou lugares desses offiços cujos nomes acabarãõ em ria [...] çapataria, carpentaria. [...] e regra geral ãõ os nomes verbaes femeninos acabem todos em ãõ como liçãõ, oraçãõ e os masculinos em or, como regedor, governador, e os demenutivos em inho ou inha, como moçinho, moçinha, e os aumentativos em az ou ãõ. [...] os averbios os quaes quando sãõ tirados polla mayor parte ou sempre acabãõ em mente, como cõpridamente, [...] os averbios acabados em mente significãõ calidade. [...] hũs certos nomes verbaes em mento, como cõprimẽto [Oliveira 1536: Dvj v–Dvij].

¹ Отметим, однако, что у Доната и Присциана, прослеживается явная тенденция к выделению словоизменительных морфем.

² Не во всех случаях автору XVI в. удается выделить суффикс целиком, иногда он вычленяет лишь его часть: ãõ вместо -çãõ, og вместо -dor.

Оливейра выделяет префиксы, сопоставляя, с одной стороны, непрефиксальный глагол и образованные от него префиксальные, а с другой – глаголы, образованные с теми же приставками от других производящих (*fazer, contrafazer, re-fazer, desfazer* ↔ *revender, desconcertar*). Автор видит роль словообразовательной морфемы в изменении семантики слова при деривации. Хотя, в соответствии с традицией, он якобы отрицает существование значения у приставок, оговаривая, что приставки «сами по себе, отдельно не означают, но заставляют слова, к которым присоединяются, означать большее, меньшее или противоположное», ниже приводит значения выделяемых префиксов: «...часть *re* при образовании сложных слов имеет значение усиления, *des* – значение разрушения, уменьшения или противоположного действия, *com* – совместного действия». Грамматист показывает возможность разных изменений лексического значения слова при префиксации: различает приставки, указывающие на направление, время протекания, степень проявления действия; отмечает появления у слова значения, полностью отличного от значения производящего (*pedir – impedir, fazer – desfazer*); пишет, что, «когда сохраняется то же значение, оно либо усиливается, как в случае *vender* и *revender*, либо ослабляется, как в случае *acertar* и *concertar*, так как *acertar* ближе к окончанию, чем *concertar*, и несет значение большей совершенности действия».

as partes re, es, & des. As ães se ajuntão assi: revender, estorvvar, desconçertar. E porẽ em que não sinifique[m] apartadas por si, fazem sinificar as dições com ã se ajũtão mais ou menos, ou ã con[tra]iro. [...] quãdo ficão na mesma sinificaçã[o] ou acreçentã[o] essa sinificaçã[o] como vẽder e revender ou a demenuẽ como açertar e cõçertar porã mais chegado e ao fim açertar que conçertar e traz cõsigo mais perfeiçã[o] desse auto [...] esta parte .re. no ajuntamẽto tem virtude de acreçẽtar, e estoutra des. tem virtude de desfazer ou diminuir ou fazer o con[tra]iro, e como esta parte .com. sinifica muitas vezes cõpanhia, cujo exẽplo seja conchegar e conjuntar [Oliveira 1536: Cvij v, Cvij v].

Португальский автор XVI в. делает шаг на пути выделения корневых морфем, связывая лексическое значение не только со словом в целом, но и с определенной частью слова, которая может не являться самостоятельным словом, а входить в другие слова.

*As dições juntas a ã os latinos chamão cõpostas sã cujas partes apartadas sinificaçã[o] ou podẽ sinificar e sã dições por si ou partes doutras dições ã ã premeiro serviã[o] e donde tẽ seu premeiro e ãprio [*próprio*] naçimẽto ao cõtraio das apartadas, ou as dições jũtas são aãllas ã q se ajuntã[o] diversas dições ou suas partes fazẽdo hũa so diçã[o] [Oliveira 1536: Cvij].*

Таким образом, первая португальская грамматика свидетельствует, что лингвистика исследуемого периода выделяет элементы слов, носители значений, которые выражают отношения между вещами во внеязыковой действительности. При описании словообразования Оливейра интерпретирует дериват, выделяя в производном слове его составные элементы, что приближает автора к установлению отношений производности между дериватом и производящим словом, к установлению семантического и формального сходства и различия между мотивирующим и мотивированным словом. В результате ренессансный автор выделяет корневые и словообразовательные морфемы, связанные с определенными значениями, делая важнейший шаг в формировании представлений о членимости слова.

В грамматике Барруша, представляющей значительное число словоизменительных морфем, из словообразовательных аффиксов выделены только увеличительные суффиксы, которые автор связывает с эмоциональной оценкой. «Увеличительные имена [...], которые почти все оканчиваются на *am* и *az* (*mulheirão*, са-

valão, velhacaz, ladrabaz), всегда выражают презрение, уничижение человека или вещи, к которым их относят» [Barros 1540: 9].

Нунеш де Леан, автор трактатов «Орфография» 1576 г. и «Происхождение португальского языка» 1606 г., приводит уменьшительные суффиксы, причем с характерным для него вниманием к сопоставлению романских языков, не только португальские, но и латинские, итальянские.

os diminutivos, que em nossa lingua acabão em ,te, [...] como verdette, pequenette, scudette, [...] que para significar diminuição acabamos nestas terminações, como os Latinos acabão os seus diminutivos em ellus ou illus. Como os Italianos [...] nas terminações de etto, ou otto, por denotarẽ significação diminutiva [Leão 1576: 39].

Касаясь фонетических и семантических соответствий латинских и португальских префиксов, Нунеш де Леан обнаруживает характерную для префиксов фонетическую вариативность, отмечает явления фузии [Leão 1576: 38–40, 42–48].

В грамматике древнееврейского языка Таворы, помимо различных словоизменительных морфем (показателей рода и числа имени, залога глагола), мы находим понятие корня («корневых букв»), к которому автор прибегает, следуя еврейской грамматической традиции, выработавшей это понятие¹ благодаря особенностям глагольного словоизменения в этом языке.

Coniugationis indicem, nec admittat in secunda radicali litera Daghes forte [...]. Habet autem hæc prima coniugatio sub. p [...]. i. prima radicali litera. [...] hæc literæ radicales sũt verborũ & neutror, sive intransitivorum [Távora 1566: Ciiii–Ciiiv].

Помимо грамматики Таворы понятие корня содержится в трактате Робореду, представляющем учебный латинский словарь этого автора «Raizes da lingua latina mostrados em um tratado e dicionario» («Корни латинского языка, показанные в трактате и словаре») [Roboredo 1621]. В рекомендациях, адресованных изучающему латынь, Робореду пишет о «корневых буквах»², которые остаются неизменными при деривации и вычлняются после отделения приставок и флексий, что дает нам основания говорить о вполне сформировавшемся понятии корня у автора начала XVII в.

fica clara a Investigaçãõ do Simple, & Primitivo. & achando o Simple o poderás outra vez compor de muitos modos, & derivar do Primitivo hũa, & muitas palavras diversamente: & [...] poderás descobrir as letras radicais, que se não mudão, como por exêplo se tẽ ocorrer esta voz Occurrebatis, tira esta syllaba, Oc, [...]: depois tira Ebatis, q̃ na Grammatica se ensina que se converte em O, e assi tẽs Curro, em que são letras immudaveis, Curr- as quaes verás no dictionario maiores [Roboredo 1621: 9].

В «Грамматическом методе для всех языков» [Roboredo 1619]³ Робореду приводит многие португальские словоизменительные морфемы в сопоставлении с латинскими.

Значительное число формантов с различными грамматическими и словообразовательными значениями вычлняют авторы миссионерских грамматик. Аншьета помимо показателей грамматических значений разных частей речи приводит различные словообразовательные форманты, в частности служащие для образования диминутива. Фигейра выделяет словообразовательные форманты отглагольных имен, отмечает различия в значениях лексем, образованных при помощи

¹ О проникновении понятия корня в европейскую лингвистику из восточной грамматической традиции см.: ЛЭС [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 146], Робинс [Robins 1974: 146], Алпатов [Алпатов 2005: 9–41].

² В издании словаря эти «корневые буквы» выделены особым шрифтом.

³ «Methodo grammatical para todas as linguas» [Roboredo 1619] явился первой универсальной грамматикой [Косарик 2013а; Косарик 2013b; Kosarik 2002; Kosarik 2003; Kosarik 2015; Leite 2011].

разных формантов. Тенденция к выделению словообразовательных морфем намечается и у Эштевана в грамматике конкани (sanarim) 1640 г.; в одних случаях он специально указывает на словообразовательные морфемы, в других нет, но и тогда они легко вычлняются при сопоставлении дериватов с производящим словом и с другими дериватами.

Tambem i serve de diminutivo, maxime nos nomes, ut xejára, xejari, meu senhorzinho, xembaê, xembaei, minas coisinhas [Anchieta 1595: 54]. Estes verbaes saõ commũmente em tres maneiras; huns acabados em Ara, ou Ana: outros acabados em Aba. Os terceiros em yra. Assi como do verbo Ajucá. Iucaçára, o matador. Iucaçába, o instrumento, ou lugar, ou tempo, ou modo de matar. Ijucapura, a cousa morta [Figueira 1621: 37v]. Responde [ao latino] ,qui, quæ, quod [...] connuyecu, i, a, a este acrescentando lhe hũ , i, na ultima syllaba fica tendo o sentido de nullus, a, um [Estêvão 1640: 19–19v]. Destes nomes de numerar [...] se formaõ hũs adjectivos, [...] de cinco pera diante acabaõ todos os adjectivos em, auo, ut, panchauo, y, ã, fauo, y, ã, com declaraçaõ que do segundo pera cima se poẽ antes os tais adjectivos a particula yeca, ut Yecauissauea Varusta, no anno Vizessimo primo [Estêvão 1640: 20v–21].

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В античном грамматическом каноне проблематика словообразования включена в описание морфологии частей речи и представлена акциденциями «вид» и «фигура», которые характеризуют слово с точки зрения производности и состава. Грамматическая традиция различала, в зависимости от используемых формальных средств, словопроизводство (деривацию) и словосложение (композицию). Присциан при описании «вида» различает слово первичное (непроизводное) и производное, различает три «фигуры»: простую, сложную и производную от сложной (*simplex*, *composita* и *decomposita*). Префиксация относится к словосложению, приставку и предлог Присциан не разделяет. Наряду с этим подходом к вопросам словообразования, утвердившимся в позднеантичном каноне и воспринятым дальнейшей грамматической традицией, необходимо отметить концепцию произвольного и природного склонения и внимание к словообразовательным гнездам у Варрона, который оказал значительное влияние на Оливейру.

В португальских лингвистических памятниках описание словообразования могло занимать разное место. В основном, в соответствии с канонем, грамматисты включают словообразование в описание частей речи, относя его к упомянутым двум акциденциям (*espécie* и *figura*). Этому традиционному принципу следуют Соуза, Барруш, Тавора, Фигейра. Однако в грамматиках XVI–XVII вв. намечается и существенное изменение канона – тенденция к разделению описания словообразования и словоизменения. Эту инновацию, предвосхищавшую выделение словообразования в особую дисциплину, вносит Оливейра, не использовавший термин «акциденция» и четко разделивший описание словообразования и морфологии частей речи. Автор первой португальской грамматики относит словообразование и словоизменение к склонению [Oliveira 1536: Div–Div v], сближаясь в понимании склонения с Варроном, на которого многократно ссылается. По Оливейре, произвольное склонение – это образование слов «одно от другого, каждый, образуя одно слово от другого, осуществляет его по своему усмотрению», в то время как «естественное склонение больше подчинено правилам и законам, которыми руководствуется искусство грамматики».

Marco Varrão divide as declinações em naturaes e voluntareas: volūtareas são as ã cada hũ faz a sua vontade tirãdo hũa voz doutra, como de Portugal portugues e de Frãça frãces, mas de Frandes framengo e de Galiza galego. [...] As declinações naturaes são mais sogeitas as regras e leis de cujo mandado se rege esta arte [Oliveira 1536: Dv–Dvj].

В качестве примеров произвольного склонения Оливейра приводит образование этнонимов от топонимов, прилагательных от существительных, отглагольных существительных и прилагательных, грамматических дублетов: Portugal – português, Grécia – grego, Gócia – godo; pedra – pedregoso, areia – areento; pescar – pescador, pescadeiro, pescaresco; bacio – bacía, серо – сера, cesto – cesta; к естественному склонению он относит изменение форм артикля, имени, глагола [Oliveira 1536: Dv–Dvij]. В главах, посвященных естественному склонению, грамматист представляет морфологию частей речи [Oliveira 1536 Dvii–Eiv v]. Таким образом, граница между естественным и произвольным склонением оказывается границей между словоизменением и словообразованием. Граница эта не вполне четкая – Оливейра колеблется, к какому склонению отнести образование отглагольных существительных, наречий на -mente, имен с уменьшительными и увеличительными суффиксами [Oliveira 1536: Dvi v–Dvij; Eiv v]¹. Вопросы словообразования Оливейра рассматривает в разделах «Об аналогии»² и «О словах»³. Автор подчеркивает роль словообразования в пополнении словаря: «Мы образуем одни слова от других, чтобы обогатить наш язык, чтобы у нас не было недостатка в словах для [обозначения] вещей».

Tiramos ou formamos hūas diçdes doutras ãa [para] abasteçer e fazer copiosa a nossa língua e porç nos não faltẽ vocabulos nas cousas [Oliveira 1536: Diii–Diii v].

Грамматист указывает на соотношение имени и вещи, ставит вопрос о связи семантики производящего и производного слова, о мотивированности производного слова. Словообразование рассматривается в связи с изменением формы и изменением содержания. В образовании одних слов от других Оливейра находит рациональные основания – стремление отразить в производном слове связь вещей во внеязыковой действительности: «Поскольку одни вещи являются или кажутся нам похожими на другие или происходят от других вещей, будучи их видами, точно так же одни слова являются как бы видами других слов, и мы создаем похожие и близкие по звучанию: tinteiro получило свое имя из-за близости к tinta, velhice – к velho, потому что она свойственна старику, honrada или honrado – к honrar. Как в вещи, так и в звучании, много общего, и мне кажется, не следует это считать недостатком, будто не смогли найти слов, напротив, в соответствии с хорошим разумом, сохранили сходство вещей в словах; таким образом, слова оказываются более ясными и лучше выражают свои значения, потому что различие слов показывает, что есть различие в вещах, так же, как сходство слов дает нам понять, что вещи не различны».

porç ũas cousas ou são ou parece chegadas a outras: ou tãbẽ descendẽtes e espeçeas dellas assi isso mesmo fazem hūas diçdes çsi [quase] como espeçeas ãtiçipãtes [participantes] doutras: e ã outras fazemos as formas semelhãtes e chegadas ã voz como tinteiro: pela vezinhẽça e trato que tẽ cõ tinta lhe poserã esse nome e velhice de velho porque e sua ãpria [própria] e hõrada ou hõrado de hõrar; tẽ muita parte assi na cousa como na voz e a meu ver não digamos ç foy isto defeito de não acharẽ vocabulos: mas e conforme a bõa rezãõ ç aja e se guarde a semelhãça das cousas nas vozes e assi são mais claras e dizẽ melhor seus sinificados porç a

¹ Отметим, что грамматист XVI в. колеблется тех случаях, когда явление лежит в области пересечения лексики и грамматики, ср.: [Курилович 1962: 62–64].

² Термин употреблялся для обозначения морфологии (так назывался раздел грамматик, посвященный частям речи и их категориям).

³ Этот раздел грамматики Оливейры посвящен лексике. Среди классов слов, дифференцируемых по различным признакам (по исторической перспективе, происхождению, сфере использования), есть и выделяемые по словообразовательным характеристикам (первичные и производные, простые и сложные).

diversidade das vozes mostra aver diversidade nas cousas e tãbẽ a semelhãça por cõseguĩte das vozes faz entẽder q̃ as cousas não são deferẽtes [Oliveira 1536: Diiij v].

Таким образом, грамматика Оливейры отражает связь словообразования и с лексикологией, и с грамматикой, предвосхищая особое место словообразования в кругу лингвистических дисциплин.

Робореду, продолжая эту тенденцию, вообще отделяет словообразование от собственно грамматического описания. В его грамматических сочинениях, где при описании частей речи и их категорий приводятся многие португальские и латинские морфемы, вопросы словообразования не затрагиваются, «вид» и «фигура» не рассматриваются [Roboredo 1619; 1625]. Однако это отнюдь не значит, что Робореду не интересуется этой проблематикой. Напротив, именно словообразованию посвящен упоминавшийся выше небольшой трактат «De composição e derivação e Ortografia das vozes Latinas» («О композиции, деривации и орфографии латинских слов»), возможно, первое в европейской традиции специальное сочинение по словообразованию. Показательно включение автором этого сочинения именно в словарь («Raizes da lingua latina mostrados em um tratado e dicionario» – «Корни латинского языка, показанные в трактате и словаре») [Roboredo 1621]¹. Робореду учитывает проблематику словообразования при организации словарной статьи, вычленение корней позволяет ему создать словарь на основе словообразовательного гнезда, в отличие от первого португальского словаря Кардозу [Cardoso 1570] и более позднего словаря Перейры [Pereira 1647]. Примером может служить статья *Facio*: она содержит формы латинского глагола, некоторые замечания грамматического характера, объяснение значения латинской лексемы, ее португальские и испанские соответствия, описание сочетаемости латинского глагола с существительными, относящимися к разным семантическим полям, кроме того, значительное место в словарной статье занимает образование дериватов, композитов от латинской лексемы. Робореду приводит полный список префиксов и корневых морфем, участвующих в образовании новых слов от ее основы [Roboredo 1621: 136–137]. Это заставляет вспомнить о современных словарях сочетаемости и словарях морфем.

Таким образом автор начала XVII в., уже вполне отделяет словообразование от словоизменения, которые представлены в трудах, относящихся к разным сферам описания языка. Включение трактата по словообразованию в словарь подчеркивает связь словообразования с лексикологией; в то же время описание Робореду отражает и связь словообразования с морфологией. Все это говорит о развитии тенденции к выделению словообразования в самостоятельную лингвистическую дисциплину, лежащую на стыке морфологии и лексикологии.

Грамматисты XVI–XVII вв. внимательны к вопросу о способах словообразования – деривации и композиции. Соуза относит к дериватам посессивы, диминутивы, имена, образованные от имен, глаголов, причастий и наречий, патронимы, компаративы и суперлативы [Sousa 1535: iiijv]. Композицию Соуза понимает как возможность разделения слова на части, значащие сами по себе, самостоятельно. Префиксация характеризуется как композиция.

Quot sunt figure? Due. Simplex, que non potest dividi in partes significativas eius quod integrum significabat, ut Aptus. Cõposita que potes dividi in partes significativas eius quos integrum signifacabat. ut Ineptus [Sousa 1535: x v].

¹ В создании этого словаря Робореду ориентируется на словарь Калепино.

Авторы первых португальских грамматик также пишут о словопроизводстве (деривации) и словосложении (композиции) – так, Оливейра различает «первое имя», результат первичной номинации, и производящее слово, – однако, отходя от античного канона, авторы грамматик португальского языка уже не выделяют в особую группу сложные слова, образованные от других сложных слов, и не различают классы сложных слов в зависимости от изменения значения композита. Они исходят только из формального критерия (участия в акте словосложения двух единиц), а не разнородных критериев (формального и лексико-семантического), что сближает ренессансных грамматистов с современным пониманием словосложения. Оливейра определяет простое слово как не разложимое на целые слова («оно делится только на слоги или звуки»). Он относит слово к сложным¹, если части, на которые оно может быть разделено, сохраняют с ним семантическую связь [Oliveira 1536: Cvij]. Грамматист отмечает разную степень семантической близости мотивирующих слов и композитов.

As dições tiradas a q̃ os latinos chamão dirivadas são cujos naçimētos vem doutras algũas dições dõde estas são tiradas, como tinteiro, velhiçe, hõrada [Oliveira 1536: Dij]. As dições apartadas a que os latinos chamão simprezes ou singelas são aq̃llas cujas partes não podẽ ser dições inteiras, mas dividẽse somēte em syllabas e letras. [...] As dições juntas as vezes guardão a mesma sinificação q̃ tinham as suas apartadas, e as vezes tomão outra quasi semelhãte, e outras vezes muito diferēte; guardão a mesma sinificação como torvar e estorvar; tomão outra quasi semelhãte como guardar e resguardar, chegar e achegar; são de todo diferētes como podar e apodar, pedir e empedir; e nam so diferentes, mas tãbem cõtrairas como fazer e desfazer, ãdar e desãdar [Oliveira 1536: Cvij v–Cvij].

Барруш не вполне четко разделяет вопрос о производящем слове и о первичной номинации.

Tem o nome outro açidente a que os Grammaticos chamam especia, aqual e hũa divisam per que apartamos o nome dirivado do primitivo, ou primeiro gerado. Primitivo nome chamamos, aquelle que foy primeiro, sem haver hy outro donde nacesse ou se derivasse, assy como Cidade, Corte, Casa. Nome dirivado se chama Cidadã, Cortesam, Caseiro, os quaes se derivam dos tres açima² [Barros 1540: 7].

К простым словам Барруш относит слова, части которых «ничего не значат», в то время как «части сложного слова имеют значение сами по себе» [Barros 1540: 9, 20]. Рассматривая композицию, он указывает, к каким частям речи относятся производящие основы, сколько основ может участвовать в словосложении, приводит примеры сложения двух имен, глагола и имени, двух глаголов, глагола и наречия, имени и предлога: «redefóle de rede e fóle, arquivãco de árca e bãnco, [...] torçicólo de torçer de cólo, [...] mordefuge de morder e fugir, [...] puxavãte de puxár de avante, [...] tráspe de trás de pe» [Barros 1540: 9].

Робореду определяет композицию как образование слова из двух или более слов, простое слово – как слово, «части которого ничего не означают», сложное – как слово, «отдельные части которого значат». Под деривацией понимается суффиксальное словообразование (автор упоминает также и о понимании деривации как именного и глагольного словоизменения, подчеркивая, что это относится к грамматике). Грамматист указывает на возможность образования нескольких дериватов

¹ «as dições juntas a q̃ os latinos chamão sãpostas».

² «Акцидентом вид мы отделяем производное имя от первичного или первого созданного. Первичным именем мы называем такое, которое было создано первым и не было другого, от которого оно бы родилось или образовалось, например, город, двор, дом. Именами производными являются горожанин, придворный, домашний, произведенные от трех вышеназванных».

от одного слова, отмечает семантическую связь дериватов с производящим словом. Объясняя различия между деривацией и композицией, Робореду также подчеркивает сходство композиции и деривации, которое он видит и в том, и в другом случае в возможности вычленения корней, а зная корни, можно образовывать разными способами новые слова. Со словообразованием автор связывает богатство словаря. Как отмечалось выше, Робореду приводит процедуры, необходимые для выявления корня производящего слова. Подчеркнув семантическую связь деривата и производящего слова, Робореду пишет о различии их значений. Он также отражает некоторые морфологические изменения при деривации и композиции.

A composição das palavras, que os Grammaticos chamam figura, he uma união de duas, ou mais palavras, das quaes se compõe hũa. Antes da união se chama palavra simple, depois da união, Composta. Simple he aquella cujas partes divididas nenhũa cousa significão: como Eo, Pleo, Sero. Composta he aquella, cujas partes apartadas significão: como Transeo, Impleo, Dissero. Esta composição se faz, acrescentando ao principio da palavra ou hũa partícula, como em Transeo, &c. ou duas, como em Pertranseo [...]. Faz se tambem Composição de duas palavras incorruptas: como Contradico, ou de duas corruptas: como Causidicus: ou de hũa corrupta e outra inteira: como Magnanimus [Roboredo 1621: 7–8] A Derivação, q̃ os Grammaticos chamão Specie, he huã conveniente dedução de hũa, ou muitas vezes, que se dizem derivadas de hũa, q̃ se diz primitiva: assi como de hũa fonte se derivão muitos rios: como por exemplo, desta voz primitiva, Erro, se derivão Error, Erratum, Erraticus, Errabundus, Errones. [...] Deixando pois a derivação dos Casos, Pessoas e Tempos, de que se tratta na Grammatica, entre a palavra Derivada, & Composta ha esta differença, que a Composta tem o diverso principio e o mesmo fim; pelo côtrario a Derivada tem o mesmo principio e o diverso fim: como de Erro simple se faz, obverro composto; e do mesmo primitivo se faz Erratu derivado. [...] Achão-se corruptas no principio, e fim Auceps, Princeps, Miniceps, Particeps de Capio. & porq̃ a mesma doutrina serve para os contrarios, ensinada a Composição, & Derivação fica clara a Investigaçãõ do Simple, & Primitivo. & achando o Simple o poderás outra vez compor de muitos modos, & derivar do Primitivo hũa, & muitas palavras diversamente: & [...] poderás descobrir as letras radicais, que se não mudão, como por exêplo se te ocorrer esta voz Occurrebatis, tira esta syllaba, Oc, [...]: depois tira Ebatis, q̃ na Grammatica se ensina que se converte em O, e assi tẽs Curro, em que sãõ letras immudaveis, Curras quaes verãõ nos dictionarios maiores. Donde alem da origem simple, & primitiva colherás [...] a propria significação das dependentes [...]. Per esta escada pois subindo, & descendo [...] adquirirás muito brevemente muito grande copia de palavras [Roboredo 1621: 8–9]. O Derivado contem a terminação, e significação algum tanto diversa do seu primitivo [Roboredo 1621: 22]. Os derivados acabados em Arius, assinalão o que pertence aa significação do primitivo, ou do officio daquela materia, da qual se deriva [Roboredo 1621: 24].

Эштеван не касается содержания понятий, связанных со словообразованием, однако его грамматика интересна тем, что в ней приводятся случаи конверсии, редупликации. Автор описывает бессуффиксальный способ образования наречий от прилагательных и существительных (адвербиализацию среднего рода имени). Приводя случай адъективации существительного, он отмечает разные модели словоизменения в зависимости от того, выступает ли слово в функции существительного или прилагательного. Грамматист упоминает об образовании отыменных существительных и прилагательных, отглагольных имен, неопределенных местоимений от «адъектива со значением *im*»¹, описывает редупликацию при образовании диминутивов. У Эштевана представлено также образование числительных, партитивов, отглагольных прилагательных, диминутивов, наречий [Estêvão 20–21, 38v–39, 81v, 82v].

¹ В соответствии с традицией, Эштеван относит числительные к адъективам.

De muytos dos nomes adjectivos, & substantivos desta lingoa se formaõ adverbios, os quaes de ordinario se formaõ da terminaçaõ neutra [*зд. производящая основа*] como de amantu, ti, ta se forma o adverbio amanta, de auachitu, i, a, couza de improvizo, se forma auachita de improvizo [...], & sic de cæteris [Estêvão 1640: 82]. Sakhi, & gouai quando se tomaõ pellas testemunhas saõ indclinaveis, mas quando se tomaõ pello testemunho vaõ entaõ gouai por chouai, ie [*один из типов первого склонения*], & fakhi por bori, bory [*третье склонение*]. [...] destes se formaõ hũs adjectivos, como de nhaĩ, nhaincho, y, e, ounhaitulo, y, e, couza do Rio, ou de dentro do Rio. [...] Por sunnẽ vaõ [*склоняются по соответствующей модели*] todos os nomes originados de verbos [Estêvão 1640: 12–13v]. Do adjectivo yecu, i, a, nascẽ os adjectivos Kei yecu, i, a, q̃ quer dizer algũa couza, em algũ; nascẽ tambẽ yeyecu, yeyequi, yeyeca, cada hũ por sy, tambẽ nasce yecalõ, i, e, que quer dizer couza so, ou por sy so, tambẽ nasce, anniyecu, i, a, que quer dizer outro, ou outrem [Estêvão 1640: 19]. Na nesta lingua deminutivos que se fazẽ de algũs adjectivos aos quaes redobrando as primeiras duas syllabas ficaõ diminutivos, ut dhakulo, y, e, quer dizer couza piquena, & dhakhu dhakhulo, y, e, quer dizer couza pequenina, tanulo, y, e, quer dizer couza tenra de crianças, Tanutanulo, y, e, quer dizer couza muito tenrinha, idulo, y, e, couza pequenina, iduidulo, y, e, quer dizer couza muyto pequenina, et sic de cæteris nos quais puder vir esta conjunçaõ [Estêvão 1640: 81v].

В рассматриваемую эпоху намечается различие приставки и предлога, что помогают проследить португальские памятники. Следуя античному канону, авторы XVI–XVII вв. относят префиксацию к словосложению. У Соузы до такой степени не разделены понятия приставки и предлога, что префиксация рассматривается в разделе, посвященном синтаксису (конструкциям). И все же Соуза отмечает, что есть «предлоги», которые никогда не употребляются вне сложного слова. Подобные наблюдения, очевидно, были отправной точкой для разделения приставки и предлога в дальнейшем.

Figure [verbi] quot sunt? Due, Simplex, ut Lego. Composita ut Intelligo [Sou: xxv]. De compositione verborum cum prepositionibus. Prepositiones cum veniunt in compositione cum verbis [Sousa 1535: xliij]. Prepositione semper composite. Sunt que non inveniuntur extra compositionem. Di, Dis, Re [...]. Diduco, Dissipo, Refero [Sousa 1535: lxxxviii].

Оливейра и Барруш приводят приставки и омонимичные предлогам, и отличные от них (des-, re-, es-). Оливейра пишет о существовании слов, никогда не употребляемых самостоятельно и способных лишь входить в состав сложных слов.

Alghũas partes ou vozes temos na nossa lingua, a q̃es sãõ partes por si, mas nãõ sinificãõ cousa alghũa e por tãõ nãõ lhe chamaremos partes da oraçaõ ou da lingua como sãõ o nome e verbo e outras; mas todavia fazẽ ajũtamẽto ou composiçaõ porq̃ de seu naçimento ellas sãõ apartadas; mas tẽ por offiço servir sempre em ajũtamẽto e nũca as achamos fora delle, e sãõ estas as partes .re. es. e des. As q̃es se ajuntãõ assi .revender. estorvar. desconçertar. E porẽ em que nãõ sinifiquem apartadas por si, fazem sinificar as dições com q̃ se ajũtãõ mais ou menos ou e contraio¹ [Oliveira 1536: Cvij v].

Этот фрагмент из грамматики Оливейры перекликается с представлениями автора модистской грамматики Томаса Эрфуртского², но, приближаясь к различению при-

¹ «В нашем языке есть такие части, или слова, которые являются частями сами по себе, но не означают никакой вещи, и потому мы не назовем их частями речи или языка, как имя, глагол и другие. Однако они образуют сложение, или композицию; по рождению они простые, но их функция – всегда служить для сложения, вне которого мы их никогда не находим. Это части -re, -es, -des, образующие сложение следующим образом: revender, estorvar, desconçertar. Не имея значения сами по себе, отдельно, они усиливают, уменьшают или меняют на противоположное значение слов, с которыми соединяются».

² Praepositio autem dupliciter componitur cum partibus: uno modo separaliliter, ita quod praeter compositionem potest dictionibus adiungi, et a dictionibus separari et sub proprio modo stare. Alio modo inseparaliliter; et sic non meretur dici Praepositio, nisi valde improprie, propter quamdam similitudinem, quam habet cum Praepositione in compositione complet, aut mutat, aut minuit, sic etiam istae, ut

ставки и предлога, Оливейра, в отличие от модистов, терминологически их не различает и не отказывается от применения к приставке термина «предлог». Отнесение к приставке терминов, употребляемых для обозначения слова (у Оливейры – *parte*, у Барруша – *dicção*) свидетельствует о не вполне сложившемся понимании приставки как словообразовательного аффикса, отличного от самостоятельного слова. Барруш относит префиксацию к композиции, наряду со сложением основ [Barros 1540: 9, 20].

Робореду в этом вопросе оказывается вполне традиционным: он также относит префиксацию к композиции, наряду с образованием сложных слов, содержащих две корневые морфемы [Roboredo 1621: 7–8]. Префикс и предлог у него не различаются: «*Preposição he palavra, que carece de Numeros, & rege Casos, a que se antepõe; e faz composição com outra palavra*» [Roboredo 1619: 68].

Лишь трактат Феррейры де Веры 1631 г. свидетельствует о намечающемся отказе от понимания префиксации как композиции. Этот автор на первый взгляд сохраняет вполне традиционное понимание префиксации как композиции: перечисляя предлоги, «полученные португальским от латыни», он включает в их число и приставки. Однако по поводу романского префикса этот автор пишет, что глаголы, образуемые с его помощью, нельзя считать сложными. Отчасти тенденция к различению приставки и предлога подтверждается и используемой терминологией: приставка характеризуется как «предлог, или частица», «композитивный предлог».

R [...] se pronuncia quase como dobrado [...] se a dicção, que começava em r, se compós com algũa das preposições, pre, ou pro: como prerogativa, prerogar [Vera 1631: 16v]. Fazem composição as preposições, ou particulas seguintes, que temos colhidas da lingua Latina [...]. As preposições são estas: A, Ab, Ad, An, Con, De, Des, Dis, En, Ex, In, Inter, Ob, Per, Pro, Pos, Re, Se, Sub, Trans, Sobre (Vera, 29v). aquella, A, he propriamente nosso, com que formamos os verbos, que o querem: como quando dizemos, de manso, amansar, de pedra, apedrejar; de noite anoitecer; de cabo, acabar, de proveito, aproveitar: de puro apurar, & outros infinitos. Os quaes são simplezes, & não compostos [Vera 1631: 29–29v]. Outras [letras] dobrão per composição [...]. O que se faz mudandose a derradeira letra da preposição compositiva em outra tal, como a primeira do verbo, ou nome composto: como irracional, corromper, agravar, appetite, &c. [Vera 1631: 29].

Португальские филологические памятники отражают проблематику словообразовательной модели и словообразовательного правила. Оливейра отмечает разную способность слов служить базой деривации, различную степень употребительности и близости дериватов к производящим основам. Он пишет о разнообразии способов образования близких по семантике слов, отмечает различную сочетаемость словообразовательных морфем с базами деривации, подчеркивает различия в значении слов, образованных от одной основы при помощи разных аффиксов. Грамматист выявляет различия в образовании суффиксальных имен мужского и женского рода, имен, обозначающих лицо и *не*-лицо, приводит разные модели образования отглагольных существительных. Касается он и проблемы словообразовательных гнезд.

hũas [vozes] não formão d’si nada, e outras se podẽ multiplicar; e alghũas parecẽ a suas primitivas ou pmeiras dõde deçedẽ e outras não e outras muito e muitas menos. e alghũas formações tẽ milhor sã ou musica q̃ outras e são mais usadas [Oliveira 1536: Dv v]. d’Arabia arabigo, mas de Persia persio e de Asia asião e da India indio, e tâbẽ [...] de pedras dizemos pedregoso, mas d’area

distraho, reprobó, regredior, et huius modi. Et ultimo est notandum, quod Praepositiones in compositione non sunt verae Praepositiones, quia per se nihil significant cum non sint per se dictiones, nec etiam per se modum significandi habent; sed adduntur aliis dictionibus [Scotus 1902. 138–139]. Грамматика Томаса Эрфуртского, долгое время приписывалась Дунсу Скоту и издавалась под его именем. Именно такое издание оказалось доступно автору этой статьи. – *М.К.*

areËto [Oliveira 1536: Dv v]. os nomes verbaes assi tãbê são diferentes, porq̃ de ler dizemos lição e de orar oração, mas de amar e honrrar dizem amor e hõrra [...] e não somête os tirados de diversas partes são diferêtes mas tãbê vindos dhũa mesma parte como de capitão dizem molher capitão e não capitãina, e de pescado ou pescar dizemos homê pescador e molher pescadeira, barca pescaresca [Oliveira 1536: Dv v–Dvj]. tẽ principio as dições em os generos como livro dõde se tirão livreiro e livreria, e como porta donde porteiro e portaria [Oliveira 1536: Dv v].

Барруш дает оценку продуктивности некоторых типов и моделей словообразования. Он отмечает немногочисленность имен, образованных от наречий; подчеркивает, что для португальского языка характерна субстантивация инфинитива.

Podemos tambem dizer serem nomes verbães todolos infinitivos do presente tempo, poendolhe seu artigo com que fica nome. E per este mudo, soprimos muitos nomes, que desfalecem ã nõssa linguãgem e a latina tem [Barros 1540: 8].

Не останавливаясь специально на вопросе о продуктивности словообразовательных моделей глаголов со значением становления признака («увеличительных глаголов»), Барруш свидетельствует об их продуктивности, приводя значительное число таких образований: «de branquejár embranqueçer, de negrejãr enegreçer, de verdejár enverdeçer, de doer adoeçer, e de trener estremeçer» и т. д. [Barros 1540: 19].

Нунеш де Леан представляет списки лексем, принадлежащих одному словообразовательному гнезду, в трактатах «Орфография» и «Происхождение португальского языка», в целях доказательства богатства родного языка, – он может «образовать от одного слова много слов, которые означают [*передают значение*] более подходящим образом; Автор приводит обширные словообразовательные гнезда (до 19 однокоренных слов).

de ferro, ferreiro, ferraria, ferrar, ferrador, ferradura, ferramêta, ferragem, ferrencho, ferrolho, ferrão, ferrugem, afferrolhar, ferropia [Leão 1576: 39]. a lingoa Portuguesa [...] he mais larga & copiosa [que a latina], formando de hum vocabulo muitos [...]. De terra. Terreiro, terrestre, terreno, enterrar, desenterrar, soterrar, terrado, terreo, terreal, terremoto, soterraneo, desterrar, desterrado, conterraneo, terrantes, terrão, enterreirar, terradego, territorio [Leão 1606: 122–123].

В словаре Робореду, как уже отмечалось выше, несомненно, присутствует понятие словообразовательного гнезда, сказавшееся в принципах организации словарной статьи.

Миссионерские грамматики также отражают внимание к словообразовательным моделям, правилам, гнездам. Фигейра, описывая образование отглагольных имен в языке тупи, приводит исходный глагол, словообразовательные форманты и значения дериватов. В специальном разделе этого описания грамматист подробно, в форме правил представляет явления фоносинтаксиса при словообразовании отглагольных имен в зависимости от исходов глагольных основ.

Estes verbaes saõ commũmente em tres maneiras; huns acabados em Ara, ou Ana: outros acabados em Aba. Os terceiros em ura. Assi como do verbo Ajucã. Iucaçãra, o matador. Iucaçãba, o instrumento, ou lugar, ou tempo, ou modo de matar. Ijucapyra, a cousa morta [Figueira 1621: 37]. A formaçaõ destes verbaes ensinarã melhor o uso, mas com algũas regras se darã noticia della. Formaõse todos da terceira pessoa do presente do Indicativo. Primeira regra. Todos os verbos acabados nas letras seguintes, A, e, i, o, u, ã, ê, ĩ, õ, ù, ão diphtongo, formaõ seus verbaes, acrescentando ã 3. pessoa do presente as dições Çara, çaba: ut Iucã, Iucaçãra, Iucaçãba. Exceiçaõ. Tiraõse algũs acabados nas letras E, i, o, u, ut Aimoing-é, moing-eara, moing-eãba. [...] Segunda regra. Todos os verbos acabados na letra N, & nos diphtongos com til, ãi, ĩj, õi, ùi, formaõ os verbaes em Dara, Daba [Figueira 1621: 63v–64].

Эштейван подчеркивает семантическую связь деривата и производящего слова, эксплицирует стремление представить модели словообразования, затрагивает вопрос об их продуктивности, отмечает, что словообразовательная модель охватывает не все слова. Он приводит модель образования относительных прилагательных от существительных: существительное в аблативе + словообразовательный аффикс.

Na hũ modo de adjectivos de que uzaõ nos numeros quebrados. Por hũ & mejo, dizẽ deddu, i, a, [...], por dous & mejo dizem addaicha, y, ã [...] & assy vay correndo pera tudo quanto deste theor na oraçaõ se offereçe [...] Destes nomes de numerar do segundo pera cima se formaõ hũs adjectivos, que formaõ a lingoagẽ de segundo & de terceiro, &c., ut de doni sã forma, dussaro, y, ã, de tini, tissaro, y, ã [...], & de cinco pera diante acabaõ todos os adjectivos em, auo, ut panchauo, y, ã, fauo, y, ã com declaraçaõ que do segundo pera cima se poẽ antes os tais adjectivos a particula, yeca, ut Yecuissaua Varusta, no anno Vizessimo primo [...], & assy mesmo vaõ correndo de dez, em dez ate Cento, mil, & os mais numeros que quizerẽ, & dobrando a primeira syllaba de cada qual dos tais adjectivos fica formando a lingoagẽ de cada dez, [...] vinte, &c. ut dhadhauea Varussa, em cada dez annos, & assy dos mais [Estêvão 1640: 20–21]. et sic de cæteris, em q̃ as tais particulas podẽ governar que o uzo insinara por que nẽ em todos os nomes podẽ ellas vir [Estêvão 1640: 80v]. de muitos destes ablativos se formaõ, & nascẽ nomes adjectivos, q̃ tẽ a mesma significaçaõ q̃ elles, ut de gharĩ vẽ gharincho, y, ã, couza de caza [Estêvão 1640: 17–17v].

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ В РАННИХ ОПИСАНИЯХ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Португальские грамматики могут служить иллюстрацией того, что в ренессансной лингвистике идет процесс отделения собственно грамматических аспектов слова от лексико-семантических, о чем свидетельствует классификация частей речи. При описании морфологии имени португальские грамматисты практически не вычленяют лексико-семантические классы. Оливейра вообще о них не упоминает¹, Соуза выделяет лишь патронимы, Барруш пишет только об обозначениях по названиям провинций (*gentílicos*). При описании глагола Соуза выделяет лексико-семантические классы (инхоативы, медитативы, дезидеративы, фреквентативы, диминутивы), однако специально останавливается на них в связи с особенностями функционирования – при рассмотрении управления глаголов: отмечает употребление генитива в конструкциях с *verba estimandi*, *verba accusandi*; датива с *verba acquisitiva*, *imperandi* et *nunciandi*, *obsequij* & *repugnantie* и т. д. [Sousa 1535: lxxij–lxxiiij v]. Сходная картина в португальской грамматике Барруша, в латинской грамматике Алвареша 1572 г. [Alvares 1572]. В миссионерских грамматиках тупи Аншьеты и Фигейры лексико-семантические разряды имен упоминаются в тех случаях, когда они имеют какие-то особенности в образовании форм или употреблении в конструкциях.

Em nomes de hervas, frutas, animaes, materiaes, começados por t, não se muda o t em r [...]. Em nomes de animaes não se soe pôr antes o adjectivo, ou genitivo, ut tapiíra, vacca, não se diz xetapiíra, minha vacca, senão xereimbábatapiíra [...]. Os começados por t, que significão partes do corpo ou cousa tocante a homem, quando são absolutos, se entendem cõmmummente de homens, ut tetê, absolute quer dizer corpo humano [...]. O mesmo é nos de parentesco, ut tamuya, absolute, avo de homens [Anchieta 1595: 14v–15]. Ajuntaõse a estes todos os nomes de animaes, de frutas: de ervas, de materias: os quaes todos quando se começam por T, ou não, mudão, & tomaõ i, por relativo. ut Tapijra, a Anta: Tagoã, o barro vermelho: Taiaóba, a cove [Figueira 1621: 41v].

¹ Оливейра обращается к семантическим классам имен лишь в разделе о словообразовании, когда демонстрирует различия в словообразовательных моделях обозначений специальностей и мастерских.

Португальские филологические памятники свидетельствуют о появлении новых подходов к классификации лексики периода кодификации национального языка. Особенно ярко это проявилось уже в первом опыте кодификации португальского языка – в грамматике Оливейры. В соответствии с целями своего сочинения – фиксацией нормы, отбором нормативных вариантов на разных уровнях языковой системы – автор широко представляет проблематику слова в грамматическом описании, не ограничиваясь представлением словоизменения (в основном именного) и далеко выходит за рамки собственно грамматики: он уделяет внимание фонетическому аспекту слова, словообразованию, лексике. Словарный состав Оливейра характеризует с позиций исторических изменений, употребительности, лексической семантики, мотивированности, частотности слова. Грамматист предлагает классификацию лексики и дает определения и примеры слов «наших», «чужих», «общих», «устаревших», «новых», «употребительных», «в прямом и переносном значениях», «первичных и производных». Оливейра называет важнейшие источники португальской лексики, пишет, что основу словаря составляет исконная лексика («наши слова» латинского происхождения, а также давние заимствования, укорененные в португальском языке, полностью освоённые языковой системой, которые уже не воспринимаются как таковые.

nossas dições são aquellas que naçerão âtre nos ou são ja tam antigas que não sabemos se vierão de fora [...]. E não so latinos mas gregos, arabigos, castelhanos, françeses e toda qnta outra imundicia poderem ajuntar [...] os qes como nossos os avemos de tratar e pronunçiar e cõformar ao som da nossa melodia e ao sentido de nossas orelhas [Oliveira 1536: Ciiijr–Cvjr]¹.

Лексические заимствования («чужие слова») автор XVI в. связывает с заимствованием «новых обычаев» и «новых вещей», предвосхищая концепцию Г. Шухардта.

As dições alheas são aqllas q doutras linguas trazem' a nossa por algũa neçessidad' d' costume trato arte, ou cousa algũa novamente trazida a terra: o costume novo traz a terra novos vocabulos [Oliveira 1536: Cvjr]².

Оливейра выделяет интернационализмы («общие слова»), отмечает их сходное «употребление» во многих языках.

Dições comũs chamamos aqllas que em muitas linguas servem igualmente e o tempo em que se mudarão dhũa lingua para outra fica tão lãge de nos que não podemos façilmente saber de qual para qual lingua se mudarão [Oliveira 1536: Cvjr]³.

Отношение первого португальского грамматиста к архаизмам («устаревшим словам») определяется пониманием нормы, ее территориальной основы [Косарик 2013]: архаизмы «уместны в устах старика из Бейры⁴ или деревенского жителя». Хотя Оливейра видит возможность использования архаизмов в стилистических целях («они могут придать изящество речи»), он подчеркивает, что «ими нельзя злоупотреблять и что следует выбирать из них наиболее близкие к нашему времени».

¹ «Наши слова это те, что родились у нас, и они столь древние, что мы не знаем, пришли ли они извне [...]. Это не только латинские, но и греческие, арабские, кастильские, французские и еще много других мы могли бы назвать, но все они наши, так мы с ними и должны обращаться и произносить их в соответствии с мелодией нашего языка и его звучанием».

² «Чужие слова это те, которые приносят в наш язык из других [языков] по необходимости, в связи с тем, что к нам [на нашу землю, в нашу страну] приносят новые обычаи или новые вещи; новый обычай приносит новые слова».

³ «Общими словами мы называем те, которые во многих языках используются одинаково; они так давно переходили из одного языка в другой, что мы не можем точно знать, из какого языка и в какой они пришли».

⁴ Историческая провинция на севере Португалии с архаизирующим диалектом.

As dições velhas são as que forão usadas , mas agora são esqçidas [...] as orelhas nã consintem a musica e vozes fora de seu tempo e costume [...]. O uso destas dições antigas diz Quintiliano traz e da muita graça ao falar qndo he temperado e em seus lugares e tempos: a limitação ou regra sera esta pella maior parte que das dições velhas tomemos as mais novas e q̃ são mais vezinhas de nosso tempo [...] muitas vezes algũas q̃ ha pouco são passadas são ja agora muito avorrecidas [...] se [...] as meteremos em ão dhũ homẽvelho da beyra ou aldeão não lhe parecerão mal, mas tambẽ não sejam muitas [...] se essas dições antigas [...] forem sobejas faram muito grande disonancia nas orelhas de nossos tẽpos e homẽs [Oliveira 1536: Cvijj v–Dj v].

В связи с неологизмами и общеупотребительной лексикой («новыми» и «употребительными» словами) Оливейра касается проблемы именования («нельзя для каждой новой вещи создавать полностью новое слово, мы создаем частично новые слова, опираясь на что-то»); к способам создания новых слов он относит звукоподражания [Oliveira 1536: Dj v–Dij v]. Однако ключевыми для Оливейры являются вопросы нормы. Он возражает против использования неологизмов, «не вошедших в узус, без сопровождения их выражениями ‘как говорится’, ‘так сказать’ и т. п.». Употребительные слова характеризует как «те, что слышны на каждом шагу», их «все говорят и понимают, они свойственны нашему времени и нашей земле. Кто их не употребляет, тот оказывается вне тона и музыки языка наших современников». Рост частотности слова Оливейра связывает с переходом из разряда неологизмов в число общеупотребительных слов, характерных для узуса [Oliveira 1536: D]; снижение же частотности, напротив, объясняется устареванием слова [Oliveira 1536: Di v].

As dições novas são aquellas q̃ novamente ou de todo fingimos ou em parte achamos [...]: de todo chamo quãdo não olhamos a nenhũ respeito se não ao que nos ensina a natureza *para* o que tiveram licença os premeiros homẽs quando nomearão. [...] nos jagora *para* fazer vocabolos de todo [...] não temos mui franca licença [...]. Achar dições novas em parte he quãdo para fazer a voz nova [...] nos fundamos em algũa cousa [...] logo desque bem forem fingidos ou achadis os vicabulos o uso deles se fara com muitos resguardos [...], o premeyro q̃ desses vocabulos novos tomemos os mais velhos [...]. E outro resguardo seja que com serem mais velhos sejam sejam tambem mais usados e ameudados, e o uso delles seja aprovado por aquelles q̃ mais sabem; estoutro resguardo no uso das vozes novas q̃ sempre as salvaremos cõ algũ sinal d’estes [...] como dizẽ, porq̃ assi diga [Oliveira 1536: Dj v–Dij v]. As dições usadas são estas q̃ nos servem a cada porta (como dizẽ) estas digo q̃ todos falão e entende as quaes são proprias do nosso tẽpo e terra: e quẽ não usa dellas e desentoadado fora do tom e musica dos nossos homẽs dagora [Oliveira 1536: Dij v].

Слова в прямом значении Оливейра считает «главной составляющей хорошей и ясной речи»; слова в переносном значении «используются по необходимости: они уточняют значение или употребляются вместо другого слова, которое не соответствует нашим намерениям, или когда для выражения нужного значения нет слова с таким основным, прямым значением».

Dições proprias chamamos aq̃llas q̃ servẽ na sua primeira e prinçipal sinificação [...] tẽ a prinçipal *parte* de bõa e clara linguagẽ [...]. As dições mudadas a q̃ os latinos chamão trasladadas são as q̃ por neçessidade ou melhoria d’ sinificação ou voz estão fora de seu proprio significado e ou estão ã lugar doutra dição q̃ não era tã bõa *para* nossos intẽto, ou estão õde não avia dição propria [Oliveira 1536: Diiij].

Образование производных автор объясняет необходимостью отразить сходство вещей.

As dições q̃ chamamos primeiras chamão os latinos primitivos, estas são cujo naçimẽto não proçede doutra parte mais q̃ da võtade livre daq̃lle que as primeiro pos [...]. As dições tiradas a q̃ os latinos chamão dirivadas são cujos naçimẽtos vem doutras algũas dições dõde estas são tiradas, como tinteiro, velhiçe, hõrada [Oliveira 1536: Diiij v]. As dições apartadas a que

os latinos chamão simprezes ou singelas são aq̃llas cujas partes não podẽ ser dições inteiras, mas dividẽse somẽte em syllabas e letras [Oliveira 1536: Cvij v]. As dições juntas as vezes guardão a mesma sinificação q̃ tinhão as suas apartadas, e as vezes tomão outra quasi semelhãte, e outras vezes muito diferẽte; guardão a mesma sinificação como torvar e estorvar; tomão outra quasi semelhãte como guardar e resguardar, chegar e achegar; são de todo diferẽtes como podar e apodar, pedir e empedir; e nam so diferentes, mas tãbem cõtrairas como fazer e desfazer, ãdar e desãdar [Oliveira 1536: Cvijj].

Нетрудно заметить, что в представлении различных классов слов в грамматике Оливейры превалирует внимание к проблематике нормы, и это отнюдь не случайно: цели этого сочинения состоят в апологии родного языка и в фиксации его нормы. Подчеркнем, что мы находим у ренессансного автора концепцию нормы, весьма близкую к ее пониманию в современной лингвистике (анализ проблематики нормы в сочинениях Оливейры и других португальских авторов XVI–XVII вв. содержится в [Косарик 1995, Косарик 2005, Косарик 2013с; Kossárik 2003]). Один из основных аспектов кодификации нормы, в том числе и лексической, – отбор «правильных» вариантов, воспринимаемых как образцовые. Оливейра отражает вариативность, сохраняющуюся в португальском языке исследуемого периода, и во многих случаях оценивает варианты, производит отбор предпочтительных употреблений. Его грамматика – яркое свидетельство не только вариативности в языке XVI в., но и разной степени императивности нормы на разных уровнях языковой системы. В то время как правила, относящиеся к фонетике, графике и орфографии, чаще всего имеют вид строгой фиксации явления, не предусматривающей возможности варьирования, а при описании словообразования и морфологии формулировки правил несколько менее категоричны, в главах, посвященных лексике, рекомендации Оливейры носят самый общий характер [Oliveira 1536: Dj–Dijj v]¹. Приводя примеры слов устаревших, а потому осуждаемых, грамматист в принципе, при определенных условиях все же допускает употребление архаизмов [Oliveira 1536: D]. Отметим, что отбор нормативной лексики в первом опыте кодификации португальского языка, осуществляется не во всех группах лексики, а в основном среди архаизмов. Очевидно, на раннем этапе кодификации отделение лексики устаревшей, вышедшей из употребления, от лексики, составляющей основу узуса, имело особую важность. Но внимание к вариативности касается и других аспектов слова.

Примечательно отношение Оливейры к вариантности в словообразовании. Он признает существование разных способов выражения словообразовательных значений, а потому не считает нужным ограничивать многообразие словообразовательных моделей. В то же время автор возражает против варьирования на уровне отдельной лексемы и стремится снять вариативность указанием на принадлежность слова или формы лишь к одной модели. Так, признавая существование нескольких словообразовательных моделей для выражения значений «человек определенной профессии», «мастерская» и др. Оливейра не приемлет вариативности конкретных лексем.

d’Grecia q̃ fez grego mas de Gocia, nome não mui diferẽte destoutro Grecia, fazemos godo e não gogo como grego, e d’ Arabia arabigo, mas de Persia persio e de Asia asião e da India indio, e tãbẽ dizemos sarnoso e não sarnẽto, mas ao contrairo chamamos ao cheo d’sarapulhas sarapulhẽto e não sarapulhoso e de pedras dizemos pedregoso, mas d’ area areẽto, e de po nẽ poento

¹ Ср. [Семенюк 1996: 24]: «При нормализации отдельных уровней и явлений языка соотношение стихийных и сознательных процессов может быть весьма различным. Так, для орфографии роль последних, видимо, более существенна, чем для лексики и синтаксиса с их открытыми и весьма осложненными системами».

nã pooso, mas ã outra figura e sinificaçaõ ãpoado [Oliveira 1537: Dv v]. alghũas espeças de dições tiradas, como sã os nomes dalghũs offiços mecanicos [...] pella maior parte acabã nesta terminaçaõ .eiro. como pedreiro, carpinteiro, çapateiro e [...] das offiçinas ou lugares desses offiços cujos nomes acabarã em .ria. [...] como ourivezaria, çapataria, carpintaria [Oliveira 1537: Dvj v].

Автор первой португальской грамматики отмечает социальное и территориальное варьирование лексики.

os cavaleiros ã tẽ hũs vocabulos: e os lavradores outros: e os cortesãos outros: e os religiosos outros: e os mecanicos outros, e os mercadores outros: ou tãbẽ se faz ã terras esta particularidade porã os da beira tem hũas falas e os Dalentejo outras: e os homens da estremadura sã diferentes dos dantre douro e minho: porã assi como os tẽpos assi tãbẽ as terras criã diversas cõdições: e cõçeitos: e o velho como tẽ o entender mais firme cõ o ã mais sabe tãbẽ suas falas sã de peso e as do mançobo mays leves [Oliveira 1537: Dij v]¹. se estas e quaesquer outras semelhantes as meteremos em mão dhũ homẽ velho da beyra ou aldeã não lhe parecerã mal [Oliveira 1537: Dj v]².

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ, К ОПИСАНИЮ ЛЕКСИКИ

Указания Оливейры на появление неологизмов и архаизмов, признание консервативности архаизирующих диалектов севера и обращение к диалектам в поисках архаичных форм для иллюстрации процессов, приводящих к появлению вариантов, – одно из проявлений понимания подвижности, историчности языка, формирующегося в рассматриваемую эпоху. Толчком к этому послужила апология родного языка (и уяснение с этой целью соотношения латыни и национального языка), в свою очередь поставившая задачу его обработки и грамматического описания. Именно с этих позиций – с целью отбора нормативных вариантов – касается проблемы исторических изменений в лексике автор первой португальской грамматики. Архаизмы он различает по степени устаревания (слова, которые уже непонятны; слова, сохраняющиеся в диалектах и сельском просторечии; слова, которые устарели, но могут употребляться в нормативной речи). Причины устаревания лексики видятся в исчезновении вещей или в появлении новых, обозначаемых этими словами. Кроме того, как говорилось выше, распространение новых слов в языке автор связывает с заимствованиями, появляющимися вместе с заимствуемыми вещами. Оливейра касается и семантических изменений в слове, рассматривает появление переносного значения слова как этап его истории. Этот автор эксплицирует отказ от этимологизирования в «Платоновском» духе при обсуждении проблемы именования, называя глупостями, «деревенскими выдумками», объяснения, что «человек (homem) называется так потому, что он в центре (meio) всего», или «старик (velho) – потому что много видел (viu)», «и сотни других подобных преувеличений», которые «не принимаются людьми образованными и начитанными».

¹ «у рыцарей одни слова, а у земледельцев другие, точно так же разные слова у придворных и священников, механиков и торговцев; различается и речь людей из разных земель: по-разному говорят жители Бейры и Алентежу, Эштремадуры и Энтре-Доуру-и-Минью, потому что условия различны как в разные времена, так и в разных землях; различно также понимание; и речь старика, у которого тверже понимание и больше знаний, тяжелее, чем более легкая речь юноши».

² «если эти или какие-нибудь другие сходные [слова] мы скажем старику из Бейры или крестьянину, они не покажутся ему плохими».

ora poys se como adevinhando dixeramos que homẽ se chama porq̃ e o meyo de todas as cousas ou porq̃ esta no meio do mal e do bem, e se dixeremos q̃ molher se chama porq̃ e molhe e velho porque vio muito [...] e tẽpo porque tẽpera as cousas [...]. E passaro porque passa voando [...] e assi comestas podemos tambem cuydar outras dozentas patranhas, as quaes semp̃ sãõ sobejas e muytas vezes falsas e pouco reęebidas antre homẽs sabedores q̃ do pouco q̃ com muyto lendo e trabalhando aquerirão se prezãõ e não de imaginações aldeãs sem juyzo [Oliveira 1536: Ciiij v Cv].

Исторические изменения в лексике (как и в фонетике, морфологии) отмечают и другие авторы XVI в. Барруш, хотя и не представляет столь разработанной картины, связанной с лексикой, как у Оливейры, пишет в «Диалоге в защиту родного языка» о лексических архаизмах и неологизмах: «algũas palávras que achamos per escrituras antigas, as quães o tempo leixou esquecer» [Barros 1540: 56]. Магальяенш де Гандаву языковые изменения в лексике связывает с необходимостью появления новых номинаций.

Mas como a gẽte pelo tẽpo adiãte fosse ã crecimẽto, & os homẽs tevesse necessidade de exercitarẽ esta lingua ã varios negocios, cada vez a forãõ mais appurando descobrindo nella outros vocabulos que ainda que não saõ latinicos como estes antiguos que atras deixamos, todavia soam melhor aos ouvidos da gente polida, & saõ mais proprios & accomodados pera significarem aquillo que queremos, que outros, que haja em nenhũa lingua [Gândavo 1574: C8–C8v].

В XVI–XVII вв. представление о языковых изменениях утверждается настолько, что начинают осознаваться как универсальное свойство всех языков, включая латынь [Kossarik 2015: 189–192]. Это сказывается и на отражении вопросов лексики в анализируемых португальских сочинениях. Так, Северин де Фария, заявляет в одной из своих «Речей» (небольшом лингвистическом трактате 1624 г.), что происхождение и древность языка не могут служить основанием для утверждения его превосходства над другими, и представляет образование романских языков скорее как результат изменений латыни, а не ее «порчи». Признавая историчность лексики, он останавливается на формальных и семантических изменениях. У этого автора мы находим четкое представление о том, что можно считать латинизмом: к ним не относятся дериваты, образованные от латинских основ, но отсутствующие в латыни – такие образования автор относит к явлениям португальского языка; можно предположить, что Северин де Фария не относит также к латинизмам слова, семантика которых в португальском отличается от семантики их латинских этимонов.

segundo a milhor, & mais verdadeira opiniãõ, nẽ por primeira antiguidade, nem por incorrupção do idioma, pôde nenhũa lingoa ser tida por milhor que a outra. Supposto isto, devemos buscar outras razões, que não sejiãõ de origem, pera julgarmos em que estã a milhoria de hũa lingua ã outra [Faria 1624: 64–64v]. Desta lingua Latina nos não ficou ja agora mais que a parte da Escritura; & o uso se corrompeo em Italia, França, & Hespanha nas lingoas vulgares, que ao presente se fallãõ nestas Provincias [Faria 1624: 70v]. Dos verbos seja exẽplo esta accãõ, de reduzir hũ livro a menor leitura, q̃ dizemos por sete verbos, q̃ saõ: *Abreviar, Recopilar, Resumir, Epilogar, Epitomar, Cõpẽdiar, & Encurtar*. E os Latinos tẽ sãõ: *Abbreviare, & o mais dizẽ por frases*. E nẽ por estes nossos verbos serẽ dirivados de nomes Latinos, se pôdẽ chamar tambẽ Latinos, pois os Latinos não averbãrãõ estes nomes, & os Portugueses sim. Dos nomes seja demonstraçon o nome *Adagio*, q̃ he o mesmo q̃, *Proverbio, Rifaõ, Exẽplo, Sõtẽça, Ditado, & Anexim*. Dos quaes vocabulos os Latinos não tẽ neste sõtido mais de dous, ou tres [Faria 1624: 73v–74].

Развитие идеи языковых изменений мы находим у Д. Нунеша де Леан в двух трактатах [Leão 1576] и [Leão 1606], которые отражают важный этап становления

исторического подхода к языку и зарождения научной этимологии. Уже в первом трактате «Орфография», лежавшем в обычном для Ренессанса русле трудов, посвященных кодификации национальных языков, автор обосновывает предлагаемые им орфографические варианты, обращаясь к истории языка – к фонетическим изменениям от латыни к народным языкам.

Примечательно, что в этом трактате содержатся элементы, приближающие его к орфографическому словарю: автор приводит в алфавитном порядке списки слов, представляющие рекомендуемые орфограммы. Правда, списки эти пока еще невелики, организованы в соответствии с определенными трудностями и содержат противопоставленные по правильности / неправильности написания; к тому же приходится признать, что не всегда кодификация Нунеша де Леан оказывается успешной, не все его рекомендации закрепились в норме, но важным представляется сам факт представления списков правильных написаний слов, подготовивших принципы создания орфографического словаря.

Reformação de algũas palavras que a gente vulgar usa & screve mal

<i>Erradas</i>	<i>Emendadas</i>	
Acipreste dignidade	Arcipreste	
Acipreste arvore	Cipreste	
Acolá	Aqualá	
Acupar	Occupar	[...]
Baixo	Baxo	
Barrer	Varrer	[...]
Veador	Veedor	

[Leão 1576: 69v–71v]

Vocabulos que servimose com diferentes letras, teem diferente significação

Aço ferro fino	Asso a carne	[...]
Acude verbo	Açude, de moinho	[...]
Vaso de prata, ou barro	Vazo entorno, ou derramo	[Leão 1576: 72–73]

Второй трактат Нунеша де Леан, «Происхождение португальского языка», уже полностью посвящен истории португальского языка и исследованию источников португальской лексики. Автор продолжает линию, содержащуюся в грамматике Оливейры, который связывал историю языка с его синхронным состоянием: Нунеша де Леан приводит те же причины появления неологизмов и архаизмов; выделяет сходные этапы устаревания слов; останавливается на семантике заимствований, в которых видит основной способ пополнения лексики. При этом более поздний автор дополняет предшественника, поскольку ко времени создания трактатов уже накоплен материал, позволяющий утверждать, что языки новооткрытых земель – Индии, Африки – также служат источниками заимствований, наряду с латынью, которая, конечно, продолжает рассматриваться как главный источник обогащения народного языка. Однако если в грамматике Оливейры превалируют вопросы нормы (хотя уже Оливейра в главе о «наших словах» замечает, что «грамматика требует знать о них, откуда [из чего], когда, почему и как они были созданы»¹), то в трактатах Нунеша де Леан проблематика нормы отодвигается на второй план, основной предмет трактата 1606 г. – именно история родного языка, происхождение

¹ «nestas a grãmatica manda saber donde, quando porq̃ e como forão feytas» [Oliveira 1536: Ciiij].

португальской лексики. Это сочинение – одно из самых ранних описаний истории романского языка¹, а также опыт создания этимологического словаря.

Успешность этого опыта во многом определяется вниманием автора к фонетическим изменениям. Нунеш де Леан приводит значительное число регулярных соответствий между латынью и португальским, латынью и романскими языками. Он отмечает основные процессы, имевшие место в вокализме и консонантизме при формировании португальского языка из латыни: изменение тембра [Leão 1576: 6, 14 v] и назализацию [Leão 1576: 24] гласных, метафонию [Leão 1576: 17], озвончение или выпадение согласных [Leão 1606: 3–4], палатализацию g, l и n [Leão 1576: 7, 10–12] и т. д. Предвосхищая идею фонетических законов, португальский автор конца XVI в. пишет, что «есть определенные звуки, которые почти всегда соответствуют другим, латинскому дифтонгу au соответствует португальский ou», «звуки меняются на другие, похожие: l на r, p на b, t на d», «f переходит в v, т. к. они родственны друг другу». Впервые Нунеш де Леан описывает эти регулярные изменения в «Орфографии».

As letras entre si teem hũas com as outras muita semelhança, & e afinidade, & portãto facilmente se corrõpem & mudão hũas em outras, não soamente de hũa lingoa a outra, mas em hũa mesma lingoa. Polo que, teendo noticia desta semelhança, & mudança, que fazem de hũas em outras, facilmente viremos dar cõ a origem dos vocabulos corruptos. [...] A. primeiramente se muda em .e. como de alacris, alegre. de factus, feito. de amavi, amei. & aas vezes ã .ou. como de aurum, ouro. de laurus, louro. de taurus, touro [...]. B. mudase em .v. como de debeo, devo. de caballus, cavalo [...]. C. mudase em .g. como de cæcus, cego. locusta, lagosta. [...] E o gn corrompese em .nh. como de lignum, lenho. [...] I. mudase em .e. como de cibus, cevo. [...] de bibo, bebo. [...] L. corrompese em .r. como de blandus, brando. de clavus. cravo. [...] E quãdo vem despois de .c. f. p. corrompese em .ch. como de clavis, chave. de flamma, chama. de plaga, chaga. [...] T. corrompese em .d. como de amatus, amado. de auditus. ouvido, de fatum, fado [Leão 1576: 25–26]².

Регулярные фонетические соответствия между латынью и португальским Нунеш де Леан рассматривает и в более позднем трактате, посвященном происхождению португальского языка.

A corrupçaõ per troca de hũas letras por outras he mui comũ, & ã cõprendẽ as mais das palavras, porq̃ de ecclesia dizemos igreja, de desideriu desejo, de cupiditas cobiça. Na qual maneira de corrupçaõ hã hũas certas letras que quasi sãpre respondẽ a outras, como o diphtõgo au, dos latinos a, ã os Portugueses respõde com o seu ou, como por audio, ouço, por aurum ouro, por

¹ Не стоит останавливаться здесь на дискуссии о первенстве Нунеша де Леан или Альдрете, автора трактата о происхождении испанского языка [Aldrete 1606]: для истории лингвистической мысли важен не приоритет «авторских прав», а тот факт, что в рассматриваемую эпоху формируется исторический взгляд на язык, который проявляется в произведениях обоих пиренейских филологов.

² «Звуки между собой имеют много сходного и потому легко меняются [портятся – понятие языковой «порчи» в рассматриваемую эпоху начинает переосмысливаться, «порча» начинает пониматься как «изменение», именно в этом значении начинает употребляться «corromper-se». – М.К.] и превращаются из одних в другие не только при переходе от одного языка к другому, но и в одном и том же языке. Потому, зная об этом сходстве и изменении, мы легко поймем происхождение изменившихся [испорченных] слов. [...] А изменяется в e, так из alacris [образуется] alegre, из factus – feito, из amavi – amei, а кроме того, иногда оно изменяется в ou, например, из aurum – ouro, из laurus – louro, из taurus – touro [...]. В изменяется в v, например, из debeo – devo, из caballus – cavalo [...]. С изменяется в g, например, из cæcus – cego, из locusta – lagosta. [...] gn переходит [портится] в nh, как из lignum – lenho. [...] I меняется в e, как из cibus – cevo, [...] из bibo – bebo. [...] L переходит в r, как из blandus – brando, из clavus – cravo. [...] Когда же оно идет после c, f, p, то переходит в ch, так, из clavis – chave, из flamma – chama, из plaga – chaga [...]. T переходит в d, как из amatus – amado, из auditus – ouvido, из fatum – fado [Leão 1576: 25–26].

taurus touro, por laurus, louro, por maurus, mouro, & por paucus pouco [...]. Da mesma maneira se mudão as letras em outras semelhantes como he o l. em r. & o p. em b. o t. em d. Porç por obligar dizemos obrigar, por blandus brando, [...] por amatus, amado [Leão 1606: 35–36].

Автор останавливается на некоторых соответствиях разновидностей романской речи на Пиренейском полуострове: португальского, его северных диалектов, галисийского, кастильского: «Вместо vós – bós, vosso – bosso, vida – bida, и наоборот, там, где у нас b, у них v»; «в португальском тил в конце тех слов, где в кастильском n: hermano, lana – irmãa, lãa» [Leão 1576: 4v, 83]. Кроме того, он приводит соответствия латинского и романских языков.

<i>Latino</i>	<i>Italiano</i>	<i>Castelhano</i>	<i>Portugues</i>
clamare	chiamare	llamar	chamar
clavis	chiave	llave	chave
flamma	flamma	llama	chama
plaga	piaga	llaga	chaga
planus	piano	llano	chão
plenus	pieno	lleno	cheio
pluma	piuma	pluma	chumaço
plūbum	piompo	plomo	chumbo
pluvia	pioggia	lluvia	chuva
pluit	piove	llueve	chove
plantago	plantagine	llantén	chantagê
amarunt	amarono	amaron	amarão

[Leão 1576: 29v]

Нунеш де Леан приближается к современному пониманию этимологии, отказываясь от рассмотрения этимологии в связи с проблемой именования и отражения в имени свойств вещи и прямо указывая на произвольность именования. Автор трактата о происхождении португальского языка приводит списки слов, проникших в португальский из латыни, греческого, арабского, французского, итальянского, германского. Нунеш де Леан останавливается на фонетических и семантических изменениях слова при выяснении его происхождения. Именно обращением как к семантике, так и к фонетическому облику слова объясняется успешность его этимологий.

Важнейшая инновация состоит в том, что предметом внимания становится не соответствие имени и вещи, а происхождение и история слова вне связи с решением вопроса о соответствии означающего и означаемого. Фонетические и семантические соотношения рассматриваются между современным словом португальского языка и его этимологом лишь с целью установления их исторической связи. При этом автор прибегает к фонетическим соответствиям между португальским и латынью, другими романскими языками, выявленным им в раннем орфографическом трактате. В результате из приведенных им этимологий 1662 португальских слов, значительная часть является правильной.

Agora de hac hora [...]

Ancho de amplo mutata muta cum liquida in ch [Leão 1606: 53]

Quente de caleo, es, quase calente [Leão 1606: 58].

Dos vocabulos que os portugueses tomaraõ dos arabes. [...]

Açafrõ Zaafaram [Leão 1606: 61–62].

Aljofar de julfar ilha de Ormus, lugar onde le pesca [Leão 1606: 64].

Dos vocabulos que os portugueses tomaraõ dos Franceses. [...]

Dama por senhora dame. [...]

Embaixador embaixadeur¹ [Leão 1606: 64].

Все это свидетельствует о процессе формирования в лингвистике XVI–XVII вв. исторического подхода к языку, близкого к современному пониманию этимологии, которое подводит к опыту создания этимологического словаря.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА

Нельзя не упомянуть в этой статье еще об одном аспекте, отчасти связанном с лексикой, – о проблематике дискурса, внимание к которой связано с появлением грамматик, описывающих живой язык для обучения успешной коммуникации на нем. В португальской традиции первые сочинения такого типа представлены миссионерскими грамматиками языков новооткрытых территорий, а также первой грамматикой португальского языка для иностранцев [Anchieta 1595; Figueira 1621; Estêvão 1640; Pereira 1672]. Авторы этих сочинений представляют достаточно широкий спектр дискурсивных слов и дают примеры их употребления. Этот новый для лингвистики изучаемой эпохи аспект рассматривался в [Косарик 2016; Kossarik 2016a].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Португальские грамматики, трактаты и диалоги о языке свидетельствуют, что в рассматриваемую эпоху происходят важные изменения, связанные с описанием слова.

1. Для понимания слова как основной единицы языка характерно утверждение идеи членимости слова (продолжается процесс выделения его значащих частей); рассматривается вопрос делимитации слова.

2. В связи с вопросами словообразования грамматисты эпохи рассматривают место вопросов словообразования в грамматическом описании, останавливаются на способах словообразования (деривации и композиции), касаются проблематики словообразовательной модели и словообразовательного правила.

3. Намечаются новые подходы к классификации лексики: уменьшается внимание к выделению лексико-семантических классов при описании морфологии частей речи; словарный состав характеризуется с позиций исторических изменений, употребительности, лексической семантики, мотивированности, частотности слова; классификация лексики в большой степени связана с вниманием к вопросам нормы.

4. Зарождение исторического подхода к языку проявляется, в частности, в описании лексики.

5. Задача обучения коммуникации на живом языке определяет внимание авторов некоторых типов грамматик к дискурсивным словам.

II. Изменения в представлении вопросов лексики в рассмотренных сочинениях свидетельствуют об идущем процессе структурирования научного знания, способствующего становлению зрелой науки о языке.

¹ Хотя это заимствование из провансальского, а не французского, этимология Нунеша де Леан отражает его галло-романское происхождение.

1. В XVI–XVII вв. утверждается тенденция к четкому разделению лексико-логической и грамматической проблематики, намечается выделение словообразования в самостоятельную область лингвистики.

2. Сочетание нескольких факторов – формирующийся исторический подход к языку, задача представления происхождения (источников) португальской лексики, отказ от поиска свойств вещи в имени, выявление исторических процессов в фонетике и учет семантических соответствий между предполагаемыми этимонами и португальскими лексемами – подводит к новому, близкому к современному пониманию этимологии.

3. Намечаются принципы создания новых типов словаря: орфографическо-го и этимологического.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 2005 – *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.

Косарик 2016 – *Косарик М.А.* У истоков идей проблематики дискурса и функциональной грамматики. Первые описания языков Бразилии и Индии (Аншьета 1595, Фигейра 1621, Эштеван 1640), первая грамматика португальского языка как иностранного (Перейра 1672) // *Stephanos*. 2016. № 5(19). С. 9–25.

Косарик 2007 – *Косарик М.А.* Академический словарь португальского языка – история и современность // *Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака*. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 583–589.

Косарик 2013а – *Косарик М.А.* Вопросы синтаксиса в португальских сочинениях о языке XVI–XVII вв. // *Древняя и новая Рومания*. 2013. Т. 11. № 1. С. 88–114.

Косарик 2005 – *Косарик М.А.* Описание языка в эпоху становления лингвистики Нового времени – роль португальской традиции // *Научные доклады филологического факультета МГУ*. Т. 5. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 86–118.

Косарик 2013b – *Косарик М.А.* Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии. Т. I. Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи. М.: МАКС Пресс, 2013. 228 с.

Косарик 1995 – *Косарик М.А.* К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы – связь эпох // *Вестник Московского университета. Серия 9, Филология*. 1995. № 5. 104–116.

Косарик 2013с – *Косарик М.А.* Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. М.: МАКС Пресс, 2013. 208 с.

Курилович 1962 – *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1962. 352 с.

ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР*. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

Семенюк 1996 – *Семенюк Н.Н.* Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // *Языковая норма. Типология нормализационных процессов*. М.: Институт языкознания (ИЯ) РАН, 1996. С. 23–47.

Aldrete 1606 – *Aldrete B.* Del origen, y principio de la lengua castellana ò romãce que oi se usa en España. Roma: Carlo Willieto, 1606. 390 p.

Alvares 1572 – *Alvares M.* Emmanuelis Alvari [...] grammatica libri tres. Olyssipone: Ioannes Barrerius, 1572. Fols. 243.

Anchieta 1595 – *Anchieta J. de*. Arte de grammatica da lingua mais usada na costa do brasil. Coimbra: Antonio de Mariz, 1595. Fols. 59.

Barbosa 1611 – *Barbosa A*. Dictionarium lusitanicolatinum. 2ª Edição. Fac-simile da edição de 1611. / Organização e introdução Head B.F. Universidade do Minho, Centro de Estudos Humanísticos. 2007. P. 1208 (+ 25).

Barros 1540 – *Barros J. de*. Grammatica da lingua portuguesa. Dialogo em louvor da nossa linguagem. Olyssipone: Lodovicum Rotorigiū, 1540. Fols. 60.

Cardoso 1570 – *Cardoso J*. Heronymi Cardosi Lamacensis Dictionarium. Ulissipone: Ioannis Aluari, 1570. Fols. 372.

Estêvão 1640 – *Estêvão T*. Arte da lingua Canarim. Rachol: Collegio de S. Ignacio da Companhia de Jesu, 1640. Fols. 55.

Faria 1624 – *Faria M. Severim de*. Discursos varios politicos. Evora: Manoel Carvalho, 1624. Fols. 185.

Figueira 1621 – *Figueira L*. Arte da lingua brasilica. Lisboa: Manuel da Silva, (1621). Fols. 91.

Gândavo 1621 – *Gândavo P. Magalhães de*. Regras [...] ortografia da lingua portuguesa [...] Dialogo em defensam da mesma lingua. Lisboa: Antonio Gonçalves, 1574. Fols. 40.

Kossarik 2016a – *Kossarik M.A*. Na nascente das ideias do discurso, da gramática funcional comunicativa – obras missionárias (J. de Anchieta, L. Figueira, T. Estêvão) e de B. Pereira // CONFLUÊNCIA. Revista do Instituto da Língua Portuguesa. Rio de Janeiro. 2016. Nº 51. P. 22–43.

Kossarik 2015 – *Kossarik M.A*. Universalização de conceitos linguísticos como etapa da consolidação da ciência – contribuição dos filólogos portugueses // CONFLUÊNCIA. Revista do Instituto da Língua Portuguesa. 2015. Nº 49. P. 162–200.

Kossarik 2003 – *Kossarik Marina*. Monumentos Linguísticos Portugueses dos Séculos XVI e XVII // CONFLUÊNCIA. Revista do Instituto da Língua Portuguesa. 2003. Nº 25 e 26. P. 93–174.

Kossarik 2002 – *Kossarik Marina*. A obra de Amaro de Roboredo. Questões de historiografia linguística portuguesa // Amaro de Roboredo. Methodo Grammatical para todas as Linguas. Edição de Marina A. Kossarik. Lisboa: Imprensa. Nacional-Casa da Moeda. Filologia portuguesa. P. 7–63.

Kossarik 2016b – *Kossarik Marina*. Early Portuguese treatises and the case of scientific paradigms. Interparadigmatic periods and the two hyperparadigms linguistic history // C. Assunção, G. Fernandes, R. Kemmler (eds.). Tradition and Innovation in the History of Linguistics: Contributions from the 13th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XIII), Vila Real, 25–29 August 2014. Münster: Nodus Publikationen, 2016. P. 185–195.

Leão D. Nunes de. Origem da lingua portuguesa. Lisboa: Pedro Graesbeck, 1606. P. 155. Fols. 83.

Leão 1576 – *Leão D. Nunes de*. Orthographia. Lisboa: João Barreira, 1576. Fols. 88.

Leite 2011 – *Leite M*. *Quadros*. Considerações sobre uso e norma na Gramática Portuguesa – O Methodo Grammatical para todas as Linguas (1619), de Amaro de Roboredo // Filologia e Linguística Portuguesa. 2011. Vol. 13. Nº 2. P. 337–368.

Oliveira 1536 – *Oliveira F. de*. Grammatica da lingoagem portuguesa. Lisboa: Germam Galhardo, 1536. Fols. 40.

Pereira 1672 – *Pereira B*. Ars grammaticae pro lingua Lusitana. Lugduni: Laurentius Anisson, 1672. P. 323.

Pereira 1647 – *Pereira B*. Thesouro da lingua portuguesa. Lisboa: Paulo Craesbeeck, 1647. Fols. 97.

Resende 1540 – *Resende A. de. L. Andreae Resendii de verboru(m) coniugatione commentarius*. Olissipone: Apud Lodovicū Rhotogirium, 1540. Fols. 58.

Robins 1974 – *Robins R. H.* Breve historia de la lingüística. Madrid: Paraninfo, 1974. P. 239.

Roboredo 1619 – *Roboredo A. de.* Methodo grammatical para todas as linguas [...]. Lisboa: Pedro Craesbeeck, 1619. P. 248

Roboredo 1621 – *Roboredo A. de.* Raizes da lingua latina mostradas em hum tratado, e dictionario: isto he, hum compendio do Calepino com a composição, e derivação das palavras, com a ortografia, quantidade e frase dellas. Lisboa: Pedro Craesbeeck, 1621. P. 443.

Roboredo 1625 – *Roboredo A. de.* Grammatica latina de Amaro de Roboredo mais breve e fácil que as publicadas até agora na qual precedem os exemplos aas regras [...]. Lisboa: Antonio Alvarez, 1625. P. 176.

Scotus 1902 – *Scotus D.J.* De modi significandi, sive Grammatica speculaiva. Ad Claras Aquas, 1902¹. P. 190.

Sousa 1535 – *Sousa M. de.* Institutiones tum lucide, tum compendiose, latinarum literarum, tradite dialogo, candidis ac vere pijs Cenobitis Sancte Crucis [...]. Colimbric: apud Coenobium Dive Crucis, 1535. Fols. 40.

Távora 1566 – *Távora F. de.* Grammatica hebraea. Conimbricae: Apud Ioanem Aluarum, 1566. Fols. 67.

Vera 1631 – *Vera A. Ferreira de.* Orthographia. Breves louvores da lingua portuguesa. Lisboa: Manuel Rodrigues, 1631. Fols. 44.

Verdelho 1999 – *Verdelho T.* O Calepino em Portugal – a obra lexicográfica de Amaro Reboredo // Revista portuguesa de filologia. 1999. № 23. P. 125–149.

REFERENCES

Alpatov V.M. (2005) History of Linguistic Conceptions. Moscow. 368 p.

Kossarik M.A. At the Rise of Discourse and Functional Grammar Studies: (Anchieta 1595, FIGUEIRA 1621, Estêvão 1640, Pereira 1672). *Stephanos*. 2016. № 5(19), pp. 9–25.

Kossarik M.A. The Academic Dictionary of Portuguese – History and Modernity. In: Language and Reality. In Memoriam of V.G. Gak. Moscow. 2007, pp. 583–589.

Kossarik M.A. Syntax Problems in Portuguese Linguistic Theses of the 16–17th. *Ancient and New Romagna*. 2013. Vol. 11. No 1, pp. 88–114.

Kossarik M.A. The Description Language in the Epoch of New Time Linguistics – the Role of the Portuguese Tradition. In: Scientific Papers of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. Vol. 5. Moscow State University Press. 2005, pp. 86–118.

Kossarik M.A. (2013) The Description of Language System in Early Portuguese Treatises on Language. Vol. I: Phonetics. Morphemics. Morphology of Nominal Parts of Speech. Moscow. MAKS Press Publ. 228 p.

Kossarik M.A. On the Problem of Tradition and Innovation in the History of Linguistic Studies. Renaissance and Contemporary Linguistic Paradigms: Two Epochs' Bondage. *Moscow State University Bulletin. Series 9, Philology*. 1995. No 5, pp. 104–116.

Kossarik M.A. (2013) Renaissance Portuguese Treatises on Language: Sociolinguistic Aspects. Moscow. MAKS Press Publ. 208 p.

Kurilovič J. (1962). Essays on Linguistics. Moscow. Innostrannaja Literatura Publ. 352 p.

Linguistic Encyclopedic Dictionary / V.N. Yartseva (ed.). RAS. Moscow. Sovetskaya Enciclopedia. 1990. 682 p.

¹ Приписывавшаяся Дунсу Скоту грамматика Томаса Эрфуртского. – М.К.

Semeniuk N.N. Formation of Literary Norms and Types of Codification Processes. In: Language Norm. Typology of Normalization Processes. Moscow. 1996, pp. 23–47.

Сведения об авторе:

Марина Афанасьевна Косарик,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina A. Kossarik,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olissipo@yandex.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

В.В. Сорокина (Москва, Россия)

Западноевропейская русистика в начале XXI века¹

Аннотация: Западноевропейская русистика после спада развития в конце 1990-х гг. за двадцать лет претерпела значительные качественные и количественные изменения. Они коснулись характера оценок русской литературы: он стал менее тенденциозным, появился интерес к творчеству молодых писателей, обладателей национальных литературных премий. Русский авангард рассматривается в контексте европейского литературного процесса.

Ключевые слова: западноевропейская русистика, русская классическая литература, постсоветская русская литература, западногерманское литературоведение, французское литературоведение, русский авангард

V.V. Sorokina (Moscow, Russia)

West European Studies in Russian Literature of the Early 21st century

Abstract: West European studies in russian literature after the recession in late 1990-is changed in quality and quantity during the following twenty years. The estimation of russian literature became less tendentious, the interest to the young writers, holders of national literary prizes, appeared. Russian avant-garde is regarded now in the context of the European literary process.

Key words: West European studies in russian literature, Classical russian literature, Post-Soviet russian literature, West-German literary criticism, French literary criticism, Russian avant-garde

За более чем двухсотлетнюю историю существования западноевропейской литературной русистики ей приходилось переживать разные периоды – от первичного накопления информационных материалов в самом начале через вполне естественную вторичность освоения иноязычной литературы и зависимость от русского литературоведения во второй половине XIX в. к вполне самостоятельной отрасли европейской филологии, окончательно сформировавшейся после Второй мировой войны.

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на Ломоносовских чтениях 24 апреля 2017 г. (филологический факультет, пленарное заседание).

В это время литературоведение Западной Европы взяло курс на обобщение накопившегося за более чем вековой период опыт изучения русской литературы. Изменения общественно-политической ситуации в мире привело к тому, что внутри национальных школ изучения русской литературы произошли существенные изменения. Появились страны социалистического лагеря с идеологией, во многом зависящей от политики СССР. Оригинальным явлением стало литературоведение ГДР. Отношение к нему во многом двойное. С одной стороны, обращает на себя внимание определенная зависимость в оценке и выборе художественного материала от литературоведения СССР, с другой – огромная популяризаторская функция, позволившая западному читателю ознакомиться с переводами русской литературы на немецкий язык в более полном объеме, что, в свою очередь, усиливало интерес исследователей ФРГ к нашей литературе и таким образом способствовало более пристальному ее изучению.

Особенно больших успехов литературоведение ГДР достигло при исследовании трех периодов: древнерусской литературы – прежде всего литературы Киевской Руси; русской литературы эпохи Просвещения; русской литературы второй половины XIX в. В результате кропотливого труда А. и Х. Грасхофов впервые на немецком языке появились русские былины и полное собрание «Повести временных лет». Среди исследовательских работ заслуживает внимания публикация Р. Бройера «О немецко-русских литературных связях в средние века в области героической эпики» и Г. Штурма «Изображение человека в древнерусской и немецкой литературах». Важную роль в развитии русистики в Европе сыграл выход в 1965 г. «Истории русской классической литературы», ставшей основным справочным материалом по этому периоду в немецкоязычном мире, а также в 1973 г. книги К. Штедке «Изучение русского реализма XIX века».

В ФРГ публикации обобщающего характера появились значительно позднее – в 1980-е гг. (в 1982 г. «Русская драма» и в 1986 г. «Русская повесть» под ред. Б. Зеллинского; «Русская поэзия» под ред. К. Зеемана в 1982 г.).

В 1950–1960-е гг. европейское литературоведение в целом занимало исключительно малопривлекательную позицию, навязываемую американской советологией. Современная русская литература исключалась из русла всемирного развития литературы, а социалистический реализм выводился за рамки художественного метода.

Начиная с 1970-х гг. ситуация меняется: критика выдвигает как главную задачу не критиковать, не разоблачать, не полемизировать, а просто «восполнять дефицит информации» о современной русской литературе.

В интересе западноевропейского исследователя того времени, преимущественно западногерманского и французского, можно выделить следующие характерные особенности: противопоставление современной литературы русской классике, Серебряному веку и литературе 1920-х гг.; рассмотрение социалистического реализма как перерождающегося в «бытовой», а в случае сатирических произведений – в критический.

Базой, на которой развивалась русистика 1970–1980-х гг. в Европе, становятся специализированные журналы, продолжающие представлять различные авторитетные органы по изучению русской литературы. Во Франции это ежегодник Института славяноведения в Париже «Ревю дез этюд слав» («Revue des études slaves»), журнал «Ревю де литератур компаре» («Revue de littérature comparée»), где печатаются статьи о русско-французских литературных связях, библиография по вопросам международных связей от библиографического центра ЮНЕСКО. Отдельные статьи о

русско-французских литературных связях появляются в журналах «Русский мир» («Le monde russe»), а также в «Кайе дю монд рюс» («Cahiers du monde russe»). В немецкоязычном литературоведении крупнейшим центром восточноевропейских исследований является Мюнхен, где публикуется «Анцайгер дер славише филологи» («Anzeiger der slavische Philologie»), в Штуттгарте выходит общественно-политический и научный журнал «Остойропа» («Osteuropa»), в Гейдельберге – «Цайтшриффт фюр славише филологи» («Zeitschrift für slavische Philologie»), в Вене – «Винер славиштишер альманах» («Wiener Slavistischer Almanach») а в Берлине – «Цайтшриффт фюр славистик» («Zeitschrift für Slawistik»). К сожалению, этот наиболее известный берлинский журнал пережил тяжелые времена в начале века, а теперь практически не публикует материалы по русской литературе, сменив филологическую тематику на общественно-политическую.

К концу XX в. вследствие в первую очередь общественно-политических факторов ситуация резко изменяется, что вызвало беспокойство прежде всего в кругах европейских исследователей: они обратили внимание на резкое снижение научного интереса к русской литературе.

В самом начале нынешнего века один из авторитетнейших журналов по вопросам восточноевропейских исследований «Остойропа» опубликовал «Меморандум о состоянии славистики в Германии»¹. В нем говорится, что после невиданного подъема интереса ученых, издателей, читателей к русской литературе в период 1945–1995 гг., пришло время резкого (на 27%) снижения интереса, сокращения публикаций, переводов и дискуссий по вопросам русской литературы. Произошла переориентация многих издательств, сократились тиражи профильных периодических журналов, а некоторые, ориентированные исключительно на русскую аудиторию, вообще прекратили существование.

Французский журнал «Кайе дю монд рюс» за 1999 г. предложил подписчикам обзоры минимального количества публикаций о русской литературе. И в том же году выходит проблемная статья В. Кошмаля о состоянии и перспективах славистики², в которой автор обращает внимание на то, что проблемы современного изучения славянских литератур уже были заложены в недрах исторически сложившегося подхода к этому предмету, когда сформировалось два типа славяноведения – историко-научное и общественно-политическое. Это и привело, в конечном счете, к кризису профессии, ставшем следствием кризисов экономического и общественного. Интерес исследователей сместился в сторону второстепенности и «детальности» изучения, что практически стало исключать научную полемику, филология стала «подменяться культурологией». И это, по мнению автора, не могло не привести к утрате профессионализма.

В 2010-е гг. ученые опять вернулись к этой теме, усмотрев в состоянии славистики более глубокие процессы. В статье с красноречивым названием «Конец и возрождение филологии. Перспективы литературоведческой славистики» У. Шмид³ бьет тревогу по поводу вырождения славистики в политический инструмент, играющей роль моста между Западом и Востоком. Профессиональной славистике, по его мнению, «приходится продирается сквозь культурологическое нашествие на

¹ Schmid H., Berwanger K. Memorandum über die Lage der Slavistik in Deutschland // Osteuropa. Berlin; Stuttgart. 2005. Bd. 55. № 9. S. 122–129.

² Koschmal W. (Slavische) Literaturwissenschaft zwischen Selbst- und Fremdstimmung // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1999. Bd. 58. № 1. S. 1–18.

³ Schmid U. Ende und Neubegin der Philologie. Perspektiven für die Slavistik // Osteuropa. Berlin-Stuttgart. 2013. Bd. 63. № 2/3. S. 31–54.

филолого-исторические факультеты». Эта мысль развивается Р. Грюбелем, который полагает, что к началу XXI в. традиционная филологическая ориентация университетов утратила свою силу. Споры между литературоведами и лингвистами выродились в дискурсивную лингвистику, культурологические структурные исследования или в специфически национальные изыскания¹.

По прошествии десятилетий после начала упадка западноевропейской славистики можно говорить о том, что ситуация в литературоведении изменилась не только количественно, но и качественно. Очевиден рост научных публикаций по всем периодам русской литературы. Крупнейшие европейские исследовательские центры – Мюнхен, Вена, Париж, Амстердам, Берлин, Женева – сохранили приоритеты и продолжают издавать серийные монографии и периодику. Существенные изменения произошли и на качественном уровне: являясь неотъемлемой частью европейского литературного процесса, русистика не могла не впитать в себя достижения новых постмодернистских методов изучения художественного произведения, все более воспринимаемого исследователями как «текст».

Вследствие опять же общемировых процессов принципиально изменился качественный состав исследователей, что привело к возникновению проблемы национального литературоведения, до сих пор не существовавшей. Во время наивысшего расцвета русистики в Европе во второй половине XX в. был обозначен тематический и идеологический интерес разных национальных школ. Например, французская литературоведческая русистика в основном ориентировалась на изучение русской классики и литературы Серебряного века (особенно символизма). Очевиден вклад в изучение этих периодов и литературоведения ГДР (К. Эберт, К. Штедке). С одной стороны, западногерманские исследователи, ориентируясь на англо-американскую советологию, обрушивались на эстетические принципы социалистического реализма (К. Аймермахер, Й. Хольтхузен, К. Менерт, К. Можейко), а с другой, демонстрировали поистине новаторские открытия в изучении произведений русских писателей, чье творчество не находило должного внимания в советском литературоведении: Е. Замятина, М. Булгакова, А. Платонова, М. Зощенко, О. Мандельштама, а также Д. Пригова, И. Бродского и др. Ведь именно в Германии в 1970–1980-е гг. впервые вышли монографии об этих писателях Б. Мюллера, А. Ханзен-Лёве, Н. Франца, В. Казака, Х. Гюнтера, Й. Майхеля и др.

С наступлением XXI в. ситуация значительно изменилась. Теперь уже не приходится говорить о национальной специфике европейского литературоведения. Немцы издаются в Амстердаме на английском языке, французские журналы предоставлены россиянам, украинцам, сербам, австрийцам, в Мюнхенском восточно-европейском институте работают китайцы, американцы, наши соотечественники.

В последние годы выходцы из бывшего СССР активно работают в европейских центрах русистики, занимаются самостоятельным литературным творчеством. Это послужило поводом к созданию «Союза русских писателей в Германии» во главе с Владимиром Батшевым. Этим союзом во Франкфурте издается с 1998 г. ежемесячный журнал «Литературный европеец». В нем публикуются проза, стихи, материалы об искусстве, литературная критика (обзоры, рецензии), мемуарная литература. Главной задачей журнал считает «сохранение русской зарубежной литературы, обобщение ее опыта, развитие литературных традиций эмиграции на

¹ *Grübel R.* «Čto (ne)delat» – «Was (nicht)tun?» Warum Normen und Standarts in der Slavistik gegenwärtig ein Problem sind // *Journal of Literary Theory*. 2011. № 1. S. 195–208.

сегодняшнем этапе, противостояние негативным тенденциям новой подконтрольной властям российской литературы»¹.

Получается, что качественный состав современной русистики – это сочетание специалистов, подготовленных в национальных европейских школах, ученых с российским образованием, выходцев из русской эмигрантской среды во втором и даже в третьем поколении. Таким образом, внелитературные факторы оказали существеннейшее влияние на литературно-критический процесс конца XX в. в Европе, но не изменили его совершенно. Многое осталось и развилось в новых условиях. Это прежде всего касается жанровых форм, среди которых монографические исследования занимают важнейшее место. В начале этого века уже практически невозможно встретить отдельное издание книги вне известных научных серий, как правило принадлежащих тому или иному учебному или исследовательскому учреждению; не составляют исключения и электронные книги, соперничающие с традиционными формами².

Серьезную конкуренцию сериальным монографическим изданиям составляют статьи в журналах, альманахах, а также сборниках, посвященных юбилею известного русиста или съездам, симпозиумам, конференциям на заданную тему³. Можно сказать, что научная статья стала основной жанровой формой западноевропейской русистики, особенно если речь идет об изучении классической литературы и произведений первой половины XX в.

Освещение современного литературного процесса в России занимает важное место в западноевропейской критике, но материалы о нем в основном публикуются в журналах, посвященных вопросам культуры и общественной жизни, центральным из которых по-прежнему, как и пятьдесят лет тому назад, остается немецкоязычная «Остойропа». После смены руководства в 2002 г. и переезда редакции из Штуттгарта в Берлин сменился и многолетний автор публикаций о современной русской литературе В. Казак. Вследствие этого пришедший ему на смену К. Каспер иначе построил свою работу. Практически в каждом номере стали публиковаться сведения о лауреатах многочисленных российских литературных премий, рейтинги писателей и библиография переводов русской литературы на немецкий язык. Аналитических обзоров стало меньше, и они представляют скорее резюме статей российских критиков, чем самостоятельные оценки, как это были при В. Казаке, патриархе западногерманской русистики.

Русскоязычная читающая публика может пополнить свои знания о современной русской литературе из таких источников, как «Грани», «Вече», «Мосты», а франкоязычная – в основном из «Кайе дю монд рус». Выходящий на английском, русском и других славянских языках в Амстердаме журнал «Рашн литераче» объединяет литературных критиков всей Европы. В этих периодических изданиях можно встретить справочно-библиографические материалы, рецензии, речи, репортажи

¹ Литературный европеец. Ежемесячный журнал Союза русских писателей в Германии. Frankfurt a. M., 1998. № 1. С. 3.

² См. публикации в следующих серийных изданиях: *Beiträge zur russischen Literatur; Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik; Slavistische Forschungen; Cultures et sociétés de l'Est; Slavica Helvetica; Slavische Literatur; Baden-Baden Beiträge zur russischen Literatur. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte* и др.

³ Например: *Slavistik in Tübingen: Jubiläumsband zu Ludolf Müller. Skripten des Slavischen Seminars der Universität Tübingen. Tübingen. 2003. № 36. 115 S.*; *Figures de l'emgré russe en France en XIXe et XXe siècle: fiction et réalité. Series: Internationale Forschungen zur allgemeinen und vergleichenden Literaturwissenschaft. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 2012 (ebook).*

с юбилеев, юбилейные статьи, некрологи, публицистические эссе, воспоминания, отзывы одного писателя о другом. Особое место в периодической печати занимает информация о литературной жизни в России. В последнее время европейцы особо пристально приглядываются к российским литературным премиям.

В журнале «Остойропа» регулярно публикуются аналитические обзоры результатов присуждения литературных премий в России, сопровождаемые обильным справочным и статистическим материалом, представляемым в разнообразных таблицах и графиках¹. И хотя порой замечания критиков довольно эмоциональны и ироничны («фавориты вкуса публики», «чехарда литературных звезд»), нужно признать, что в этих публикациях дается обобщенная подробная картина литературной жизни России соответствующего периода.

Аналитические обзоры логически дополняются многочисленными рецензиями, призванными не только информировать читателя о выходе книги или поступлении ее в магазин, но и показать произведение в «контексте» окружающей его жизни. Рецензия, как правило, небольшая по объему, поэтому суждение высказывается четко и прямолинейно, к тому же благодаря ей можно узнать о книгах, вышедших в других странах и на других языках.

Как видно из вышеизложенного, изменения на формальном уровне не претерпели значительных колебаний – сохранены основные литературно-критические формы, обогащенные новыми технологическими особенностями.

Несколько иная картина на содержательном уровне. Преемственность русистики прошлых периодов выражается прежде всего в сохранении приоритета интересующих ее тем. Как и прежде основной материал касается классической литературы XIX в., литературы Серебряного века и 1920-х гг., а также современного литературного процесса. Осуществляется переиздание наиболее значительных книг, вышедших в 1970–1980 гг., что, несомненно, свидетельствует о преемственности литературно-критического процесса в Европе².

Если в XX в. лучшие образцы западной критики ориентировались на философскую составляющую русской литературы: Достоевский как религиозный мыслитель, Толстой как выразитель народного духа, Чехов – знаток души человеческой; то теперь все большее место занимают работы, посвященные скорее более второстепенным и менее филологическим вопросам: интимной стороне жизни писателей, воплощению отдельных образов (смерти, сна, тела, ужаса, террора, сумасшествия)³. Литературно-критическая судьба А. Пушкина в Западной Евро-

¹ См.: *Kasper K.* Vorwärts zur Retrokultur! Russische Literatur und Literaturpreise 2009 // *Osteuropa*. 2010. № 6. S. 131–160; *Kasper K.* Wechseljahre. Ein Kaleidoskop der neuen russischen Literatur // *Osteuropa*. 2013. № 8. S. 59–94.

² *Depretto C.* Le formalisme en Russie. P.: Institut d'études slaves, 2009; *Gerigk H.-J.* Ein Master aus Russland: Beziehungsfelder der Wirkung Dostojewskijs: vierzehn Essays. Heidelberg, 2010; *Gerigk H.-J.* Staat und Revolution in russischen Roman des 20. Jahrhunderts 1900–1925. Eine historische und poetologische Studie. Heidelberg: Mattes, 2005; *Rammelmeyer A.* Aufsätze zur russischer Literatur und Geistesgeschichte. Wiesbaden, 2000. Opera slavica. NF 37.

³ См.: *Ludger U.* Das Verbrechen als «Unglück» Zum Volksbegriff in F.M. Dostoevskijs «Zapiski iz mertvogo doma» // *Slavica Litteraria*. Festschrift für Gerhard Gieseemann zum 65 Geburtstag. Wiesbaden, 2002. Opera slavica. NF 43. S. 271–278; *Sach M.* Ein literarisches Modell des Terrors. Die Gestalt des Petr Verchovenskij in Dostoevskijs Roman «Besy» im Spannungsfeld von Geschichte und Literatur // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Heidelberg, 2011. № 1. S. 67–112; *Un autre Tolstoï / Red. C. Depretto.* Paris: Institut d'études slaves, 2012. 288 p.; *Günther H.* Die stumme Sprache des Begehres: Nonverbale erotische Kommunikation in Tolstojs Erzählungen 'D'javol' und 'Otec Sergij' // *Wiener Slavistischer Almanach*. Wien, 2009. № 64. S. 35–56; *Kasack W.* Sterben und Tod im Schaffen Lev Tolstojs // *Zeitschrift für Sla-*

пе всегда не соответствовала уровню востребованности творчества писателя на родине, поэтому особенно важно отметить, что в последние десятилетия интерес к его творчеству возрос. Здесь немаловажную роль сыграли изменения в самом литературоведении, изменившем взгляд на художественное произведение в целом. Объектом исследования начиная с середины XX в. все больше становится «текст», а процесс его анализа превращается в расшифровку форм и знаковых систем, из которых слагается некий гипертекст всей литературы. Отсюда и возрастание интереса к проблемам интертекстуальности, описанию структур, выявлению скрытого смысла. И здесь творчество А. Пушкина становится богатым материалом для подобного рода опытов. Особенно привлекает исследователей связь творчества русского классика с европейскими писателями эпохи романтизма и русской постмодернистской литературой конца XX в.¹

Традиционный интерес к литературе Серебряного века и русского авангарда изменил идеологический вектор. Если в 1970–1980-е гг. основной акцент в изучении этого периода русской литературы делался на противопоставлении ее всей последующей, то теперь исследователей привлекает новаторский пафос этой литературы и форма, что несомненно указывает на влияние русской формальной школы на методы исследования художественного текста западноевропейскими учеными-славистами, а также на послевоенный структурализм.

Русская литература этого периода начинает восприниматься в контексте западноевропейского модернизма как эстетическая макроэпоха. Это проявляется в том, что ученые стараются выявлять ее специфику в сопоставлении с европейской литературой, отсюда и возрастание количества сопоставительных работ. Был даже создан научный проект «Эксперимент свободы. Русский модернизм в сопоставлении с европейским»², объединивший ученых разных стран и научных школ. Од-

vische Philologie. Heidelberg, 2002. № 1. S. 107–135; *Грюбель Р.* Телесное время войны и конструкт русского духа у Толстого. Отношение между телом, духом и душой в романе «Война и мир» // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2004. № 54. S. 131–164; *Reich L.* Miss GULAG und die Rolle des Weiblichen Körpers in der russischen Literatur: von Anton Čechov bis Evgenija Ginzburg: mit einem Nachwort zu den Pussy Riots Series: Europäische Hochschulschriften. Reihe XVIII. Vergleichende Literaturwissenschaften. Bd. 135. Frankfurt a. M.: Peter Lang Verl., 2013; *Peters J.-U.* Melancholische Reflexion und utopischer Vorschein. Čechovs späte Prosa und ihre frühe Rezeption in Russland während des Fin de Siècle // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2012. № 70. S. 65–93; *Hansen-Löwe A.* Grundzüge einer Thanatopoetik. Russische Beispiele von Puškin bis Čechov // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2007. № 60. S. 7–78; *Entre les genres: l'écriture de l'intime dans la littérature russe XIXe – XXe siècles / Sous la direction de C. Depretto.* Paris: Inst. d'études slaves, 2008. P. 299–466 (*Revue des études slaves*. V. 79).

¹ *Kissel W.S.* Der Kult des toten Dichters und die russische Moderne. Puškin – Block – Majakovskij. Köln (Weimar); Wien: Böhlau Verlag, 2004 (Slavistische Forschungen. Bd. 45); *Aleksandr S.* Puškin, sein literarisches Werk in russischen und europäischen Kontext. Köln: Böhlau, 2014 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Bd. 80); *Gerick H.-J.* Zerebrale Spiele: Von E.T.A. Hoffmann über Puškin, Gogol und Dostojevskij zu Belyjs «Petersburg» // Scholae et symposium. Festschrift für Hans Rötke zum 75. Geburtstag / Hrsg. von Peter Thiergen. Köln: Böhlau, 2003 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Bd. 44). S. 27–36; *Peters J.-U.* Puškins «Evgenij Onegin» und der Diskurs der Postmoderne: Hermeneutische und rezeptionsästhetische Überlegungen zu Monika Greenleafs Monographie «Puškin and Romantic Fashion» // Zeitschrift für Slavistik. 2002. № 4(47). S. 469–478; *Schruba M.* Intertextuelles und Poetologisches zum «uznik» A.S. Puškins // Zeitschrift für Slavistik. Berlin, 2002. № 4. S. 423–431; *Strätling S.* Hypermnemonik. Puškin-Bilder bei Dovlatov, Bitov und Sorokin // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2000. № 45. S. 151–174.

² *Russische Moderne Interkulturell. Von der Blauen Blume zum Schwarzen Quadrat / Barbara Aufschnaiter und Dunja Brötz (Hrsg.).* Innsbruck, 2004. 265 S.

ной из его задач стало освоение потенциала русского модернизма на благо европейского и оценка его в новом масштабе и в сравнительном аспекте. Материалы этого проекта доказывают, что теперь возможна интеграция всех модернистских процессов, происходящих в Европе, и отказ от бытовавшего ранее стремления разграничивать проявление модернизма в искусстве и культуре всех европейских стран.

Исследователи русского модернизма уверенно обнаруживают истоки его в национальном и европейском романтизме, и это дает основание многим авторам не только видеть общее происхождение русского и европейского модернизма, но и улавливать связи этих явлений и взаимовлияние. Русский романтизм рассматривается участниками проекта не только как восходящий к прозе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но и, в связи с полнотой и богатством его контрастов, к истокам европейского романтизма.

Работа над вышеназванным проектом позволила исследователям выделить два направления в методике сравнительного изучения: одно из них предполагает изучение межлитературных связей (интертекстуальность, литературные архетипы, историческая поэтика), другое – установление транслитературных взаимосвязей и структурных аналогий (литература и другие виды искусства, искусство и культура).

В работе К. Борера, историка, философа и издателя журнала «Меркур», «Насколько романтичен модернизм?» слышны отголоски начавшегося еще в 1970-е гг. процесса переосмысления понятий *романтизм* и *модернизм*. Исследователь обращается к раннеромантическому историко-философскому материалу, в частности к эстетическим «Фрагментам» Ф. Шлегеля и его изобретению «новой мифологии», которая «отменяет благоразумные понятия философских и политических выражений», чем уже способствует формированию модернистской эстетики. И в то же время устанавливает связь особых стилевых и поэтических феноменов романтизма с сюрреализмом, в частности – фантастического. К. Борер различает два вида фантастического, существовавшего в литературном творчестве немецкого романтизма: каузальное, как у Гофмана, и автономное, как у Ахима фон Арнима. Именно этим последним, по мнению автора, исключительно интересовались А. Бретон и Л. Арагон. Он устанавливает связь между романтической некаузальной фантастикой и сюрреалистическим понятием «*objét trouvé*» (случайно обнаруженный, редкий, бессмысленный предмет). В заключение К. Борер отправляется на поиски «дискурсивно-теоретических» параллелей между романтизмом и сюрреализмом и находит их в сфере мифологии. Чрезвычайно убедительно сравнивает он «новую мифологию» Ф. Шлегеля и «современную мифологию» Л. Арагона и утверждает, что у обоих очевиден отказ от рационального и интерес к загадочному. Вследствие анализа фантастической прозы А. фон Арнима исследователь приходит к выводу, что «теория сюрреализма нашла в нем родоначальника, как с поэтологической, так и с чувственно-философской точки зрения».

Профессор культурологи Бременского университета Вольфганг Штефан Киссель в статье «Модель внешности и художественный манифест (к русскому переводу «О дендизме и Георге Брэммеле» Ю.Б. Д'Оревильи)» обращается к переводу культурно-исторического очерка, опубликованного в 1912 г., в котором культивируется модель внешнего облика денди, ведущего превосходную игру с условностями. По мнению автора, время было несправедливо к этому произведению, имеющему большой потенциал для искусства и культуры в целом. Однако появившись в русском переводе, французский очерк об английском денди

Георге Брэммеле попал «прямо к чрезвычайно актуальному художественному поворотному моменту» постепенного заката символизма и громкого радикального наступления футуризма. Исследователь полагает, что культ дендизма мог восприниматься русским читателем как призыв к собственному символическому жизнетворчеству, к искуплению недооцененных возможностей личности.

В. Киссель устанавливает параллели между дендизмом начала XX в. и особым вариантом русского дэнди эпохи романтизма, выраженном в образе русского гусара П. Чаадаева и герое пушкинского романа «Евгений Онегин». Художественная предреволюционная богема в лице М. Кузмина, С. Дягилева, «мирискусстников», вплоть до футуристических изысков В. Маяковского, по его мнению, является естественным развитием романтических веяний. В заключении представлено детализированное изображение русского варианта общеевропейского феномена дендизма как четкого отклонения и «апокалиптически окрашенного предупреждения такими художниками, как Блок и Ахматова».

К философским корням русского модернизма обращен материал Хорста-Юргена Герика «Восток-Запад: Достоевский, Толстой, Тургенев и Чехов в межкультурном контексте». Особенностью русского варианта общеевропейского явления всегда считалось его формирование в литературе, точнее в романе, поэтому исследователь обращается к творчеству трех самых знаменитых русских романистов и драматургии Чехова. Исходя из новаторской повествовательной техники, с помощью которой эти писатели создают свои работы, Герик исследует их воздействие на западноевропейское и англо-американское культурное пространство. В писательской манере Достоевского видно влияние на киноповествовательную технику, которая в основном базируется на необходимости разъяснения и «прямо ведет в Голливуд к образному языку Дэвида Линча». По мнению автора, Достоевский стал крестным отцом многим авторам и кинорежиссерам: от Ф. Кафки через У. Фолкнера к Фрицу Лангу и Билли Уальдеру.

В Л. Толстом автор видит влиятельнейшего баталиста всех времен, чья повествовательная техника покоится на особом эффекте очуждения. Он оказал воздействие на Э. Золя, Дж. Дос Пассоса, Э. Хемингуэя и Н. Мейлора. Даже эпифания Тургенева в воспоминаниях и чеховское художественное понимание настоящего момента создает ряд межкультурных полей, которые исследуются автором. Он пытается найти объяснение до сих пор не прекращающемуся успеху драм Чехова и обнаруживает специфику изображения эмпирического человека. В конце своего исследования Герик вслед за М. Допперманн называет этих четырех авторов «стоящими у входа в модернизм фигурами».

Вторая часть этого проекта посвящена исследованиям теоретического характера, где русский модернизм рассматривается в связи с западной теорией литературы и культуры. Немецкие авторы отдают себе отчет в том, что русский модернизм представлен не только многообразием влиятельных течений в искусстве и культуре и яркими творческими личностями, но и целым рядом философов, теологов, художественных критиков и журналистов, – они возвели теоретический фундамент, на котором базируются художники в рамках эстетики европейского модернизма и постмодернизма.

Известный специалист по русскому символизму Криста Эберт в статье «Символизм à la russe, или насколько европейский символизм был русским?» обращается к культурно-теоретической системе русского символизма. По мнению исследовательницы, в противоположность своему европейскому «двойнику» рус-

ский модернизм не ограничивался художественным совершенствованием стиля в литературе и искусстве, а представлял собой некий феномен, проникавший во все сферы жизни и ставший основой оригинальной философской мысли, проложившей себе путь между национальной традицией и европейским модернизмом. В основе ее заключений при этом лежит не только очевидная франкофильская тенденция В. Брюсова и германофильская склонность А. Белого и Вяч. Иванова. Исследовательница идет дальше и прослеживает развитие русского символизма «от художественного направления до мировоззрения», включая программные работы поэтического наследия Эллиса, рассматривавшего философские положения Ницше как основу европейского символизма. Оригинальной стороной позиции немецкой исследовательницы является интерес к проблеме восприятия на Западе символизма *à la russe*: понять его и как особый образ жизни, тяготеющий к европейской традиции, и как философию, вобравшую в себя разнообразные западные тенденции.

Разочарованные в «безучастном поведении Запада», русские символисты такие как Вяч. Иванов, снова обращаются к национальной традиции, в то время как другие, Д. Мережковский например, остаются верными космополитической ориентации. В итоге К. Эберт утверждает, что русский символизм в своем стремлении к культурной революции сформировал некий образец поведения, который нашел отражение во всех сферах тогдашней жизни: философии, религии, даже политике.

Интересно обращение Бригит Обермайер к теме литературного постмодернистского дискурса в статье «Парадоксы участия: интертекстуальность и постмодернизм (А. Ахматова и Д.А. Пригов)». По ее мнению, цитирование, повторы, заимствования не могут служить исключительно признаками интертекстуальности. Автор предлагает определять отношение постмодернистского текста и его современного источника как «парадоксальное участие». Эта мысль доказывается поэтапно. Сначала исследуются возможности мемуарной литературы 1970-х гг. в России, затем устанавливается «граница текстуальной вместимости» между стихами Ахматовой и Пригова и на заключительном этапе рассматриваются постмодернистские последствия «отраженных на переломе дискурса фактов». Конечность модернистского дискурса как приема, по мнению исследовательницы, доводится в практике постмодернизма до «индекса излома». К такому выводу, впрочем довольно малоубедительному, Б. Обермайер приходит, исследуя многосторонние взаимосвязи постмодернистских текстов Пригова, использующих в качестве литературной основы поэзию Ахматовой, понимаемую как «текст памяти», не подверженный историческим изломам.

Насколько глубоко исследовательский скепсис, тоска и чувство изоляции русского модернизма коренятся в теоретической мысли романтизма, показано в статье Р. Гольдта «Романтическая религиозность искусства в дореволюционной России: “Заколдованный мир” в литературе, искусстве и философии». Автор противопоставляет религиозной утрате стремления романтизма к исконному смыслу тоску по обновлению и ставит вопрос: если секуляризация российского общества очевидна, то что происходит с феноменом околдования. Для анализа этого процесса используется принцип диахронического анализа и на примере творчества Новалиса и Пушкина, с одной стороны, и Сологуба и Блока вплоть до кубофутуристов и дадаистов *à la Hugo Ball*, с другой. На синхронном уровне исследователь соотносит чувство обмана, свойственное восприятию произведений модернизма,

и связанное с ним чувство «оволшебствления» во всех сферах духовной жизни России на рубеже веков.

В работе особенно подчеркивается стремление русских художников к «ресакрализации» в области философии (Розанов, Флоренский), искусстве (Кандинский, Малевич), музыке (Стравинский, Скрябин) и литературе (Блок, Вяч. Иванов), и вырисовывается необыкновенно многосторонняя картина отношений, соединений и взаимосвязей между русскими и европейскими модернистскими течениями.

Как уже отмечалось выше, основным пафосом данного проекта является интеграция русского модернизма в эстетическую систему европейского романтизма, который осмысливается исследователями как первая художественная альтернатива классике и классицизму.

В работах А. Гуски и Х. Любколь обращается внимание на посредническую роль романтической традиции в творчестве русских писателей как средства включения их произведений в литературный контекст соответствующей эпохи.

В статье «Начала. К понятию модернизма как категории историко-литературной» Х. Любколь пробует перейти зыбкую границу между эпохами и пересмотреть предложения по включению понятия модернизма в эстетическую концепцию романтизма. После довольно пространныго и, возможно, излишне подробного экскурса в многолетние дискуссии о понятии модернизма исследовательница на удачном примере стихотворения немецкого романтика йенской школы К. Брентано «Если бы хромой ткач мечтал, то он бы ткал» показывает динамичную включенность текста как в романтическую, так и модернистскую поэтику. Автор, желая преодолеть «шероховатости терминологической неразберихи», предлагает изменить датировку модернизма, чтобы «проблемный случай» со стихотворением К. Брентано не представлялся как «непонятный анахронизм». Ей также хочется и впредь рассматривать модернизм не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте, вплоть до отказа от применения к понятиям «классицистическое», «романтическое», «реалистическое» и «модернистское» временных рамок.

Влиянию романтической традиции на творчество писателей XX в. посвящена статья А. Гуски «Ненадежное пристанище. В.П. Катаев “Белеет парус одинокий” как текст воспоминаний». По мысли исследователя, цитата из Лермонтова создает особое пространство воспоминаний, связанных с неудавшимся восстанием на броненосце «Потемкин». Кроме этого автор выделяет и другое пространство воспоминаний – личное, в котором констатируется связь с чеховской «Степью», где герой также проделывает путь духовного становления. Для исследователя связь романтической символики с поэтикой социалистического реализма представляется вполне очевидной, так как, по его мнению, они «культурно идентичны русскому авангарду и русскому либерализму».

В проекте также принимают участие исследователи, обнаруживающие явное стремление вывести разговор о русском модернизме за рамки литературы и установить эстетическую связь с другими видами искусства.

Работа А. Парина «Три последние оперы Чайковского как первые цветы русского модернизма в музыке» обращена к музыкальной культуре и литературе. В частности, в «Пиковой даме» ощущается, по его мнению, влияние «мифа о Петербурге», в «Иоланте» – отголоски «Парсифаля» и «Тристана и Изольды», а в «Чародейке» – полифония Достоевского и драматургия Л. Андреева.

Г. Оберцаухер-Шуллер в статье «Ритм как основа русского театра авангарда. Сергей Волконский и музыкально-танцевальное движение» пишет о влиянии сво-

бодного русского танца на европейскую культуру, а Р. Грюбель касается влияния русского супрематизма Кандинского, Малевича и Филонова на американское концептуальное искусство и на минимализм в работе «Сокращение и усложнение средств и форм во времени и пространстве. Русская литература и живопись высокого модернизма в межкультурном контексте».

Как видно из выше изложенного, включение русского модернизма в контекст европейской культуры не представляется участникам проекта проблемой, вопрос в другом: насколько Европа подготовлена к восприятию этого уникального богатства, насколько знания европейца о России глубоки, чтобы обнаруживать подлинные ценности.

В традиционном интересе к литературе русского авангарда в последние десятилетия выделяются работы о Д. Хармсе и В. Хлебникове как о центральных фигурах этого направления.

Изданная еще в 1990-е гг. основополагающая работа Ж. Жаккара о творчестве Д. Хармса¹ дала импульс развитию его идей в работах ученых последних лет. В работах западноевропейских исследователей творчество Д. Хармса связывается с завершающим этапом русского авангарда, в котором наиболее очевидным стало проявление «вещественного» начала в литературных образах, связывающих его творчество с футуризмом, с одной стороны. С другой стороны, творчество Д. Хармса, по мнению ученых, явилось предтечей экзистенциальной составляющей европейской литературы абсурда².

В произведениях В. Хлебникова ученых привлекают прежде всего его историко-философские взгляды, в которых находят отражение как архетипические (индийские), так и современные (Е. Блаватская, А. Белый) идеи циклического развития времени, но, в отличие от них, у писателя отсутствуют метафизические составляющие религиозных или оккультных парадигм. Это проявляется в риторических особенностях его символических и теософских текстов, как, например, в «Числах»³. Особый интерес исследователей вызвали «Доски судьбы», которым было посвящено несколько выпусков журнала «Рашен литераче»⁴.

Современный литературный процесс традиционно обращает на себя наибольшее внимание западноевропейской критики. Исследовательский интерес вызывают преимущественно следующие темы: соотношение реализма и модернизма; писатель и власть; литература и коммерция; литературные премии; литературный критик и коммерция; антигерой; самоубийство и смерть; интертекстуальность.

¹ Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'Avantgarde russe. Bern, 1991.

² См.: Hansen-Löwe A. «Wir sind alle aus, Pljuškins Haufen' hervorgekrochen...»: Ding – Gegenstand – Ungegenständlichkeit – Unding // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 71. Wien, 2008. S. 251–346; Witte G. Die Verletzlichkeit der Dinge. Am Beispiel russischer Erzählungen der 1920er und 1930er Jahre // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 71. Wien, 2008. S. 51–86; Lehmann G. Fallen und Verschwinden. Danielk Charms. Leben und Werk. Wuppertal: Arco Verlag, 2010 (Arco Wissenschaft. Bd. 20. Sonderband). 735 S.

³ См.: Niederbudde A. Mythopoetik und Wissenschaft des Todes im Werk Velemir Chlebnikovs // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2007. № 60. S. 275–294; Obermeyer B. Tod und Zahl. Transitive und intransitive Operationen bei V. Chlebnikov und D.A. Prigov // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2005. № 56. S. 209–286; Werberger A. Kandinskij trifft ein buntes Volk, Chlebnikov lässt Nixen singen, oder: das Primitive als Evidenzerzeuger des Modernen // Wiener Slavistischer Almanach. 2012. Bd. 69. S. 173–197.

⁴ См.: Russian Literature. Amsterdam, 2008. V. 1. № 1; 2008. V. 64. № 3/4; 2009. V. 66. № 3; 2010. V. 68. № 1/2.

Однако прежде всего перед критиками стоит вопрос о качестве современного русского литературного процесса. Одни утверждают, что постсоветская литература – «скандальная деградация незыблемой модели великой русской классической литературы»¹, другие же говорят, что на руинах социалистического реализма возникают произведения романтического, конструктивистского, метафорического постмодернизма и магического, игрового, фантастического реализма². За этим проглядывает единый структурный принцип противостояния «искусства для искусства» и «искусства как отражения жизни». В произведениях русского постмодернизма исследователи отмечают в большей степени влияние западной литературы и ориентацию на поэтику «классического» модернизма 1920–1930-х гг. Исследователями отмечается образная метафоричность М. Булгакова в произведениях В. Пелевина, многоплановость А. Платонова у Л. Петрушевской, сложный синтаксис В. Набокова у В. Сорокина³. На содержательном уровне – тяготение к вселенским обобщениям, к «вечным» темам, отказ от тотальной иронии.

По мнению западноевропейских критиков, стратегия новых модернистов направлена на представление универсального образа мира, не претендующего на стирание границ между искусством и действительностью. Это неизбежно приводит к откровенной традиционности, чем обусловлена опасность впадения в излишнюю монотонность, декоративность, инерционность слишком «правильного» языка («Матисс» А. Илического, «2017» О. Славниковой, «Венерин волос» М. Шишкина). Исследователи признаются в неспособности определить творческий метод этих произведений, склоняясь то к «онтологическому реализму», то к «онтологическому модернизму»⁴.

В работах, посвященных современному литературному процессу, все более очевидным становится сравнительный подход к анализу произведений русских писателей. Показательна в этом плане статья Д. Буркхарт о вариациях на тему гоголевской «Шинели» в романе В. Маканина «Андерграунд» (1998) и рассказа немецкого писателя У. Тимма «Пальто» («Das Mantel», 1999)⁵. По ее мнению, помимо центрального, гоголевского мотива «шинели», представляющей собой символ двойничества, некоей другой половины человеческой сущности, в обоих современных романах возникают «религиозно-этические, философско-метапоэтические и экологически-цивилизационно критические аспекты», требующие обсуждения. Так, полагает Д. Буркхарт, проявляется интертекстуальная сущность современной европейской литературы.

Тот же сопоставительный принцип лежит и в основе работы Л. Каткус «Комическая агония. Гротеск в позднесоциалистической литературе»⁶. В ней автор обращается к приему гротеска как «средству изображения сильного общественного

¹ Glanc T. Achtung! Hier endet die Literatur // Wiener Slavistischer Almanach. 2012. Bd. 69. S. 229–246.

² Poynter E. Prostranstvo: Intimer und öffentlicher Raum, Kosmos und Chaos in der russischen Literatur. Frankfurt a. M.: Peter Lang. GmbH, 2015.

³ Ljunggren A. Closing the Circle: On the Poetics of Contemporary Russian Prose // Russian Literature. 2009. V. 65. № 4. P. 451–466; Rutten E. Post-Communist Society and Sorokin's «Trilogy» // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 79. Wien, 2012. S. 27–56; Kolesnikoff N. Menippean Satire in Russian Postmodern Prose // Russian Literature. 2008. V. 64. № 1. P. 47–60.

⁴ Kasper K. Megapolos versus Provinz. Russlands Gegensätze im Roman // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2008. Bd. 58. № 11. S. 129–154.

⁵ Burkhart D. Das Phantasma des Mantels Gogol', Timm, Makanin // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005. Bd. 55. № 11. S. 95–106.

⁶ Katkus L. Komische Agonie. Das Groteske in der spätsozialistischen Literatur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2012. Bd. 62. № 9. S. 87–96.

интереса» и сопоставляет «Москва-Петушки» Вен. Ерофеева, «Малый Апокалипсис» Т. Конвицки и «Вильнианс Покерис» Р. Гавела, в которых гротеск служит изображению распада «бредовой, пьяной, мертвой и безумной мечты» завершающейся эпохи.

Сравниваются А. Геласимов с У. Фолкнером и Э. Хемингуэйем, М. Шолоховым и Ю. Бондаревым; Е. Попов и А. Левкин с Г. Майринком; А. Иличевский с Р. Музилем; М. Шишкин с Т. Манном¹.

Наибольшее количество откликов у современных критиков вызывает творчество И. Бродского, В. Сорокина, В. Пелевина и Л. Петрушевской.

И. Бродский представляет интерес для тех исследователей, которые склонны к структурному анализу, их привлекает поэтическое мастерство поэта, преемственность его творчества лучшим образцам русской поэзии². Работы о книгах Л. Петрушевской также обращены к изучению их поэтики и особенностей стиля³.

Творчество В. Сорокина и В. Пелевина всегда рассматривается как «другая» литература⁴. Встречаются и крайние точки зрения: одна из них принадлежит автору статьи «Внимание! Здесь кончается литература» Т. Гланцу⁵. В ней автор указывает на предтечу этого направления в русской литературе писателя Т. де Квинси, создавшего «Исповедь англичанина, употребляющего опиум». По его мнению, «возможности психоделической литературы, совмещающей фиксацию точных данных с видениями измененного сознания, обогащают технику художе-

¹ Kasper K. Vorwärts zur Retrokultur! Russische Literatur und Literaturpreise 2009 // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2010. Bd. 60. № 6. S. 131–160; Kasper K. Aus den Biographien geschuldert Literatur und literarisches Leben in Russland 2002 // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. № 4. S. 536–554; Kasper K. Megapolos versus Provinz. Russlands Gegensätze im Roman // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2008. Bd. 58. № 11. S. 129–154; Kasper K. Wo kommen wir her? Wo gehen wir hin? Russland und Schriftsteller Zwischen West und Ost // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2005. Bd. 55. № 11. S. 107–123.

² См.: Baumgärtner I. Wasserzeichen: Zeit und Sprache im lyrischen Werke Iosif Brodskijs. Köln; Böhlau, 2007 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Bd. 56). 385 S.; Herlth Jens. Ein Sänger gebrochener Linien. Iosif Brodskijs dichterische Selbstschöpfung. Köln; Böhlau, 2004, (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. Bd. 47). 385 S.; Huber Petra. Verrat oder Vermittung? Iosif Brodskij als Doppelspion der Kultur // Osteuropa. Berlin; Stuttgart. 2006. Bd. 56. № 3. S. 105–120; Nivat G. Tsvetaeva & Brodskii: Two Types of References to the Bible // Cahiers du Monde Russe. Paris, 1998. V. 39. № 4. P. 593–604; Venclova T. Über den «Königsberg-Text» der russischen Literatur und die Königsberg-Gedichte von Iosif Brodskij // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. № 2/3. S. 159–177.

³ См.: Balz N. Zwischen Schock und Spiele. Narrative Möglichkeiten in der Kurzprosa Ljudmila Petruševskajas. München: Verlag Otto Sagner, 2003. 269 S. (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. 44); Balz N. Erzählinstanz und aktiver Leser in der Mikroerzählungen von Ljudmila Petruševskaja // Zeitschrift für Slavistik. 2000. № 2(45); Nohejl R. Ljudmila Petruševskaja Erzählung «Slučaj Bogorodicy» und die These vom Sowjetmatriarchat: Versuch einer psychoanalytischen Dichtung // Zeitschrift für Slavistik. 2000. № 2(45); Warnke M. «Das Netz, das bleibt...». Zur Bedeutung des geschriebenen Wortes in Ljudmila Petruševskajas Erzählung «Vremja noč» // Slavica Litteraria. Festschrift für Gerhard Giesemann zum 65 Geburtstag. Wiesbaden, 2002. Opera slavica. NF 43. S. 385–394.

⁴ Rutten E. Post-Communist Society and Sorokin's «Trilogy» // Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 79. Wien, 2012. S. 27–56; Schrub M. Zur Typologie intertextueller Verfahren (Čechov bei Akunin, Sorokin, Głowacki und Mamet) // Zeitschrift für Slavistik. 2008. № 4(53). S. 438–455; Strätling S. Hypermnemonik. Puškin-Bilder bei Dovlatov, Bitov und Sorokin // Wiener Slavistischer Almanach. Wien. 2000. № 45. S. 151–174; Uffelman D. Marina Himmelfahrt und Liquidierung. Erhöhung und Erniedrigung in Sorokins Roman «“Tridcataja ljubo” Mariny» // Wiener Slavistischer Almanach. Wien, 2003. № 51. S. 289–335; Mních L. Числовая символика в творчестве Виктора Пелевина // Миргород; Lausanne, 2014. № 2(4). С. 75–84.

⁵ Glanc T. Achtung! Hier endet die Literatur // Wiener Slavistischer Almanach. 2012. Bd. 69. S. 229–246.

ственного изображения», но эта литература изображает не истину, а служит лишь «средством передачи измененного ощущения психоделического процесса».

В последние годы литературные обозреватели на Западе стали обращать внимание на русскую критику не только как на источник первичной информации и мнений о русской литературе, но и как на самостоятельное явление российского литературного процесса. Основные вопросы вызывают параметры оценки литературных произведений, так как для западноевропейской критики они являются важным составляющим элементом литературно-критической работы, в которой они видят элементы семиотического, эстетического и читательского анализа.

По мнению исследователей, современная российская критика «сильно коммерциализировалась». Судьбу литературного произведения теперь определяют премии, а не критический разбор и читательская оценка. К тому же «ощущается недостаток внятного профессионального анализа литературного материала, предметного объяснения художественной и общественной значимости произведений»¹. В России происходит расширение эстетических норм и форм, и процесс этот сопровождается уменьшением количества компетентных молодых критиков. Обращается внимание на то, что в российской печати представлена смесь цинизма, идеологизации и современного экстремизма, полная «этико-моральной безответственности». Западноевропейские критики высказывают сожаление, что в современной России так и не получили развитие плюрализм мнений и уважение к читателю определенной части интеллектуалов.

Высказываются упреки в неоднородности литературного материала. С одной стороны, ошутима приватизация книжного рынка, а с другой – значение печатного слова в России изменилось: теперь печатается огромными тиражами массовая литература и книги «с минимальными требованиями качества»².

И все же выводы западноевропейских специалистов о состоянии русской литературы вполне оптимистичные. По их мнению, новейшая русская литература является еще одной исторической проверкой и подтверждением общих законов функционирования литературной эволюции, где новизна, рождаясь на радикальном разрыве с традицией, обретает весь свой смысл лишь через динамику преемственности. На смену социалистическому реализму приходит эпоха литературы многоязычия и разноязычия как освобождение. «Постсоветская литература играет в вавилонскую башню, отстаивая множественность языков: ненормативная лексика, жаргон, арг, новояз, лингвистический «пэтчворк»³.

Сведения об авторе:

Вера Владимировна Сорокина,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vera V. Sorokina,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
vvsoroko@gmail.com

¹ Menzel B. Blick durch ein deutsches Teleskop. Russische Literaturkritik im Wandel // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. Bd. 53. № 9–10. S. 1295–1307.

² Dubin B. Mass und Macht // Osteuropa. Berlin; Stuttgart, 2003. № 9–10. S. 1281–1294.

³ Фортель де ла А. Законы литературной эволюции. К вопросу изучения новейшей русской литературы // Миргород; Lausanne, 2014. № 1(3). С. 70.

А.А. Липгарт (Москва, Россия)

Исторический контекст жизни и творчества Уильяма Шекспира¹. Часть 1

Аннотация: Адекватная интерпретация произведений Уильяма Шекспира невозможна без знания его биографии и общего контекста эпохи, в которую ему довелось жить. Однако даже стремящиеся к объективности шекспироведы в своей работе сталкиваются с практически непреодолимыми трудностями, обусловленными отчасти недостатком биографической информации, отчасти незнанием бесспорных – ранее замалчивавшихся, но ныне общедоступных – фактов английской истории. Все это порождает колоссальные проблемы, которые многим ученым не удается преодолеть, что приводит к искажению смысла произведений Шекспира и неверному пониманию его как личности. В настоящей статье обсуждаются причины, которые объясняют появление неверных в историческом и эстетическом планах интерпретаций жизни и творчества Шекспира, и намечаются пути преодоления этой неблагоприятной ситуации. Для этого вначале приходится обратиться ни много ни мало к пяти последним столетиям английской истории.

Ключевые слова: шекспироведение, «шекспировский вопрос», католичество, протестантство

Andrey Lipgart (Moscow, Russia)

Concerning the Historical Context of William Shakespeare's Life and Works. Part 1

Abstract: It is impossible to produce an adequate interpretation of William Shakespeare's texts without the knowledge of his biography and the general context of his epoch. But even those striving for objectivity very often encounter nearly unsurmountable difficulties connected either with lack of biographical information or lack of knowledge of the formerly suppressed, though now generally available, facts of English history. All this brings forth enormous problems which many scholars fail to overcome, thus arriving at the historically and aesthetically wrong interpretations of Shakespeare's life and works. The present article is devoted to the discussion of this unfortunate situation and suggests ways of overcoming it by turning to the last 500 years of English history.

Key words: Shakespearology, the Shakespeare problem, Catholicism, Protestantism

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на Ломоносовских чтениях 24 апреля 2017 г. (филологический факультет, пленарное заседание).

В марте 2015 г. на территории Великобритании вошли в силу изменения в «Зако-не о престолонаследии» («Зако-не об устроении»), согласно которому вступление в брак с лицами католического вероисповедания лишало членов британской королевской семьи прав на престол. Этот закон под названием «Act of Settlement» был принят в 1701 г. английским парламентом, а в 1707 в соответствии с «Зако-ном об объединении» («Act of Union») распространился на всю Великобританию и оставался в силе в течение трех столетий. С 2015 г. данный пункт устранен из британского законодательства, и, хотя действующим монархом по-прежнему может быть только лицо, исповедующее англиканство, в отношении других членов королевской семьи сделано послабление, и в список наследников престола возвращены потомки герцога Джорджа Кентского (1902–1942), родного дяди правящей королевы Елизаветы II, лишившиеся своих прав на английскую корону из-за браков с католичками в 1978 и в 1988 гг. соответственно.

Трехвековое бытование этого пункта в британском законодательстве можно пытаться интерпретировать по аналогии со знаменитыми воронами в Тауэре и гвардейцами в медвежьих шапках у Букингемского дворца: старая добрая патриархальная Англия, верная традициям, ежегодно 5 ноября сжигающая чучело Гая Фокса, но глубоко демократичная и предельно толерантная по своему внутреннему устройству. Однако аналогия здесь глубоко ложная: да, сжигающие чучело Фокса зачастую не осведомлены о том, кого именно сжигают, и просто веселятся от души, но вот сохранение вопиюще дискриминационного пункта в британском законодательстве в течение трех веков едва ли было результатом сердечного веселия. Законодатели в общем и целом знают, что и зачем они делают и чего и почему не делают.

Парламентские акты 1701 и 1707 гг. были логическим продолжением законодательных инициатив Генриха VIII, в 1534 г. вынудившего парламент принять так называемый «Act of Supremacy» (в разных переводах на русский язык: «Акт духовного и светского приоритета», «Акт превосходства», «Акт супрематии»). «Act of Supremacy» узаконил разрыв с Римом, основание англиканской церкви и провозглашение короля ее главным куратором с титулом «Supreme Head of the Church of England» («верховный глава английской церкви»), который его дочь Елизавета I впоследствии трансформировала в «Supreme Governor of the Church of England» («верховный правитель английской церкви»), несколько снизив – по крайней мере на словесном уровне – беспрецедентно высокий для мирянина статус в церковной иерархии.

Героизация Генриха стала общим местом в разножанровых текстах, от исторических трудов до лихой журналистики и художественной литературы, от сценариев политически выдержанных и относительно документальных фильмов до откровенно пошлых сериалов. Подретушированный ангажированными историками, Генрих VIII превращается в подобие русских Ивана Грозного и Петра I, заложивших основы государственности и укрепивших национальное самосознание своего народа. Та же роль отводится и Генриху, а досадные матримониальные подробности его биографии, как и с русскими царями, отходят на задний план или же – в политтехнологическом смысле фактически безупречно – служат в качестве дополнения к его образу супергероя и победительного мачо, который ничего бы не достиг на политическом поприще, не будь он обуреваем страстями во всех прочих своих проявлениях. Ловко закамуфлированные позднейшими историками под достоинства, перечисленные свойства натуры Генриха VIII на самом деле способствовали его превращению в неуправляемого психопата, а страну привели

к обнищанию и поставили ее на грань гражданской войны. По принятии упомянутого выше «Act of Supremacy» король получил практически безграничный контроль над английской церковью и ее финансовыми ресурсами, ее движимым и недвижимым имуществом. Закрывались монастыри, нищали приходские церкви, которые ранее были основой системы социальной помощи в стране, где государственная власть не брала на себя ответственности ни за медицинскую и психологическую помощь, ни за образование, ни за экономическую поддержку населения (в периоды голода церковные организации бесплатно раздавали голодающим еду, равно как и зерно для новых посевов). Церковь утратила возможность проводить данную работу после конфискации денег и земель, а государство не стало брать на себя это бремя. Поэтому мнимо героическая борьба Генриха с католичеством поспособствовала лишь реприватизации и обогащению самого короля и его подручных, и полученные деньги были пущены отнюдь не на благо населения Англии, но на бессмысленные войны с Францией, Шотландией и прочие авантюры, а также на строительство грандиозных дворцов по всей стране, многие из которых так и остались недостроенными.

Реакция населения не заставила себя долго ждать. В 1536 г. на севере страны началось так называемое «Благодатное паломничество» («Pilgrimage of Grace» [1]), в ходе которого десятки тысяч пострадавших от нового порядка англичан двинулись на Лондон с целью возвращения католичества и ассоциировавшейся с ним старой социальной системы, успешно действовавшей в течение нескольких веков и доказавшей свою жизнеспособность. Пустив в ход дипломатию, в ходе переговоров с лидерами восстания Генрих сумел убедить восставших разойтись по домам, пообещал им полный иммунитет от уголовного преследования и посулил изменения в религиозной и социальной сферах. Слова своего король, естественно, не сдержал и через несколько месяцев зверски расправился с бунтовщиками, устроив им в полном смысле слова 37-й год. Свой собственный – 1537-й. Тем не менее в английской истории «кровоавость» на уровне прозвища отождествляется вовсе не с Генрихом, а с его старшей дочерью королевой Марией I Тюдор (1516–1558), хотя ее деятельность по искоренению протестантизма в стране по количественным показателям безнадежно уступает успехам ее славного родителя и ее еще более славной сестры Елизаветы I, кумира множества современных читателей, кинозрителей и телезрителей.

Случай с Генрихом весьма показателен. Налицо откровенно тенденциозные сортировка, выбраковывание и интерпретация исторических фактов, которые либо не упоминаются вовсе, либо изымаются из контекста и толкуются чрезвычайно вольно. Возникает впечатление, что кому-то был нужен именно такой образ Генриха, который не скомпрометировал бы англиканство окончательно и безнадежно уже в момент его становления. Среди прочего упоминавшийся выше «Act of Supremacy» (1534) – первый шаг в сторону парламентских актов 1701 и 1707 гг. – не должен был восприниматься как подготовительная мера для осуществления геноцида в отношении собственного народа, каковым геноцидом многогранная деятельность Генриха, безусловно, является.

Денег и земель при Генрихе лишились не только церковные учреждения. Владетельные английские семьи, не желавшие отступить от привычной религии с ее тысячелетней историей в самой Англии, подвергались серьезным штрафам, тюремному заключению, казням. Католики нищали, но все же пока еще обладали значительными ресурсами для сопротивления режиму и стремлением вернуть

отнятое у них имущество. Поэтому примирение в национальном масштабе было в принципе невозможно: помимо теологических новаций, категорически не приемлемых для многих истинно верующих английских католиков тех времен, значительную роль здесь играл и финансовый аспект, когда ограбленные желали вернуть отнятое грабителями, а последние этому всеми силами сопротивлялись. Таким образом, в стране возник острый социальный конфликт, который нельзя было решить за столом переговоров и который сулил стране неисчислимые бедствия в ближайшем будущем. Забегая вперед, отметим очевидное: католики проиграли, победили протестанты. И именно они заказывали и писали официальную историю, героизируя весьма проблематичных индивидуумов, скрывая трагизм и катастрофические социальные последствия реформации и ради создания отвлекающего колорита наполняя тексты книг и телеэкраны тауэрскими воронами и букингемскими медвежьими шапками.

Как это ни парадоксально, в идеологическом плане Генрих был традиционалистом. По зрелом размышлении он понял, что обретение абсолютной власти в стране с помощью протестантских доктрин было тем единственным, для чего ему было нужно протестантство; в теологическом смысле он не ощущал необходимости что-то серьезно менять в том же богослужении и вполне комфортно чувствовал себя в контексте привычных католических ритуалов [2]. Опытный администратор, он не позволял протестантам одержать верх в стране ни в идеологическом, ни в социальном плане, и это несколько утешало ограбленных и униженных католиков. Не без оснований, если учесть его безусловную образованность и знание теологии, Генрих считал себя главным экспертом в стране по всем спорным вопросам церковного управления и разделял мнение своего современника и близкого родственника императора Карла V, характеризовавшего полемику эпохи реформации как «скудную ссору монахов». Двух станом не боец, Генрих стремился к поддержанию баланса между враждующими фракциями и, распорядившись казнить несколько католиков, немедленно отдавал приказ о казни некоторого количества протестантов. Террор стал нормальной практикой для Генриха в последнее десятилетие его правления, и жизнь высших протестантских сановников королевства была ничуть не безопаснее существования верных старой религии католиков какого угодно социального класса [3].

Однако почти сразу же после его смерти ситуация изменилась: регенты при малолетнем сыне Генриха Эдуарде VI (1537–1553) в борьбе друг с другом прибегали в том числе и к теологическим аргументам, и в итоге одержали верх те, кто больше всего нажился в результате протестантских грабежей. Для сохранения власти им требовалась соответствующая идеологическая база, которую охотно обеспечили импортированные из Швейцарии кальвинисты, чьи взгляды были абсолютно чужды и подавляющему большинству англичан, и на тот момент уже покойному королю Генриху [4]. Без репрессивных мер здесь было не обойтись, и 6 лет правления Эдуарда были отмечены новыми кровавыми расправами над католиками. А потом после его смерти в 1553 г. в религиозной ситуации вновь произошел перелом: на престол взошла старшая дочь Генриха Мария Тюдор, которая вернула Англию в лоно Римско-католической церкви, запретила англиканское богослужение и, воздержавшись от тотальной повторной реприватизации, все же начала процесс возвращения религиозным общинам ранее конфискованного у них имущества. Настал черед протестантов почувствовать, насколько беспокойна жизнь нонконформиста, и некоторые из них инициировали борьбу со своей новой

католической королевой, что породило волну репрессий уже со стороны правительства Марии, со всеми вытекающими отсюда прижизненными и посмертными последствиями для этой женщины с подлинно трагической судьбой [5].

Таким образом, к моменту смерти королевы Марии Тюдор Англия прошла через 3 этапа в смене религий: умеренный идеологически и убийственный социально протестантизм Генриха, буйный кальвинизм Эдуарда и относительно умеренное католичество Марии. И все это произошло в интервале 24 лет, с 1534 по 1558 г. В 1558 г. с восшествием на престол Елизаветы I Англия подверглась четвертой по счету религиозной реформе: согласно «Акту о единстве» («Act of Uniformity»), принят парламентом в 1559 г.) посещение англиканского богослужения стало обязательным, а католическое богослужение было запрещено. И все эти четыре религиозные реформы проходили на памяти одного поколения, многие представители которого – что вполне объяснимо в психологическом плане – были готовы ориентироваться в первую очередь на тысячелетнюю английскую католическую традицию, а не на два с небольшим десятилетия сомнительных теологических экспериментов. Возвращение католичества для вновь ввергнутых в нищету последователей этого направления в христианстве ассоциировалось как со спасением души, так и с возвратом к социально приемлемой модели существования. Наличие столь обширной группы потенциальных диссидентов среди ее подданных не предвещало Елизавете безмятежного правления.

Казалось бы, Елизавета могла встать на сторону подавляющего большинства населения Англии, принять католичество и тем самым избежать возможных религиозных конфликтов. Сохранить в стране возвращенное ее старшей сестрой католичество, на первый взгляд, было бы проще, чем устраивать очередную реформу. Однако из-за династических экзерсисов Генриха VIII единственным возможным выбором для Елизаветы оказалось именно возвращение протестантства. Дело заключалось в том, что в свое время Генрих аннулировал браки с Екатериной Арагонской, матерью будущей королевы Марии Тюдор, и с Анной Болейн, матерью Елизаветы, что автоматически обеспечило обеим принцессам статус незаконнорожденных дочерей. Впоследствии, не меняя этого статуса, Генрих ввел обеих дочерей в закон о престолонаследии и тем самым создал немыслимую в юридическом плане ситуацию. В Европе тех времен внебрачные дети неоднократно занимали Святой престол, они успешно управляли, например, Флоренцией или выступали в роли регентов на отдельных территориях Священной Римской империи, но для традиционных монархий – Англии, Франции, Шотландии – такое решение династических проблем было неприемлемым. Именно этим воспользовалось кальвинистское лобби в последние недели жизни Эдуарда VI, уговорившее умирающего юного монарха назвать в качестве наследницы не его старших сестер Марию или Елизавету, а его двоюродную племянницу леди Джейн Грей (1537–1554), которая официально считалась английской королевой в течение 9 дней, пока кальвинистский режим не был сметен возмущенным населением страны, возведшим на престол Марию Тюдор. Законность восшествия на престол Марии и ее в конечном итоге законнорожденность никем всерьез не оспаривались, так как обвинения в инцесте, выдвинутые Генрихом против ее матери Екатерины Арагонской, были откровенно абсурдны и так как ни английские католики, ни большинство европейских монархов, не говоря уже о римских папах, никогда не признавали правомочность аннулирования первого брака Генриха. С Елизаветой ситуация была значительно менее очевидной: для католиков брак с Анной Бо-

лейн, состоявшийся при жизни Екатерины Арагонской, не обладал ни малейшей видимостью законности, и потому с их точки зрения Елизавета не могла считаться законнорожденной дочерью Генриха ни при каких обстоятельствах, что делало ее положение в роли правящей монархини чрезвычайно шатким. В столь же шатком положении во время правления королевы Марии находились и протестанты-реприватизаторы, и, проживи Мария на несколько лет дольше, они бы могли навсегда утратить влияние в стране и потерять награбленное. Поэтому интересы протестантов и Елизаветы совпали: и те, и другая в любой момент могли быть отторгнуты католическим населением страны и должны были помнить о потенциальной угрозе, бросив все силы на укрепление нового протестантского режима.

Угроза, кстати говоря, материализовалась уже в первые дни правления Елизаветы, когда французский король Генрих II отказался признать легитимность ее нового статуса и объявил о правах на английский престол своей невестки шотландской королевы Марии Стюарт (1542–1587), правнучки короля Генриха VII и внучки старшей сестры Генриха VIII. Для Марии этот шаг впоследствии окажется фатальным: после 6 лет правления Шотландией и утраты престола в результате мятежа шотландских баронов, Мария в 1568 г. отправится в Англию, где проведет почти 19 последних лет своей жизни в качестве пленницы Елизаветы и будет казнена по приказу последней в феврале 1587 г. Для Елизаветы же этот эпизод станет постоянным напоминанием о шаткости ее положения, и любые ее попытки проведения более веротерпимой политики будут успешно пресекаться протестантской верхушкой с помощью ссылок на возможные католические заговоры в пользу Марии Стюарт или же – после казни Марии – в пользу других претендентов на английский престол. Особо значимую роль в проведении антикатолической линии в Англии в то время играла семья Сесилов: отец и сын Уильям Сесил и Роберт Сесил были ведущими политиками и министрами Елизаветы и ее преемника Иакова, и многочисленные потомки Уильяма заключили серию выгодных браков с членами других состоятельных семей и сформировали внушительный клан, нажившийся на скупке за бесценно конфискованных у католиков и собственно королевских земель и кровно заинтересованный в сохранении протестантского режима.

В поп-культуре правление Елизаветы ассоциируется опять-таки с ростом национального самосознания англичан, с расцветом экономики и культуры и с укреплением международной репутации Англии. Знаковыми эпизодами являются борьба с Марией Стюарт, отлучение от церкви, поражение Испанской Армады, деятельность поэтов и писателей, многочисленные любовные приключения королевы и, возможно, казнь графа Эссекса. В этой прихотливой выборке отсутствует восстание северных аристократов 1569 г. и последовавшая за ним расправа над его многочисленными участниками, не упоминается война с Испанией на территории современных Нидерландов, длившаяся в течение 19 лет, обескровившая и разорившая Англию и закончившаяся уже после смерти Елизаветы. Здесь также не находит отражения бездумная политика продажи за бесценно земель короны и предоставления монополии на сбор некоторых видов налогов частным лицам, что приводило к обогащению близких к королеве политических манипуляторов и к оскудению государственной казны. Не обсуждаются вопиющие юридические нарушения, сопутствовавшие всей истории заключения Марии Стюарт: к Марии как к королеве суверенного государства английская юрисдикция не имела никакого отношения, и у шотландской королевы были все основания бороться за свою свободу любыми средствами после того, как в обход очевиднейших норм между-

народного права она оказалась пленницей Елизаветы в 1568 г. [6]. И, наконец, в современной поп-культуре никак не отражается накал борьбы между католиками и протестантами в правление Елизаветы, не упоминаются дискриминационные антикатолические законы, ничего не говорится об иезуитских миссиях 1580–1581 и 1586–1606 гг. и о массовых казнях католиков в течение всех 45 лет царствования последней королевы из рода Тюдоров [7].

Подобная тенденциозность в освещении исторического материала преследует цель восхваления первых протестантских правителей Англии и самого протестантства как единственно приемлемой религии, дающей простор для интеллектуальной и творческой деятельности, обеспечивающей мирное и благополучное существование для страны в целом и противопоставленной в этом плане католицизму как прибежищу фанатиков и преступников всех мастей (чего стоит систематическое очернение репутации Екатерины Медичи, Филиппа Испанского, Марии Стюарт, представителей семейства Гизов и всего ордена иезуитов, – очернение по преимуществу бездоказательное, но риторически убедительное). К этим антикатолическим инсинуациям добавляется Пороховой заговор 1605 г. и еще некоторое количество более поздних сюжетов, призванных утвердить основную идею о гуманности и безальтернативности протестантства (англиканства) как государственной религии Англии и, позже, Великобритании. И эта отредактированная версия английской истории XVI–XVII вв. плавно подводит к мысли о неизбежной правомерности и правомерной неизбежности принятия Актов 1701 и 1707 гг., о которых было сказано выше.

Исторический контекст принятия этих актов заключался в следующем. После смерти Елизаветы I в 1603 г. на престол возшел сын Марии Стюарт Иаков VI Шотландский, ставший королем Иаковом I Английским. Ему наследовал сын, король Карл I, казненный в 1649 г. по приговору парламента. После 11 лет междуцарствия королем Англии стал Карл II, сын казненного Карла I, а затем на престол возшел католик Иаков II, также сын Карла I и брат Карла II. Иаков II правил всего 3 года (1685–1688), был низложен и оставшиеся годы жизни провел во Франции. Корона перешла к соправителям-протестантам, старшей дочери Иакова Марии II и ее мужу Вильгельму III Оранскому, приходившемуся племянником Иакову II. Вильгельм III пережил свою жену, и по бездетности этой супружеской пары наследницей престола была объявлена младшая сестра Марии II протестантка Анна. Поскольку единственный переживший младенчество сын Анны скончался в 1700 г., в начале XVIII в. вопрос о престолонаследии встал весьма остро. Английский парламент не остановило то, что у Иакова II имелся сын, также Иаков (1688–1766), прямой потомок по мужской линии Иакова I и праправнук Марии Стюарт. Католическое вероисповедание младшего Иакова делало его абсолютно неприемлемым кандидатом на английский престол; то же самое отношение впоследствии распространилось и на его старшего сына, Карла Эдуарда Стюарта (1720–1788). И поэтому в 1701 г. было принято решение о переходе короны к протестантской Ганноверской ветви Стюартов, потомков Иакова I по женской линии, что и произошло в 1714 г., когда после смерти королевы Анны в Англии воцарился курфюрст Ганноверский, принявший имя Георг I (1660–1727).

Упорное нежелание английского парламента допустить коронацию католиков имело на тот момент не столько религиозную, сколько политическую и финансовую основу: Иаков II поддерживал идею союза с католической Францией, тогда как протестанты были ориентированы на сотрудничество с Голландией и

конфронтацию с Францией, и сформировавшееся еще во времена Генриха и Елизаветы протестантское лобби в конечном итоге одержало убедительную победу. Но получивший корону по парламентскому акту Георг I в 1701 г. занимал 56-е место в списке претендентов на английский престол, что делало его собственное положение и положение его потомков весьма уязвимым и слишком явно походило на узурпацию власти. Нынешняя королева Англии по прямой линии происходит от Георга I и с точки зрения якобитов занимает свое место незаконно; для них правомочным королем Великобритании является Франц Виттельсбах, герцог Баварский (р. 1933). Великобритании понадобилось 300 с лишним лет для отмены некоторых пунктов соответствующих парламентских актов, но основное правило остается неизменным: правящий монарх может быть только англиканского вероисповедания.

Редактирование английской истории времен Генриха VIII и Елизаветы I и последующих веков оказывает прямое влияние на традицию интерпретации жизни и творчества Уильяма Шекспира вплоть до наших дней. Из-за выхолащивания исторического контекста елизаветинская Англия превращается в пасторальную идиллическую Аркадию, прославленную творениями великих писателей и поэтов. И поскольку жителям идиллической страны страдать по определению не от чего, трагизм многих шекспировских произведений стали объяснять тем, что их автор следовал неким античным или ренессансным образцам, ведомый исключительно игрой ума и стремлением усовершенствовать эстетические каноны прошлого. Имманентный анализ, свойственный многим трудам в области шекспироведения, существует наряду с откровенно неадекватными попытками воссоздать биографию автора бессмертных произведений и предложить их толкование на основе разрозненных исторических фактов и домыслов, не учитывающих общий контекст эпохи.

Современные шекспироведы многое сделали для преодоления априорности, антиисторичности и мифологичности подобных построений. Однако инерция по-прежнему остается сильна, что проявляется среди прочего в продолжении дискуссий по так называемому «шекспировскому вопросу» (проблема авторства шекспировских текстов). «Шекспировский вопрос» возник в свое время как реакция на неумные восхваления гениального драматурга: и стратфордианцы, и антистратфордианцы в традициях современного им XIX в. желали получить биографию Шекспира той же степени героизации и той же степени подробности, с какой, например, Томас Мур описал жизнь Байрона; в отсутствии соответствующей информации стратфордианцы стали додумывать биографию Шекспира-актера, а антистратфордианцы принялись искать «настоящего автора» и додумывать уже его биографию. Делалось это отчасти на основе биографической интерпретации произведений Шекспира – вполне правомерной методологически, отчасти на проведении исторических параллелей, также по сути не вызывающем возражений. Но в контексте протестантски ориентированной историографии XIX в. и противники, и сторонники традиционной теории авторства вели поиски весьма хаотично, исходя из глубоко ложной концепции о Золотом Веке английской поэзии как о Золотом Веке английской государственности и не понимая, что же собственно им следует искать. Идея мнимого национального единения в период правления Елизаветы и Иакова снимала возможность адекватной интерпретации трагизма шекспировских текстов и фактов жизни уроженца Стратфорда, порождая теории о переходе абстрактного надличностного Средневековья в абстрактный же

личный Ренессанс как об эстетической и концептуальной основе творчества Шекспира, якобы стремившегося – со всем китсовско-уайльдовским азартом – освоить-расширить-преодолеть антично-средневеково-раннеренессансные литературные каноны.

Понятно, что с этими теориями имеющиеся биографические сведения об уроженце Стратфорда связать невозможно. Но все встает на свои места, если религиозное противостояние воспринимается как центральный конфликт эпохи, когда сугубо эстетические поиски были периферийным занятием даже для профессиональных литераторов и когда вопрос личного выживания и сохранения своей духовной идентичности оказывался значимым для всех англичан вне зависимости от их социального уровня. Личное выживание не сумели обеспечить себе ни сын башмачника из Кентербери и правительственный агент-провокатор Кристофер Марло, ни один из претендентов на английский престол праправнук Генриха VII аристократ Фердинандо Стэнли, граф Дерби: оба погибли в результате заказанных правительством убийств. Публичной казни не избежали ни граф Эссекс, павший жертвой интриг клана Сесилов, ни скромная падчерица йоркского нотабля Маргарет Клитероу (Margaret Clitherow), которая за свою приверженность католичеству согласно приговору суда должна была умирать долгой и мучительной смертью под тяжестью положенной на ее тело двери ее собственного дома и помещенной на эту дверь груды камней, но которая благодаря милосердию палачей умерла в течение 15 минут. Духовную идентичность не сохранили ни парвеню Бен Джонсон, вынужденный отречься от католичества и благодаря этому успешно функционировавший на литературном поприще вплоть до 1616 г. (позже, как и прочие его именитые современники за исключением правительственных холуев типа Джона Флетчера, он находился под цензурными ограничениями до 1622 г.), ни представительница знатной католической семьи Анна Беллами, изнасилованная любимцем Елизаветы следователем-садистом с широчайшими полномочиями Ричардом Топклиффом и в результате выдавшая властям видного проповедника и великого поэта Роберта Саутвелла, который активно участвовал в деятельности второй иезуитской миссии в Англии и который в свою очередь принял мученическую смерть в 1595 г. Казнь Саутвелла проходила согласно стандартной процедуре («hanged, drawn and quartered»), но близость его семьи ко двору и давние связи – еще со времен Марии Тюдор – его матери и дяди с Елизаветой предполагали несколько менее зверское обращение, и общественное возмущение этим способом казни одного из «своих» было таково, что впоследствии Елизавета предпочитала воздерживаться от подобных кошмарных публичных шоу. Примеры можно умножать до бесконечности, но уже их достаточно для того, чтобы показать, каков был реальный контекст духовной и социально-политической жизни елизаветинской Англии.

Понятно, что в XIX в. эта информация была по большей части недоступна (хотя Ричард Симпсон и опубликовал свою книгу о Кэмпione уже в 1867 г. [8]) и что перечень мучеников для большинства интересующихся английской историей ограничивался «Мартирологом» Фокса, поскольку католическая церковь начала процесс канонизации жертв елизаветинского режима лишь в 1886 г. и завершила его только к 1970 г. (это сейчас некоторые особо выдающиеся личности удостоиваются канонизации менее чем через 10 лет после смерти; Эдмунд Кэмпione и Роберт Саутвелл ждали своей очереди почти 400 лет). Но хотя сейчас все эти сведения общедоступны и подкреплены документально, они часто остаются без внимания в работах, посвященных Шекспиру.

При Иакове тюдоровская бригада приватизаторов опасалась потенциального демократизма монарха, заигрывавшего с католиками, но уже к 1604 г. королю объяснили значимость взимаемых с католиков штрафов для государственного бюджета, затем ему подсунули изначально курировавшийся спецслужбами Пороховой Заговор, напугали до умопомрачения, быстро казнили участников, а потом в отсутствие свидетелей в 1606 г. устроили процесс над главой иезуитской миссии Генри Гарнетом, никакого отношения к заговору не имевшим. Именно в этом году Шекспир прекращает свой диалог с интеллектуалом-монархом (*Measure for Measure*, среди прочего, как ответ на принадлежащий перу короля Иакова *Basilikon Doron*, *Macbeth* как ответ на его же *Demonology* и т. д.) и на какое-то время переключается на мало интеллектуального наследника принца Генри (отсюда отчетливое снижение качества текста в том же «Цимбелине» или в «Зимней сказке»: не драматург исписался, а целевая аудитория поменялась). А в 1610 г., после убийства Генриха Наваррского, Иакову становится настолько тошно и страшно, что на следующий год он назначает архиепископом Кентерберийским кальвиниста Джорджа Эббота, обеспечившего вплоть до 1622 г. такие цензурные ограничения, по сравнению с которыми елизаветинская цензура выглядит прямо-таки милосердной. И тут замолкают Шекспир, Марстон, Дэниел, Чэпмен, Вебстер, Деккер, Форд. А в 1622 г. Эбботт теряет влияние из-за своего противодействия планам женитьбы наследника на испанской инфанте, религиозно-политический климат в стране улучшается, смягчается цензура, и одно за другим начинают публиковаться произведения авторов, не по своей воле молчавших в течение последних 11 лет. И в 1623 г., через 7 лет после смерти Шекспира, выходит Первое Фолио.

Цель настоящей статьи заключалась в том, чтобы обсудить объективные проблемы, возникающие при интерпретации шекспировских текстов и воссоздании его биографии. Сказанное здесь следует воспринимать в качестве общей информации, предшествующей более подробному описанию жизни и творчества Уильяма Шекспира, – описанию, которое автор статьи надеется продолжить в последующих публикациях.

REFERENCES

- [1] Bernard G.W. (2005) *The King's Reformation: Henry VII and the Remaking of the English Church*. Yale University Press. 736 p.
- [2] Meyers G.J. (2011) *The Tudors: The Complete Story of England's Most Notorious Dynasty*. New York. Bentam Books Trade Paperbacks. 623 p.
- [3] Hutchinson Robert. (2009) *House of Treason: The Rise and Fall of a Tudor Dynasty*. London. Weidenfeld and Nicolson. 368 p.
- [4] MacCulloch Diarmaid. (2004) *Reformation: Europe's House Divided (1490–1700)*. Penguin Books. 864 p.
- [5] Porter Linda. (2007) *Mary Tudor: The First Queen*. London. Portrait. 464 p.
- [6] Fraser Antonia. (2005) *Mary Queen of Scots*. Weidenfeld and Nicolson. 640 p.
- [7] Wilson Richard. (2004) *Secret Shakespeare: Studies in Theatre, Religion and Resistance*. Manchester and New York. Manchester University Press. 320 p.
- [8] Simpson Richard. (2010) *Edmund Campion*. Gracewing. 687 p.

Сведения об авторе:

Андрей Александрович Липгарт,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey A. Lipgart,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a_lipgart@mail.ru

Е.В. Иванова (Москва, Россия)

**«И если я умру на белом свете, то я умру от счастья, что живу...»
(О поэтике индивидуального стиля Е. Евтушенко)¹**

Аннотация: В статье рассматривается творчество Е. Евтушенко с точки зрения поэтики его индивидуального стиля. Сделан акцент на произведениях поэта последних лет. Отмечены проблемно-тематическая актуальность, поэтическое новаторство в области формы, исследуется жанровое своеобразие творчества.

Ключевые слова: «оттепель», поэтика индивидуального стиля, неологизм, «лесенка»

E.V. Ivanova (Moscow, Russia)

**“If ever should I die in broadest daylight,
I would die for being happy to be alive...”:
The Poetics of Evgenij Evtushenko’s Style**

Abstract: The article delves into idiosyncrasies of E. Evtushenko’s style, laying emphasis on the poet’s works over the last years. It is argued that discussing social ills, Evtushenko’s poetry stays current, his form is innovative, and his language and style largely contribute to the genre.

Key words: “thaw”, poetics of individual style, neologism, Evtushenko’s staircase

Скоротечно прошли первые семнадцать лет двадцать первого века на Земле. Эту скоротечность первыми почувствовали современные поэты. Обратимся к рассмотрению поэтической картины последних лет. С уходом мэтров поэзии XX в. (А. Ахматовой, Б. Пастернака, Б. Окуджавы, И. Бродского, Е. Евтушенко) поэтическая картина общества обеднела. Существенные изменения коснулись всех ее областей (например, авторской песни, которая за короткий срок утратила свою былую популярность). Состарилось и начало уходить поколение «шестидесятников», людей, первых после сталинской эпохи, заявивших о свободомыслии, романтическом подъеме в восприятии мира, остром чувстве широты географического пространства.

Шестидесятники ушли, показав обществу широту поэтических и мировых горизонтов. Многие из них в последние годы жили вдали от родины или активно путешествовали по миру. Некоторые поэты (например, Ю. Кублановский), наобо-

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на V Соколовских научных чтениях 26 октября 2017 (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет).

рот, вернулись после эмигрантского периода в Россию и активно включились в ее творческую жизнь. Об итогах размышляет и Евтушенко. Выходят его сборники «Моя футболиада» (1969–2009), «Можно все еще спасти» (2011), «Счастье и расплаты» (2012), «Не умею прощаться» (2013).

В плане поэтической традиции Евтушенко близок к футуристам, заявившим миру о новациях в области поэтической формы. С их легкой руки вошла в поэзию Евтушенко знаменитая «лесенка», которую он порой включал в тексты. У футуристов поэт наследовал идею новаторства в области стихотворной формы, которая помогла ему быстро стать услышанным, известным. Для поэтического стиля Евтушенко характерно обилие неологизмов. Отметим наиболее запоминающиеся из них: «пиночетство», «пацанинка», «умнинка», «фашистенки» («Фуку»), «миссисиписто» («Безаварийный капитан»), «безмальвинно» («Сорок девятый»), «совсем-совсемушки» («Художница») и другие. Слово «тяжелолитье» в стихотворении «Я тоскую по Тбилиси» актуализирует тяжесть воспоминания, подчеркивает тему тоски, безвозвратности ушедших дней молодости.

Неологизмы в творчестве Евтушенко отражают не только дань традиции футуризма, но и стремление к созданию ярких, запоминающихся фраз, желание подчеркнуть музыкальность родного языка. Многие из них построены по одной модели: расположены в произведении по принципу звукового повтора. Неологизмы придают стихотворению особую экспрессивную окрашенность, формируют при этом стилевое единство текста или выделяют из контекста окрашенную особым образом фразу. Как и Маяковский, Евтушенко – площадной, трибунный поэт, признанный автор крупных поэтических жанров. В своих поэмах Евтушенко отразил оптимистичный характер эпохи великих строек. В них нередко звучит антивоинный пафос. Сам поэт упоминал о том, что в его первой книжке «Разведчики грядущего» угадывалось подражание С. Кирсанову, а ранние творческие опыты формировались под влиянием М. Луконина, А. Межирова, Б. Слуцкого, Е. Винокурова, Я. Смелякова, В. Соколова и других авторов.

Для поэзии второй половины XX в. характерно наличие разговорных элементов. Евтушенко широко пользуется этим для создания колорита стихотворной речи, часто обращается к изобретению новых словесных форм.

Стремление к эпической масштабности, попытки достойно запечатлеть в поэзии грандиозные стройки века не затмили в творчестве Евтушенко любовной лирики. Одно из лучших стихотворений этой тематики «Со мною вот что происходит» (1957) посвящено Б. Ахмадулиной. Это грустное размышление во многом напоминает по стилю элегический склад ахмадулинской лирики, что привносит в общую тональность произведения ироничный оттенок.

Творчество Евтушенко является одним из самых ярких явлений современной литературы. Начав свой жизненный путь в середине XX в., Евтушенко до 2017 г. был одним из самых злободневных и знаменитых поэтов каждого из десятилетий своей поэтической деятельности. Стихотворения и поэмы Евтушенко патристичны, философичны, особым образом ритмизированы. В поздний период творчества поэт все чаще думает о своей судьбе. Подходит к концу его жизненный путь. Перед лицом смерти его охватывает острая тоска. С особой силой звучит минорная тональность в стихотворении «Молитва» (1996). Поэтическая молитва – особый древний лирический жанр. Он отталкивается от канонической православной молитвы и, как правило, содержит просьбу о прощении. Стихотворение «Молитва» Евтушенко носит предсмертный характер. Лирический герой думает о том, что

после него останется на земле: дети, книги и воспоминания знавших его людей. Никакие материальные ценности мира он не упоминает. Лишь живое и духовное достойно сожаления.

В христианской традиции смерть воспринимается не как конечность бытия, а как переход души в иное состояние. Лирический герой Евтушенко готовится встретить смерть с улыбкой на устах. Молитва по жанру предполагает обращение к Богу. В повторяющейся два раза строфе стихотворения звучит обращение к Господу: «Помоги, господь, Все перебороть, Звезд не прячь в окошке. Подари, господь, Хлебушка ломоть – Голубям на крошки». Речь здесь идет о последнем периоде жизни человека на земле, когда ему остается лишь глядеть на звезды и думать о куске хлеба. Даже в эти минуты лирический герой Евтушенко не хочет быть приземленным, думает о вечном и возвышенном. Кусок хлеба он ищет не для себя, а для голубей. Согласно верованиям голубь является существом, в которое вселяется душа умершего человека. Таким образом, в стихотворение вводится поминальная жертвенная тема.

Образ крошек является сквозным в стихотворении: крохи символизируют то, что человек оставляет на земле. Поминальные хлебные крошки – жертвенное милосердие, которое являет каждый человек миру, отдавая свой хлеб птицам. В последних строфах стихотворения звучит тема расплаты за грехи, боязнь Страшного суда. Мысль о том, что сказать перед концом, с каким итогом подойти к последнему порогу, придает стихотворению особую философичность. Последняя часть произведения перекликается с первой строфой, в которой говорится о том, что унижения и страх убивают нас еще до того, как приходит сама смерть.

Стихотворение «Молитва» перекликается со стихотворением «Дай Бог» (1990), в котором лирический герой поэта выдвигает целую программу действий и чаяний, о которых хочет сообщить Господу. Это и исцеление изувеченных, слепых, и прозрение. Речь здесь идет о жизни в целом: о впечатлениях от нее и о ментальности, о восприятии мира, характерном для Евтушенко («Дай бог поменьше рваных ран, когда идет большая драка. Дай бог побольше разных стран, не потеряв своей, однако»). Помимо прочих благ лирический герой Евтушенко просит о божественной благодати и укреплении в вере («Чтоб не извериться во всем, Дай бог ну хоть немного Бога!»). Молитва предполагает веру в Бога, может быть, как мысленной, так и словесной. Если в православной молитве важно создать молитвенное настроение, то в поэтической молитве главное все-таки содержание, важно то, о чем просит лирический герой. В творчестве Евтушенко есть еще одна поэтическая молитва – «Молитва перед Поэмой». В самом названии нет ничего странного: акт творчества всегда предполагал божественное покровительство, ибо, согласно вере, именно Бог наделяет человека талантами. Неканоничность проявляется в том, что лирический герой просит поддержки не у Бога, а у великих российских поэтов (Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Пастернака, Есенина, Маяковского). Именно перед ними становится он на колени. У них просит помощи для воплощения замысла своей поэмы. Теме ухода человека в мир иной посвящены стихотворения «Людей неинтересных в мире нет», «Паруса».

В 1990-е гг., которые поэт проводит в США, в творчестве Евтушенко усиливается ностальгическая линия. Он обращается к художественным образам, тесно связанным с Россией. Это дом Есенина в селе Константиново, могила няни Нюры на сельском кладбище.

Поэма «Тринадцать» – одно из последних крупных произведений Евтушенко. Она начата в октябре 1993 г., закончена в 1996 г. В ней изображен парад героев нашей эпохи. Автор с досадой пишет об идеологических просчетах. Поэма композиционно отражается в блоковской поэме «Двенадцать». В ней существуют намеки на причины людских бедствий. Стихотворение «Советские эмигранты» посвящено жизни русскоязычной диаспоры в США. Эмигрантов из СССР, России и стран Ближнего Зарубежья объединяет любовь к русской культуре и литературе.

В 2009 г. Евтушенко пишет небольшую поэму «Редиска» о социальной ситуации в России. Герой поэмы автобиографичен. Как и автор, он вылетает по сюжету на «Боинге» в Америку. Поэма звучит социально критично. В ней обычная пенсионерка из торговки редиской превращается в жалобщицу в полиции. Повсюду царят нищета, равнодушие к просьбам и крики жалоб на судьбу. Поэт фактически объяснил читателю, почему сам живет в другой стране. Жизнь российского пенсионера представляется ему жалким существованием.

Закончил свой творческий путь один из наиболее ярких поэтов современности. Эта яркость обеспечивается на нескольких уровнях. В проблемно-тематическом плане Евтушенко – поэт-патриот, всегда стремился идти в ногу со своей эпохой и опережать время, мечтая о светлом и достойном будущем планеты.

Одна из основных черт индивидуального стиля поэтики Евтушенко – динамизм. Его слогу свойственны энергетически выраженные полетность, плакатность, размахистость. Автор всегда видел грандиозность замыслов своей эпохи. Современники запомнили его политически грамотным и одухотворенным, оптимистически настроенным, энергичным даже в преклонном возрасте, всегда открытым для новых свершений. Таким образом, творчество Евтушенко отразило рубежный характер эпохи XX–XXI вв., однако осталось в русской поэзии и фактом литературы эпохи поэтического бума 1960–1970-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евтушенко Е.А.* Шестидесятник: Мемуарная проза. М., 2006. 832 с.
2. *Комин В.В.* Зима – столица Евгения Евтушенко. Иркутск, 2013. 523 с., [6] л. фот., цв. фот.
3. *Комин В.В.* По ступеням лет. Хроника жизни и творчества Е.А. Евтушенко. Кн.1: 1932–1962 / Ред. В.П. Прищепа. Иркутск: Принт Лайн, 2015. 510 с.
4. *Медведев Ф.Н.* Мой друг – Евгений Евтушенко. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
5. Евгений Евтушенко: научно-вспомогательный библиографический указатель / Ю.С. Нехорошев, А.П. Шитов; М-во просвещения РСФСР, Челябинский гос. пед. ин-т, Челябинская обл. орг. добровольного о-ва любителей книги. Челябинск, 1981. 131 с.
6. *Потупов Е.В.* Небронзовеющий классик Евгений Евтушенко: Книги и встречи. М.: Кругъ, 2017. 392 с.
7. Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Сост. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 808 с., ил.
8. *Сидоров В.* Евгений Евтушенко: Личность и творчество. М.: Художественная литература, 1987. 206 с.
9. *Соловьев В.Р.* Не только Евтушенко. М.: РИПОЛ классик, 2015. 416 с., ил.
10. *Фаликов И.З.* Евтушенко: Love story. М.: Молодая гвардия, 2014. 702 с. (ЖЗЛ: Биография продолжается...: сер. биогр.; вып. 25).

REFERENCES

1. Yevtushenko Ye.A. (2006) *Shesti-desyantnik [Born in the 1960's]: Memoir Prose*. Moscow. 832 p.
2. Komin V.V. (2013) *Winter is the Capital of Yevgenij Yevtushenko*. Irkutsk. 523 p., ill.
3. Komin V.V. (2015) *In the Steps of Years: The Chronicle of the Life and Work of Ye.A. Yevtushenko / Ed. by V.P. Prishchepa: Book 1: 1932–1962*. Irkutsk. Print Line Publ. 510 p.
4. Medvedev F.N. (2017) *My Friend is Yevgeniy Yevtushenko*. Moscow. Algorithm Publ. 224 p.
5. *Evgenij Evtushenko: Scientific Auxiliary Bibliographic Index / Yu.S. Nechoroshev, A.P. Shitov*. Chelyabinsk. 1981. 131 p.
6. Potupov Ye.V. (2017) *The Non-Bronzing Classic Yevgenij Yevtushenko: Books and Meetings*. Moscow. Krug Publ. 392 p.
7. Sidorov V. (1987) *Yevgenij Yevtushenko: Personality and Work*. Moscow. 206 p.
8. Solovyev V.R. *Not only Yevtushenko*. Moscow: RIPOL Klassik Publ. 2015. 416 p., ill.
9. *20th-century Russian Writers: The Biographical Dictionary / Comp. P.A. Nikolayev*. Moscow. 2000. 808 p., ill.
10. Falikov I.Z. (2014) *Yevtushenko: Love Story*. Moscow. 702 p.

Сведения об авторе:

Елена Владиславовна Иванова,
канд. филол. наук
доцент
МППУ

Elena V. Ivanova,
PhD
Assistant Professor
Moscow State Pedagogical University
ava.ivanov.helen@mail.ru

И.Л. Анастасьева (Москва, Россия)

Новые заметки по вопросу реализма – не-реализма в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина¹

Аннотация: В статье рассматривается доклад, прочитанный Л. Штильманом, русским эмигрантом первой волны, на IV Международном конгрессе славистов (1958). Штильман является автором нескольких академических университетских курсов, учебных пособий и книг, в том числе по творчеству А. Пушкина, Л. Толстого, Н. Карамзина, И. Гончарова; особое внимание он уделял творчеству Н. Гоголя. В 1958 г. он, один из немногих эмигрантов, приехал в Советский Союз для участия в работе конгресса славистов, где выступил с докладом о романе Пушкина «Евгений Онегин», спровоцировав бурную дискуссию по вопросу реализма в романе.

Ключевые слова: IV Международный конгресс славистов, Пушкин, «Евгений Онегин», реализм

Irina L. Anastasyeva (Moscow, Russia)

New Comments on Realism – Non-Realism in Alexander Pushkin’s Evgenij Onegin

Abstract: The article discusses the report by L. Stilman, a Russian émigré of the first wave, at the Forth International Slavic Congress in 1958. Stilman is the author of college courses, teaching aids and books on A. Pushkin, L. Tolstoy, N. Karamzin, I. Goncharov, and N. Gogol. In 1958, he came to the Soviet Union to take part in the Slavic Congress with a talk on Pushkin’s Eugene Onegin, provoking a heated discussion on realism in the novel.

Key words: Forth International Slavic Congress, Pushkin, “Eugene Onegin”, realism

Казалось бы, вопрос о наличии черт реалистической эстетики в известном романе А.С. Пушкина давно решен, и обращение к докладу Леона Штильмана, в котором была поднята данная проблема, не актуально. Однако это не совсем так. Во-первых, чужая точка зрения, особенно если она звучит убедительно и обоснованно, представляет большой интерес как для специалистов, так и для дилетантов. Во-вторых, не меньшее любопытство рождает личность человека, артикулировавшего проблему. В данном случае речь идет о русском эмигранте первой

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на V Соколовских научных чтениях 26 октября 2017 (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет).

волны, покинувшем Россию в 1918 г. и практически неизвестном в метрополии. Нам стало известно его имя из обнаруженной в Бахметевском архиве Библиотеки Батлера (Колумбийский университет, Нью-Йорк) переписки Л.Н. Штильмана и М.А. Алданова. Наконец, в-третьих, доклад успел стать явлением исключительным как с точки зрения исторической ценности (он дает представление о тех процессах, которые были характерны для жизни русской литературной эмиграции в Париже – Нью-Йорке в первую половину XX столетия), так и с точки зрения доступности (обнаружить доклад удалось с огромным трудом в американских университетских библиотеках, так как материалов IV Международного конгресса славистов, где Штильман выступил с докладом о романе А.С. Пушкина в 1958 г., не нашлось даже в РГБ).

Прежде всего несколько слов об авторе: Леон Штильман был сыном известного петербургского адвоката. Он покинул Россию после революции примерно в шестнадцатилетнем возрасте и осел в Париже, где практиковал в течение 20 лет как юрист, получив образование в Сорбонне, и откуда – накануне вступления Германии на французскую территорию – эмигрировал в США¹. Семью Штильмана (в английской транскрипции – Stilman) связывали теплые отношения с семьей Марка Александровича Алданова. Именитый писатель состоял в переписке с Леоном, собиравшись совместно с ним издавать Антологию русской литературы в Нью-Йорке, куда они вместе с женой, Татьяной Марковной, переехали в 1940 г. По протекции Алданова Штильман получает должность в Корнельском университете, затем в Колумбийском. В Нью-Йорке он защищает диссертацию и возглавляет Отделение славянских языков. Штильман является автором нескольких академических университетских курсов, таких как «Русский язык для начинающих», «Русский язык для продолжающих», «Особенности стиля русской прозы» и других. Курс по русской литературе включал в себя как произведения русской классики, так и современную прозу, в связи с чем на занятиях дискутировались вопросы о переводе новых советских романов на английский язык. Штильман (иногда в соавторстве с женой Галиной) является автором нескольких книг и учебных пособий: «Русский алфавит и фонетика», «Graded Readings in Russian History», «Russian Words of Movement», книг по творчеству А.С. Пушкина, Л. Толстого, Н. Карамзина, И. Гончарова, особое внимание уделял творчеству Н. Гоголя. Именно поэтому его приглашали для выступлений в программах SBC – Week's «Invitation to Learning», посвященных вопросам поэтики Гоголя (одна из таких передач состоялась 21 июля 1959 г.).

Как было сказано, в 1958 г. он – один из немногих эмигрантов – сумел посетить Советский Союз, приняв участие в работе IV Международного конгресса славистов, где выступил с докладом о пушкинском «Евгении Онегине» (доклад был посвящен памяти Б. Томашевского, блестящего комментатора произведения). Выступление спровоцировало бурную дискуссию по вопросу реализма в романе. В программе выступающих он был заявлен как американский профессор, его доклад вызвал неоднозначную реакцию, так как Штильман говорил о «святом» с неподобающей легкостью: о заимствованиях в пушкинском романе «Евгений Онегин» из «Дон Жуана» Байрона. Он пишет об эклектичности фабулы, недовольности образов героев, об особой роли автора, повествующего о генезисе Музы, вступающего в литературную полемику с современниками и т. д. Наиболее

¹ Gogol from the Twentieth Century: Eleven Essays / Selected, Edited, Translated and Introduced by Robert A. Maguire. Princeton University Press, 1974. P. 375.

идеологизированные участники съезда обрушились на американского слависта с жесткой критикой, обвинив его в формализме и в желании дискредитировать роль Пушкина в мировой литературе.

Чем интересно для нас исследование Штильмана? Во-первых, тем, что в нем прозвучали идеи, предваряющие некоторые положения книг В. Набокова (впервые вышла из печати в 1964 г.) и Ю. Лотмана (1980 г.). Во-вторых, в нем представлена оригинальная точка зрения филолога на то, что следует считать фактом реалистического воплощения персонажа, а что нет.

Прежде всего, он развивает мысль о литературности романа (автором обсуждаются и пародируются различные художественные жанры, ведется полемика с современниками, он делится с читателем своими творческими планами). В лирических отступлениях сформулирована основная мысль романа, поэтому с большим основанием его следовало бы назвать «литературной энциклопедией», хотя сама организация пушкинского текста не соответствует тому, что принято называть энциклопедией. Несмотря на то что роман насыщен литературными цитатами, это не отрицает его оригинальности.

В начале своего выступления Штильман вступает в полемику с Василием Васильевичем Сиповским, озвучившим некогда свое представление о типическом образе (глава «Онегин, Татьяна и Ленский» в книге «Пушкин – жизнь и творчество»). Впрочем, уже во время создания этой книги его позиция не звучала оригинально (1907). Итак, мысль Сиповского сводилась к следующему: для создания типического образа истинному мастеру необходимо сначала выделить множество черт, присущих людям эпохи, затем синтезировать их, т. е. выбрать наиболее повторяющиеся, и, в конце концов, объединить их в «натурщике», т. е. в личности конкретного современника. Только это обстоятельство позволит автору оживить героя, превратив его в художественный образ. Все три персонажа являются художественными образами, однако Ленский не воплощен ни в одном «натурщике» – и дело здесь не в отсутствии таковых, а в их обилии. Почему Пушкин не остановился ни на одном из них – вопрос, остающийся без ответа. По мнению Сиповского, «натурщиком» Онегина стал Александр Раевский, и это слабо аргументированная точка зрения. Приписывание прямого прототипа литературному типу превращает этот тип в обычный портрет человека, к тому же такие дефиниции, как «живопись с натуры», которыми пользуется исследователь, звучат не научно, уверяет Штильман. Доразвивая свою мысль, Сиповский полагал, что высшую степень воплощения типического героя придает ему литературный шлейф, сотканный на сей раз из типичных образов уже существующих персонажей. И таков образ Татьяны. Что касается Ленского – этот образ проигрывает в своей недоовоплощенности.

Взамен термину Сиповского Штильман предложил свой: речь идет о намеренной недоговоренности в характеристике персонажа, что соответствует либо его модели поведения (романтической, как в случае с Ленским), либо месту, которое отведено герою в системе образов (муж Татьяны; собственно, из текста вообще неясно, за кого из двух мужчин, на которых указывала Татьяне тетушка, героиня вышла замуж), либо в избыточности подобного рода персонажей (Ольга). Если образ Татьяны традиционно считается одним из наиболее реалистичных в сравнении с остальными персонажами, то Штильман подчеркивает его условность. Так, в восьмой главе Татьяна воплощает собой одну из граней Музы поэта, что из реалистической героини, которая к тому же должна иметь живого прототипа,

если следовать за мыслью Сиповского, превращает ее в метафорический образ, существующий лишь в воображении Пушкина. В конце романа перед нами вновь живой образ, однако это не прежняя барышня, а совершенно **новый** характер, имеющий мало сходства с персонажем первых глав. Финал романа возвращает героев в небытие, в сон поэта, откуда он вызывал их, ибо они ему «в смутном сне явились впервые».

Данные замечания Штильмана имеют непосредственное отношение к вопросу о реалистичности «Евгения Онегина», т. е. к тому, что исследователь признает или не признает реалистичным. Итак, исключительное место в романе занимает образ самого автора, однако его функция, как полагает критик, не ограничивается пространными рассуждениями лирического характера, ему отводится сюжетообразующая роль. Например, он вольно перестраивает композицию образа Татьяны, вдруг превращая ее из героини в метафору (в связи с этим замечанием Штильмана хотелось бы вспомнить и о своеобразии построения образа Онегина в первой главе – он поочередно то приятель поэта, то герой его романа; переключение регистра происходит столь же неожиданно, как и в случае с Татьяной). Подобные превращения, полагает исследователь, имеют мало общего с реалистическим методом. К тому же полифоничен образ самого автора: он то повествователь, то сам Пушкин, который делится с читателем историей эволюции Музы; и это обстоятельство также подчеркивает условность сюжета. Единственно реальный образ в произведении – образ самого автора, который, быть может, слегка обрисовал перед читателем историю своей тайной любви, а черты возлюбленной в той или иной степени воплотились в облике Татьяны.

Если выделить основные положения статьи Л.Н. Штильмана, то они сводятся к следующему: «Вступая в мир реалистического произведения, читатель соглашается принять этот мир, созданный автором, за эквивалент действительности. При этом автор не прибегает к заявлениям в подлинности событий, рукописей, дневников, писем – заверениям, характерным для более старых жанров, читатель же не ставит вопроса о том, имеет ли он дело с правдой или вымыслом. Он знает, что перед ним художественное произведение, и требует от него только достаточно убедительной иллюзии. Метод реализма исключает все, что могло бы напомнить читателю, что он имеет дело с поэтическим вымыслом. Метод реализма не допускает свободного обращения автора с той «как бы действительностью», которую он создал и в которую читатель соглашается верить. Реализм предполагает соглашение между автором и читателем о том, что будет принято как действительность, и это соглашение, однажды заключенное, уже соблюдается до конца. Вот этой именно установки на создание иллюзии действительности в «Евгении Онегине» нет: в «Евгении Онегине» автор постоянно напоминает о своем присутствии, рассказывая не только о судьбе своих героев, но и о творческом процессе...»¹.

В качестве аргументов, доказывающих присутствие в романе черт реалистической эстетики, обычно использовались пейзажные зарисовки, невозможные для произведений высокого романтизма, напоминает исследователь. Иначе говоря, романтическим не может считаться пейзаж, созданный при помощи низкой, разговорной лексики, в него также не должны вписываться постоянные упоминания о фламандской школе, рассуждения о том, какими вообще бывают пейзажи, – все

¹ Штильман Л.Н. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» Пушкина // American Contribution to the Forth International Congress of Slavists. Moscow, September, 1958. Mouton & CO, 1958. P. 330.

это находится за гранью традиции. Однако, по мнению Штильмана, подобного рода отступления не могут свидетельствовать также и о реалистичности пушкинского метода, функция этого материала – не подчеркивать реализм, а лишь обнажить особенности творческого процесса. Например, известные строки о том, как мальчик обморозил пальчик, изъятые из контекста, сами по себе, безусловно, создают правдоподобную картинку, но вслед за ними идут размышления о том, что мы имеем дело с одной из форм изображения действительности, которая принципиально отличается от уже существующих. Было бы странно, иронизирует исследователь, натолкнуться на раздумья Толстого, только что описавшего скачки, в которых принимал участие Вронский, о том, что эти скачки можно было бы описать как-то иначе.

То же самое можно сказать и о «книжном» воспитании Татьяны. Увлечение романами – традиционное бытовое явление, на этом основании ее образ причисляют к «типическим героям», изображенным в «типических обстоятельствах». Но подобное описание благоразумной барышни есть и «литературное общее место», не в одном произведении Пушкина звучит данный мотив, к тому же весьма иронично («Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Дубровский», «Рославлев» и др.). «В прозе Пушкина тема воспитания “барышни уездной” на французских романах» трактуется с оттенком иронии. Так, в «Дубровском»: «Огромная библиотека, составленная большею частью из сочинений французских писателей XVIII века, была отдана в ее распоряжение. Отец ее, никогда не читавший ничего, кроме “Совершенной поварахи”, не мог руководствовать ее в выборе книг, и Маша, естественным образом, перерыв сочинения всякого рода, остановилась на романах. Таким образом совершила она свое воспитание»¹, – пишет Штильман.

Исследователь настаивает: творческий метод Пушкина может быть сопоставлен с ироническим повествованием Байрона в «Дон Жуане», неслучайно поэтому русский поэт в черновых материалах иногда прямо указывал на «Дон Жуана» как на источник. Известно, что Пушкин со временем пытался преодолеть влияние байронических традиций, одна из которых – изображать себя в своих поэмах – вызывала у него наибольшую иронию. Он называл эту черту проявлением авторского эгоизма. Вместе с тем Пушкин, подобно Байрону, ставит себя рядом с героем на страницах собственного романа. Жанровая форма произведения отчасти также была predeterminedena влиянием английских поэм, ведь поэт признался в письме Вяземскому, что пишет роман в стихах вроде «Дон Жуана».

Что именно позаимствовал Пушкин у Байрона, если сравнивать композиционные особенности двух произведений (при этом следует подчеркнуть безусловное авторское новаторство в содержании романа)? Во-первых, перенята сама идея «литературности» в повествовании (роман изобилует цитатами, отсылками к литературным произведениям и т. д.). Во-вторых, оба поэта постоянно обращаются к современникам (однако саркастический тон Байрона сменяется скорее дружеской тональностью в строчках Пушкина). Оба автора относят свои произведения к эпическому жанру. Отступления от традиций также обыгрываются обоими, причем подчеркнуто иронически: если в байроновской поэме Аполлон дергает за ухо замечтавшегося поэта, то Пушкин сам призывает Музу не позволять ему блуждать вкось и вкривь. Еще ближе к байроновскому произведению, подмечает Штильман, Пушкин подойдет в «Каменном госте». Поразительно схоже изобра-

¹ Штильман Л.Н. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» Пушкина. Р. 344–345.

жена верность супружескому долгу обеих героинь – Татьяны и Анны, ведь их обет супружеской верности, казалось бы, ничем не мотивирован: обе вышли замуж не по любви, а по настоянию матери: «...мать моя // велела мне дать руку Дон Альвару, // мы были бедны, Дон Альвар богат». Строки из «Евгения Онегина», вероятно, напоминать нет смысла. Концовка «Каменного гостя» отбрасывает тень на открытый финал романа: если во время объяснения Гуана и Анны появляется каменный исполин, хотя «сам покойник мал был и тщедушен» (и здесь происходит переключение повествовательных «регистров», о которых шла речь раньше), то и мужу Татьяны отведена примерно такая же роль фатума, рока, возмездия: «Но шпор внезапный звон раздался, и муж Татьяны показался».

Если пользоваться цитатой самого поэта из его «Романа в письмах», то к «Евгению Онегину» можно было бы применить слова Лизы о «вышивании по старой канве новых узоров», что никоим образом не умаляет достоинств романа. Оригинальным примером подобной «вышивки» могли бы послужить письма героев друг к другу: Татьяна, как известно, воображает себя героиней эпистолярных романов – Ричардсона, Руссо, Крюднера, де Сталь. Но поскольку эпистолярный роман предполагает полное сокрытие образа автора, подмечает Штильман, а как в пушкинском, так и в байроновском произведениях авторский образ является неотъемлемой частью композиции, постольку эпистолярная форма в «Евгении Онегине» может быть использована лишь эпизодически: «...причем Пушкин прибегает к этой форме в двух случаях особенно сильной напряженности в развитии сюжета. В обоих случаях, – признание Татьяны и признание Евгения, – судьба героев и их переживания выступают на первый план, а автор сходит со сцены, превращаясь в безличного хранителя, “издателя” писем <...> согласно обычной формуле эпистолярного романа. В обоих случаях, с полным соблюдением композиционной симметрии, за получением письма следует свидание – монолог получателя письма, именно монолог: реплик ни в том ни в другом случае не приводится. Оба монолога, не будучи письмами, являются ответами на письма и заметным образом приближаются к эпистолярной форме»¹.

Какой цели стремился достичь Леон Штильман своим докладом, безусловно памятуя о том, что он будет прочитан перед советскими учеными, ревностно оберегающими устоявшуюся точку зрения на произведение? Думается, он вовсе не пытался кого-либо опровергнуть, тем более свергнуть с пьедестала. Это не было и попыткой нового прочтения романа, – скорее, прозвучало как уточнение некоторых известных положений, в частности касающихся совершенно необычной формы произведения, которая свидетельствовала о скором возможном переходе автора от поэтической к эпической творческой манере. Как бы то ни было, данное выступление – страница из истории жизни и деятельности эмигрантов первой волны, не оторвавшихся ни от отечества, ни от национальной литературы, поэтому знакомство и с личностью Леона Штильмана, и с его творческой позицией в равной степени полезно и познавательно для современного читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Штильман Л.Н. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» Пушкина // *American Contribution to the Forth International Congress of Slavists. Moscow, September, 1958. Mouton & CO, 1958. P. 321–367.*

¹ *Штильман Л.Н.* Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» Пушкина. P. 351–352.

Gogol from the Twentieth Century: Eleven Essays / Selected, Edited, Translated and Introduced by Robert A. Maguire. Princeton University Press, 1974. 475 p.

REFERENCES

Stilman L.N. On Literary Genres and Traditions in Pushkin's "Eugene Onegin". In: American Contribution to the Forth International Congress of Slavists. Moscow, September, 1958. Mouton & CO. 1958, pp. 321–367.

Gogol from the Twentieth Century: Eleven Essays / Selected, Edited, Translated and Introduced by Robert A. Maguire. Princeton University Press. 1974. 475 p.

Сведения об авторе:

Ирина Леонидовна Анастасьева,
канд. филол. наук
доцент
факультет иностранных языков и
регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina L. Anastasyeva,
PhD
Assistant Professor
Faculty of Foreign Languages
and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
anastasyevairina@gmail.com

Н.М. Солнцева (Москва, Россия)

О вкусе поэтов к крови¹

Аннотация: В поэзии 1900–1920-х гг. развилась тема пролития крови как порядка вещей, очищения через кровь, спасения цивилизации кровью, оправдания жертвы в революционном слове. Идея необходимой жертвы подготовлена мировой мыслью, она высказана Платоном, Аристотелем, де Местером, легла в основу текстов Гегеля, Ницше, Маринетти. Высказывалась мысль о войне как постоянном состоянии человечества, которое стимулирует развитие искусства, науки, освобождает общество от пороков, которые оно же породило. Была распространена ветхозаветная и новозаветная интерпретация жертвенной крови, ярко проявившаяся в программных статьях голгофских христиан, в прозе Свенцицкого. Поэтическое воплощение тема крови получила в произведениях Маяковского, пролетарских поэтов, Клюева, Карпова; к ней обращался Блок.

Ключевые слова: библейский, война, гигиена мира, Голгофа, грех, жертва, кровь

N.M. Solntseva (Moscow, Russia)

Why Poets Talked Blood

Abstract: The poetry in 1900–1920 forged the ideas of the shedding of blood as the order of things, cleansing through blood, salvation of civilization by blood, justification of sacrifice in a revolution. The idea of the right sacrifice was repeatedly discussed by Plato, Aristotle, de Mester, it formed a basis of the texts by Hegel, Nietzsche, and Marinetti. War was understood as a permanent condition of humankind: it stimulates the development of art, science, frees the society from the evils it caused. This time signaled widespread interpretations of sacrificial blood in the Old Testament and the New Testament. This was manifested in the article of Calvary Christians, in Svetsitsky prose. The poetic description of blood came in the works of proletariat poets, Klyuev, Karpov, Block, and Mayakovsky.

Key words: Bible, war, hygiene of the world, Calvary, sin, sacrifice, blood

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на V Соколовских научных чтениях 26 октября 2017 (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет).

По поводу эпатажной строки В. Маяковского «Я люблю смотреть, как умирают дети»¹ («Несколько слов обо мне самом», 1913) высказан ряд объяснений, сводящих к нулю упреки в некорректности, жестокости, кровожадности и проч.: это слова не поэта, а Бога (Г. Амелин, В. Мордерер, Д. Быков); влияние изданного в 1910 г. стихотворения И. Анненского «Тоска припоминания» (С. Бобров); ответ на изданное в России в 1913 г. стихотворение Ф. Жамма «Молитва, чтобы ребенок не умер» (В. Перцов); эквивалент «отмучился», «недолго мучился» (Л. Брик); сарказм поэта, наблюдающего за похоронами (Н. Харджиев); смерть как предел, за которым разрешаются все противоречия, ассоциация детоубийства с самоубийством, то и другое прерывают время (Р. Якобсон); рефлексия на частый сюжет о смерти ребенка в классической литературе и живописи (А. Гольдштейн). Нарратология – дисциплина не точная и помогающая сглаживать острые углы. Благодаря ей мы понимаем, что Маяковский далек от патологии вроде: «Видеть страдания доставляет наслаждение, причинять их – еще большее. Это жестокое правило, но старое, могучее, человеческое, слишком человеческое основное правило <...>. Без жестокости не может быть торжества <...>»² (Ф. Ницше. Генеалогия морали, 1887). На наш взгляд, и умирание детей, и обращение поэта к солнцу в этом стихотворении отсылает нас к поэме «Война и мир» (1915–1916), в которой есть такие строки: «Слышите – / солнце первые лучи выдало, / еще не зная, / куда, / отработав, денется, – / это я, / Маяковский, / подножию идола / нес / обезглавленного младенца» (стр. 56 М).

Поэме Маяковского не так повезло с объяснением идеи крови. В ней поэт пишет об очистительной и искупительной силе Первой мировой войны, по сути, о праве войны на жестокость. Земля заражена, гниет, «если не собрать людей пучками рот, / не взять и не взрезать людям вены – / зараженная земля / сама умрет – / сдохнут Парижи, / Берлины, / Вены»; потому оружия – ланцеты, потому в столицы «вогнали вагоны зараженной крови», потому «в крови желанья бурлят ордой» и пора «выволакивать забившихся под Евангелие Толстых!» (стр. 43, 42, 44 М). И вот «первую кровь войне отдали, / в чашу земли сцедив по капле» (стр. 50 М). Тем самым Маяковский придает поэме библейский смысл. Но война – «искупительная дама», и таким семантическим, этическим несозвучием поэт снизил (унизил) трагедию искупления, хотя уже весь мир вымочен «человечьей кровью» (стр. 62, 50 М) Игра с образами – и в гипертрофии кровавых потоков: ростовский рабочий «захотел / воды для самовара выжать, – / и отшатнулся: / во всех водопроводах / сочилась та же рыжая жижа» (стр. 50 М). Поэт балансирует между искренним ужасом и литературной провокацией, а мы путаемся в нарратологии.

Авторитетен круг мыслителей, морально мотивировавших войны, осмыслявших их как естественное цивилизационное явление. К XX в. идея уместности войны лежала на поверхности.

По Платону («Федон», «Тимей», «Государство»), справедливая война – оборонительная, но любая война должна руководствоваться идеей Блага. По Аристотелю («Политика», «Никомахова этика»), войну надо вести, помня о добродетели. Но, по Платону, войны порождены несовершенством человека, а Аристотель считал, что в войне утверждается естественное право обуздать варваров, поскольку варвар-раб –

¹ *Маяковский В.В.* Полн. собр. произведений: В 20 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Р. В. Дуганова, А.Т. Никитаева, А.П. Зименкова, В.Н. Терехиной. М.: Наука, 2013. С. 19. Далее страницы по этому изданию указываются в скобках с пометой М.

² *Ницше Ф.* Генеалогия морали // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. / Сост., подгот. текста М.Ш. Ивановой. Т. 2. М.: Сирин, 1990. С. 50, 55. Текст печ. по изд.: *Ницше Ф.* Генеалогия морали. СПб., 1908.

он и есть варвар-раб. Гераклит («О природе») вообще считал, что война – верховный правитель в разделении тварей на рабов и свободных; через нее познаются законы бытия. Под войной он имел в виду борьбу в целом, потому она – мера вещей и гарант обновления мира. Христианская мораль войны осуждала как проявление испорченности человеческой природы. Блаженный Августин («О граде Божиим», 413–427) саркастично писал, как плакал Марк Марцелл по поводу предстоящего разрушения Сиракуз, но штурмовал город, разрушил его и не дал приказа щадить укрывшихся в храмах. Точка зрения Блаженного Августина очевидна уже в названиях второй и седьмой глав – «О том, что никогда никакие войны не были ведены так, чтобы победители щадили побеждаемых ради богов тех, кого победили», «О том, что всё, что при разрушении Рима совершилось жестокого, случилось по обычаю войны; а что делалось снисходительного, то произошло от могущества имени Христа». Христианская мораль признает справедливые войны. Но где критерий справедливости? Фома Аквинский («О правлении властителей», 1265–1266) видел его в справедливом намерении. Тогда идея Маяковского оправдана, ведь справедливо намерение избавиться от дурной крови и победить тем самым зло: после кровопускания на земле установится благодать: «Вселенная расцветет еще, / радостна, / нова» (стр. 55.). Как А. Блок записал 30 июля 1917 г. по поводу большевизма (стихии) и «вечного покоя»: «Это ведь только сначала – кровь, насилие, зверство, а потом – клевер, розовая кашка <...>. Буйство идет от вечного покоя и завершается им»¹. Буйство – «драгоценное», оно как «неусталость», оно оправдано, и «не так страшно»². Получается, что «последовательность метаний»³ – в природе вещей; так кровь и насилие в финале «Двенадцати» (1918) сменяются новым пришествием Иисуса Христа.

Учитывая влияние на русскую мысль Ж. де Местера⁴, обратимся к его «Рассуждениям о Франции» (1796). По де Местеру, пролитие крови – нормальное состояние человечества; война стимулирует развитие искусства, науки, в целом цивилизации, освобождает человечество от пороков, рожденных излишествами самой же цивилизации. Кровь закаляет изнеженную душу («эта душа способна быть вновь закалена только кровью»⁵). Наконец, кровь смывает грехи человеческие, и с этим коррелирует содержание поэмы Маяковского. Говоря о естественности войн, де Местер уподобляет человеческий род дереву, крону которого ради плодов следует подстригать. Итак, сомнительны утверждения о насильственном уничтожении как зле, поскольку это зло возмещается: «Известно, что никогда на-

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. Т. 7. М.; Л.: Госиздат, 1962. С. 292. См.: «Ветер стих, и слава заревая...» (1914) А. Блока.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Классик европейского консерватизма, Ж. де Местер как посланник сардинского короля четырнадцать лет провел при дворе Александра I; гость аристократических салонов (в черновом варианте «Войны и мира» Л.Н. Толстого он среди посетителей салона Шерер в 1812 г., в четвертом томе упомянут как искусный дипломат), автор книг о России, распространитель антиреволюционных настроений и католицизма, он и в XX в. пользовался успехом у интеллектуалов. Н. Бердяев писал о нем как об «иллюминате и христианском теософе», «гениальном мыслителе» и «не банальном реакционере» (Бердяев Н. Жозеф де Местер и масонство // Путь. 1926. № 4. С. 184). Так, Бердяев, имея в виду низкий культурный уровень, на котором базировался интерес и русских эмигрантов к масонству, и «русских маньяков масонского заговора» (там же. С. 183), полагал актуальной мысль де Местера обратить масонство на службу Церкви. См.: Берлин И. Жозеф де Местр и истоки фашизма // Философия свободы. Европа. М.: НЛЮ, 2001. 448 с.; Десярева М.И. Жозеф де Местр и Н.М. Карамзин // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 151–165.

⁵ modernlib.ru/books/de_zhozef/rassuzhdeniya_o_francii/read

ции так не поднимаются к достижимым для себя вершинам своего величия, как после продолжительных и кровавых войн»¹. Говоря об «искупительной драме», Маяковский описывает послевоенные дары цивилизаций и культур: «мощь машин» от Америки, алость женских губ от Франции, нагое тело юношей от Греции, мысль от Германии, «пламенный гимн» (стр. 62, 63 М) сердца от России и проч.

Но и Гегель («О научных способах исследования естественного права», 1802; «Феноменология духа», 1807; «Философия права», 1820) считал, что война – оптимальный путь для восстановления нравственного состояния общества, поскольку открывает ему истинное положение вещей. Война вовсе не абсолютное зло. Она предотвращает вызванное вечным миром гниение человечества², чему соответствуют образы «Войны и мира» Маяковского: «Гниет земля, / Ламп огни ей / взрывают кору горой волдырей»; «В гниющем вагоне / на сорок человек – / четыре ноги», «легли миллионы, – / гниют, / шевелятся, приподымаемые червями!» (стр. 41, 53, 54 М).

По сути, мыслители писали о санации (во всех смыслах), предвосхитив броскую тезу Ф.Т. Маринетти о войне – гигиене мира («Программа футуристической политики», 1913). Как сказано Маяковским: «В каждом юноше порох Маринетти» (стр. 64 М). Но Маринетти не был озабочен нравственной подоплекой этой гигиены, Маяковский же облагородил ее идеей искупительной жертвы.

Конечно, в орбите интересов Маяковского мог быть Ф. Ницше. Для Ницше война – инстинкт («Иное дело война. Я по-своему воинственен. Нападать принадлежит к моим инстинктам»³). Маяковский отдался не инстинкту, а идее (или образу?). В главе «О войне и войнах» из «Так говорил Заратустра» (1885) Заратустра призывает «собратьев» к войне: «Вы должны любить мир как средство к новой войне. И краткий мир больше, чем долговременный»⁴, и эти слова мы воспринимаем как вольное или невольное отражение мысли Гегеля. Ницше провозгласил войну как благо («Вы говорите, что благое дело освещает даже войну? Я говорю вам: благая война освещает всякое дело»), иронизирует по поводу достойного «маленьких девочек» восхваления добра и принижает роль христианской любви к ближнему: «Война и мужество сделали больше великого, чем любовь к ближнему. Не ваше сострадание, а ваша храбрость спасла до сих пор несчастных»⁵. Он трактует любовь к ближнему с позиций эгоцентризма: «Но говорю вам: ваша любовь к ближнему есть ваша дурная любовь к самим себе»⁶. Итак, для Заратустры война не просто цивилизационный факт, а спасение «несчастных». Но и Маяковский видит в войне спасение человечества. Однако не того конкретного ближнего, что гниет на войне. Маяковский пророчит об идеальном будущем, но и Заратустра, скептически относясь к любви к ближнему, противопоставляет ей любовь к дальнему и грядущему. Возможно, объяснение такого мотива поэмы – в словах Г. Свиридова: Маяковский «наполнен исключительно собой»⁷.

Если бы Маяковский и Ницше вступили в диалог, его смысл, скорее всего, был бы сродни диалогу Раскольникова и Свидригайлова: решил, что «старушонк

¹ modernlib.ru/books/de_zhozef/rassuzhdeniya_o_francii/read

² См.: Румянцева Т. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн versus кантовской идеи «вечного мира» // Социология. 2013. № 2. С. 70–74.

³ Ницше Ф. Автобиография (Ессе Номо) // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. С. 341.

⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. С. 37. Текст печ. по изд.: Падение кумиров. М., 1900.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 49.

⁷ Свиридов Г. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 116.

можно лущить чем попало, в свое удовольствие», отменил старую мораль, а в самом Шиллер «смущается поминутно»¹. По Ницше, «больная совесть – болезнь»². Он говорит о воле к самоистязанию: нечистая совесть изобретена человеком, ей был придан религиозный смысл, «чтобы довести свое самоистязание до ужасающей жестокости и остроты»³. Маяковский как раз винится: «Кровь! / Выцеди из твоей реки / хоть каплю, / в которой невинен я!» (стр. 57 М), идея кровопускания, реализовавшись, уступает место покаянию. В «Оправдании добра» (1897) В. Соловьева есть глава «О смысле войны». В ней война названа хронической болезнью человечества, но ее смысл не исчерпывается только представлениями о зле: война бывает необходимой. В «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899) г-н Z считает, что война не безусловное зло и мир не безусловное добро, князь утверждает, что война и военщина – людоедство, а генерал говорит, что война не противна Божьим заповедям. Маяковский, считая, что война необходима, тем не менее называет себя людоедом.

Нравственная, даже религиозная рефлексия в поэме очевидна. Сама тема искупительной крови, очищения через жертвенную кровь отсылает нас к Библии. И в стихотворении «Несколько слов обо мне самом», и в поэме Маяковский ставит себя на место Христа. Но Христос пролил Свою кровь. Как сказал апостол Павел во втором послании евреям, Он пришел «не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровью» (Евр. 9:12). В «Войне и мире» проливается кровь не своя, а «козлов и тельцов». Еще один образ в поэме Маяковского мы рассматриваем как аллюзию на религиозный сюжет. Это «Метнулись гонимые разбегом убитые, / и еще / минуту / бегут без голов» (стр. 50). Святые Феликс и Регула, брат и сестра, а также их слуга Экзюперантий были обезглавлены, но встали, подняли головы, помолились и отошли к Богу. Известны изображения этого чуда, на некоторых по бокам показаны черти. Маяковский продолжает: «И над всем этим / дьявол / зарево зевот дымит» (стр. 50 М).

Кровь на войне как факт веры – не неожиданная мысль. Она встречается у А. Гастева: «Германцы, англичане, тунгузы, евреи и русские. / Идите. / Вот вам крещение»⁴ («Арка в Европе», изд. 1918). В.В. Розанов («Христово Воскресенье», 1915) считал, что в Первую мировую войну «мистерия религии» (иначе – праздник «искупления смерти смертью») соединилась с «мистерией истории»: смерть на войне – это подражание Христу, «умершему за человечество»⁵. Розанов, как заклинание, проговаривает: «Нет смерти – нет и искупления, нет страдания – нет и очищения»⁶. Что человечество искупает на войне? Европейцы «платят теперь кровью» за «чечевичную похлебку», забвение Бога, за то, что «человек измелъчал», что «храмы покинуты, а базары шумят», что один народ решил стать «сверхпервым» – вот он и «облился весь кровью», «и всё залилось кровью»⁷. Но

¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. / Гл. ред. В.Г. Базанов; подгот. текста Л.Д. Опульской. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 373.

² *Ницше Ф.* Генеалогия морали. С. 71.

³ *Ницше Ф.* Генеалогия морали. С. 76.

⁴ *Гастев А.* Поэзия рабочего удара (1918). ruslit.traumlibrary.net/book/gastev-poezia-rab-udara/gastev-poezia-rab-udara.html

⁵ *Розанов В.В.* Христово Воскресенье // Розанов В.В. Собр. соч. В чаду войны: Статьи и очерки 1916–1918 / Сост., подгот. текста А.Н. Николюкина, В.Н. Дядичева, П.П. Апрышко; коммент. В.Н. Дядичева. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 21.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же. С. 22, 23.

что искупает не «сверхпервый» народ? Он почему «залился кровью»? В «Возрождении России» (1914) Розанов, например, пишет, как в Польше немцы насиловали девушек и женщин, чтобы смешать польскую кровь с тевтонской. Что искупали польки? И опять же речь идет о народе, но не о человеке. В религиозном сознании доминирует ветхозаветная мотивировка: весь народ отдан на муки, человек несет ответственность за род, но не за свой личный грех. Такое онтологическое и не экзистенциальное объяснение наиболее удобно.

Про то, что каждый должен пролить свою кровь, говорили голгофские христиане, а до них члены «Христианского братства борьбы». Хронологически их религиозно-революционная идеология предшествовала библейским объяснениям военных жертв. Ее суть в том, что мир еще не спасен, он будет спасен, когда каждый взойдет на Голгофу и понесет испытание распятием (имеется в виду протест против самодержавия). Как у готового испытать личную Голгофу Блока: «Когда палач рукой костлявой / Вобьет в ладонь последний гвоздь, / <...> / Пред ликом родины суровой / Я закачаюсь на кресте / <...> / Смотрю сквозь кровь предсмертных слез, / И вижу: по реке широкой / Ко мне плывет в челне Христос»¹ («Когда в листе сырой и ржавой...», 1907).

Стихотворение написано после появления в 1905 г. Христианского братства борьбы (В. Свенцицкий. «О задачах Христианского братства борьбы», 1905; «Христианское братство борьбы и его программа», 1906). В «Мировом значении аскетического христианства» (1908) Свенцицкий, идеолог ХББ и потом голгофцев, писал о том, что «человек – герой мировой трагедии, которая заложена в самую основу мироздания», а «любовь христианина – Голгофа, распятие плоти своей во имя вечной духовной правды»². Свенцицкий настаивал на том, что «исторический путь должен быть пройден уже не миром, а отдельной душой»³. Скорее всего, в подтверждение этой цели он и написал рассказ «Второе распятие креста» (1908). Если Христа распяли в современной Российской империи, что следует сделать истинному христианину? Голгофа, по Свенцицкому, начинается там, где есть испытание за других, победа над казнью и где скорбь сочетается с воскрешением («Голгофа», 1910). Смысл сказанного понятен христианину мировоззренчески, но смысл стихотворения Блока силен «человеческим, слишком человеческим»: кровавые слезы, поэт «изнемогает на кресте»⁴ и сомневается, встретится ли он с Христом.

Религиозной коннотации революционной борьбы в выступлениях голгофцев созвучны стихи пролетарских поэтов. Святость крови – тема В. Кириллова: кровавый пот революционеров свят («К оружию»); Восток и Европа в крови, но их ждет Воскресенье («Красный Кремль»). В. Александровский понимает революцию как русское и мировое Воскресение, при этом над Европой вспыхнет кровавый меч («Верю я, – мы грядущее выныанчим...»). С. Малашкин, сакрализуя современность и славя Пролетариат, пишет: «Неба огромный сапфирный потир / Льет из зенита пречистую кровь»⁵ («Пролетариату», 1918).

¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 263.

² Свенцицкий В. Мировое значение аскетического христианства // Свенцицкий В., прот. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. С.В. Черткова. Т. 2. М.: Дарь, 2010. С. 488.

³ Там же. С. 506.

⁴ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 263.

⁵ Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века / Сост. И.С. Ежова и Е.И. Шамурина; вступ. ст. В. Полянского. М.: Амирус, 1991. С. 492.

Голгофцы считали Н. Клюева своим пророком. Его книга «Братские песни» (издана голгофскими христианами в 1912 г.) – проекция их идеологии. Но и когда он расстался с братством, он еще несколько лет верил революцию как религиозный акт и писал о необходимой жертвенной крови. В революционную пору появились его строки: «Верьте ж, братья, за черным ненастьем / Блещет солнце – Господне окно; / Чашу с кровью – всемирным причастьем, / Нам испить до конца суждено»¹ («Красная песня», <1917>). Или: «За евхаристией шаманов / Я отпил крови и огня, / И не оберточный Романов, / А вечность жалует меня» (стр. 355 К) («Меня Распутиным назвали...», <1917>). Рождается возмущивший Есенина революционно-религиозный афоризм: «Убийца красный святей потира», а следующая строка корректирует приведенную выше тезу Розанова: «Убить – воскреснуть, и пасть – ожить...», далее поэтизируется обреченность на кровь: «Мы ало гибнем» (381, 382 К, «Революцию и Матерь света...», <1918>). В понимании Клюева революция – купель: «Ала Россия от ран, / От огневодной купели» (стр. 388 К, «Коммуна», <1918>). Призывая мстить за кровь казненного матроса, он пишет: «Плывет полумесяц багровый / И кровью в пучине дрожит... / О, где же тот мститель суровый, / Который за кровь отомстит?!» (стр. 389 К, «Матрос», <1918>). Или: «Мы опояшем океан, / Как твердь, / Созвездьями из ран, / А кровь в рубиновый канат / Сплетет нам старище-закат!» (стр. 418 К, «Мы опояшем шар земной...», <1919>). В призывах пролить кровь за земной рай он страстен².

Но в сказанных в 1922 г. словах Клюева: «Человек-пахарь, немногим умаленный от ангелов, искупит ржавой кровью мир»³, – мы не слышим призыва к жертвенной крови; в них, скорее всего, выразилась скорбь по поводу обреченности крестьянства на кровопролитие. Сравним со строками П. Карпова: «Ты помолишься о доли пахаря: / Заклятый путь его кровав...»⁴ («Ты помолишься о доле пахаря...», изд. 1921). Уже в марте 1919 г. в докладе В. Ленина на восьмом съезде РКП(б) была озвучена установка на борьбу с кулаком. В 1930-е прозвучала отличная от голгофской идеологии коннотация крови. Вот он описывает «Смерть комиссара» К. Петрова-Водкина: «Чтобы республике-невесте / “Смерть Комиссара” дать кольцом, / Бокалом крови, как вином» («Кремль», 1934)⁵. Бокал – не чаша с при-

¹ *Клюев Н.* Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста, примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ. С. 353. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках пометой К.

² «Весной 1919 г. Уком Партии и Совдеп поручил Клюеву и мне проводить митинги призывников в Красную Армию, которые из Вытегры отправлялись к месту назначения. Клюев выступал перед призывниками пламенным оратором, страстно призывавшим молодых юношей к защите Советской страны от наседавших на нее со всех сторон интервентов и внутренней контрреволюции. И с каждым митингом речь Клюева становилась более совершенной, все более пламенной. Он меня спрашивал после каждого его выступления, правильно ли он выступал. Я ободрял его, и он выступал на следующем митинге еще лучше. При мне последний раз он выступил на общегородском митинге, провожая нас на Северный фронт. Его голос гремел на всю площадь, голос страстного пламенного призыва к защите Советской Родины. Это было в 20-е числа мая 1919 г. <...>. В Вытегре в то время Клюев был лучшим оратором» (*Ступин Г.* Воспоминания о встречах с поэтом Вытегры Николаем Клюевым // Николай Клюев. Воспоминания современников / Вступ. ст., коммент. Л.А. Киселевой; сост., указ. на источники П.Е. Поберезкиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 226.

³ *Клюев Н.* Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 51.

⁴ *Карпов П.* Русский ковчег. М.: Новая жизнь, 1922. С. 20.

⁵ Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре / Сост., подгот. текста, примечания Т.А. Кравченко, А.И. Михайлова; послесл. В.А. Доманского, Г.Е. Дунаевского. М.: Территория, 2006. С. 217.

частью. Сакральная коннотация заменена мирской. Более того, в том же году он пишет о крови – жертве сатане, который устремлен к Кремлю: «Там сатаны заезжий дом. / Когда в кибитке ураганной / Несется он, от крови пьяный, / По первопутку бед, сарыней, / И над кремлевскою святыней, / Дрожа успенского креста, / К жилью зловещего кота / Клубит метельную кибитку, – / Но в боль берестяному свитку / Перо, обмокнутое в лаву, / Я погружу его в дубраву, / Чтоб листопадом в лог кукуший / Стучались в стих убитых души...» (стр. 630 К, «Есть демоны чумы, проказы и холеры...», <1934>).

И.А. Ильин («О сопротивлении злу силою», 1925) так понимал смысл Евангелия: свою рубашку отдай, свою щеку подставь, а не ближнего. В дневниковых записях С. Клычкова, стремившегося онтологически понять трагедии своего времени, есть мысль о самоубийствах Есенина и Маяковского как очищении через кровь. К слову, молодой Есенин в письмах к Г. Панфилову высказывал готовность быть распятым ради ближнего, как Христос, а в его маленьких поэмах 1917–1918 гг. нет и намек на призыв пролить чужую кровь ради революции-преображения; он не идеологизировал – он по-человечески ужасался крови и смертных, и Иисуса Христа. Конечно, предчувствия, что прольется собственная кровь, были. Они есть в стихотворении «Несколько слов обо мне самом». Они есть и у критиков поэзии Маяковского – новокрестьян. Например, П. Карпов писал: «Знаю, что обагрю своей кровью / Темноликую мою землю»¹ («Буйнозвездную и грозовую...», изд. 1921). Скорее всего, были основания писать о жертвенной крови у тех, кто реально принимал участие в революционном движении и был за это, как Маяковский, Клюев, Карпов, заключен в тюрьму. Но Клычков, воевавший на Западном фронте во время Первой мировой войны, никого (в том числе себя) к жертвенной крови не призывал. Как Н. Гумилев. Правда, хотя дело войны «светло и свято»² («Война», 1914), Гумилев предчувствовал, что его «Кровь ключом захлещет на сухую, / Пыльную и мятую траву»³ («Рабочий», 1916). Но в этом предчувствии нет ни романтического, ни агитационного, ни эстетического.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. Жозеф де Местер и масонство // Путь. 1926. № 4. С. 183–187.

Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: Госиздат, 1961–1963.

Гумилев Н. Собр. соч.: В 3 т. / Вступ. ст., сост., примеч. Н.А. Богомолова. Т. 1. М.: Худож. литература, 1991. 590 с.

Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: В 30 т. / Гл. ред. В.Г. Базанов; подгот. текста Л.Д. Опульской. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 424 с.

Карпов П. Русский ковчег. М.: Новая жизнь, 1922. 64 с.

Клюев Н. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова; вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста, примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.

Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.

Маяковский В.В. Соч.: В 3 т. / Примеч. Ф. Пицкель. Т. 3. М.: Худож. литература, 1965. 600 с.

¹ *Карпов П.* Русский ковчег. С. 19.

² *Гумилев Н.* Собр. соч.: В 3 т. / Вступ. ст., сост., примеч. Н.А. Богомолова. Т. 1. М.: Худож. литература, 1991. С. 172.

³ *Гумилев Н.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. С. 216.

Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: В 20 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Р.В. Дуганова, А.Т. Никитаева, А.П. Зименкова, В.Н. Терехиной. Т. 1. М.: Наука, 2013. 614 с.

Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре / Сост., подгот. текста, примеч. Т.А. Кравченко, А.И. Михайлова; послесл. В.А. Доманского, Г.Е. Дунаевского. М.: Территория, 2006. 304 с.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. / Сост., подгот. текста М.Ш. Ивановой. Т. 1. М.: Сирин, 1990. С. 3–257.

Ницше Ф. Генеалогия морали // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. / Сост., подгот. текста М.Ш. Ивановой. Т. 2. М.: Сирин, 1990. С. 3–148.

Ницше Ф. Автобиография (Ессе Номо) // Ницше Ф. Избр. произведения: В 2 т. / Сост., подгот. текста М.Ш. Ивановой. Т. 2. М.: Сирин, 1990. С. 327–415.

Розанов В.В. Христово Воскресенье // Розанов В.В. Собр. соч. В чаду войны: Статьи и очерки 1916–1918 / Сост., подгот. текста А.Н. Никулюкина, В.Н. Дядичева, П.П. Апрышко; коммент. В.Н. Дядичева. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 21–24.

Русская поэзия XX века: Антология русской лирики первой четверти XX века / Сост. И.С. Ежова и Е.И. Шамурина; вступ. ст. В. Полянского. М.: Амирус, 1991. 684 с.

Свенцицкий В. Мировое значение аскетического христианства // Свенцицкий В., прот. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. С.В. Черткова. Т. 2. М.: Дарь, 2010. С. 487–508.

Свиридов Г. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. 798 с.

Ступин Г. Воспоминания о встречах с поэтом Вытегры Николаем Клюевым // Николай Клюев: Воспоминания современников / Вступ. ст., коммент. Л.А. Киселевой; сост., указ. на источн. П.Е. Поберезкиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 224–228.

REFERENCES

Berdyayev N. Joseph de Mester and Freemasonry. *Put'*. 1926. No 4, pp. 183–187.

Blok A. The Collected Works: In 8 vols. / Ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov, K.I. Chukovsky. Moscow; Leningrad. Gosizdat Publ. 1961–1963.

Gumilev N. The Collected Works: In 3 vols. / Comp. by N.A. Bogomolov. Vol. 1. M.: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1991. 590 p.

Dostoevsky F.M. The Collected Works: In 30 vols. / Ed. by V.G. Bazanov. Vol. 6. Leningrad. Nauka Publ. 1973. 424 p.

Karpov P. (1922) *Russkiy Kovcheg (Russian Ark)*. Moscow. Novaya Zhizn' Publ. 64 p.

Klyuev N. *Sergtse Edinoroga (Heart of the Unicorn): Poems* / Foreword by N.N. Skatov; comp. by A.I. Mikhailov; comments by V.P. Garnin. St.-Petersburg. 1999. 1072 p.

Klyuev N. (2003) *Slovesnoe Drevo (Verbal tree): Prose* / Introd. article: A.I. Mikhailov; comments by V.P. Garnin. St.-Petersburg. Rostok Publ. 688 p.

Mayakovsky V.V. Works: In 3 vols. / Comments by F. Pitskel. Vol. 3. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1965. 600 p.

Mayakovsky V. The Complete Collected Works: In 30 vols. / Comp., comments by R.V. Duganova, A.T. Nikitaev, A.P. Zimenkov, V.N. Terekhina. Vol. 1. Moscow. Nauka Publ. 2013. 614 p.

The Legacy of Comets. Unknown about Nikolai Klyuev and Anatoly Yar / Comp., comments by T.A. Kravchenko, A.I. Mikhailov; Afterword by V.A. Domansky, G.E. Dunaevsky. Moscow. Territoria Publ. 2006. 304 p.

Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra. In: Nietzsche F. Works: In 2 vols. / Comp. by M.S. Ivanova. Vol. 1. Moscow. Sirin Publ. 1990, pp. 3–257.

Nietzsche F. Genealogy of Morals. In: Nietzsche F. Works: In 2 vols. / Comp. by M.S. Ivanova. Vol. 2. Moscow. Sirin Publ. 1990, pp. 3–148.

Nietzsche F. The Autobiography (Ecce Homo). In: Nietzsche F. Works: In 2 vols. / Comp. by M.S. Ivanova. Vol. 2. Moscow. Sirin Publ. 1990, pp. 327–415.

Rozanov V.V. The Resurrection Of Christ. In: Rozanov V.V. The Collected Works: In the Fumes of War: Articles and Essays 1916–1918 / Comp. by A.N. Nikolyyukin, V.N. Diadichev, P.P. Opryshko; comments by V.N. Dyadicheva. Moscow. Respublika Publ.; St.-Petersburg. Rostok Publ. 2008, pp. 21–24.

Russian Poetry of the 20th century: An Anthology of Russian Poetry of the First Quarter of the 20th century / Comp. by I.S. Yezhov and E.I. Shamurin; Article by V. Polyansky. Moscow. Amirus Publ. 1991. 684 p.

Stupin G. Memories of Meetings with the Poet Vytegra Nikolay Klyuev. In: Nikolay Klyuyev: Memoirs of Contemporaries / Introd. article, comments. by L.A. Kiseleva; ed., decree. for the sources P.E. Pobereskin. Moscow. Progress-Pleyada Publ. 2010, pp. 224–228.

Svetsitsky V. Global Significance of Ascetic Christianity. In: Svetsitsky V. The Collected Works: In 2 vols. / Comp., comments by S.V. Chertkov. Vol. 2. Moscow. Dar Publ. 2010, pp. 487–508.

Sviridov G. (2002) Music as Fate. Moscow. Molodaya Gvardia Publ. 798 p.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Солнцева,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru

Т.А. Большакова (Москва, Россия)

Канонизации Николая II в 1981 и 2000 гг.: история и проблемы принятия¹

Аннотация: В данной статье автор рассматривает историю и проблемы принятия канонизаций Николая II в 1981 и 2000 гг. Доклад включает в себя описание процесса канонизации в Русской Православной Церкви, историю прославления царской семьи в Русской Православной Церкви Заграницей и в Русской Православной Церкви. Подробно рассматриваются критерии, выдвигаемые в качестве причины канонизации, и актуальные культурные феномены, связанные с признанием святости Николая II.

Ключевые слова: канонизация, Новомученики российские, Николай II, проблемы святости, Русская Православная Церковь, Русская Православная Церковь Заграницей

Т.А. Bolshakova (Moscow, Russia)

The Canonization of Nicholas II in 1981 and 2000: The History and Problems of Acceptance

Abstract: The article discusses how ROCOR and Moscow Patriarchate perceived canonizations of Nicolas II in 1981 and 2001 and delves into the main steps in the process of canonization in the modern orthodox tradition and the history of glorification of the tsarist family by ROCOR and Moscow Patriarchate. Canonization criteria and modern cultural phenomena associated with the acceptance of Nicolas II's sanctity are considered in detail.

Key words: canonization, new martyrs, Nicholas II, the issues of sanctity, Moscow Patriarchate, ROCOR

Николай II – последний император всероссийский, принявший вместе с семьей и слугами мученическую кончину в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Впоследствии он был канонизирован Русской Православной Церковью За рубежом в 1981 г. и Русской Православной Церковью в 2000 г. Сегодня очень важно понимать особенности проведения этих канонизаций по нескольким причинам:

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на V Соколовских научных чтениях 26 октября 2017 (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет).

В июле 2018 г. – 100 лет со дня расстрела царской семьи. К этой дате будут приурочены многие торжества, среди которых самое крупное – крестный ход от Ганиной Ямы (место, где нашли останки Николая II и его семьи) до Екатеринбурга.

Русской Православной Церковью проводится подготовка по канонизации царских слуг: лейб-медика А.С. Боткина и камердинера полковника А.Е. Труппа (в лоне Русской Православной Церкви За рубежом (далее – РПЦЗ) они были канонизированы вместе с царской семьей в 1981 г.).

26 октября 2018 г. вышел в прокат фильм А. Учителя «Матильда», посвященный связи великого князя Николая Александровича (будущего императора Николая II) и балерины Большого театра Матильды Ксешинской. Подготовка его выхода сопровождалась многочисленными скандалами: нападениями на авторов фильма, поджогом кинотеатра в Екатеринбурге и требованиями депутата Государственной Думы Натальи Поклонской о признании «Матильды» материалом, оскорбляющим чувства верующих.

По всем этим причинам изучать историю канонизаций Николая II в 2018 г. особенно необходимо.

Но, прежде чем перейти к основной части доклада, необходимо прояснить, как проходит процесс канонизации святого в настоящее время. Он включает в себя три основных этапа:

- собирается информация о подвижнике под руководством местного епископа;
- материалы передаются в Синодальную комиссию по канонизации святых, затем они передаются на рассмотрение в Синод;
- окончательное решение о канонизации принимается Архиерейским собором.

Критериями для святости выступают 4 фактора: свидетельства о благочестивой жизни, народное почитание, посмертные чудеса и нетленность мощей (выделяется как критерий не всеми авторами). При этом главным из критериев являются посмертные или прижизненные чудеса, зафиксированные свидетелями.

Император Николай II, его семья и слуги были расстреляны в Екатеринбурге в 1918 г. Сразу же после этого началось его прославление как святого – как на территории СССР, так и в эмиграции. К сожалению, о масштабах прославления Николая II в СССР говорить было невозможно, но сохранились свидетельства, что сибирские крестьяне молились императору, используя вместо икон дореволюционные монеты.

Совсем иначе обстояла ситуация в эмигрантской среде. С 1918 г. Николая II начинают называть «царем-искупителем» в частной переписке, дневниках и в монархических эмигрантских журналах. Общественность начинает требовать у РПЦЗ канонизации императора. Среди причин, выдвигаемых светскими и церковными деятелями, для причисления Николая II к лику святых, можно выделить следующие:

- праведная жизнь;
- канонизация в период его правления 7 новых святых: преподобного Серафима Саровского, святой княгини Анны Кашинской, преподобной княгини Ефросинии Полоцкой, святителя Иоасафа (епископа Белгородского), святителя Гермогена (патриарха Московского), святителя Питирима (епископа Тамбовского) и святителя Иоанна (епископа Тамбовского);
- принятие закона о веротерпимости;
- принятие мученической смерти.

Однако РПЦЗ медлит с канонизацией. На то было несколько причин. Во-первых, в 1920–1930-е гг. РПЦЗ еще не ощущала себя отдельно от Русской Православной Церкви в Отечестве, а по традиции только Московский Патриархат мог дать начало процессу канонизации. По этой же причине канонизации пришлось ждать и святому Иоанну Крондштатскому: его канонизировали в 1960-х гг.. Во-вторых, в обществе не сложилось единого мнения по поводу святости Николая II. Многие авторы находили некоторые факты биографии императора противоречащими статусу святого: общение с Григорием Распутиным, увлечения тайнами и суевериями и др. В-третьих, канонизацию откладывала невозможность проведения церковного расследования с целью выявления фактов посмертных чудес. Не было и точных сведений относительно кончины императора, так как официальная информация от правительства СССР не поступала. Несмотря на все противоречия, с 1928 г. РПЦЗ запретила служить молебны за здоровье царской семьи и назначила дни памяти императора.

Во время Второй мировой войны споры вокруг возможности канонизации императора несколько утихли. Вопрос святости Николая II вновь приобрел актуальность лишь в 1960-х гг. в связи с появлением многочисленных лжедетей царя. В результате в 1968 г. в нескольких храмах РПЦЗ состоялось отпевание царской семьи. А в 1981 г. состоялась канонизация Николая II, его жены и детей и их слуг в чине мучеников. Тут необходимо отметить, что в связи с новыми критериями святости, введенными пресвитером М. Польским, в данном случае чины «мученика» и «страстотерпца» во многом совпадают. Эту канонизацию восприняли далеко не все деятели эмиграции; например, профессор Н.А. Струве не находил в ней исторических и духовных оснований.

После канонизации в 1981 г. последовали требования от РПЦЗ к Русской Православной Церкви о причисления к лику святых императора и его семьи. В это время на территории России зазвучали требования от мирян о канонизации хотя бы царских детей (их безвинность сомнений не вызывала).

Архиерейским собором от 3 марта – 5 апреля 1992 г. было поручено Синодальной Комиссии по канонизации святых собрать информацию и материалы о мученической кончине Царской семьи. С 1992 по 1997 г. этой теме было посвящено 5 заседаний Комиссии во главе с митрополитом Ювеналием. Итоги работы Комиссии были доложены Священному Синоду 10 октября 1996 г.

Комиссия отметила, что жизнь Николая II можно разделить на два периода – до отречения от престола и после. В первом периоде, как утверждала Комиссия, не было отмечено поводов для канонизации. Факт отречения от престола был рассмотрен как выражение сложившейся тогда исторической обстановки в России и не ставился в вину последнему царю. Однако во втором периоде – высоких физических и нравственных страданий – Комиссия нашла основания для причисления императора к лику святых.

Комиссия также рассмотрела и политику последнего русского императора в отношении Церкви, но признала ее двусмысленной: с одной стороны, была проведена канонизация 7 святых, строительство храмов, принятие Закона о вольном вероисповедании, но, с другой стороны, царь не проводил никаких церковных реформ. Поэтому церковная жизнь Николая II не стала основанием для канонизации. Более того, уже после канонизации патриарх московский и всея Руси Алексей II подчеркивал во всех телеинтервью, что канонизация лишь духовное дело, но не политическое, поэтому правление Николая II никаким образом не учитыва-

лось при рассмотрении дела о причислении его к лику святых. Подчеркивалось и то, что канонизация царской семьи не означает освящения монархии в целом.

В страданиях царской семьи, перенесенных с кротостью, терпением и смирением, мученической кончине был виден свет веры. Именно на основании этого подвига Комиссия нашла возможным прославить в лике страстотерпцев всю царскую семью.

Канонизация прошла 14 августа 2000 г. Так как для лика страстотерпцев не важно, какие ошибки совершали люди при жизни, главное – принятие мук и смерти, как истинными христианами, Николай II и Александра Федоровна были канонизированы в этом лике без возражений.

Таким образом, многие процессы, которые мы наблюдаем сейчас, можно объяснить смещением в сознании людей двух канонизаций – в РПЦЗ и РПЦ. Как миряне, так и представители Церкви пытаются найти в описании жизни Николая II до отречения примеры святости или трактовать некоторые эпизоды его биографии в контексте прошедшей канонизации.

ЛИТЕРАТУРА

Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия Председателя Синодальной Комиссии по канонизации святых по вопросу о мученической кончине Царской Семьи, предложенный на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 10 октября 1996 года // Канонизация святых в XX веке. М.: Издательство Сретенского монастыря, 1999. С. 186–204.

Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Комиссии Священного Синода на канонизации святых на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Свято-Данилов монастырь, 29 ноября – 2 декабря 1994 года г. Москва // Канонизация святых в XX веке. М.: Издательство Сретенского монастыря, 1999. С. 208–214.

Roosset Kaithy. Constructing Moralities around the Tsarist Family // Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia. Library of Congress Cataloging-in-Publication-Data, 2011. 244 p.

Knox Zoe. Russian Society and Orthodox the Church: Religion in Russia after Communism. L.; N.Y.: Routledge, 2005. 257 p.

Воробьев В. Некоторые проблемы прославления святых к местному и общецерковному почитанию в конце XX – начале XXI в. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2010. № 35. С. 79–90.

Губарева О.В. Вопросы иконографии святых царственных мучеников // Къ всеросійскому прославлению Императора Николая II и Его Семьи. СПб.: Издательский проект «Русский символ», 1999. С. 20–33.

Каиль М.В. Святость в православии XX в.: персонификация и канонизационная практика православных церквей // Новый исторический вестник. 2013. № 36. с. 107–115.

Кострюков А.А. К вопросу о подготовке канонизации царской семьи в Русской Зарубежной Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2013. № 52(3). С. 42–51.

Лоевская М.М. Эпоха новомучеников российских в документальной и житийной литературе. Saarbrücken, 2017. 183 с.

Мельков А.С., Никольский Е.В. Проблема восприятия и оценки Николая II как святого в светских и церковных кругах // Studia Humanitatis. 2013. № 3. С. 11.

Семенов-Басин И.В. Восстановление канонизации святых в русском православии (1964–1990) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 109–111.

REFERENCES

The Report on the Martyrdom of the Tsarist Family by Metropolitan Juvenaly of Krutitsk and Kolomna, Chairman of the Holy Sinod Commission on Canonization of Saints. In: The Canonization of Saints in the 20th century. Moscow. Publishing House of the Sretensky Monastery. 1999, pp. 186–204.

The Report by Metropolitan Juvenaly of Krutitsk and Kolomna, Chairman of the Holy Sinod Commission on Canonization of Saints. Svyato-Danilov Monastery, 29 November – 2 December 1994, Moscow. In: The Canonization of Saints in the 20th century. Moscow. Publishing House of Sretensky Monastery. 1999, pp. 208–214.

Roosset Kaithy. Constructing Moralities around the Tsarist Family. In: Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia. Library of Congress Cataloging-in-Publication-Data. 2011, 244 p.

Knox Zoe. (2005) Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism. L.; N.Y. Routledge. 257 p.

Gubareva O.V. The Issues of the Iconography of the Saint Tsarist Martyrs. In: For the National Glorification of Nicolas II and His Family. St.-Petersburg. Izdatelsky Proekt “Russky Simvol” Publ. 1999, pp. 20–33.

Kail M.V. Sanctity in Orthodoxy in the 20th century: Personification and Canonization Practices of Orthodox Churches. *New Historian Bulletin*. 2013. No 36, pp. 107–115.

Kostrukov A.A. On the Issue of Preparation to the Canonization of the Tsarist Family in ROCOR. *Bulletin of St. Tikhon’s Orthodox University. Series 2: History. History of Russian-Orthodox Church*. 2013. No 52(3), pp. 42–51.

Loevskaya M.M. (2017) The Age of the New Martyrs of Russia in Non-Fiction and Hagiography. Saarbrucken. 183 p.

Melkov A.S., Nicolski E.V. The Issue of Perception and Assessment of Nicholas II as the Saint in Clerical and Secular Communities. *Studia Humanitatis*. 2013. No 3, p. 11.

Semenenko-Basin I.V.. The Restoration of the Canonization of Saints in Russian Orthodoxy (1964–1990). *The Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2010. No 4, pp. 109–111.

Vorob’yov V. Problems of Glorifying Saints to Local and Churchwide Veneration in the late 20th century and early 21st century. *Bulletin of St. Tikhon’s Orthodox University. Series 2: History. History of Russian Orthodox Church*. 2010. No 35, pp. 79–90.

Сведения об авторе:

Большакова Татьяна Андреевна,
факультет иностранных языков и
регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова
магистрант

Tatiana A. Bolshakova,
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
Lomonosov Moscow State University
Postgraduate

tbolyshakova@mail.ru

Г.В. Зыкова (Москва, Россия)

Всеволод Некрасов о Козьме Пруткове и Алексее Константиновиче Толстом

Аннотация: Работа представляет собой обзор высказываний поэта-концептуалиста Вс.Н. Некрасова о Козьме Пруткове, поэзии А.К. Толстого – одного из создателей маски Козьмы, об органичности связи лирического и «прутковского» начал в творчестве Толстого, о «прутковском» у некоторых современников Некрасова. Создание маски Пруткова Некрасов понимал как плодотворную попытку «обезвредить» потенциально опасные последствия русского литературоцентризма; то, что делали создатели Пруткова, провоцировавшие своих читателей, зрителей и коллег, – как нечто родственное современному искусству ситуации, собственно концептуализму. Некоторые из комментируемых текстов Некрасова публикуются в статье впервые и извлечены из материалов личного архива писателя (расшифровок устных выступлений, отчетов для Всероссийского театрального общества, черновых набросков и т. д.).

Ключевые слова: Вс.Н. Некрасов, А.К. Толстой, Козьма Прутков, А.Я. Сергеев, М.Е. Соковнин, концептуализм

G. V. Zyкова (Moscow, Russia)

Vsevolod Nekrasov about Kozma Prutkov and Alexey Konstantinovich Tolstoy

Abstract: This article discusses how the conceptual poet Vs.N. Nekrasov talked about Kozma Prutkov as a literary persona, A.K. Tolstoy as the most prominent of Kozma's creators, and "prutkovskian" traits in contemporary literature and A.K. Tolstoy's prose. For Vs. Nekrasov the making of Prutkov was a fruitful attempt to "neutralize" some potentially dangerous consequences of so-called "literature-centrism". Some of the texts under analysis were taken from Vs. Nekrasov's personal archives (transcripts of speeches, reports for the Russian Theatre Society, drafts, etc.) and are now published for the first time.

Keywords: Vs.N. Nekrasov, A.K. Tolstoy, Kozma Prutkov, A.Ja. Sergeev, M.E. Sokovnin, conceptual art

То, что для XX в. с его умением ценить абсурдное Козьма Прутков – явление более важное и интересное, чем для XIX, в общем, понятно; но, насколько нам известно, сколько-нибудь систематически история обсуждения Пруткова в XX в. не описывалась, хотя некоторые ключевые ее моменты (Прутков и «Кривое зеркало», «Сатирикон», Олейников, Хармс) хорошо известны.

Цель этого сообщения – предъявить с некоторыми пояснениями и в хронологическом порядке высказывания о Пруткове, принадлежащие поэту Всеволоду Николаевичу Некрасову (1934–2009), который в 1960-х входил в так называемую «лианозовскую школу», а в 1970-х стал одним из создателей русского концептуализма.

А.К. Толстой с его Прутковым появляется в рассуждениях Вс. Некрасова тогда, когда речь заходит о ключевых для него эстетических принципах.

От других авторов, ценивших создание Толстого и Жемчужниковых – от Достоевского до «правнука Пруткова» Олейникова, Вс. Некрасов отличается тем, что никогда не «использовал» прутковскую манеру напрямую, и вообще не был «юмористом» (чувство юмора Вс. Некрасова проявлялось в стихах совсем другого, эпиграмматического типа). Даже и цитируется Прутков у Вс. Некрасова, насколько мы знаем, только однажды («господа офицеры / Гайдар отпустил цены»).

Что касается степени известности / опубликованности высказываний Вс. Некрасова об А.К. Толстом, то она в значительной степени определяется их характером, в том числе жанровым: это устные выступления, отчеты для ВТО, черновые наброски; как письменный текст они публично воспроизводились в основном после смерти автора.

В устных выступлениях конца 1970-х – начала 1980-х гг. (есть в авторской рабочей машинописи, напр. [8], и машинописной расшифровке не сохранившейся аудиозаписи доклада о Мандельштаме 1981 г.: [7]) формулируется мысль об эволюционной необходимости фигуры, которая «предъявляет счет литературе: и не просто литературщине, литературной рутине, но литературе как таковой, литературе как социальному институту («Автор осуществляется в литературе, именно ступая за рамки литературы, прибавляя таким способом к литературе еще кое-что – это <...> нормальное конструктивное противоречие, литература, можно сказать, и прирастает, и живет этим процессом. А когда перестает прирастать и обновляться – начинает меркнуть, как всё живое. И очень часто конфликт осознается, переживается автором как не только отрицание литературщины, но оппозиция к литературе и литературности вообще <...>. Кажется, что для русской литературы эта самокритичность особенно актуальна как борьба против литературоцентризма, против постоянной тяги к централистским, иерархическим стереотипам сознания» [8]).

Разговор о литературной маске Пруткова в конце концов сменяется разговором о поэте Алексее Константиновиче Толстом, и Прутков, обычно воспринимаемый все-таки и как результат коллективного творчества, и как автономное целое, для Вс. Некрасова скорее часть поэтической личности Толстого, существующая именно в соотнесенности с толстовской «серьезной лирикой». Опыт А.К. Толстого, создателя Пруткова и замечательного лирика, оказывается нужен Вс. Некрасову как доказательство того, что литературная рефлексия совершенно не исключает возможности «поэзии – в самом классическом, лирическом, человеческом смысле – только не рутинном» [5] (заметим, что это не укладывается в рамки упрощенных и потому, видимо, многим удобных представлений о концептуализме и «постмодерне» вообще). В 1989 г. Вс. Некрасов пишет: «...А вот еще великий поэт, хоть великим и не объявленный, – А.К. Толстой. О сценических его произведениях разговор особый. <...> театр, который бы сумел стать театром Козьмы Пруткова, вписал бы, что называется, свое имя в историю золотыми буквами. Но пока охотников было – один-два и обчелся. Похоже, театр Пруткова – задача очень непростая. Хотя афоризмы или гисторические анекдоты почему бы, нам кажется, и не попробовать на публике. <...> есть, всегда будет соблазн подойти к лириче-

ским, классичным стихам Толстого облегченно, в лоб, сделав из них образцовую стилизацию. То есть забыв, сбросив для простоты со счетов пародийного Прутковва. Как это, говорят, и делали декламаторы давних времен, извлекая из Толстого сплошное умиление. Прутков для них был чем-то случайным, неважным, побочным – как у нас теперь говорят, маргинальным. Но Толстой на самом деле тем и притягивает, что он художник на редкость целостный – более, чем, скажем, тот же Некрасов. Знаменитый романс «Колокольчики мои...» и «Пия душистый мед цветочка» сочинения Козьмы Пруткова – на самом деле одно и то же с разных сторон. Одна рука, один автор. Просто эти разные стороны могут быть разнесены далеко, но одна другую не должны терять из виду. Такая нераздельность, взаимообусловленность поэзии и иронии может затруднить, сбивать с толку. А поэтому самые известные и самые, кстати, выигрышные, озорные вещи Толстого – они же самые замечательные, программные, – как раз те, где ирония и пафос, историческое предание и злободневность, сказка и явь сближены воочию максимально, столкнулись в остром комичнейшем анахронизме, сам комизм которого жив прежде всего торжеством некой исторической правоты, нравственного чувства истории, моралью. Хоть даже и сказочной истории – исторической сказки, предания... Сегодня это нам как нельзя более близко» [9].

Интерес к Пруткову с ранней молодости разделял с Вс. Некрасовым близкий к нему замечательный поэт и прозаик М.Е. Соковнин (1938–1975); наиболее очевидным образом это проявлялось в комической архаизированности стиля¹ и комической дидактизме тона² некоторых фрагментов его «Книги, называемой Вариус». Заметим, правда, что узнаваемая интонация Вариуса, героя и «говорящего» в «Книге...», все-таки не сводится к пародийности, не связывается жестко с тем, что можно назвать, допустим, социальным или каким-то другим «типом»: здесь всегда ощущается некоторый не поддающийся простому описанию индивидуальный «остаток», «избыток»; в этом Соковнин отличается от создателей Пруткова, точнее, его Вариус от Козьмы как маски. Более прямое и простое следование Пруткову как частный случай встречается в некоторых «Рассказиках» А.Я. Сергеева³ (написанных, кстати, примерно тогда же, когда и «Вариус»: в конце пятидесятых – начале семидесятых годов).

«Прутковское» начало было у Соковнина, кажется, не только в текстах (друг Соковнина К.К. Доррендорф вспоминает: «Соковнин предложил мне <в 1962 г.> дать философское определение <...> телеги. <...> Агрегат для достижения цели. – Соковнин был страшно доволен, сказал, что я его порадовал, он и предполагал, что я именно такого направления мыслей» [2: 93]).

Для Некрасова «прутковское» в Соковнине – важнейшая черта, связанная прежде всего с обстоятельствами создания главной вещи Соковнина – прозаического «Вариуса» – в соавторстве, когда литература вырастает не просто из живой речи, а из разговора, «творится <...> миром» [3]; в не публиковавшихся Некрасо-

¹ «Среди из ряда выходящих вон мест не зря считаются Сосенки, где и была устроена дедами нашими мельница, что на Малиновом ручью...» («Супротив», [14: 36]).

² «Было и такое дерево, которое вместо того, чтобы расти, росло внутрь себя, стараясь таким способом дойти до своего корня» («Притча», [14: 39]).

³ «На постоялом дворе Лейбниц приказал дать коню меру овса.

Присматривавший за лошадьми горбун для начала всыпал в донник половину требуемого.

– Ну, это полумера, – заметил философ» («Философ и конюший», 1971 [15: 93]). Сергеев сочувственно говорил о Соковнине (например, о его переводах из Теннисона) в девяностые; вопрос о том, знали ли они тексты друг друга при жизни Соковнина, пока остается открытым.

вым фрагментах воспоминаний о Соковнине (начало 1990-х?) мысль о соавторстве как значимом факте творческой истории «Вариуса» тоже есть и развивается, пожалуй, даже подробнее, но там есть и другое: произведение (результат общения с соавтором) оборачивается ситуацией общения с читателем; конечно, здесь очень узнаваемая черта искусства XX в., но Некрасову важно, что способность создавать «искусство ситуации», которую мы привыкли связывать с постмодерном, была свойственна классической эпохе русской литературы, по крайней мере А.К. Толстому с его Прутковым: «...Вариус больше, думаю, похож на Пруткова <...> и стилизованностью, особой манерой, архаичностью. И универсальностью, энциклопедической разножанровостью. И особым чувством текста как длящегося действия, ситуации, как твоего общего с читателем положения, общения с ним. Того самого начала, которое стали называть концептуализмом...» [4: 157]

Вспоминая о Толстом и его Пруткове очень часто, Некрасов, насколько мы знаем, только однажды попытался «монографически» подробно обсудить конкретную толстовскую вещь – «Змея Тугарина», показать, как именно могут объединяться, несколько не мешая друг другу, лирика и ирония. В личном архиве сохранилась авторская машинопись с правкой, предположительно конца 1980-х – начала 1990-х гг. Мы опубликовали эти наброски совсем недавно и только в Сети, так что позволим себе здесь привести их почти без купюр.

«Тугарин. Несентиментальное отношение к старине. <Как предположила Е.Н. Пенская, Некрасов спорит здесь, видимо, с А.С. Янушкевичем.> Несентиментальное отношение к зрелищу заката, к лунному свету, к утру тоже возможно, но довольно бессмысленно, если речь идет о поэзии. У Толстого отношение к старине вполне, откровенно сентиментально, но так не называется. Это бессмысленно – называется оно поэтическим и в качестве такового сентиментальным быть не может. <...>

Радость рождения легкой, живой речи, разговорной, естественной интонации из таинственного, устрашающего балладного амфибрахия = радость высвобождения поэзии из чужих лап, норовящих ей злоупотребить и спекулировать. Освобождение поэзии от идеологии, мира дорогой сердцу старинности (не смешивать с реальной стариной – которая, впрочем, как цель исторической науки тоже достаточно идеальна как абсолютная истина) из-под власти изоляционистских и тоталитаристских умственных построений. Конечно, миф – но это-то здесь и рождает ликование: Толстой миф мифом вышибает. Хватит летать Тугарину на бумажных крыльях – Леонтьеву, Каткову, Победоносцеву <...>

От балладного страха рока освобождает, переводя из личного плана в исторический, и из событийного – в план мнений, в которых каждый сам не может быть себе не волен. Вторая «Светлана». Если бытие определяет сознание все-таки не совсем до конца – то и предки радуются.

Литературоцентризм и как с ним бороться – нерв всего Толстого. Первый писатель, потешающийся над писательством, – Козьма Прутков. Литература боится Хармса, как школьный урок анекдота; Прутков – едва ли не первый Хармс.

Литературоцентризм – российская проблема, и российский парадокс – никто кроме самой же литературы дело тут не поправит. Когда пытаются поправлять и направлять литературу со стороны, свыше, сбоку, сверху – это хуже всего. Поэтому она сама обязана брать поправку на свою недостаточность, какой-то дельта-коэффициент постоянного приращения и самооспаривания, за собой приглядывать, чтобы быть самостоятельной, не быть самодовольной. Не искать себе какого-то «дела», а быть делом. Тем самым: «хорошо сделанное дело уже есть богослужение». Строка Блока боится насмешки, боится строки Олейникова или Хармса, боится того же «Мишеля Синягина», того же Маяковского. Строка Мандельштама – нет, она уже с опытом, упрочненная, кристалл – попробовали на зуб – зуб сломался. Строка Мандельштама сама берет поправку на строку Хармса, та в нее вплавлена, слита. Но это когда будет, после черной дыры пе-

ред Серебряным веком, самым этим дурным веком, дионисийства и музыки революции. А пока эти строки существуют еще раздельно, но уже во взаимодействии внутри поэзии Толстого. Общей системы, куда вписывается и Прутков, и баллады, и лирика – и Тугарин где-то ближе других к середине. Тут речь и баллада, смех и страх сталкиваются строка к строке, если не сливаются, то удивительно активизируют, освежают друг дружку. Как лирик Толстой числится где-то четвертым или пятым в русской поэзии, а “синее море, которое их” – из первых морей (если не первое) в русской поэзии. Случайно, сдуру, зря так не бывает. А вообще пестрый мир Толстого – не пушкинский (или полонский) универсализм, не театр-маскарад мирискусников и Серебряного века – а тот самый случай: надлитературности, освобождение литературы от литературщины, литература оспаривает себя, становится чем-то еще, чуть большим – и таким способом снова осуществляется. В обличии пародии и парафраза, а по сути опять – освобожденность» [6].

Интерес к А.К. Толстому характерен для литературного и академического окружения Некрасова (см. работы Е.Н. Пенской и М.А. Сухотина); к «некрасовской» традиции имеет некоторое отношение, как нам представляется, и спектакль А.А. Левинского «Театр Козьмы Пруткова» (2015), редкая и удачная попытка обращения к материалу. С опытом Пруткова, видимо, связана важная для соавтора и супруги Вс. Некрасова, историка русской литературы XIX в. Анны Ивановны Журавлевой, тема «вхождения в подлое сознание», его почти лирического переживания (см. их совместную статью [1], где Прутков оказывается не предметом разговора, а, скорее, его контекстом). Но то, как Вс. Некрасов вместе с другими людьми думал о А.К. Толстом и Пруткове, – отдельная тема, требующая прежде всего мемуаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлева А.И., Некрасов Вс.Н. М.Е. Салтыков-Щедрин и явление «вибрации фактуры» литературного героя // Журавлева А.И., Некрасов Вс.Н. Пакет. М., 1996. С. 801–806 (републикация: М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. СПб., 2013).
2. Михаил Соковнин в фотографиях Константина Доррендорфа. М.; Иерусалим, 2017. 182 с.
3. Некрасов Вс. Вариус и автор // Соковнин М.Е. Рассыпанный набор: Избранные произведения. М., 1995. С. 3–6.
4. Некрасов Вс. Из набросков воспоминаний о Соковнине // Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А.И. Журавлевой. М., 2013. С. 154–159.
5. Некрасов Вс. <О Сатуновском>. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Rabochaya-mashinopis/O-Satunovskom
6. Некрасов Вс. <«Змей Тугарин» А.К. Толстого>. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Zmej-Tugarin-A.K.Tolstogo
7. Некрасов Вс. <О Мандельштаме>, 1981. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/O-Mandel-shtame
8. Некрасов Вс. <Тезисы доклада о месте Хармса в русской литературной традиции>, 1987. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Tezisy-doklada-o-meste-Harmsa-v-russkoj-literaturnoj-tradicii
9. Некрасов Вс, Журавлева А.И. <Впечатления от Всероссийского фестиваля лучших спектаклей по пьесам Островского, Кинешма>, 1989. vsevolod-nekrasov.ru/Raboty-A.I.Zhuravlevoj-i-V.N.Nekrasova-dlya-VTO/Vpechatleniya-ot-Vserossijskogo-festivalya-luchshih-spektaklej-po-p-esam-Ostrovskogo-Kineshma
10. Пенская Е.Н. Генезис пародийной маски Козьмы Пруткова в русской литературе XVIII–XIX вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 215 с.

11. *Пенская Е.Н.* Проблемы альтернативных путей в русской литературе: Поэтика абсурда в творчестве А.К. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.В. Сухова-Кобылина. М., 2000. 308 с.
12. *Сухотин М.А.* Два Дон Жуана. www.vavilon.ru/textonly/issue7/sukhotin.htm (дата обращения: 01.06.2017). На сайте статья не датирована (середина 1990-х?).
13. *Сухотин М.А.* Жадные грачи (О работе графа А.К. Толстого с литературным образцом), 1999. www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/Grachi.html
14. *Соковнин М.* Проза и стихи. Вологда, 2012. 336 с. + 4 л. ил.
15. *Сергеев Андрей.* Изгнание бесов. М., 2000. 144 с.

REFERENCES

1. Zhuravleva A.I., Nekrasov Vs.N. Mikhail Saltykov-Shchedrin and the Phenomenon of “Vibration of Texture” of a Literary Hero. In: Zhuravleva A.I., Nekrasov Vs.N. The Packet. Moscow. 1996, pp. 801–806. (Republishing: M.E. Saltykov-Shhedrin: pro et contra. St.-Petersburg. 2013.)
2. Mikhail Sokovnin in the Photographs of Constantine Dorrendorf. Moscow; Jerusalem. 2017. 182 p.
3. Nekrasov Vs. Varius and the Author. In: Sokovnin M.E. The Scattered Set: The Selected Works. Moscow. 1995, pp. 3–6.
4. Nekrasov Vs. From the Drafts of the Memoirs about Sokovnin. In: The Russian Plays and Literary Process: To the 75th Birthday of A.I. Zhuravleva. Moscow. 2013, pp. 154–159.
5. Nekrasov Vs. <On Satunovsky>. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Rabochaya-mashinopis/O-Satunovskom
6. Nekrasov Vs. <A.K. Tolstoy’s “Zmej Tugarin”>. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Zmej-Tugarin-A.K.Tolstogo
7. Nekrasov Vs. <On Mandelshtam>, 1981. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/O-Mandel-shtame
8. Nekrasov Vs. <The Thesis of the Report on the Place of Kharms in the Russian Literary Tradition>, 1987. vsevolod-nekrasov.ru/Tvorchestvo/Stat-i/Tezisy-doklada-o-meste-Harmsa-v-russkoj-literaturnoj-tradicii
9. Nekrasov Vs., Zhuravleva A.I. <Impressions of the National Ostrovsky Festival, Kineshma>, 1989. vsevolod-nekrasov.ru/Raboty-A.I.ZHuravlevoj-i-V.N.Nekrasova-dlya-VTO/Vpechatleniya-ot-Vserossijskogo-festivalya-luchshih-spektaklej-po-p-esam-Ostrovskogo-Kineshma
10. Penskaja E.N. (1989) The Genesis of the Kozma Prutkov Parody Mask in the Russian Literature of the 18–19th c.: Thesis. Moscow. 215 p.
11. Penskaja E.N. (2000) On Alternative Ways in Russian Literature: Poetics of the Absurd in the Work of A.K. Tolstoy, M.E. Saltykov-Schedrin and A.V. Sukhovo-Kobylin. Moscow. 308 p.
12. Sukhotin M.A. Two Don Juans. www.vavilon.ru/textonly/issue7/sukhotin.htm (date of access: 01.06.2017). On the site the article is not dated (mid-1990-ies?).
13. Sukhotin M.A. Greedy Rooks (On the Work of Count A.K. Tolstoy with a Literary Sample), 1999. www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/Grachi.html
14. Sokovnin M. (2012) Prose and Verses. Vologda. 336 p.; 4 ill.
15. Sergeev Andrej. (2000) The Exorcism. Moscow. 144 p.

Сведения об авторе:

Галина Владимировна Зыкова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Galina V. Zykova
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
gzykova@mail.ru

Е.И. Якушкина (Москва, Россия)

Этическое содержание социальных обозначений в сербском языке

Аннотация: Этические оценки обычно являются в языке вторичными образованиями, возникающими на базе других значений: пространственных, пищевых, анатомических, цветовых и др. Одним из кодов языка народной этики является социальный. В настоящей работе предпринята попытка показать, какие социальные группы подвергаются этическому осмыслению в сербском языке и как на основе социальных обозначений концептуализируются этические понятия. Выделяются три такие социальные группы: деревенский житель (простак, 'сельак'), горожанин-мещанин ('малограђанин') и горожанин-аристократ ('господин'). Обозначения жителя деревни развивают значения хамства, горожанина-провинциала превращаются в отрицательную оценку торгашества и бездуховности, горожанина-аристократа – надменности. В отличие от русского языка, положительные этические оценки на базе социальной терминологии в сербском языке не сложились (ср. русск. интеллигентность).

Ключевые слова: сербский язык, народная культура, этическая семантика, лексико-семантическая типология

E.I. Yakushkina (Moscow, Russia)

Ethical Content of Serbian Social Names

Abstract: Ethical words are usually secondary lexemes, formed on the basis of other meanings: spatial, food, anatomical, color, etc. One of the language codes of folk ethics is social. The paper describes which social groups are ethically interpreted in Serbian and how ethical concepts are conceptualized on the basis of social names. There are three such social groups: the villager ('prostak'), the provincial townsman ('malogradjanin') and the aristocrat ('gospodin'). The names of the villager develop the meaning of rudeness, the names of the provincial townsman – self-interest and lack of spirituality, the names of the aristocrat – arrogance. Unlike Russian, Serbian social names didn't develop positive ethical meanings (cf. positive concept 'интеллигентность' in Russian).

Key words: Serbian language, traditional culture, ethical semantics, lexico-semantic typology

Вторичные значения слов, обозначающих социальный статус человека, и значения их словообразовательных производных, как правило, отражают стереотип поведения и нравственного облика того или иного социального слоя в сознании языкового коллектива (ср. русск. *хам* – ‘дворовый человек, лакей’ и ‘безнравственный, некультурный человек’, *мещанин* ‘лицо, принадлежащее к мещанству; человек с мелкособственническими интересами, узким кругозором, обыватель’ и *мещанство* ‘сословие в дореволюционной России’ и ‘психология, идеология и поведение мещанина, обывательщина’ [МАС 2: 265–266]. Целый ряд поведенческих и нравственных качеств выражается в языке через социальные понятия (русск. *интеллигентность*, *аристократизм*, *благородство*), и за многими социальными обозначениями закреплены устойчивые этические ассоциации (обыватель – ‘человек... с косными, мещанскими взглядами, живущий мелкими, личными интересами’ [МАС 2: 580]). Регулярность этого явления позволяет говорить о наличии социального кода в этической лексике, наподобие кодов пространственного (ст.-сл. *lqkavъ* ‘злой, дурной’ и русск. *лук* ‘вид оружия’, *излучина* ‘изгиб’, серб. ‘дуга’), телесного (ст.-сл. *безочить*, *безочивъ* ‘наглый’,), гастрономического (серб. *мрсан* ‘скромный’ и ‘непристойный, неприличный, вульгарный’) или цветового (*очернить честь*) [Якушкина 2003].

В настоящей работе предпринята попытка показать на сербском материале, какие социальные группы подвергаются этическому осмыслению и как на основе социальных обозначений концептуализируются этические понятия. Наивная этика является одним из важнейших объектов описания в различных лингвокультурологических направлениях: Московской семантической школе [Языковая картина мира и системная лексикография 2006], школе концептуального анализа [Логический анализ языка: языки этики 2007], славянской этнолингвистике (работы С.М. Толстой). Сербской народной этике посвящен ряд исследований, выполненных сербскими учеными по методике Люблинской этнолингвистической школы [О вредностима у српском језику 2015]. Анализ, представленный в данной работе, также носит этнолингвистический характер, но основывается, главным образом, на словарном материале, без широкого привлечения текстовых данных.

Основы современного сербского литературного языка были заложены крестьянином по происхождению Вуком Караджичем, горячо любившим свой народ и его язык и сделавшим язык простого народа языком литературы и науки. В 1810-е гг. Вук начал писать свои произведения (публицистические, лингвистические, исторические) на языке, чрезвычайно близком к его родному говору (иногда почти идентичном), а его ученики впоследствии поддержали и распространили новый тип литературного языка, опирающийся на народные говоры и фольклорные тексты и оторвавшийся от предшествовавшей церковнославянской и славянизированной сербской книжно-письменной традиций. Вместе с народной лексикой сербский литературный язык усвоил и народную систему понятий. Однако с течением времени он стал инструментом элитарной культуры (ср. [Толстой 1995: 17], сформировав новые понятия. К новшествам второй половины XIX – начала XX в. относятся и этические значения, мотивированные названиями социальных групп (простого народа, крестьян, мещан и образованных горожан), которые и являются предметом данной статьи¹.

¹ Новыми эти значения можно считать потому, что они не фиксируются словарем-тезаурусом RJAZU, включающим лексику сербских и хорватских авторов до середины XIX в., а также словарем Й. Броза и Ф. Ивековича, основанным, в первую очередь, на текстах Вука Караджича (Broz-Iveković).

В современном сербском языке имеется экспрессивная лексема *простак* ‘грубый, невоспитанный человек’ (и ее усиленный аугментативным суффиксом вариант *простачина*), соотносимая с *простак* ‘простой, необразованный человек’, ‘недворянин, плебей’. В традиционном сербском языке слово *простак*, насколько можно судить по словарю В. Караджича 1818 г. (‘gemeiner Mensch ohne bildung, homo de plebe’ [Караџић]), не имело негативной окраски, поскольку этот язык отражал мировосприятие самого народа. Негативное этическое значение слова *простак* ‘грубый, невоспитанный человек’ является более поздним и, по всей видимости, относящимся к тому времени, когда уже появилась городская культурная элита. Этой лексемой и ее дериватами *простаклук*, *просташтво*, *простачки* обозначается невежливое, грубое, вульгарное поведение. Типичный денотат этих оценок – использование в речи непристойных выражений, ругательств (*простачке речи* ‘грубые слова’ [PMS], s.v. *простачки*). Также этими словами обозначаются нарушения прочих правил поведения: такую оценку могут дать человеку, который ушел, не попрощавшись, поднимает крик в общественных местах, не умеет пользоваться столовыми приборами, безвкусно одет. В том же значении ‘невоспитанный человек’ в современном сербском языке употребляется слово *сельак* (первое значение ‘крестьянин’) и его пейоративный дериват *сельачина* ‘грубый человек, простак, простачина’. Слова *простак*, *простачина*, *сельачина* могут использоваться как общие оценки для выражения негативной эмоции, вызванной чьим-то поведением. Ср.: *Како ти смеш мене да зауставиш, сельачино једна?!* ‘Смотри, кого останавливаешь...’ (обращение высокопоставленного лица к сотруднику транспортной полиции, остановившему его автомобиль)¹. Семантически и мотивационно наиболее близка к сербским словам *простачина* и *сельачина* русская лексема *деревенщина* ‘неуч, невежа, грубый, необразованный человек’ [Даль], ‘о жителе деревни, простоватом, грубоватом человеке’ [МАС 1: 388] или *деревня*. Ср.: *Эта деревенщина в лесу родилась, пенью молилась. Эка парень-деревня (деревенщина), иконы от лопаты не распознает!* [Даль].

На основе слов *малограђанин* ‘представитель мелкой буржуазии, торговец, владелец ремесленной мастерской’, ‘человек с отрицательными особенностями жителя маленького города, человек с ограниченными интеллектуальными запросами, лицемер’ и *малограђанство*, *малограђанитина* ‘мещанство’ (как сословие и как образ жизни) [РСЈ, РСАНУ] в сербском языке сформировалось понятие, близкое к русскому мещанству. Это же значение в сербском языке выражают слова *провинцијалац* ‘житель провинции; человек с провинциальными привычками, с узкими взглядами, малограђанин’, *чаршија* ‘торговая часть города; обитатели этой части города, торговцы; люди с ограниченными взглядами, малограђанин, малограђанство, толпа’, устар. *ћифта* ‘мелкий торговец; ростовщик, скупец; малограђанин, филистер’, устар. *маловарошанин* ‘житель маленького городка; ограниченный человек’ [РСЈ].

¹ В зависимости от ситуации эта и синонимичные ей лексемы могут быть переданы русскими словами *хам*, *деревня*, *грубиян*, но, как правило, возникают трудности с подбором семантически и стилистически точного эквивалента, поскольку пейоративы с общим значением имеют в русском языке высокую степень экспрессивности и их употребление является нарушением правил приличия. Различие в стилистическом статусе пейоративов в обоих языках представляется системным явлением, также связанным с характером культуры, лежащей в основе литературного языка. В сербской культуре выражение эмоции, в том числе негативной, является нормой речевого этикета. Как известно, в речи образованных сербов в ограниченном объеме допустимо и не является нарушением правил приличия использование обсценной лексики.

В этих синонимах отражается связь сербского мещанства, во-первых, с торговлей и наживой (ср. исходное *чаршија* ‘торговая часть города’, ‘торговцы’, *ћифта* ‘торговец, ростовщик, скупец’), что приближает сербское мещанство к русскому *торгашеству*¹. Во-вторых, синонимия со словом *провинцијалац* указывает на связь сербского мещанства с провинциальным менталитетом, что отражено в толковании слова *малограђанин* и в его мотивации («человек из маленького города», ср. устар. *маловарошанин* с той же внутренней формой (*мала варош* ‘маленький город’). В сербской лексикографии отмечена и антонимичная (но не употребляющаяся в современном языке) лексема *велеграђанин* ‘житель большого города; человек широких взглядов’ [РСЈ], связывающая жизнь в большом городе с более высоким уровнем нравственного развития. Носители языка также определяют мещанство (*малограђанин*) как провинциальность (*провинцијално понашење*)². Таким образом, сербское понятие мещанства формируется, скорее, на базе территориальных и профессиональных, а не социальных признаков (*провинцијал* и *торговец*) и отражает противопоставление столицы и провинции и стяжателей и нестяжателей. Ср. высказывание одного из известнейших сербских писателей XX в., интеллектуала Милоша Црњанского: *У данашњем друштву ћифта и пилара књижевност има тако смешно место* ‘В современном обществе ростовщиков и рыночных торговцев литературе отводится смешное место’. Как и в России, у сербов понятие нравственного мещанства сформировалось поздно: в словаре Караджича слово *малограђанин* вообще отсутствует, т. е. не засвидетельствовано даже как социальный термин, не говоря об оценочном значении. Этическое *малограђанин* является результатом языковой деятельности новой сербской элиты – столичной интеллигенции, или *господ*.

Несмотря на то что сербский язык, со временем меняя свою культурную основу, сформировал отдельные элитарные понятия в социально-этической сфере, процесс этот был реализован не полностью. Русское значение слова *толпа* ‘обыкновенные люди, масса, в противоположность героям, одаренным, выдающимся личностям’ (*ученые хранили тогда науку как тайну и говорили об ней языком недоступным толпе* (А. Герцен, [МАС 4: 375]) в сербском языке представлено в более сниженной форме и трактуется как пейоративное ‘неорганизованная, недисциплинированная масса людей, гомила, святина, отбросы общества’ [РСЈ], s.v. *гомила, светина, руља*). Как и в близком по значению русском слове *быдло*, в сербских названиях толпы заложено противопоставление низшего – массы и высшего – субъекта речи, но этим высшим, как правило, является не исключительная романтическая личность (ср. русск. *поэт* и *толпа*), а обычный человек. Ср.: *гдје... је полиција да растјера пијану простачину* ‘где полиция, чтобы разогнать пьяную толпу’ ([РМС], s.v. *простачина*). В словаре Караджича современные обозначения толпы (*гомила, светина, руља*) зафиксированы в значении большого скопления людей без отрицательной коннотации: *навалила свјетина* ‘собралась толпа’.

Понятие *аристократизм* ‘аристократический образ мыслей, поведения’, *аристократија* ‘аристократия, аристократизм’ [РСЈ], хотя и присутствует в современной сербской культуре, но исконно ей чуждо, а понятия *интелигентност* у сер-

¹ Значение *торгашества* в сербском языке выражается также словами *пилар* ‘торговец овощами и фруктами’ и *пиларица* ‘торговка’ и ‘человек, склонный к сплетням, осуждению’.

² Как характеристику мещанского (*малограђанског*) поведения приводят следующий пример: человек, приехавший из столицы в родной город, красуется на дорогой машине перед старыми знакомыми. С русским мещанством сербское *малограђанство* сближает любовь к безвкусным вещам.

бов нет, так как нет понятия *интеллигенция*: его заменяет понятие *интеллектуалци* ‘интеллектуалы, люди интеллектуального труда’. Зато на сербской почве сложилось близкое к аристократизму и интеллигентности понятие *господство* ‘аристократический вид, элегантность; аристократическое поведение, манеры, изысканность, достоинство; гордость, надменность’: *урођено господство* ‘врожденный аристократизм’ [РСЈ]. В основе этого понятия лежит представление о «господах» как классе людей, ‘не занимающихся физическим трудом, горожанах, чиновниках, служащих, интеллектуалах’ ([РСЈ], s.v. *господин*). Господа – высший слой сербского общества, который сформировался в освобожденной от турок Сербии; элита, представляющая собой функциональный аналог русского дворянства и интеллигенции. В семантических и словообразовательных производных слова *господин* на первый план выдвинулась идея высокой культуры поведения, изысканности манер: *господин* ‘человек, следящий за своей внешностью, одеждой, поведением, человек с хорошими манерами, изысканный человек, джентльмен’, *господски* ‘изысканный, богатый’ (*господско држање* ‘аристократические манеры’, *господско одело* ‘изысканный костюм’), *господствен* ‘изысканный, культурный; исполненный достоинства’ (*господствен човек* ‘аристократ, человек с чувством собственного достоинства’) [РСЈ]. Положительные нравственные свойства господину не приписываются, напротив, господство понимается как надменность и гордость ([РСЈ], s.v. *господство, господствено*)¹.

Развитие этических значений у социальных обозначений в сербском языке может служить примером изменений в мировоззрении носителей этих языков на протяжении истории. Если перемены в материальной культуре легко прослеживаются на лексическом уровне (на примере историзмов и неологизмов), то отражение развития духовной культуры в лексике не столь очевидно и на сербском материале не исследовано. Эволюцией лексико-семантической системы от текстов В. Караджича до современности много занималась М. Ивич (см., например: [Ivić 2005a; Ivić 2005b]), однако ее наблюдения касаются преимущественно изменения значений слов, не несущих важного культурного содержания (*управо* ‘искренно, точно’ и *современное* ‘именно’, *јасно* ‘точно’ и ‘понятно’). Представляется важным в будущем проследить, как крестьянское мировоззрение сербов в литературном языке заменялось на городское на примере языкового выражения представлений о нравственности, нормах общения и приличия, эстетическом идеале.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (электронное издание).

Караџић В.С. Српски рјечник. Београд: Просвета, 1969. 927 с.

Логический анализ языка: языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. 452 с.

¹ Попутно заметим, что для сербской этической лексики характерна общая положительная оценка внешней стороны человеческого поведения, ср. широко распространенное в современном сербском языке прилагательное *фин* ‘симпатичный, приятный в общении, воспитанный’, не имеющее русского эквивалента. Со словом *вежливый* сербская лексема по значению не совпадает: если русское слово обозначает черту характера, то сербское – впечатление, производимое человеком. Само понятие вежливости начальному этапу развития лексики современного сербского литературного языка свойственно не было. Современное *уљудан* ‘вежливый’ в словаре Караджича представлено со значением ‘приветливый’, а близкие по значению слова *љубазан* ‘любезный’ и *учтив* ‘учтивый’ являются русскими заимствованиями (первое – семантическим, второе – лексическим).

О вредностима у српском језику. Зборник етнолингвистичких радова. Београд: Алма, 2015. 209 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. М.: Индрик, 1995. 262 с.

Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 910 с.

Јакушкина Е.И. Србохорватска етичка лексика у етнолингвистичком освешчењу: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 175 с.

Broz I., Iveković F. Rječnik hrvatskoga jezika. Svezak I–II. Zagreb: Štamparija Karla Albrechta, 1901: Sv. I. 951 s.; Sv. II. 883 s.

Ivić M. O Vukovom upravo // Ivić M. O rečima. Beograd: Čigoja štampa, 2005. S. 109–114.

Ivić M. O odredbi razgovetno i povodom nje // Ivić M. O rečima. Beograd: Čigoja štampa, 2005. S. 65–72.

MAC – Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1985–1988.

PMC – Речник српскохрватског књижевног и народног језика: В 6 т. Нови Сад, 1967–1976.

PCJ – Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. 1561 с.

РСАНУ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 12. Београд: Научно дело, 1984. 800 с.

RJAZU – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976.

REFERENCES

Dal VI. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language (electronic edition).

Karadzic V.S. (1969) Serbian Dictionary. Belgrade. 927 p.

Logical Analysis of the Language: Languages of Ethics. Moscow. Yazyki Russkoy Kulturu Publ. 2000. 452 p.

About Values in Serbian. Collection of Ethnolinguistic Papers. Belgrade. Alma Publ. 2015. 209 p.

Tolstoy N.I. (1995) Language and Folk Culture. Moscow. Indrik Publ. 262 p.

Language Picture of the World and Systemic Lexicography. Moscow. Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ. 2006. 910 p.

Yakushkina E.I. (2003) Ethnolinguistic Analysis of Serbo-Croatian Ethical Lexicon: Thesis. Moscow. 175 p.

Broz I., Ivekovic F. (1901) The Dictionary of Croation Language: In 2 vols. Zagreb. Karl Albrecht's Typography: Vol. I. 951 p.; Vol. 2. 883 p.

Ivic M. About Vuk's Word *upravo*. In: Ivic M. About Words. Belgrade. Čigoja štampa Publ. 2005, pp. 109–114.

Ivic M. About the word *razgovetno*. Ivić M. About Words. Belgrade. Čigoja štampa Publ. 2005, pp. 65–72.

MAS – Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. Moscow. Russky Yazuk Publ. 1985–1988.

PMC – Dictionary of the Serbian-Croatian Literary and Folk Language: In 6 vols. Novi Sad, 1967–1976.

PCJ – Dictionary of the Serbian Language. Novi Sad. Matica Srpska Publ. 2007. 1561 p.

РСАНУ – Dictionary of the Serbian-Croatian Literary and Folk language. Vol. 12. Belgrade. Nauchno delo Publ. 1984. 800 p.

RJAZU – Dictionary of the Croation or Serbian Language. Zagreb. 1880–1976.

Сведения об авторе:

Екатерина Ивановна Якушкина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina I. Yakushkina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

jkatia@yandex.ru

В.В. Бугорская (Москва, Россия)

Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебных пособиях 1900–1917 гг.

Аннотация: На материале учебных пособий 1900–1917 гг. автор статьи выделяет основные тенденции, наметившиеся в представлении творчества М.Ю. Лермонтова в учебных пособиях. Обозначены наиболее частотные и периферийные произведения. Рассмотрена география изданий.

Ключевые слова: Лермонтов, словесность, учебные пособия

V.V. Bugorskaya (Moscow, Russia)

M. Lermontov's Work in the Textbooks of 1900–1917

Abstract: By example of teaching aids from 1900–1917, the article discusses how Lermontov's most frequent and peripheral works were introduced in the teaching aids at that period. The geographical spread of publications is analyzed

Key words: Lermontov, textbooks, Russian literature

Данная статья выполняется при поддержке гранта РГНФ №15-04-00498 и является продолжением работы по составлению перечня произведений М.Ю. Лермонтова, включаемых в учебники и пособия по словесности в период с 1840 по 2010 г.¹

Было проанализировано 12 учебных пособий (см. *Приложение 1.1*), изданных с 1900 по 1917 г. Нижняя граница обозначенного периода задана предыдущим этапом нашего исследования (1860–1900 гг.)², верхняя граница – 1917 г. – определяется резкой сменой исторической, политической и культурой парадигмы в России в связи с революцией.

¹ См. об этом: *Пуряева Н.Н.* Произведения М.Ю. Лермонтова в учебниках словесности 1840–1850 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 4 (vestnik-mgou.ru/Articles/View/718/); *Бугорская В.В.* Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебниках и пособиях словесности 1840–1850 гг. // *Stephanos*. 2015. № 6(14). С. 205–211 (www.stephanos.ru); *Бугорская В.В.* Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебниках и пособиях словесности 1860–1900-х гг. // *Stephanos*. 2017. № 1(21). С. 144–153 (www.stephanos.ru).

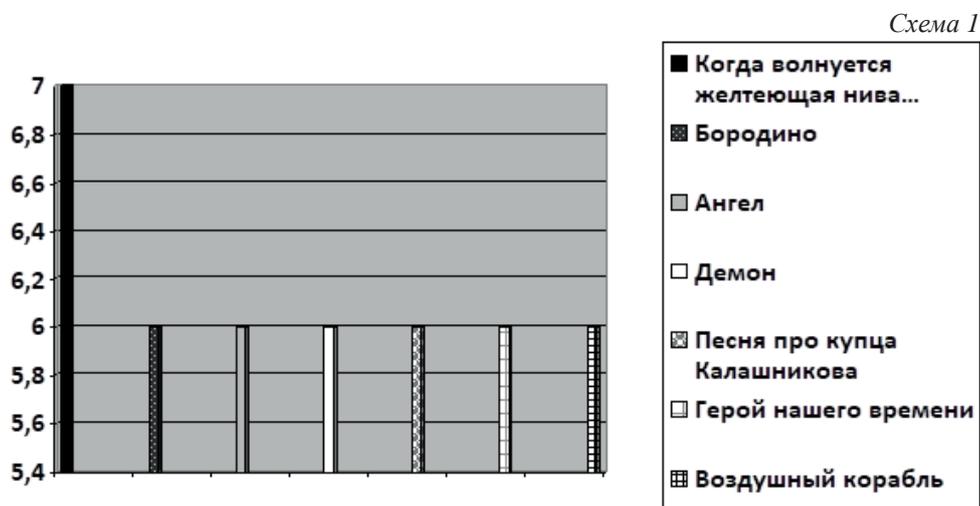
² *Бугорская В.В.* Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебниках и пособиях словесности 1860–1900-х гг. // *Stephanos*. 2017. №1(21). С. 144–153 (www.stephanos.ru).

В 11 из рассмотренных пособий содержатся как полные тексты произведений М.Ю. Лермонтова, так и отрывки из них или же их упоминания (см. Приложение 2). Перечень проанализированных изданий включает различные группы учебников и хрестоматий: гимназические книги [Карский 1912], пособия для женских епархиальных училищ [Вихров 1905], учебники для учительских семинарий [Дворников 1911].

В 11 пособиях, вышедших за 17 лет (1900–1917 гг.) используются или упоминаются 36 произведений М.Ю. Лермонтова.

Наиболее частотными произведениями являются стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...» (7 пособий), «Бородино» (6 пособий), «Ангел» (6 пособий), баллада «Воздушный корабль» (6 пособий); поэмы «Демон» (6 пособий), «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (6 пособий); роман «Герой нашего времени» (6 пособий) (см. Схема 1).

При этом можно говорить об изменениях в парадигме наиболее часто используемых произведений. Так, по сравнению с предыдущим периодом, стихотворе-

ние «Когда волнуется желтеющая нива...» остается наиболее популярным (присутствует в 7 из 11 пособий), а стихотворение «Казачья колыбельная песня», напротив, всё больше отходит на периферию (в 2 из 11 пособий).

Любопытно отметить, что стихотворение «Бородино» упоминается или приводится в виде отрывков в 6 из 11 рассмотренных пособий. Вероятно, частотность использования стихотворения связана со столетием победы России в Отечественной войне 1812 г., масштабная подготовка и празднование которого затронули практически весь рассматриваемый период³.

Особого внимания заслуживает складывающаяся традиция изучения поэмы «Демон». В 1860–1900 гг. в учебниках и хрестоматиях начинают появляться небольшие отрывки из поэмы «Демон», преимущественно связанные с кавказским пейзажем. Часто даже не упоминается, что фрагменты текста взяты из данного произведения.

³ Великий князь Сергей Александрович с 1889 г. ходатайствовал об устройстве музея Бородинской битвы, финансировании всех мероприятий из казны, создании путеводителя. Кроме того, в 1903 г. выходит книга Н.Н. Оболенева «Бородинский бой и его памятники на Бородинском поле». Эти и другие факты свидетельствуют о живом интересе к событиям 1812 г. (см.: Горбунов А.В. Музеефикация Бородинского поля: проект великого князя Сергея Александровича // Бородино: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы 13-й Всероссийской научной конференции. М., 2006. www.borodino.ru/spetsialistam/izdaniya-muzeya-zapovednika/otechestvennaya-vojna-1812-goda-istochniki-pamyatniki-problemy-13/).

В 1900–1917 гг. приводятся не только пейзажные отрывки из поэмы, но и монологи героев [Ильинский 1909]. Более того, авторы учебников и пособий включают произведение «Демон» (наряду с поэмами А.С. Пушкина) в контекст традиций западноевропейской поэмы: «Мрачные романтические поэмы Байрона положили начало целой литературной школе, известной под названием “мировой скорби”. В России влияние этой школы особенно сказалось в поэмах Лермонтова “Демон” и “Мцыри”»⁴; «Лирико-эпическая поэма, созданная в Англии Байроном, Шелли, Муром и др. и получившая у нас развитие в произведениях Пушкина и Лермонтова (“Полтава”, “Цыганы”, “Кавказский пленник”, “Демон”, “Мцыри” и т. д.), является именно поэмой, так как заключает в себе олицетворение»⁵.

В конце XIX – начале XX в. изменяется взгляд на поэму «Демон» в лермонтоведении: появляются работы Н.П. Дашкевича, В.Д. Спасовича и др.⁶, затрагивающие в основном западноевропейские источники произведения⁷. Новое истолкование поэмы в аспекте литературной традиции, а не в контексте представлений о личности М.Ю. Лермонтова и его бунтарском характере, как было ранее, способствовало популяризации поэмы в учебных курсах словесности.

Также стоит отметить, что в период 1900–1917 гг. изменилась тенденция представления романа «Герой нашего времени». Хотя произведение остается довольно популярным, в пособиях не помещается текст произведения, в отличие от предыдущих периодов⁸.

В отдельных изданиях встречаются стихотворения «Благодарность», «Смерть поэта», «Сосна», «Листок» и другие произведения М.Ю. Лермонтова.

Некоторые авторы начинают использовать в пособиях биографические сведения о М.Ю. Лермонтове, а также рекомендовать критическую, научную литературу, издания сочинений поэта, что является принципиальным отличием от предыдущего периода. Например, А.В. Вихров в пособии «Русская словесность» (1905 г.) использует не тематический принцип организации материала, а по персоналиям, предваряя произведения каждого автора сведениями из его жизни с детства и попыткой сопоставить факты биографии с вехами и предпосылками творчества.

Таким образом, на наш взгляд, начинает проявляться интерес к личности автора в целом, не только к его произведениям как образцам словесности, совершаются попытки привлечения историко-культурного контекста для описания творчества писателей. Данная тенденция в последующие годы превратится в традицию, которая в учебном каноне сохранилась до настоящего момента. Можно говорить о формировании литературоведческого подхода к изучению материала в учебных заведениях.

Хотелось бы обратить внимание, что имя М.Ю. Лермонтова и его произведения активно используются авторами учебных программ (см. *Приложение 1.2.*).

⁴ Коган Л.Р. (Л. Львов). Элементарный курс теории словесности. Одесса: Труд, 1914. С. 127.

⁵ Пресс А.Г. Теория словесности: Для учителей. Петроград: тип. Л.А. Ганзбурга, 1916. С. 82.

⁶ Найдич Э.Э., Роднянская И.Б. Демон // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.». М., 1981. С. 130–137.

⁷ Вольперт Л.И. Демон Лермонтова и французская литературная традиция: (Жак Казот и Альфред де Виньи) // Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. СПб.: РХГА, 2014. С. 87.

⁸ Бугорская В.В. Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебниках и пособиях словесности 1840–1850 гг. // Stephanos. 2015. № 6(14). С. 205–211 (www.stephanos.ru); Бугорская В.В. Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебниках и пособиях словесности 1860–1900-х гг. // Stephanos. 2017. №1(21). С. 144–153 (www.stephanos.ru).

Схема 2. Города изданий 1860–1900 гг.

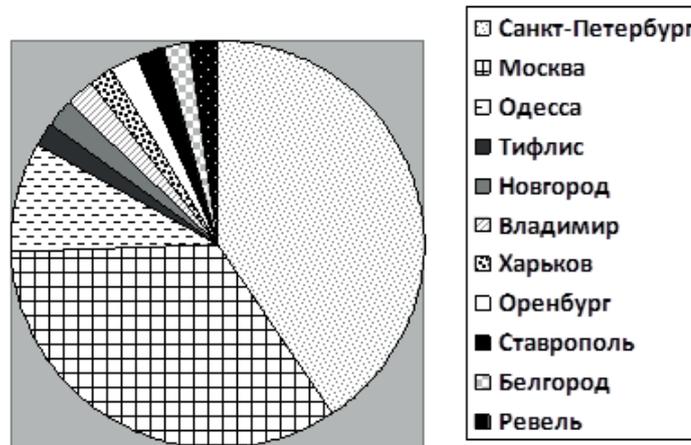
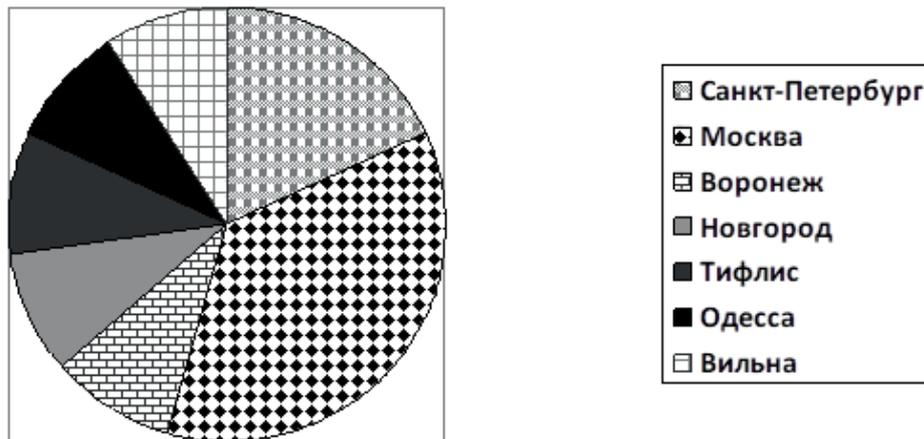

Схема 3. Города изданий 1900–1917 гг.

Указанные в *Приложении 1.2.* программы представляют все жанровое разнообразие творчества М.Ю. Лермонтова: лирика, поэмы, проза, драматургия. Он фактически вошел в школьный канон, стал не менее обязательным, чем А.С. Пушкин. Возможно, это происходит в связи с повысившимся интересом к поэту в конце XIX – начале XX в.: его имя фигурирует в работах символистов, в том числе в статьях А.А Блока, лермонтоведческих исследованиях В.В. Сиповского, Н.П. Дашкевича и др.⁹

География изданий в рассматриваемый период значительно не меняется по сравнению с 1860-1900 гг. (см. *Схема 2* и *Схема 3*).

Несмотря на меньшую протяженность изучаемого периода и значительно меньшее количество рассматриваемых изданий, их география довольно широка, что и позволяет отмечать сходство в этом отношении с предыдущим периодом.

Итак, можно отметить, что в период 1900–1917 гг. обозначились следующие тенденции в представлении творчества М.Ю. Лермонтова в учебных пособиях:

- происходит закрепление произведений М.Ю. Лермонтова в учебном каноне;
- складывается новая традиция изучения поэмы «Демон»;

⁹ Вацуро В.Э., Миллер О.В. Лермонтоведение // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 242–250.

– в представлении материалов всё большую роль начинает играть историко-литературный контекст.

ЛИТЕРАТУРА

Бугорская В.В. Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебниках и пособиях словесности 1840–1850 гг. // *Stephanos*. 2015. № 6(14). С. 205–211.

Бугорская В.В. Некоторые аспекты представления произведений М.Ю. Лермонтова в учебниках и пособиях словесности 1860–1900-х гг. // *Stephanos*. 2017. № 1(21). С. 144–153.

Вацууро В.Э., Миллер О.В. Лермонтоведение // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.». М.: Сов. энцикл., 1981. С. 242–250.

Вольперт Л.И. Демон Лермонтова и французская литературная традиция: (Жак Казот и Альфред де Виньи) // Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. СПб.: РХГА, 2014. С. 84–103.

Горбунов А.В. Музеефикация Бородинского поля: проект великого князя Сергея Александровича // Бородино: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы 13-й Всероссийской научной конференции. М., 2006 (www.borodino.ru/spetsialistam/izdaniya-muzeya-zapovednika/otechestvennaya-vojna-1812-goda-istochniki-pamyatniki-problemy-13/).

Коган Л.Р. (Л. Львов). Элементарный курс теории словесности. Одесса: Труд, 1914. [2], III, [3], 192 с.; ил.

Найдич Э.Э., Роднянская И.Б. Демон // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.». М.: Сов. энцикл., 1981. С. 130–137.

Пресс А.Г. Теория словесности: Для учителей. Петроград: тип. Л.А. Ганзбурга, 1916. 96 с.

Пуряева Н.Н. Произведения М.Ю. Лермонтова в учебниках словесности 1840–1850 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 4 (vestnik-mgou.ru/Articles/View/718/).

REFERENCES

Bugorskaya V.V. The Presentation of Works of M.Yu. Lermontov in Textbooks and Manuals of Literature in 1840–1850: Some Aspects. *Stephanos*. 2015. No 6(14), pp. 205–211.

Bugorskaya V.V. Some Aspects of Presenting Lermontov's Works in Textbooks and Manuals on the Russian Literature (1860–1900). *Stephanos*. 2017. No 1(21), pp. 144–153.

Vatsuro V.E., Miller O.V. Lermontov's Studies. In: Lermontov Encyclopedia. Moscow. 1981, pp. 242–250.

Volpert L.I. Demon of Lermontov and the French Literary Tradition: (Jacques Cazot and Alfred de Vigny). In: M.Yu. Lermontov's Works in the Context of Contemporary Culture. St.-Petersburg. 2014, pp. 84–103.

Gorbunov A.V. Museification of the Borodino Field: The Project of Grand Duke Sergey Alexandrovich. In: Borodino: Sources. Monuments. Problems: Proceedings of the 13th All-Russian Scientific Conference. Moscow. 2006 (www.borodino.ru/spetsialistam/izdaniya-muzeya-zapovednika/otechestvennaya-vojna-1812-goda-istochniki-pamyatniki-problemy-13/).

Kogan L.R. (L. Lvov). Elementary Course of the Theory of Literature. Odessa. Trud Publ. 1914. [2], III, [3], 192 p.; ill.

Naydich E.E., Rodnyanskaya I.B. Demon. In: Lermontov Encyclopedia. Moscow. 1981, pp. 130–137.

Press A.G. Theory of Literature: For Teachers. Petrograd. 1916. 96 p.

Puryaeva N.N. M.Yu. Lermontov's Works in the Textbooks of Literature 1840–1850 гг. Moscow Region State University Bulletin (Network Edition). 2015. No 4 (evestnik-mgou.ru/Articles/View/718//).

Приложение 1.1.

СПИСОК РАССМОТРЕННЫХ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ

1. *Белявский Е.В.* Теория словесности: Руководство при разборе образцов словесности и при письменных упражнениях учеников. М.: Университетская тип., 1901. 118 с.
2. *Браиловский С.Н.* Русский язык и словесность в коммерческих училищах Министерства финансов. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1904. 36 с.
3. *Вихров А.В.* Русская словесность применительно к новой прогр. для епарх. жен. уч-щ. Новгород: паровая тип. Селиванова, 1905. 117 с.
4. *Дворников П.Ф.* Теория словесности: Учебник для сред. учеб. заведений, муж. и жен. учительских семинарий, высш. городских уч-щ по Положению 1872 г. и торговых школ : С приложением тем и планов для упражнений. М.: Сotr. шк. А.К. Залесской, 1911. 200 с.
5. *Ильинский Н.А.* Хрестоматия к курсу теории словесности: Составленная применительно к программе, выработанной Съездом преподавателей рус. яз. и словесности сред. учеб. заведений Кавк. учеб. окр. в 1904 г. Тифлис: Кавк. учеб. окр., 1909. 317 с.
6. *Карский Е.Ф.* Пособия при изучении русского языка и словесности: Стихотворения и прозаические статьи для заучивания наизусть, согласно примерному списку, помещенному при объяснительной записке к учебному плану русского языка и словесности 20 июля 1890 г.: С приложением примечаний, руководящих вопросов, планов, тем для упражнений, а также статей о сочинении вообще, повествовании, описании и периоде. Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1912. 140 с.
7. *Коган Л.Р. (Л. Львов).* Элементарный курс теории словесности. Одесса: Труд, 1914. 192 с.
8. *Козьмин К.А.* Теория словесности: Свод теоретических положений, выведенных из разборов образцов прозы и поэзии. М.: М.Д. Наумов, 1900. 71 с.
9. *Пресс А.Г.* Теория словесности: Для учителей. Петроград: тип. Л.А. Ганзбурга, 1916. 96 с.
10. *Руч С.Г.* Теория словесности: Составлена применительно к новейшей программе средних учебных заведений. СПб.: Центр. типо-лит. М.Я. Минкова, 1902. 116 с.
11. *Светлаков А.А.* Курс теории словесности. М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 328 с.
12. *Соколов М.А.* Теория словесности с присоединением образцов: теория словесности драматической. Сергиев Посад: Тип. Св.-Тр. Лавры, 1915. 135 с.

Приложение 1.2.

СПИСОК РАССМОТРЕННЫХ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ

1. *Петров К.П.* Программа словесности (с приложениями). СПб.: типо-лит. А.Э. Винеке, 1905. 45 с.
2. Съезд преподавателей русского языка и словесности средних учебных заведений Кавказского учебного округа [I–II]. Тифлис: тип К.П. Козловского, Голов., 12 и Гермес, Мадат., 15, 1904.
3. *Шляпкин И.А.* История русской словесности (Программа университетского курса с подробной библиографией). СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1913. 67 с.

Приложение 2

**СПИСОК ПОСОБИЙ, СОДЕРЖАЩИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И ОТРЫВКИ ИЗ НИХ**

Белявский Е.В. Теория словесности: Руководство при разборе образцов словесности и при письменных упражнениях учеников. М.: Университетская тип., 1901. 118 с.

Браиловский С.Н. Русский язык и словесность в коммерческих училищах Министерства финансов. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1904. 36 с.

Вихров А.В. Русская словесность применительно к новой прогр. для епарх. жен. уч-щ. Новгород: паровая тип. Селиванова, 1905. 117 с.

Дворников П.Ф. Теория словесности: Учебник для средних учебных заведений, мужских и женских учительских семинарий, высших городских уч-щ по Положению 1872 г. и торговых школ: С приложением тем и планов для упражнений. М.: Сотр. шк. А.К. Залесской, 1911. 200 с.

Ильинский Н.А. Хрестоматия к курсу теории словесности: Составленная применительно к программе, выработанной Съездом преподавателей рус. яз. и словесности сред. учеб. заведений Кавк. учеб. окр. в 1904 г. Тифлис: Кавк. учеб. окр., 1909. 317 с.

Карский Е.Ф. Пособия при изучении русского языка и словесности: Стихотворения и прозаические статьи для заучивания наизусть, согласно примерному списку, помещенному при объяснительной записке к учебному плану русского языка и словесности 20 июля 1890 г.: С приложением примечаний, руководящих вопросов, планов, тем для упражнений, а также статей о сочинении вообще, повествовании, описании и периоде. Вильна: тип. А.Г. Сыркина, 1912. 140 с.

Коган Л.Р. (Л. Львов). Элементарный курс теории словесности. Одесса: Труд, 1914. 192 с.

Козьмин К.А. Теория словесности: Свод теоретических положений, выведенных из разборов образцов прозы и поэзии. М.: М.Д. Наумов, 1900. 71 с.

Пресс А.Г. Теория словесности: Для учителей. Петроград: тип. Л.А. Ганзбурга, 1916. 96 с.

Руч С.Г. Теория словесности: Составлена применительно к новейшей программе средних учебных заведений. СПб.: Центр. типо-лит. М.Я. Минкова, 1902. 116 с.

Светлаков А.А. Курс теории словесности. М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. 328 с.

Сведения об авторе:

Валерия Вячеславовна Бугорская,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Valeria V. Bugorskaya,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
valeria.bugorskaia@yandex.ru

М. Елфимова (Москва, Россия)

Ритмическая организация текста в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»¹

Аннотация: В статье рассматривается повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», в которой выразительность художественной речи напрямую связана с образностью, созданной различными композиционными и стилистическими приемами, усиливающими эмоциональное переживание читателя. Анализ структуры предложений и речевого ритма на разных уровнях (смысловом, композиционном, синтаксическом, морфологическом и фонетическом) позволяет выявить влияние ритмической организации прозы на восприятие текста.

Ключевые слова: ритмизованная проза, темп, тон, тембр, аллитерация, ударение, синтаксические и лексические конструкции, эмоциональное восприятие

М. Elfimova (Moscow, Russia)

Rhythmic Organization of N. Gogol's "Taras Bulba"

Abstract: The article discusses how compositional and stylistic devices create expressiveness and imagery in Nikolay Gogol's Taras Bulba. A study into the sentence structure and speech rhythm at semantic, compositional, syntactic, morphological and phonetic levels made it possible to show how the rhythmic organization of prose influenced the reader's perception.

Key words: rhythmic prose, tempo, tone, timbre, alliteration, stress, emotional perception

Николай Васильевич Гоголь оказал огромное влияние на развитие литературного языка, расширил сферу художественных образов, принципов изображения действительности.

Впервые понятие «ритмизованная проза» ввел в литературоведение В.М. Жирмунский. Он же проанализировал ее свойства на примере пейзажей в повестях Гоголя: «Повторение начальных сочинительных или подчинительных союзов, другие формы анафоры и подхватывания слов, грамматико-синтаксический параллелизм соотносительных конструкций, наконец – наличие нерегулярных звуковых повторов, а также в некоторых случаях тенденция (относительно не обязатель-

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на XXIV международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (апрель 2017 года).

ная!) к выравниванию числа слов, слогов или ударений и к отбору окончаний определенного типа создают основу для восприятия художественной прозы как прозы ритмической. <...> Именно эмоционально-лирическое содержание такой прозы подсказывает одновременно и эти <...> стилистические особенности, и связанную с ними «ритмизацию»². Кроме того, ритм в прозе создается благодаря синтезу просодических и синтаксических средств.

При первом знакомстве с повестью Гоголя «Тарас Бульба» читатель может заметить периодичность смены темпа, тона и тембра в зависимости от изображаемой сцены или описания героя.

В различных диалогах, лирических отступлениях, описаниях звучит определенный, свойственный конкретному эпизоду «голос» автора. Так, в знаменитом обращении Тараса Бульбы к казакам, автор показывает свое отношение и любовь к прекрасной русской душе, восхищается вместе с Тарасом силой единства, братства народного. Обратим внимание, что смешение в речи разных стихотворных размеров, однотипных ударений, лексических повторов, позволяет «слышать» изменение речевого ритма и вместе с этим влиять на эмоциональную сторону адресата: вступительная часть обращения несет повествовательный характер, «произносится» с чувством, спокойно, создавая эффект «однообразия». Герой словно «отбивает» такт (ударный и следующие за ним два безударных слога), ритм, поскольку монотонное произношение позволяет сильно воздействовать на сознание, лучше передать мысль: «хóчется мнѣ вам сказáть /, панóве /, что такóе есть нáше товáрищество. / Вы слышали от отцов и дедов /, в какой чести у всех была земля наша /: и грѣкам далá знать себѣ /, и с Царьгрáда бралá червóнцы /, и городá были пýшные /, и хрáмы /...»³. Далее, благодаря смешению безударных слогов, можно увидеть и чередование стихотворных размеров: анапеста, амфибрахия и дактиля, – все это позволяет изменить ритм; многократные лексические повторы акцентируют внимание читателя на мысли о единстве и силе: «...и **князьѣ** /, **князьѣ** рýсского рода /, свой **князьѣ** /, а не католические недоверки. / **Всѣ** взяли бусурмáны, **всѣ** пропáло...» (II, 380). В финальной части речи наблюдается резкий интонационный подъем. По мере того как Тарас Бульба произносит речь, нарастает волнение, подряд идущие восклицательные предложения, повторяющиеся местоимения, существительные ускоряют имплицитный ритм: «...*только остались **мы** /, **сырые**, / да, как вдовица после крепкого мужа, **сýрая**, / так же как **и мы**, / земля **наша!** Вот в какое время подали **мы, товарищи**, руку на братство; вот на чем стоит **наше товарищество!** нет уз святее **товарищества!** Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать...*» (II, 380). Спокойный, наставительный тон звучит в конце речи Бульбы: «...нет, братцы; *тáк любíть*↑, / как русская душа,↓ / *любíть не то чтобы* / *умóм*↑ или чем другим /, а *всѣм* /, чем дал Бог↑, / *что ни есть в тебе*↓ – а!.. – сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: – Нет /, так любить **никто** не может↑!.. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле **товарищество!** Уж если на то пошло, чтобы **умирать**, – так **никому** ж из них не доведется так умирать!.. **Никому, никому!**.. Не хватит у них на то мышинной

² Жирмунский В.М. О ритмической прозе // Жирмунский В.М. Теория стиха. Л., 1975. С. 576.

³ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород. М., 2009. С. 380. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» цитируется по этому изданию. В дальнейшем ссылки на произведение даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

натуры их!» (II, 380). Многократные повторы слов усиливают психологический эффект, производимый на читателя.

Необычные ассоциативные ряды (сравнения, метафоры) и «музыкальный» принцип построения текста помогают воображению читателя воспроизводить образы описываемых предметов и ситуации. Достаточно красочное описание главного героя, созданное звуковыми, цветовыми эффектами, яркими сравнениями казака с «тяжелым XV веком», который также остался опустошенным, рождает в сознании образ бесстрашного героя, позволяют нам увидеть характер персонажа, прочувствовать его силу, волю, мощь: *«Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся Южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набёгами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух и завелось казачество... Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед»* (II, 307). Нельзя не заметить довольно четкий, но медленный ритм, который создан с помощью повторения однотипных слогов и ударений, шипящих согласных звуков, лексических и синтаксических повторов.

Слово живет в колебаниях звуков. Каждый звук дает волновой импульс, воздействующий на психику человека. В фоносемантике (от греч. *phone* – звук, голос, шум и *semantikos* – обозначающий, значение) исследуется восприятие звуков и их влияние на формирование образов и смыслов. Исследования показали, что звуки в их восприятии могут быть горячими, холодными, узкими, рычащими, плохими и хорошими. Благодаря звукам, рождающим слова, текст способен приобрести собственную качественную характеристику цвета, состояния, например: «темный», «веселый», «светлый», «печальный», «красивый»⁴ и т. д.

Семантическая весомость согласных способствует установлению разнообразных предметно-смысловых ассоциаций, поэтому выразительно-изобразительные возможности аллитераций шире, чем ассонансов, проще говоря, звук порождает незвуковые представления: в представленном фрагменте ритм и аллитерация создают образ человека, чья душа бесстрашна, пылает, словно костер, она наполнена мощью. Все это создано с помощью усиления фонетической выразительности речи, повторения шипящих звуков, следующих друг за другом в каждой строке. С точки зрения фоносемантики шипящие звуки влияют на сознание читателя, отталкивают и пугают. Это объясняется доминирующим положением согласных в системе звуков русского языка. Согласные звуки играют в языке основную смысловозначительную роль⁵. Научно доказано, что многократное повторение шипящих и взрывных привлекает внимание, но, в то же время, устрашает человека: *тяжелый, полукочующий, южная, опустошена, выжжена, хищников* и т. д. Кроме того, шипящие звуки [ш, ж, щ] создают «воинственный ритм».

Мы видим, что проза, так или иначе, является своеобразной формой диалога между людьми, автором и читателем, зрителем. Писатель раскрывает образ с по-

⁴ Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе), М., 2000. С. 2.

⁵ Оганесян Н.Т. Практикум по психологии творчества. М., 2013. С. 256.

мощью своего языка: музыкальности, повторения синтаксических конструкций, цикличности образов.

В повести «Тарас Бульба» ритмообразующими компонентами также являются частые лексические повторы, однотипные ударения, порядок слов, звуковые и цветовые соответствия, синтаксические конструкции.

Почти каждый герой произведения наделен своим «цветом» и «звуком». Тарас Бульба – синтез огненно-красного, пылающего костра, сопровождаемого фонетической аллитерацией, «шипением». А, к примеру, в описаниях жены главного героя автор использует сдержанные, светлые, сентиментальные тона: *«Ночь еще только что обняла небо... <...> Одна бедная мать не спала. Она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она возрастила, взлелеяла их – и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждет вас?» – говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. <...> она была какое-то странное существо в этом сборище безжизненных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой. Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она все сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз и не думала о сне»* (II, 309–311). Можно сопоставить описание ночи с образом матери. Подобно тому, как ночь обнимает небо и озаряет весь двор, она – воплощение любви и добра – смотрит и освещает своей любовью дорогу своим сыновьям: *«...Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребенка; красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил»* (II, 310–311). Фрагмент текста позволяет увидеть яркое цветовое противопоставление: лунный свет подобен серебряному, светлому образу матери, для которой характерны спокойствие и любовь, а красный, сверкающий рассвет сопоставим с образом Бульбы, чей образ воплощает в себе мужественность и воинственность. Следует отметить, что при описании ночи и матери автор использует многократное повторение мелодичных слогов «ля – ла – ло – ле – оль/ель», которое навеивает на читателя грусть и печаль. Звуковая мелодия соответствует описанию героини и ее душевному состоянию.

Это же можно сказать и о цветовой гамме молодых бурсаков: алый цвет, яркий, как огонь, золотой, серебряный, черный символизируют молодость, блеск, силу молодых панов. В описании одежд преобладают драгоценные металлы: золото, серебро; различные побрякушки (сабли, трубки), а многократный повтор звуков «р – бр – тр – чр», аллитерация шипящих звуков и их чередование с мягкими звуками типа «ле – ли – ла» и проч. свидетельствует о задорном, мелодичном ритме прозы, рисуя молодость и своенравие героев: *«Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные красные, с серебряными подковами; шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок*

и со сборами, *перетянулись золотым очкурум; к очкуру* (композиционный стык, также рождает ритм) *прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакин алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам. Их лица, еще мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые черные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под черными бараньими шапками с золотым верхом»* (II, 311).

Историческая повесть «Тарас Бульба» содержит в себе насыщенные, красочные описания природы («степь», «ночь», «полет чайки») и быта (внешний вид казаков, убранство светлицы), но тем не менее сразу бросается в глаза их смысловая и ритмическая самостоятельность. Заметим, что изображение степи можно сравнить с абстрактной симфонией, исполненной *agitato* («взволнованно»): *«Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Все, что смутно и сонно было на душе у казаков, вмиг слетело; сердца их встrepенулись, как птицы»* (II, 317). В изображении степи читатель может увидеть восхищение автора бескрайними ее пространствами, олицетворяющими свободу.

Предложение *«Стéпь чем дáлее, тем становíлась прeкраснее»* «задает» спокойный ритм, созданный с помощью однотипного порядка слов, ударений. Но дальше можно увидеть постепенное наращивание темпа повторами: *«Тогда **весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогдá** плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. <...> **Ничего́** в природе не могло быть лучше»* (II, 317). Словами «никогда» и «ничто» автор передает интонационный подъем, привлекает внимание читателя к тому, что нет ничего прекраснее, чем степь. *«Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дров выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. <...> Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха»* (II, 317–318).

Средством создания ритма в повествовательном тексте может быть синтаксический параллелизм (полный или неполный) с повтором идентичных компонентов: *«Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... **Черт вас возьми, степи, как вы хороши!**.. <...>»* (II, 318) – образ чайки олицетворяет степь, ее грациозные движения можно сравнить с движениями степи под порывами ветра.

В глаза бросается цветовая гамма описываемого фрагмента: зелено-золотой, голубой, синий – степь подобна морю. Именно такой она представляется воображению читателя, бескрайней и необъятной. Подобно морю, ее симфония, ее спокойное звучание успокаивает.

Это была степь утренняя. Далее, как сменяются день-ночь, так меняется и характер степи, ее цветовые и звуковые гаммы: *«Вечером вся степь совершенно*

переменялась. *Всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и / постепенно темнело* (наблюдаем подъем, а затем спад интонации), так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась **темно-зеленою**; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, **изголуба-темному**, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из **розового золота**; изредка белели клоками **легкие и прозрачные облака**, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щек. Вся музыка, звучавшая днем, утихала и сменялась другою. <...> На них прямо глядели ночные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву, весь их треск, свист, стрекотанье – все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянная блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и темная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

<...> *Нигде не попадались им деревья, все та же бесконечная, вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдаленного леса, тянувшегося по берегам Днепра*» (II, 318–319).

Приведенные контексты показывают, что ритм и тональность взаимодействуют в описаниях. Авторское отношение к родной природе, поклонение ей выражаются в одной тональности, каждое описание звучит как песня. В качестве примера можно привести описание Днепра: «*В воздухе вдруг заглодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спертый порогами, брал наконец свое и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в средину его острова вытесняли его еще далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений*» (II, 319). Изменение содержания влечет за собой изменение ритма: степь – спокойная, Днепр же – свирепый, властный, с холодными волнами. Гармонирующий и «плавный» ритм переходит в «напряженный». Также описание Днепра можно сравнить с чувствами матери: беспокойство, утрата, бессилие вытеснили ее «из берегов».

Таким образом, анализ фрагментов повести «Тарас Бульба» позволяет сделать вывод о том, что Гоголь «стремится использовать такие языковые структуры, которые в наибольшей степени соответствовали его замыслу»⁶. Основными компонентами, формирующими ритмическую прозу произведения, являются:

- однотипное построение звеньев в семантическом и стилистическом плане;
- синонимическое, тавтологическое повторение слов;
- анафоры и эпифоры;
- повторение союзов;
- произвольное выравнивание числа слогов;
- однотипные окончания;

⁶ *Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988. С. 107.*

- определенный порядок слов, предложений, который зависит от смыслового содержания;
- синтез лексического значения слова, синтаксических конструкций и средств художественной выразительности (повторов, параллелизмов, гипербол).

Все перечисленные выше элементы позволяют читателю правильно соотносить эмоциональное начало текста с рациональным и выстраивать верную смысловую концепцию произведения, заложенную автором.

ЛИТЕРАТУРА

- Арват Н.Н.* Ритм и троичность в идиостиле Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и мировая культура: Вторые Гоголевские чтения: Сб. докладов. М., 2003. С. 89–96.
- Арват Н.Н.* Эстетическая функция ритма в прозе Н.В. Гоголя («Майская ночь, или Утопленница») // Микола Гоголь і світова культура: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника. Київ; Ніжин, 1994. С. 34–40.
- Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе), М., 2000. 248 с.
- Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988. 123 с.
- Белый А.* Мастерство Гоголя: Исследование. М.; Л., 1996. 416 с.
- Бонди С.М.* О ритме // Контекст 1976. М., 1977. С. 100–129.
- Брызгунова Е.А.* Звуки и интонация русской речи. М., 1977. 281 с.
- Виноградов В.В.* Избр. тр.. О языке художественной прозы. М., 1980. 360 с.
- Виноградов В.В.* Гоголь как культурно-психологическое и народно-языковое явление // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: Сб. статей. М., 1971. С. 13–22.
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971. 231 с.
- Гиришман М.М.* Ритм художественной прозы. М. 1982. 366 с.
- Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л., 1971. 704 с.
- Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев, 2009–2010.
- Жирмунский В.М.* О ритмической прозе // Русская литература. 1966. № 4. С. 103–114.
- Зелинский Ф.* Ритмика и психология художественной речи // Мысль. 1922. № 2. С. 68–87.
- Лотман Ю.М.* Из наблюдений над структурными принципами раннего творчества Гоголя // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1970. № 251. С. 17–45.
- Оганесян Н.Т.* Практикум по психологии творчества. М., 2013. 256 с.
- Пешковский А.М.* Ритмика «Стихотворений в прозе» Тургенева // Русская речь. 1928. № 4. С. 60–78.
- Томашевский Б.В.* Ритм прозы («Пиковая дама») // Томашевский Б.В. О стихе. Л., 1929. С. 254–318.
- Эйхенбаум Б.М.* О прозе: Сб. статей / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; вступ. статья Г. Бялого. Л., 1969. 504 с.

REFERENCES

- Arvat N.N. Rhythm and Trinity in Nykolay Gogol's Idiostyle. In: Nikolay Gogol and World Literature; Second Gogol Reading: Collection of Reports. Moscow. Book House University. 2003, pp. 89–96.
- Arvat N.N. The Aesthetic Function of Rhythm in Nikolay Gogol's Prose. Mayskaya noch', ili Utoplennica. In: Nikolay Gogol and World Literature: International Conference Dedicated to the 185th Anniversary of the Writer's Birth: Proceedings. Kiev; Nezhin. 1994, pp. 34–40.
- Belyanin V.P. (2000) Basic the Psycholinguistic Diagnostic (Model of the Word in Literature). Moscow. 248 p.
- Belyanin V.P. (1988) The Psycholinguistic Aspects of Literary Text. Moscow. 123 p.
- Beliy A. (1996) Gogol's Creative Writing Class. Analysis. Moscow; Leningrad. 416 p.
- Bondi S.S. The Rhythm. In: Context 1976. Moscow. 1977, pp. 100–130.
- Bryzgunova E.A. (1977) Sounds and Tone of the Russian Speech. Moscow. Russkaya Rech Publ. 281 p.
- Vinogradov V.V. (1980) Selected Works. About the Language of Artistic Prose. Science. Moscow. 360 p.
- Vinogradov V.V. Gogol as a Cultural-Psychological and Folk-Linguistic Phenomenon. In.: Sacred to the Memory of Academician Victor V. Vinogradov: Collection of Articles. Moscow. Moscow State University Press. 1971, pp. 13–22.
- Vinogradov V.V. (1971) About the Theory of Artistic Speech. Moscow. 231 p.
- Hirschman M.M. (1982) Rhythm of the Fiction. Moscow. 366 p.
- Ginzburg L.Ya. (1971) On Psychological Prose. Leningrad. 704 p.
- Gogol N.V. The Complete Works and Letters: In 17 vols. / Comp., ed. and comment. by I.A. Vinogradov and V.A. Voropaev. Moscow; Kiev. 2009–2010.
- Zhirmunsky V.M. About Rhythmic Prose. *Russkaya Literatura*. 1966. No 4 pp. 103–114.
- Zelinsky F. The Rhythmic and the Psychology of the Artistic Speech. *Mysl'*. 1922. No 2, pp. 68–87.
- Lotman Yu.M. From Observations on the Structural Principles of Gogol's Early Work. In: Uchenye Zapiski Tartuiskogo Gos. University. No 251. Tartu. 1970, pp. 17–45.
- Oganessian N.T. (2013) Workshop on Psychology of Creativity. Moscow. 256 p.
- Peshkovsky A.M. The Rhythm of Turgenev's Poems in Prose. *Russkaya Rech*. 1928. No 4, pp. 60–78.
- Tomashevsky B.V. The Rhythm of the Prose («Pikovaya Dama»). In: Tomashevski B.V. About the Poem. Leningrad. 1929, pp. 254–318.
- Eikhenbaum B.M. (1969) About the Prose. Collection of Articles / Comp., ed. by I. Yampolskii; introduct. article by G. Byaloi. Leningrad. 504 p.

Сведения об авторе:

Мария Геннадьевна Елфимова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariia G. Elfimova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mashaelfimova@mail.ru

Ю.Э. Чурилова (Москва, Россия)

Концепт «страх» в рамках миграционного кризиса в Германии в 2015–2016 гг.

Аннотация: В настоящей статье ставится задача выяснить особенности презентации концепта «страх» и определить его роль в современном немецком дискурсе в рамках миграционного кризиса. В процессе исследования рассматривались типы страха, особенности концептуализации каждого из них, понятие «Angst» («страх») как особое явление немецкой лингвокультуры.

Ключевые слова: концепт, страх, медиадискурс, массмедиа, миграционный кризис, Германия, беженцы, мигранты

Yu.E. Churilova (Moscow, Russia)

The Concept 'Fear' in Terms of the Migration Crisis in Germany in 2015–2016

Abstract: This article seeks to analyze the concept FEAR in discourses of the contemporary migration crisis in Germany. Research has typified fear and showed ways of conceptualizing each type. Special emphasis is laid on the concept 'Angst' ('fear') as a phenomenon of German language culture.

Key words: concept, fear, media discourse, mass media, migrant crisis, Germany, refugees, migrants

«Европейский Союз переживает сегодня самый масштабный миграционный кризис со времен Второй мировой войны» [Арбатова 2016: 4]. Обострившийся в середине 2015, этот кризис уже в течение нескольких лет является одним из самых обсуждаемых вопросов во всем мире. Наиболее остро проблема миграционного кризиса стоит в ФРГ, которая приняла на себя основной удар потока беженцев и мигрантов. Именно поэтому в медиапространстве Германии, в частности в газетах и журналах, эта тема принадлежит к числу самых популярных. Так, по информации Федерации немецких издателей газет (BDZV), на ежегодном вручении премии имени Теодора Вольфа журналистам немецких газет в 2016 г. «темой года» стали «Беженцы» («Flüchtlinge»). А в 2015 г. слово «Flüchtlinge» было признано словом года согласно мнению экспертов Общества немецкого языка.

Миграционный кризис в известной степени вносит дисбаланс в жизнь немецкого общества. Статьи, рассказывающие о нападениях беженцев на немецких

женщин, о возросшей активности представителей ультраправых организаций, о попытках местного населения всевозможными способами «отгородиться» от «чужаков», о трудностях интеграции новоприбывших в немецкое общество, об их борьбе за выживание в новой и не всегда дружелюбной обстановке, стали уже привычными для немецкого массмедийного дискурса. В значительной части этих сообщений поднимается проблема страха. В связи с этим вопрос о репрезентации концепта «страх» в рамках миграционного кризиса в текстах немецких массмедиа становится особенно актуальным.

В данной статье предпринимается попытка выявить особенности репрезентации концепта «страх» и определить его роль в современном немецком дискурсе. Понятие «концепт» в статье рассматривается как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в сознание человека, и одновременно то, посредством чего обыденность входит в культуру, а иногда и влияет на нее» [Степанов 2004: 56]. Понятие «страх» трактуется как «эмоциональный концепт культуры, который обладает экзистенциальной значимостью и для отдельного человека, и для общества в целом» [Щербакова 2016: 151]. Ключевую роль в контексте рассматриваемой проблемы играет двойная направленность страха, о которой и пойдет речь далее.

В чем заключается эта двойственность? С одной стороны, мы можем говорить о страхе представителей немецкого общества перед беженцами: «Die Flüchtlinge bedrohen den Wohlstand unserer Gemeinde» («Беженцы угрожают благополучию нашей общины»)¹. С другой стороны, существует страх, который испытывают сами беженцы, оказавшиеся в чужой стране, где им далеко не всегда рады: «In Köln haben Flüchtlinge jetzt Angst vor Karneval» («Сейчас беженцы в Кёльне боятся карнавала»)².

Начнем с анализа первого типа страха – страха местного населения перед беженцами. Особенности концептуализации страха, который испытывает местное население перед беженцами, хотелось бы продемонстрировать на примере статьи журнала «Der Spiegel», которая называется «Ressentiments gegenüber Flüchtlingen. Man muss die Angst ernst nehmen» («Неприязнь по отношению к беженцам. Нужно воспринимать страх всерьез»)³. Статья представляет собой интервью с Ульрихом Вагнером, профессором социальной психологии Марбургского университета имени Филиппа.

Уже в названии содержится указание на важнейшую тему отношения немцев к беженцам. «Ressentiment» в психологии понимается как чувство враждебности к созданному образу «врага». Эта неприязнь непосредственно связана со страхом, о чем красноречиво свидетельствует вторая часть заголовка «Man muss die Angst ernst nehmen». В интервью объясняется, откуда берутся страхи немцев перед беженцами и какие опасности за этим скрываются.

На основе интервью У. Вагнера можно выделить 2 группы причин, по которым местное население боится беженцев:

1. объективные причины, напрямую связанные с такой важной категорией, как «Erfahrung» – опыт: социальная психология утверждает, что отношение немцев к

¹ См.: Mayr G. Ressentiments gegenüber Flüchtlingen. Man muss die Angst ernst nehmen // Der Spiegel. 2015 (электронный ресурс).

² Dowideit A. In Köln haben Flüchtlinge jetzt Angst vor Karneval // Die Welt. 2016 (электронный ресурс).

³ Mayr G. Ressentiments gegenüber Flüchtlingen. Man muss die Angst ernst nehmen // Der Spiegel. 2015 (электронный ресурс).

беженцам в значительной степени определяется личным опытом общения с ними; страхи формируются на основании негативного опыта;

2. необъективные причины, связанные с традицией неприятия всего чужого и незнакомого: ученые отмечают, что в каждой культуре есть стереотипы, относящиеся к восприятию «чужаков».

Хотя количество статей, рассказывающих о негативном опыте общения с беженцами достаточно велико, ведущая роль в формировании концепта «страх» отводится все же необъективным причинам. Ульрих Вагнер употребляет в этой связи термин «symbolische Bedrohung». Ощущение этой так называемой «символической угрозы» уходит корнями в психологию человека. Люди боятся не чего-то конкретного, а некой неопределенности, нестабильности, неизвестности. И в данном случае в один ряд с главным репрезентантом концепта «страх» – «die Angst» – становятся такие понятия, как «Unsicherheit» («неуверенность») и «Bedrohung» («угроза»).

Особое внимание стоит обратить на термин «Unsicherheit». Он выражает неуверенность, нестабильность. По мнению Анны Вежбицкой, основной особенностью концепта «Angst» в немецкой лингвокультуре является боязнь неопределенности ситуации, нарушение такой важной для немцев категории, как «die Ordnung» («порядок»). «По мнению большинства наблюдателей, для немецкой жизни характерно множество предписаний и запретов, которые имеют своей целью уменьшение жизненной неопределенности и сопутствующий ей «Angst». Жить в рамках защищенности и уверенности – материальная и психологическая потребность немцев» [Вежбицкая 1999: 605].

Что же касается термина «Bedrohung», то угрозы, вызывающие страх, могут быть самыми разными. В частности, приток беженцев воспринимается многими немцами как серьезная угроза национальной культуре: «Jetzt geht die deutsche Kultur den Bach runter» («Немецкая культура сейчас приходит в упадок»). Однако эксперты, в частности Ульрих Вагнер, считают такие страхи беспочвенными.

Еще одним важным компонентом в концептуализации страха зачастую является неприязнь. «Angst» в таком случае не просто пассивная боязнь или робость – это страх, вызывающий противодействие. Здесь репрезентантами концепта «страх» служат такие категории, как «Wut» («ярость»), «Gewalt» («насилие») и «Rassismus» («расизм»). И такая тенденция не может не вызывать опасений. В рассматриваемой статье даже ставится вопрос: а не является ли страх немцев перед беженцами показателем того, что они, немцы, – «verkappte Rassisten» («латентные расисты»)?

Однако ответ на этот вопрос отрицательный. Между страхом перед беженцами и расизмом нельзя ставить знак равенства. Немецкие массмедиа акцентируют внимание на том, что страх – вполне естественная реакция на приток беженцев. И этот акцент очень важен, ведь средства массовой информации принадлежат ключевая роль в формировании мнений и настроений населения. Здесь, безусловно, важна золотая середина. Нельзя ни замалчивать, ни нагнетать события. И пока концептуализация страха в текстах немецких массмедиа отвечает этому условию.

Теперь рассмотрим концептуализацию второго типа страха. Это страх беженцев, оказавшихся в чужой для них обстановке. Материалом служит статья из газеты «Die Zeit» под названием «Eine solche Existenzangst kennen die meisten von uns

nicht» («Такой экзистенциальный страх большинству из нас незнаком»)⁴. В интервью с директором берлинского Института эмпирических исследований проблем миграции и интеграции Вольфгангом Кашуба журналисты газеты «Die Zeit» обсуждают проблему страха беженцев.

Уже в самом начале разговора Кашуба отмечает, что каждый третий немец боится беженцев, тем самым подтверждая существование двух типов страха, которые были обозначены нами выше. Эксперт обращает внимание на то, что страхи местного населения базируются главным образом на чувствах и предрассудках. Жители Германии боятся беженцев даже несмотря на то, что могут не иметь отрицательного опыта общения с ними.

А вот страх, который испытывают беженцы, носит уже совершенно иной характер – экзистенциальный, поскольку основывается на их вполне реальных опасениях за свое существование. К сожалению, качественных, репрезентативных опросов беженцев по поводу их страхов нет. Эти люди зачастую не только не хотят, но и не могут рассказать всю правду о своем положении официальным инстанциям, ведь многие из них нелегалы.

Тем не менее на основании даже небольшого количества статей с реальными историями о беженцах, можно составить приблизительный список их страхов. Вот только малая их часть:

1. страх, который беженцы испытали во время бегства, психические травмы;
2. страх быть враждебно принятыми, в частности – боязнь расистов;
3. страх выдворения из страны, куда они бежали;
4. страх не иметь возможности общаться с семьей;
5. страх потерять имущество, работу и статус в обществе;
6. страх потерять собственную идентичность;
7. страх потерять культурную идентичность;
8. страх не иметь возможности прокормить себя;
9. страх перед немецкими женщинами, в частности – боязнь свободного общения мужчины и женщины, чего нет в мусульманских странах.

Все эти страхи можно разделить на 2 большие группы:

1. страхи, которые уже пережиты или переживаются беженцами в настоящий момент;
2. «Zukunftsängste» – страхи перед будущим; именно они являются самыми сильными, потому что в основе лежит уже упоминавшийся выше компонент неопределенности и пребывания в постоянной неизвестности.

При концептуализации страхов беженцев главным словом-репрезентантом является «Angst». Оно употребляется как в единственном, так и во множественном числе, как самостоятельно, так и в составе композит: «Ängste» («страхи»), «Existenzangst» («экзистенциальный страх»), «Zukunftsängste» («страхи перед будущим»).

При употреблении слова-репрезентанта «Angst» в единственном числе под ним понимается страх как общая категория, включающая в себя уже разные подвиды более конкретных страхов. Однако наиболее часто это слово употребляется в составе устойчивого выражения «Angst haben» или «Angst haben vor» («бояться», «испытывать страх»). В первом случае важен сам факт пребывания в состоянии страха, во втором – конкретизация, указание на его причину.

⁴ Sadigh P. Eine solche Existenzangst kennen die meisten von uns nicht // Die Zeit. 2017 (электронный ресурс).

Слово «Angst» употребляется также в следующих сочетаниях: «Angst empfinden» («чувствовать страх»), «viel Angst» («много страха»), «wie viel Angst» («как много страха»).

В качестве репрезентанта концепта «страх» выступает также глагол «sich fürchten» (vor jemandem / etwas) («бояться чего-либо»). Но встречается он гораздо реже, поскольку требует указания на объект / субъект страха, в то время как «Angst» обладает большей степенью абстракции.

Это два основных типа страха в рамках европейского миграционного кризиса, однако во второй рассматриваемой статье выделяется еще один тип. Он не получил такой концептуализации, как два вышеназванных типа, и представляет собой, скорее, исключение, о существовании которого весьма сложно догадаться. Речь идет о страхе мигрантов из-за вновь прибывающих беженцев. Этот страх заключается в том, что из-за новоприбывших мигранты могут быть сами причислены к числу чужаков. Во избежание этого ими вырабатывается некий «защитный механизм», особая стратегия поведения: мигранты дистанцируются от беженцев и даже стараются говорить и вести себя, как «типичные местные».

Подводя итог, необходимо заметить, что уже на этапе подбора статей для данного исследования стало очевидно, что страх жителей Германии перед беженцами актуализируется чаще, чем страх самих беженцев. Главная причина заключается в том, что немногие беженцы готовы открыто говорить о своих страхах. Однако, несмотря на это, проблема страха беженцев не отрицается и не замалчивается немецкими массмедиа. В статьях, посвященных страху местного населения, неоднократно подчеркивается, что он не должен выливаться в ожесточенное противостояние и ни в коем случае не должен принимать форму расизма.

Главное слово-репрезентант всех типов страха – «Angst». Благодаря своей семантике и особой роли в немецкой лингвокультуре именно это слово позволяет выразить страхи обеих сторон, вовлеченных в миграционный кризис. При концептуализации страха немцев и страха беженцев главнейшая роль отводится компоненту неопределенности. Основное отличие заключается в том, что страхи беженцев носят экзистенциальный характер и почти всегда объективно обоснованы. А страхи немцев обусловлены как объективными, так и необъективными причинами, причем последние значительно перевешивают первые.

ЛИТЕРАТУРА

Арбатова 2016 – *Арбатова Н.К.* Причины // ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 4–5.

Вежбицкая 1999 – *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Степанов 2004 – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 991 с.

Щербакова 2016 – *Щербакова И.В.* Реализация концепта «страх» («Angst») в немецком языке // Символ науки. 2016. № 3. С. 150–153.

Dowideit A. In Köln haben Flüchtlinge jetzt Angst vor Karneval // Die Welt. 2016. www.welt.de/151062802 (дата обращения: 20.01.2016).

Mayr G. Ressentiments gegenüber Flüchtlingen. Man muss die Angst ernst nehmen // *Der Spiegel*. 2015. www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/fluechtlinge-warum-manche-menschen-angst-vor-fluechtlingen-haben-a-1052560.html (дата обращения: 27.09.2016).

Sadigh P. Eine solche Existenzangst kennen die meisten von uns nicht // *Die Zeit*. 2017. www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-02/fluechtlinge-angst-trauma (дата обращения: 20.02.2017).

REFERENCES

Arbatova 2016 – Arbatova N.K. Reasons. In: *The EU in the Face of Migration Crisis. Positions of European Countries* / Eds.: N.K. Arbatova, A.M. Kokeev. Moscow. 2016, pp. 4–5.

Scherbakova 2016 – Scherbakova I.V. Realization of the Concept “Fear” (“Angst”) in the German Language. *Symvol Nauki*. 2016. No 3, pp. 150–153.

Stepanov 2004 – Stepanov Yu.S. (2004) Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow. Akademicheskyy Proekt Publ. 991 p.

Wierzbicka 1999 – Wierzbicka A. (1999) Semantic Universals and Description of Languages. Moscow. Yazyki Russkoy Kultury Publ. 780 p.

Dowideit A. In Köln haben Flüchtlinge jetzt Angst vor Karneval. *Die Welt*. 2016. www.welt.de/151062802 (date of use: 20.01.2016).

Mayr G. Ressentiments gegenüber Flüchtlingen. Man muss die Angst ernst nehmen. *Der Spiegel*. 2015. www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/fluechtlinge-warum-manche-menschen-angst-vor-fluechtlingen-haben-a-1052560.html (date of use: 27.09.2016).

Sadigh P. Eine solche Existenzangst kennen die meisten von uns nicht. *Die Zeit*. 2017. www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2017-02/fluechtlinge-angst-trauma (date of use: 20.02.2017).

Сведения об авторе:

Юлия Эдуардовна Чурилова,
бакалавр
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Julia E. Churilova,
Bachelor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
yulia.churilova@yandex.ru

С. Яровой (Москва, Россия)

«Тарас Бульба» Н.В. Гоголя: опыты экранизаций¹

Аннотация: Историческая повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» была экранизирована в семи странах мира – Германии, Франции, Великобритании, Италии, США, Чехословакии и, наконец, в России. В статье представлен обзор этих киноинтерпретаций. Преимущественное внимание уделено киноверсии режиссера В. Бортко.

Ключевые слова: Гоголь, историческая повесть «Тарас Бульба», экранизации, художественный текст

S. Yarovoy (Moscow, Russia)

N.V. Gogol's Taras Bulba: Movie-Interpretations

Abstract: Nikolai Gogol's historical novella Taras Bulba was screened in seven countries: Germany, France, Great Britain, Italy, the USA, Czechoslovakia and, lastly, Russia. This article discusses screen versions, giving priority to V. Bortko's interpretation.

Key words: Gogol, the historical novella "Taras Bulba", filming, literary text

Творчество Николая Васильевича Гоголя издавна привлекает внимание режиссеров разных стран. Существует множество экранизаций произведений писателя («Вий», «Ночь перед Рождеством», «Мертвые души», «Сорочинская ярмарка» и др.). Но, наверное, наибольшее внимание кинематографисты уделяли повести «Тарас Бульба». Попытки ее экранизации начались с 1909 г., когда Александр Дранков в собственном ателье в Санкт-Петербурге выпустил немой короткометражный фильм. В 1924 г. историю запорожского атамана воссоздали на экране кинематографисты Германии. В 1936 г. был создан французский фильм, снятый русским режиссером Александром Грановским; в 1938 – английский. Самая, пожалуй, известная зарубежная экранизация повести Гоголя появилась в 1962 г., ее создателем выступил американский режиссер Джей Ли Томпсон, а роль Тараса Бульбы исполнил Юл Бриннер. Через год, в 1963 г., создан итальянский фильм, в 1987 увидела свет чешская киноадаптация.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на XXIV международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (апрель 2017 года).

И, наконец, в 2007 г. российский режиссер Владимир Бортко приступил к съемкам фильма, премьера которого состоялась 2 апреля 2009 г. и была приурочена к 200-летию со дня рождения великого писателя.

Чем же объясняется столь пристальный интерес создателей фильмов к данной повести? Не будем забывать, что Гоголь, среди прочего, – талантливый драматург. Поэтому многие его эпические произведения несут на себе печать драматургического мастерства. Слово в драме предстает как действие; следовательно, в драме действительность изображена непосредственно через высказывания и действия самих персонажей. Так что, несомненно, многие эпизоды своих произведений Гоголь видел именно как театральные сцены. Можем предположить, что он окидывал их мысленным взором драматурга и режиссера. Естественно, писатель не подозревал о грядущем возникновении киноискусства с его колоссальными возможностями. Но, так или иначе, великий мастер живописал: строил художественное изображение по законам прежде всего зрительного восприятия: мы видим образы, как будто смотрим фильм. Смена изобразительных интонаций четко подмечена Ю. Барабашом, который рассматривает особенности гоголевского письма, в частности, на примере повести «Страшная месть»: «Ракурсы и точки зрения на происходящее пребывают в постоянной динамике. Вот описание свадьбы сына есаула Горобца, оно дано “со стороны”, в объективно-изобразительной манере, в стилизованно-бытовой интонации; далее – романтическая картина колдовской лунной ночи, тут точка зрения меняется, тихий Днепр, отраженные в нем берега, жуткие кладбищенские призраки – все это увидено глазами не рассказчика, а плывущих по реке казаков; позднее и сам автор не удерживается от лирического монолога о “чудном Днепре при тихой погоде”, хотя при этом панорама реки, “без меры в ширину, без конца в длину”, предстает словно с высоты полета той самой “редкой птицы”, которая едва долетает до середины Днепра; в оценках отца Катерины <...> автор вновь словно отступает в сторону, воспроизводя не свои, а пана Данилы впечатления»².

Гоголевская проза очень колоритна. Автор, предвосхищая манеру импрессионистов, уделяет значительное внимание описаниям красок природы, быту, штрихам, многозначным деталям. Его произведения чрезвычайно динамичны, они отличаются быстрой сменой декораций, если можно так выразиться, множеством прекрасных пейзажей и портретов.

Приведем некоторые примеры. В начале повести «Тарас Бульба», после встречи сыновей-бурсаков, отец садится с ними за стол. И уже здесь Гоголь обращается к визуальному, «кинематографическому» письму. Сначала дается описание «двух красивых девок-прислужниц», их краткая характеристика, затем перед нашим взором предстает вся комната. Автор изображает светлицу панорамно, передавая при этом не только убранство комнаты, но и характер хозяев. Визуальность гоголевского письма подчеркивают и ставшие хрестоматийными описания Днепра в тихую погоду или украинской степи. Малороссийская природа, яркая и бесцветная, бурная и тихая, помогает читателю постичь психологическое состояние героев повести. Когда Остап и Андрий едут с отцом на Сечь, простившись с опечаленной матерью, Гоголь, вместо описания тяжелого и противоречивого настроения братьев, ограничивается одной фразой, почти кинематографической перебивкой:

² Барабаш Ю. Сладкий ужас мщенья, или Зло во имя добра? (Мечь как религиозно-мистическая проблема у Гоголя и Шевченко) // Вопросы литературы. М., 2001. № 3. С. 67.

«День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад»³. И в ней раскрывается все душевное состояние персонажей. Человек расстроен, и оттого окружающий мир кажется ему лишенным гармонии и единства.

Эти поистине «экранные» черты не могут не заинтересовать человека, имеющего отношение к кинематографу. И в 1909 г. Александр Дранков предпринял первую попытку экранизации, которая была, скорее, иллюстративным изложением сюжета повести в виде разыгранных сцен. Театральность жестыкуляций, механическое воспроизведение действий персонажей – налицо характерные черты «архаического» периода киноискусства. Короткометражные фильмы строились тогда из десяти-пятнадцати безмонтажных сцен, связанных между собой предваряющими действие заглавными надписями. Точность отбора сцен в экранизации 1909 г. помогает добиться концентрированности содержания экранной версии повести. Первая сцена встречи Тараса с сыновьями названия не имеет: сыновья, по русскому обычаю, кланяются отцу в ноги, после чего Тарас с Остапом «тузят» друг друга, и лишь потом – «челомкаются». Далее следует застолье по случаю приезда сыновей. Казаки решают ехать на Сечь. Присели на дорожку, Андрий и Остап получили благословение матери и вышли из хаты. Следом идет сцена под названием «Осада города Дубно», где из всего описания осады использован лишь эпизод, в котором казаки перепились мертвецки и легли спать. Вот уже сцена «Панночка присылает татарку» к стоящему в дозоре печальному, заламывающему руки Андрию. Близко к тексту повести показан эпизод, когда Андрий выдергивает из-под головы старого Бульбы мешок с хлебом и проснувшийся Тарас укоряет его: «Андрий? <...> С тобою баба! <...> Не доведут тебя бабы до добра!» (II, 346).

В «Замке Дубенскаго воеводы» панночка мечется по комнате, к ней входит старый отец, и лишь потом следует «Встреча Андрия с панночкой», когда он, видимо, произносит страшные слова отречения от отца, товарищей, Отчизны. Сцена встречи Тараса и Андрия, несмотря на незамысловатость ее постановки, передает всю трагедию сыноубийцы: выстрелил Тарас в Андрия и тяжело склонил голову. Сразу после этого – короткая сцена гибели Тараса.

В 1936 г. во Франции русским режиссером Алексеем Грановским был снят фильм в котором переиначен сюжет повести Гоголя: казацкий атаман Тарас Бульба встречает сыновей Андрия и Остапа, вернувшихся из киевской бурсы. Остап даже не научился там читать, чем он немало гордится, тогда как Андрий добился блестящих успехов в учебе. Андрий любит Марину, дочь польского воеводы (в фильме он назван «князем»), на которого казаки под надуманным предлогом идут войной. Но предлог не имеет значения, поскольку главное – сражаться, поскольку «жизнь не весела, если вокруг одни только друзья»⁴. Ради любви к своей прекрасной даме, запертой в осажденной казаками крепости, Андрий переходит на сторону врага. В разгар битвы Тарас сталкивается с ним лицом к лицу. Он приказывает ему спешиться, говорит: «Помолись», – и хладнокровно убивает. Остап взят в плен, его готовят повесить. Отец и еще несколько казаков, спрятавшись в повозках с сеном, врываются в крепость и освобождают его. Воеводе на подмогу

³ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Т. 2: Миргород. М., 2009. С. 312. Произведения Гоголя цитируются по этому изданию. В дальнейшем ссылки на него даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

⁴ Цит. по: Dudley A. Mists of Regret: Culture and Sensibility in Classic French Film. Princeton, 1995. P. 53.

из Варшавы приходит подкрепление. Смертельно раненный Тарас передает командование сыну и бесстрашно встречает смерть.

Мало того, что создатели фильма переиначили один из ключевых моментов произведения – причины похода запорожцев на Польшу, так изменен и финал повести, не говоря уже о спасении Остапа из плена. После просмотра подобных фильмов поневоле задумываешься: как русскую классику понимают на Западе. Ведь любовный мотив играет главную роль и в американском фильме 1962 г., где Андрий, роль которого исполняет актер Тони Кёртис, – старший сын, посланный отцом с разведывательной миссией в Польшу и там влюбившийся в прекрасную польку, а тема патриотизма и любви к Родине отходит на второй план, что вовсе не соответствует замыслу Гоголя.

Стоит сказать и об английском фильме 1938 г. (режиссер – Альберт де Курвиль), под названием «The Rebel Son» (буквальный перевод – «Взбунтовавшийся сын» или «Сын-мятежник»), снятом также по мотивам повести. Само название показывает, что в центре изображения лежит драма даже не польки и Андрия, а именно – самого Андрия, который пошел с мечом против Родины и веры, за что впоследствии и расплачивается.

«Тарас Бульба, казак» – такое название, если переводить дословно, носит итальянский фильм 1963 г., снятый режиссером Фердинандо Бальди. В своей работе он попытался показать Бульбу не только суровым казаком, защитником родной земли, но и человеком, способным тонко чувствовать, переживать. Тарас всё время в размышлениях, постоянно обдумывает и анализирует тот или иной свой поступок. И с этим создатели фильма, вероятно, зашли слишком далеко, чересчур уж они сосредоточились на «сердечности» Тараса, вот он и вышел задумчивым философом, но отнюдь не воином, способным принести пользу Отчизне.

И вот, с интервалом в сто лет, на экраны выходит отечественная экранизация повести. Так почему же российские режиссеры (в частности, Владимир Бортко) задумались о создании фильма лишь после векового перерыва? Чего они так опасались, видя, впрочем, многочисленные попытки экранизаций? Они, кажется, боялись повторов и буквализма – простых «картинок» по сюжету повести. Наверное, Бортко пытался глубже понять, точнее уловить сокровенный смысл повести.

Одним из главных вопросов, занимавших Гоголя во время работы над «Тарасом Бульбой», – позволительно ли православному христианину убивать людей на поле брани, защищать святыни веры силой оружия? Этот вопрос имеет очень давнюю историю, на него искали ответ богословы, историки, философы (вспомним работу Ивана Ильина «О сопротивлении злу силою»). Ведь главное оружие христианина – молитва, а не меч. Однако Православная Церковь знает примеры канонизации святых воинов: равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга, князь Александр Невский и Димитрий Донской, адмирал Фёдор Ушаков.

Гоголь отмечает в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки меч, противный христианину...» (VI, 90). А среди выписок Гоголя из творений святых отцов встречаем слова святителя Афанасия Александрийского: «...не позволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно» (IX, 18). Оружие можно взять в руки только для защиты, для отстаивания православной веры и родной земли – к такому выводу приходит Гоголь. Именно в этом заключается подвиг запорожцев: они отдают «душу свою за други своя», сражаются за веру и Родину, за Отечество. В этом святость их подвига, хотя они далеко не идеальные

герои. И Тарас Бульба – это не лучший представитель, а типичный выразитель духа запорожского казачества. Затронута эта проблема и в фильме. Например, в киноленте присутствует сцена казни казака, убившего своего соратника «по пьяному делу»: его кладут под гроб с убитым товарищем и живьем засыпают землей.

Похоже, режиссеру В. Бортко удалось передать важный для Гоголя смысл повести: мы все, люди и народы, должны не разделяться, а, наоборот, объединяться перед лицом общего врага – Зла. Зло в самом человеке. Никакие внешние обстоятельства не могут подвигнуть человека изменить самому себе. Стоит остановиться на нравственно-религиозном смысле поставленных Гоголем вопросов. Гоголь (как последовательный православный христианин) долгое время посвятил изучению святоотеческой литературы, исследующей глубинные механизмы человеческой натуры, природу добра и зла в человеке, их проявления в мире. Напомним, что, по учению святых отцов Восточной Церкви, в мире действует три силы: божественная – абсолютно благая и спасительная, демоническая – абсолютно губительная и человеческая, которая сама по себе является нейтральной. Таким образом, человеческий фактор становится значимым, только соединившись с какой-то из этих двух сил. Человеческая натура, учат святые отцы, изменчива в результате первородного греха, душа неустойчива в добре, ее надо «тренировать» для добродетели. Поддавшись страстям, человек творит зло. В свете этого учения понятен механизм глубокого психологического совершенства гоголевских персонажей: они не идеальны, их было бы неправильно делить на положительных и отрицательных. Человек у Гоголя таков, каков он есть в жизни. В одну минуту – святой, в другую – грешный. Поэтому Гоголь как автор, как «отец» литературных персонажей любит своих героев, даже, думается, ощущает боль за их падения или проступки, восхищается их высокими деяниями.

Фильм Владимира Бортко начинается с черно-белых кадров, мы слышим знаменитый «Монолог о товариществе» в исполнении главного героя фильма, провозглашаемый под стенами крепости Дубно. Именно такое начало определяет лейтмотив фильма: служение Отечеству и защита Родины, забота о казацком братстве. На наш взгляд, существует несколько причин, которые обуславливают выбор режиссером именно этого мотива: разобщенность современного общества, крах идеалов, отсутствие веры, сочувствия, доброты – не остается «ничего святого». Эта тема сейчас очень актуальна, и, как человек славянского менталитета, В. Бортко не мог не затронуть ее в своем произведении.

Конечно, как режиссер, он делал некоторые отступления от основного сюжета повести, но это не навредило фильму. Например, развита предыстория похода запорожцев на Польшу, когда приплывшие на пароме казаки рассказали, что хутор Тараса разорен, а жена убита. И эта черта вносит в фильм оттенок личной мести, дает возможность полностью раствориться в казацком братстве, поскольку обратного пути уже нет.

Сцена крещения Бульбой сына Андрия в Днепре тоже придумана творцами фильма. Андрий рождается в степи, «на возу», и Тарас тут же несет его крестить в воды Днепра. Это обстоятельство красноречиво свидетельствует об опасностях и трудностях походной жизни, когда можно неделями ехать по степи, не встретив ни одного человека. А казаки в таких походах проводили большую часть своей жизни.

В фильме углублена тема отношений Андрия и полячки. Видимо, таким способом режиссер хотел подчеркнуть неоднозначность и противоречивость образа младшего сына Тараса Бульбы. Молодой казак все время над чем-то задумывает-

ся, пытается уловить, понять смысл земной жизни. Возможно, он как бы опережал эпоху, в которой жил. И если Тарас Бульба и Остап видели свое призвание в защите родной земли, веря в это безоговорочно, то Андрий не мог так сразу ответить, в чем же заключается его жизненная миссия. В этом плане показателен диалог братьев в Запорожской Сечи сразу же после закапывания живьем казака, который для развлечения убил своего товарища. Когда Остап жалеет казненного запорожца, Андрий спрашивает, жалел бы он его и в том случае, если б на месте казака был обычный человек или лях. Режиссер обозначает два разных подхода братьев к личности, праву, родине. Остап разделяет человечество на своих и чужих, т. е. на казаков и всех остальных. Интересует его только казачья земля и законы этой земли. О римском праве, с которым он познакомился вместе с братом в бурсе, Остап говорит как о чуждом ему и русской земле. Андрий же, проникнутый духом гуманизма, склоняется к размышлениям о мире без деления на племена или нации. Всего несколько фраз, которых нет в повести, – и на экране уже обрисованы два совершенно разных характера. Если Остап смотрит на мир с позиции, типичной для своего времени, то Андрий шел против законов той эпохи, в которой жил.

Недаром Гоголь сравнивает его с «молодым борзым псом» (II, 388), который, не задумываясь, бросается на добычу. Он получал наслаждение в битве, и ему все равно было с кем сражаться: с ляхами, с турками – или же со своими соотечественниками. Дух честолюбия, авантюризма, бесшабашной романтики в нем подчеркнут и создателями фильма. Предательство веры было самым тяжелым преступлением, прежде всего, против собственной совести. Но, по мнению и Гоголя, и Бортко, Андрия нужно пожалеть, это его юношеская трагедия. Разве он отпетый злодей? Однако молодой казак готов отдать все ради польской красавицы, которую любит без памяти, лишь бы добиться ее расположения.

Андрий погиб, но что же случилось с полячкой, которой в экранизации дано имя Эльжбета? По версии фильма она рождает сына от Андрия, но при родах умирает. Кем вырастет этот ребенок, если в первые минуты жизни его дед хочет зарубить младенца, но в последнее мгновение что-то отводит руку сурового воеводы? Сможет ли дитя найти свое место в жизни или пойдет по стопам отца, ведь для поляков он сын ненавистного им казака, а для запорожцев – сын предателя?

Как повесть, так и фильм базируется на правилах классической трагедии: главные герои погибают, старый Бульба теряет все, что было ему дорого: его хутор уничтожен, жена убита, Остап, храбрый воин, взят в плен, Андрий, у которого тоже «рука была крепка в бою» (II, 389), поворачивает меч против своих; осада крепости Дубно заканчивается неудачей. Самого Бульбу, раненого, привозит на Сечь его верный товарищ, казак Товкач. Немного окрепнув, Тарас решает любой ценой отыскать своего второго сына, Остапа, которого в бою под стенами Дубно захватили в плен.

Интересны монтажные приемы фильма. Это не только быстрая и неожиданная смена сцен, но и накладывание их друг на друга: в сцене похода на Польшу (уже с целью личной мести), Тарас на коне как бы «летит» по небу. Включаются и эпизоды воспоминаний. Они тоже выполнены, как и знаменитый бульбинский монолог, в черно-белых тонах.

Заканчивается фильм не только утверждением православной веры и победы Русского царя. Уже когда проплывают титры, звучит задушевная песня «Разлученные сердца» в исполнении польской актрисы М. Мельцаж, исполнительницы

роли прекрасной польки. Главный смысл песни в переводе можно выразить так: «За прекрасные твои глаза я отдала свое сердце. Наши сердца разлучены, наша любовь запретна». Лирическим гимном любви заканчивается этот киношедевр, который в целом можно назвать фильмом-битвой. Проходят исторические эпохи, забываются раны и обиды. Остаются высокие чувства в человеке, продолжается жизнь.

Гоголя можно назвать поэтом истории. Даты и числа для него играют второстепенную роль. Ведь речь идет не об изучении фактов: они в поэтическом восприятии истории не главное. Главное – раскрытие деяний Духа в истории народа. В своих бессмертных образах он передал все то истинно человеческое, что присуще нашему народу. Показал он это всесторонне, многогранно.

А многочисленные киноинтерпретации смогли открыть новые стороны в художественном произведении, обеспечить словесному образу вторую жизнь – вне литературного текста. Прозаическое произведение обладает непереводаемыми на язык кинематографа особенностями, что определяет его особую специфику. Однако режиссерам (в частности, В. Бортко) удалось восполнить этот недостаток за счет включения в фильм эпизодов, которых не было в тексте, но которые лучше передают основную идею средствами кинематографа.

Художественный текст предоставляет автору экранизации широкие возможности для передачи аудиовизуальной образности, организации монтажного и динамичного повествования, свободного изображения движения времени и пространства, создания «иллюзии сиюминутности». Интерес режиссеров как зарубежного, так и отечественного кино к повести Николая Васильевича Гоголя «Тарас Бульба» связан, прежде всего, с ее особой проблематикой, вечными вопросами, поднятыми в произведении.

Творчество Гоголя и, в частности, его историческая повесть «Тарас Бульба» несут необходимый оздоровительный заряд, ведь не секрет, что современный человек, говоря гоголевскими словами, «совершенно измелечал». Глобальная пропаганда наживы, так называемого «успеха», который опять же включает банальное преследование целей обогащения и унылого мещанского комфорта, очень обеднила души людей. Кто видит перед собой цель – возвышенную, истинную, на которую действительно не жаль потратить неповторимую земную жизнь? Единицы. Без лишних слов, нам всем необходимо духовное исцеление, без которого люди не будут людьми, а народы – народами.

Очень хорошо, что существуют качественные экранизации гениальных произведений Гоголя (речь сейчас не только о повести «Тарас Бульба»), поскольку не всякий сегодня сядет за книгу. Хорошо это или плохо, но такова данность: видеообраз, экран ближе современному человеку. И слава Богу, что удачная, высокохудожественная и одновременно зрелищная работа Владимира Бортко по мотивам повести «Тарас Бульба» Николая Васильевича Гоголя сегодня напоминает нам о великом, истинном, возвышенном. Такие произведения становятся «кирпичиками» в вечном здании человеческой духовности.

ЛИТЕРАТУРА

Барабаш Ю. Сладкий ужас мщенья, или Зло во имя добра? (Месть как религиозно-мистическая проблема у Гоголя и Шевченко) // Вопросы литературы. М., 2001. № 3. С. 31–65.

Воропаев В.А. Гражданин земли Русской // Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Повесть / Вступ. ст. В.А. Воропаева; коммент. И.А. Виноградова. М., 2013. С. 5–12.

Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр., доп. М., 2014. 336 с.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М., 2009–2010.

Гоголь Н.В. Тарас Бульба: Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Изд. подгот. И.А. Виноградов. М., 2009. 696 с

Dudley A. Mists of Regret: Culture and Sensibility in Classic French Film. Princeton, 1995. 384 p.

Мартьянова И.А. Киновек русского текста. Парадокс литературной кинематографичности. СПб., 2002. 240 с.

Набоков В.В. Гоголь // Звезда. СПб., 1999. № 4. С. 14–19.

Овсянникова Т.Б. «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя на русском, американском и французском экране // Французская литературная классика на отечественном экране и русская на французском: Материалы научной конференции 9–10 декабря 2010 г. / Сост.: В.И. Мильдон. М., 2012. С. 161–172.

REFERENCES

Barabash U. Sweet Horror of Revenge, or the Evil in the Name of Good? (The Revenge as a Religious-Mystical Problem in Gogol and Shevchenko). *Voprosy Literatry*. Moscow. 2001. No 3, pp. 31–65.

Voropaev V.A. Citizen of the Land of Russia. In: Gogol N.V. Taras Bulba: Novel / Introductory article by V.A. Voropaev; comment. by I.A. Vinogradov. Moscow. 2013, pp. 5–12.

Voropaev, V.A. (2014) Nikolai Gogol: Experience Spiritual Biography. 2nd ed., rev., ext. Moscow. 336 p.

Gogol N.V. The Complete Works and Letters: In 17 vols. / Comp., ed. and comment. by I.A. Vinogradov and V.A. Voropaev. Moscow. 2009–2010.

Gogol N.V. Taras Bulba: Autographs, Lifetime Editions. Historical and Literary and Textual Comment / Ed. by I.A. Vinogradov. Moscow. 2009. 696 p.

Dudley A. (1995) Mists of Regret: Culture and Sensibility in Classic French Film. Princeton. 384 p.

Mart'yanova I.A. (2001) The Cinema-Age of the Russian Text. The Paradox of Literary Cinematography. St.-Petersburg. 240 p.

Nabokov V.V. Gogol. *Zvezda*. St.-Petersburg. 1999. No 4, pp.14–19

Ovsyannikova T.B. “Taras Bulba” by N.V. Gogol in the Russian, American and French Screen. In: French Literary Classics in the National Screen and Russian in French: Proceedings of the Scientific Conference, 9–10 December 2010 / Comp.: V.I. Mil'don. Moscow. 2012, pp. 161–172.

Сведения об авторе:

Сергей Александрович Яровой,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey A. Yarovoy,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ser_yarovoy@mail.ru

Программы

Programs

**Программа учебной дисциплины
«Учение о языке в древней Индии»
для направления «Филология»
уровня подготовки высшего профессионального образования магистратуры
с присвоением квалификации (степени) «магистр»**

**The Course Programme
“The Language Doctrine in Ancient India”
(Master’s degree in Philology, level of higher professional education)**

1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Учение о языке в древней Индии» являются: ознакомление студентов с основными категориями древнеиндийской культуры: мифом, эпосом, религиозным ритуалом, древнеиндийской наукой о языке.

изучение основных принципов описания языка в древнеиндийских грамматиках;

освоение лексикографической традиции древней Индии и принципов лексикологического описания;

изучение методов лингвистических исследований в древнеиндийской лингвистической традиции;

ознакомление студентов с особенностями влияния индийской лингвистической традиции на европейскую науку о языке.

2. Место дисциплины в структуре ООП

ВАРИАТИВНАЯ ЧАСТЬ ООП. ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ БЛОК

Курс «Учение о языке в древней Индии», рассчитанный на один семестр, является курсом по выбору при подготовке магистров-языковедов.

Курс представляет собой последовательное изложение принципов понимания устройства и функционирования языка в древней Индии.

Изучение истории языкознания, представленной разными лингвистическими школами, – важное условие подготовки филологов с широким лингвистическим кругозором. Курс не только знакомит студентов с принципами построения древнеиндийских грамматик и словарей, но и предлагает учащимся проследить влияние древнеиндийской лингвистической науки на европейскую лингвистику. Студентам предлагается проанализировать те идеи и методы анализа языкового материала, которые были заимствованы европейцами и оказали огромное влияние на развитие европейской науки о языке. По окончании курса студент должен знать основные гипотезы об устройстве и функционировании языка, сформулированные древнеиндийскими учеными; понимать особенности методов лингвистического анализа, представленных в древнеиндийских лингвистических сочинениях; осознавать глубину влияния индийской лингвистической традиции на европейскую науку.

Дисциплина занимает важное место в программе подготовки лингвиста, так как является уникальным теоретическим лингвистическим курсом в системе подготовки специалиста в области языкознания.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

ОБЩЕНАУЧНЫЕ

способность анализировать и оценивать философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач (М-ОНК-1);

способность самостоятельно формулировать научные проблемы на основе адекватного анализа научной традиции и современных тенденций (М-ОНК-2);

способность к самостоятельному пополнению, критическому анализу и применению теоретических и практических знаний в сфере гуманитарных наук для собственных научных исследований и практической деятельности (М-ОНК-3).

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ

владение нормами русского литературного языка и функциональными стилями речи; способность демонстрировать в речевом общении личную и профессиональную культуру, духовно-нравственные убеждения; умение ставить и решать коммуникативные задачи во всех сферах общения, управлять процессами информационного обмена в различных коммуникативных средах (М-ИК-2);

владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации; умение анализировать и совершенствовать методы, способы и средства работы с информацией в соответствии с поставленными задачами (М-ИК-3);

владение навыками использования программных средств, умение работать в компьютерных сетях, в том числе Интернет, способность самостоятельно определять и осваивать необходимое для профессиональной деятельности аппаратное и программное обеспечение (М-ИК-4).

СИСТЕМНЫЕ

способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (М-СК-1);

способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (М-СК-2);

способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (М-СК-3)

ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ

знание актуальных проблем, традиционных и современных методов филологической науки, понимание структуры и перспектив развития филологии как области знаний, междисциплинарных связей филологии (М-ПК-1);

владение категориально-терминологическим аппаратом современной филологии; знание важнейших филологических отечественных и зарубежных научных школ (М-ПК-2);

владение навыками самостоятельного филологического исследования и аргументированного представления его результатов (М-ПК-3);

владение навыками квалифицированного анализа, комментирования, реферирования и обобщения результатов научных исследований с использованием современных методик и методологий, передового отечественного и зарубежного опыта (М-ПК-4);

способность с филологической и общегуманитарной точки зрения осмысливать, описывать и анализировать разнообразные феномены языка, литературы, культуры, сознания, общественной жизни (тексты, произведения, ситуации, процессы и т. п.) (М-ПК-6).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

ЗНАТЬ

понятийный аппарат древнеиндийской и европейской лингвистики;
 принципы построения древнеиндийских лингвистических трактатов;
 подходы к исследованию языка, представленные в древнеиндийских грамматиках;
 принципы построения древнеиндийских словарей;
 основные лингвистические понятия, заимствованные европейскими лингвистами у древнеиндийских грамматистов, и их интерпретацию в контексте европейской науки о языке.

УМЕТЬ

анализировать и сопоставлять европейские и индийские методы исследования языка;
 понимать и использовать методику описания языка, представленную в индийских грамматиках;
 использовать приобретенные знания в процессе самостоятельного научного исследования при написании итоговых квалификационных работ по индийской лингвистической традиции и по сравнительно-историческому и сопоставительному языкознанию.

ВЛАДЕТЬ

навыками самостоятельного чтения современной лингвистической литературы по теории и истории языкознания;
 общелингвистической терминологией, которая используется в древнеиндийских грамматиках и в современных работах по языкознанию.

4. Структура и содержание дисциплины

4.1. СТРУКТУРА ДИСЦИПЛИНЫ

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы (72 часа).

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр		Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.), и трудоемкость (в часах)	Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра). Форма промежуточной аттестации (по семестрам)		
		Неделя семестра			лекции	с.р.с.	семинары / практические занятия
1.	Знакомство европейцев с культурой и языком древней Индии	1	1	2			

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра). Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
2.	Английская, немецкая и французская индологические школы. Изучение санскрита и индийской литературы в России	1	2	2	2		
3.	Ведийская литература. Ригведа как сакральный текст. Принципы построения ритуального текста	1	3	2	2		
4.	Индийская мифология. Пантеон индийских богов. Принципы номинации богов в тексте Ригведы	1	4	2	2		
5.	Лексикография в древней Индии. Принцип построения глоссария Нигханту	1	5	2	2	2	
6.	Развитие лексикографии в древней Индии. Словарь-тезаурус Амаракоша	1	6	2	2	2	
7.	Нирукта Яски как первый опыт семантической этимологии в древнеиндийской лингвистике	1	7	2	2		
8.	Метаязык грамматики Панини, Шива-сутры как морфонологические классы звуков	1	8	2	2	2	
9.	Типы морфем и принцип синтеза словоформы	1	9	2	2		
10.	Теория карака в грамматике Панини	1	10	2			
11.	Комментаторская традиция в древней и средневековой Индии	1	11	2	2		
12.	Устный характер бытования текстов в древней Индии	1	12	2	2		

№ п/п	Раздел дисциплины	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)			Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра). Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
13.	Роль санскрита и индийской традиции для становления компаративистики и типологии в XIX в.	1	13	2	2	2	
14.	Значение индийской лингвистической традиции для развития структурализма в лингвистике	1	14	2	2	2	
15.	«Санскритские очки» мировой лингвистики XIX–XX вв.	1	15	2	2	2	–
		1		4			Зачет
	Итого			34	26	12	

4.2. СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ТЕМА 1. ЗНАКОМСТВО ЕВРОПЕЙЦЕВ С КУЛЬТУРОЙ И ЛИТЕРАТУРОЙ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ.

Становление английской индологической школы

Деятельность Чарльза Уилкинса (1749–1836) – первого европейца, изучившего санскрит: переводы «Бхагавадгиты» (1785) и сборника басен «Хитопадеша» (1787) на английский язык, издание первой грамматики санскрита.

Уильям Джонс (1746–1794) как организатор первого индологического научного общества – «Азиатского общества Бенгалии». Перевод Джонсом «Шакунталы» Калидасы (1789) и «Законов Ману» (1794).

Деятельность Дж. Кольбука в области исследования ведийских текстов, и публикации индийских лингвистических трактатов. Санскритская грамматика Кольбука (1805) впервые построена с использованием достижений древнеиндийской науки о языке.

Индологические школы Германии и Франции

«О языке и мудрости индусов» (1808) Фридриха Шлегеля как призыв обратиться к культуре древней Индии – колыбели европейской цивилизации. Перевод Ф. Шлегелем фрагментов «Махабхараты», «Рамаяны» и «Законов Ману» на немецкий язык. Индологическая деятельность Августа Шлегеля (1767–1845).

Деятельность Франца Боппа (1791–1867) по переводу и публикации памятников санскритской эпической литературы (в том числе «Сказания о Нале»). Становление сравнительно-исторического метода в работах Ф. Боппа: формулирование гипотезы агглютинации как процесса синтеза словоформы путем присоединения морфем разного типа (корневых и аффиксальных). Значение древнеиндийского понятия о

корне как краеугольном камне синтеза словоформы для формирования типологии и сравнительно-исторического языкознания в трудах немецких ученых.

Т. Бенфей (1809–1881) как основоположник «миграционной теории» (теории заимствований) индоевропейской фольклористики. Публикация и комментарий «Панчатантры» (1859) – попытка возведения европейских фольклорных сюжетов к различным басням индийского сборника.

А. Кун как создатель лингвистической палеонтологии. Представление об Индии как прародине индоевропейцев.

А.Г. Анкетиль-Дюперрон и перевод текста «Упанишады» на латинский язык (1801–1802). Знакомство европейцев с некоторыми положениями древнеиндийской философии.

Изучение ведийского языка и литературы древней Индии в трудах Эжена Бюрнуфа (1801–1852). Описание особенностей языка и стиля Ригведы – древнейшего памятника ведийской литературы в трудах Рудольфа Рота (1821–1895).

Индология в России

Деятельность Азиатского музея при императорской Академии наук. Создание Большого Петербургского словаря санскрита немецкими учеными О. Бетлингком и Р. Ротом в 1852–1875 гг.

Путешествие Герасима Лебедева в Индию. Научная и просветительская деятельность Лебедева в России.

Научная и педагогическая деятельность П.Я. Петрова в Московском университете.

ТЕМА 2. КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Корпус ведийской литературы: самхиты, брахманы, араньяки и упанишады. Структура и функциональное назначение ведийских текстов. Ритуал как принцип организации сакрального пространства, создания и правильного функционирования вселенной. Ритуальный характер ведийских текстов, определяющий особенности их организации и функционирования.

Индийская мифология как основа содержания Ригведы. Особенности организации пантеона индийских богов. Характеристика и функции богов и мифологических персонажей в Ригведе. Принципы номинации богов в Ведах и персонажей эпических текстов. Атрибуты и эпитеты богов в ведийских текстах.

Система ценностей в картине мира древнего индуса.

Анализ языка и стиля Ригведы как источник формирования глубокой и своеобразной лингвистической традиции в древней Индии. Рефлексия над ведийскими гимнами как исток своеобразной лингвистической традиции. «Тайный язык» Ригведы: анализ звуковых аллитераций, игра оттенками значений слов, «грамматика падежей» и т. п. как особые средства языковой выразительности в текстах Ригведы.

Значение развития мнемонических техник, обеспечивающих устную трансляцию текста Ригведы, для становления древнеиндийской лингвистической традиции.

ТЕМА 3. ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

«Нигханту» как список ключевых слов к гимнам Ригведы. Принципы структурной организации лексем в «Нигханту»: семантическая специализация различных глав «Нигханту». Древнейший глоссарий «Нигханту» как инструмент семантического анализа гимнов Ригведы.

«Нирукта» Яски и первые этимологические опыты в рамках древнеиндийской лингвистической традиции. Принцип семантического этимологизирования в трактате Яски.

Развитие индийской лексикографической традиции. Словарь синонимов «Амаракоша» как отражение древнеиндийской языковой картины мира. Структура тезауруса: композиция словаря «Амаракоша», принцип построения разделов словаря как попытка вербального отражения различных фрагментов физического и понятийного мира. Списки имен богов индийского пантеона в словаре синонимов «Амаракоша», названия флоры и фауны древней Индии, названия погодных явлений и небесных светил, отражение кастового устройства индийского общества в словаре «Амаракоша».

ТЕМА 4. ГРАММАТИКА ПАНИНИ КАК ВЕРШИНА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Корпус грамматики Панини, тексты, сопутствующие сутрам грамматики: Шива-сутры, Дхату-патха и Гана-патха.

Метаязык грамматики Панини: система терминов в тексте грамматики, типы и последовательность сутр в тексте «Аштадхьяи», композиция грамматики.

Фонетика и фонология в грамматике Панини. Значение артикуляционной и акустической классификации звуков санскрита для построения традиционного алфавита деванагари.

Морфонологические чередования звуков в грамматике Панини. Морфонологические классы звуков Шива-сутры как ключ к тексту грамматики и важная составляющая метаязыка «Аштадхьяи». Техника пратьяхар и система мнемотехники в древней Индии.

Классификация аффиксальных морфем и принцип синтеза словоформы в древнеиндийских лингвистических трактатах. Глагольная и именная словоформы в грамматике.

Грамматические категории санскрита и их представление в грамматике.

Типы композитов в санскрите и их описание в грамматике Панини.

Учение о караках в грамматике Панини.

Комментаторская литература к грамматике Панини в древней и средневековой Индии.

ТЕМА 5. «САНСКРИТСКИЕ ОЧКИ» ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Значение индийской лингвистической традиции для европейской науки о языке.

Понятие о морфеме как основе лингвистического описания в трудах индийских грамматистов. Роль корневых и аффиксальных морфем в процессе синтеза словоформ.

Списки корней – дхатупатха как необходимое приложение к индийским грамматикам. Значение понятия «корня» для европейского языкознания. Представление о корне как элементарной формальной и семантической единице, участвующей в процессе синтеза словоформы.

Теория агглютинации Франца Боппа и учение о «внутренней флексии» Фридриха Шлегеля как развитие представления о синтезе словоформы из разного типа морфем, заимствованного из древнейших индийских грамматик.

Значение достижений индийской грамматической мысли для становления сравнительно-исторического языкознания. Учение об аблауте и ступени чередования

гласных в санскрите. Роль санскрита в разработке методики реконструкции индоевропейского праязыка. Представление о чередовании гласных в корне индоевропейского слова, разработанное древнеиндийскими грамматистами на материале санскрита в «Компендиуме сравнительной грамматики индогерманских языков» Августа Шлейхера.

Лексика и грамматические структуры санскрита как пример воплощения национального мировоззрения в языковых формах в работах Вильгельма фон Гумбольдта. Место санскрита в первых типологических (стадиальных) классификациях языков мира.

Понятие внутренней формы слова в учении А.А. Потебни, разработанное на материале санскрита и других древних индоевропейских языков.

Представление об Индии как колыбели человеческой цивилизации в работах ученых XIX в.

ТЕМА 6. ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И МИРОВАЯ ЛИНГВИСТИКА XX ВЕКА

Попытка интерпретации древнеиндийской грамматики Панини в рамках американского и европейского структурализма.

Полнота и цельность описания санскрита в грамматике Панини. Синхронное описание языка через систему правил синтеза словоформы.

Метод описания языка в грамматике Панини и концепция порождающей грамматики американской лингвистики.

Замкнутая система описания языка посредством создания метаязыка особого типа.

Система карак в грамматике Панини и теория «глубинных падежей» в работах американских лингвистов второй половины XX в.

Феномен грамматики Панини, заключающийся в попытке самых разных направлений лингвистических исследований обнаружить истоки своего развития в древнеиндийской традиции.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Курс предполагает использование интерактивных форм обучения, в том числе с привлечением сетевых технологий для поиска и анализа информации, работы с базами данных.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

В качестве основного оценочного средства текущего контроля используются коллоквиумы по прочитанной литературе и рефераты. Аттестация по итогам освоения дисциплины – зачет (ответ на теоретические вопросы с учетом качества и количества выполненных рефератов).

Примерные темы для обсуждения на коллоквиуме

1. Глоссарий Нигханту как инструмент семантического анализа Ригvedы.
2. Развитие лексикографической традиции в древней и средневековой Индии. Словарь-тезаурус Амаракоша как отражение индийской картины мира.

3. Этимологический анализ слов Ригведы и его роль в формировании лингвистической традиции древней Индии.
4. Трактаты по фонетике в древней Индии и принцип построения алфавита деванагари. Влияние индийских классификаций звуков на становление и развитие общей фонетики в трудах европейских ученых.
5. Шива-сутры как ключ к грамматике Панини. Метаязык грамматики Панини. Техника пратьяхар.
6. Роль понятия морфемы в формировании типологии, компаративистики и структурализма в языкознании.
7. Принцип синтеза именных и глагольных словоформ в «Аштадхьяи» Панини.
8. Роль санскрита в становлении сравнительно-исторического индоевропейского языкознания. Индийские истоки гипотезы агглютинации в работах Ф. Боппа.
9. Санскрит в работах Ф. Шлегеля и В. фон Гумбольдта. Роль санскрита в формировании теории языка и типологической классификации языков мира.
10. Принципы описания языка в «Аштадхьяи» Панини и их осмысление в работах европейских и американских структуралистов.

Темы рефератов

1. Индологическая школа в Англии в конце XVIII – начале XIX века.
2. Индология в России в XIX веке.
3. Корпус ведийской литературы. Структура и функциональное назначение ведийских текстов.
4. «Нигханту» и «Амаракоша» как отражение мифологического и логического подхода к описанию мира.
5. Санскрит и языковая картина мира древних индусов (на материале санскритских словарей).
6. Особенности языка и стиля Ригведы как источник формирования первых лингвистических трактатов в древней Индии.
7. Принципы научного этимологического анализа, разработанные в Европе в начале XIX века, и «семантическое этимологизирование» Яски.
8. Роль санскрита в теоретических построениях Вильгельма фон Гумбольдта (учение о внутренней форме языка, о языке как формальном воплощении народного мировоззрения).
9. Метаязык грамматического описания: система терминов, композиция и структура грамматики.
10. Морфонологические чередования в санскрите и учение о внутренней флексии в европейской лингвистике.

Примерные вопросы и задания для самостоятельной работы студентов

1. Расскажите о составе и содержании Ригведы. Объясните, в чем заключается ритуальная обусловленность ведийских самхит.
2. Охарактеризуйте функции богини речи Вач. Чем объясняется значимость Вач в пантеоне индийских богов.
3. Расскажите об особенностях языка и стиля древнейшей самхиты – Ригведы. Охарактеризуйте «суггестивный стиль» древнейших сакральных гимнов.

4. Почему грамматика (наука о языке) наряду с фонетикой, этимологией и правилами проведения ритуалов считалась необходимой дисциплиной для понимания текстов Ригведы?

5. Объясните принцип классификации графем в алфавите деванагари. Верно ли утверждение, что алфавит санскрита есть результат рефлексии индийских языковедов над артикуляционно-акустическими характеристиками звуков. Ответ обоснуйте.

6. Прокомментируйте слова Бодуэна де Куртенэ: «Одному только древнеиндийскому (санскритскому) алфавиту... свойственен порядок, основанный на физиологическом и акустическом родстве и на естественной последовательности ассоциируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изучение санскритского алфавита может служить прекрасным введением в общую фонетику» [Бодуэн де Куртенэ 1912: 91]¹.

7. Объясните, почему Панини создал собственную классификацию звуков санскрита для описания грамматики. Определите принцип классификации звуков в Шива-сутрах.

8. Расскажите о принципе описания языка в грамматике Панини. Почему грамматика в индийской традиции называется *вьякарана* («расчленение, анализ»).

9. Понятие морфемы (корневой и аффиксальной) и правила синтеза словоформ в рамках индийской лингвистической традиции.

10. Типы терминов в грамматике Панини, роль технических обозначений в терминологии *Аштадхьяи*.

11. Понятие *карака* в грамматике Панини. Можно ли сопоставлять *карака* индийских грамматистов с глубинными падежами в концепции американских лингвистов XX века? Ответ обоснуйте.

12. Становление и развитие лексикографической традиции в древней Индии.

13. Можно ли считать глоссарий «*Нигханту*» списком ключевых слов к гимнам Ригведы? Ответ обоснуйте.

14. Расскажите о семантической специализации глав «*Нигханту*». Приведите примеры синонимического ряда и лексико-семантической группы в трактате «*Нигханту*».

15. В чем своеобразие «семантической этимологии» Яски? Чем отличается принцип семантического этимологизирования древнеиндийских ученых от научного этимологического анализа, разработанного в рамках сравнительно-исторического языкознания европейскими учеными в начале XIX века.

16. Структура словаря тезауруса «*Амаракоша*». Идеографический словарь как отражение языковой картины мира.

17. Перечень синонимов как способ представления понятия. Списки имен божеств как свернутые мифологические сюжеты.

18. Прокомментируйте слова известного индолога С.Ф. Ольденбурга о значимости заучивания наизусть словаря «*Амаракоша*» в системе образования индусов: «Это выучивание... раскрывало перед мальчиком тысячами слов-терминов большую часть того сложного и богатого культурного мира, к которому он приобщался, он как бы сразу получал известное энциклопедическое образование при помощи этих синонимов» [Ольденбург 2009: 131]².

19. В чем заключается уникальность грамматики Панини как «грамматики говорящего»?

20. Как повлияла на лингвистические древнеиндийские трактаты устная форма бытования научных текстов в древней Индии. Приведите примеры механизмов мнемотехники, разработанных индусами.

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

² Ольденбург С.Ф. Основы индийской культуры // Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М., 2009.

Вопросы к зачету

1. Становление английской индологической школы. Деятельность Ч. Уилкинса и У. Джонса.
2. Индология в Германии и Франции. Изучение языка Ригведы и формирование европейской мифологической школы.
3. Индология в России. Просветительская деятельность Г. Лебедева. Педагогическая и научная деятельность П.Я. Петрова.
4. Роль санскрита и принципов описания языка древнеиндийских грамматистов в формировании теории агглютинации Ф. Боппа.
5. Место санскрита в первых типологических классификациях Фридриха Шлегеля и Вильгельма фон Гумбольдта.
6. Ригведа в контексте древнеиндийской ритуальной культуры. Особенности языка и стиля древнейшей самхиты.
7. Становление и развитие лексикографической традиции в древней Индии.
8. Структура и функции древнейшего глоссария «Нигханту».
9. Принцип семантического структурирования глав «Нигханту».
10. «Нирукта» Яски и принцип семантического этимологизирования в рамках древнеиндийской лингвистической традиции.
11. Словарь-тезаурус «Амаракоша» как отражение картины мира древнего индуса.
12. Принцип создания алфавита деванагари и классификации звуков, разработанные в рамках древнеиндийской лингвистической традиции.
13. Морфонология в грамматике Панини. Ступени чередования гласных в корне при словоизменении и словообразовании санскрита.
14. Понятие морфемы и правила синтеза словоформ в рамках индийской лингвистической традиции. Словоформа как цепочка морфем, понятие нулевой морфемы.
15. Теория о караках в свете описания семантико-синтаксических особенностей глаголов.
16. Особенности понятийно-терминологической системы грамматики Панини. Роль технические терминов и обозначений в корпусе «Аштадхьяи».
17. Композиция «Аштадхьяи» и типы сутр в грамматике.
18. «Санскритские очки» европейской компаративистики XIX века. Роль санскрита в процессе реконструкции индоевропейского праязыка.
19. Санскрит и достижения индийской лингвистической мысли как фундамент формирования типологических классификаций в европейской науке о языке.
20. Грамматика Панини как образец формального описания языка для американских структуралистов.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бэшем Э. Вклад Индии в мировую культуру // Бэшем Э. Чудо, которым была Индия. 2-е изд. М.: Изд. фирма «Восточная литература РАН», 2000. С. 510–512.

Бэшем Э. Язык и литература // Бэшем Э. Чудо, которым была Индия. 2-е изд. М.: Изд. фирма «Восточная литература РАН». 2000. С. 416–454.

Волошина О.А. Шива сутры как важнейший элемент метаязыка грамматики Панини // Acta linguistica Petropolitana – Труды Института лингвистических исследований / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. 3. № 12. СПб.: Наука, 2017. С. 479–503.

Волошина О.А. Nighaṅṭu как инструмент семантического анализа гимнов Ригvedы // Проблемы ближней и дальней реконструкции: Материалы IX Международной конференции по сравнительно-историческому языкознанию, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Олега Сергеевича Широкова (1927–1997). М., 2017. С. 192–208.

Волошина О.А. «Нирукта» Яски и «Аштадхьи» Панини как два направления развития древнеиндийской лингвистической мысли // Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2017. С. 145–153.

Волошина О.А. О структуре и лингвистической терминологии грамматики Панини // Вестник РГГУ. 2010. № 9/10. С. 161–172.

Волошина О.А. Словарь Амаракоша как отражение индийского мировоззрения // Риторика. Семиотика. Языкознание: Сб. статей к 70-летию профессора А.А. Волкова. М.: Добросвет, 2016. С. 368–385.

Димри Дж. П. Панини и его «Восьмикнижье» // Народы Азии и Африки. М., 1973. № 6. С. 96–103.

Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV / Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука. Лит. памятники, 1999. С. 426–543.

Елизаренкова Т.Я. Язык и стиль ведийских риши. М., 1993.

Зализняк А.А. Грамматический очерк санскрита // Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. И.: Изд-во «Русский язык», 1987. С. 785–895.

Захарьин Б.А. Санскрит и грамматическая рефлексия в классической Индии // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение. 2010. № 3.

Катенина Т.Е., Рудой В.И. Лингвистические знания в древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М.: Изд-во «Русский язык», 1987.

Парибок А.В. О методологических основаниях индийской лингвистики // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Наука. 1981. С. 155–176.

Парибок А.В. Индийская языковедческая традиция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 177–178.

Тавастшерна С.С. Становление и развитие лингвистической традиции в Древней Индии: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука, 1980.

ИСТОЧНИКИ

Ригведа. Мандалы I–IV / Под ред. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999.

Ригведа. Мандалы V–VIII / Под ред. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999.

Ригведа. Мандалы IX–X / Под ред. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999.

Sharma 1999, 2000, 2001, 2002, 2003 – *Sharma R.N.* Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi. Vol. 1–2. 1990 (2nd ed.: 2000); Vol. 3. 1995 (2nd ed.: 2002); Vol. 4. 1999; Vol. 5. 2001; Vol. 6. 2003.

The Nighaṅṭu and the Nirukta. The oldest indian treatise on etymology, philology and semantics. Text and translation by Lakshman Sarup. Delhi, Varanasi, Patna. 1967.

The Nāmaṅgānuṣāsa (Amarakosha) of Amarasinha with the Commentary of Bhānujī Dīkshī. Bombay, 1889.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Военев К.В. Древнеиндийская традиция (грамматика Панини) и современное индоевропейское языкознание: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

Волошина О.А. Индийский мечтатель (о путешествии Герасима Лебедева в Индию) // Восток (Oriens). М., 2013. № 5.

Волошина О.А. Магический мир звучащего слова (об устной форме научного текста в древней Индии) // Сборник к 90-летию Ю.В. Рождественского. М.: Добросвет, 2016. С. 31–42.

Гринцер П.А. Тайный язык Ригvedы // Гринцер П.А. Избранные произведения. Т. 1. Древнеиндийская литература. М.: РГГУ. Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского, 2008. С. 9–74.

Древнеиндийская философия. Начальный период / Пер. с санскрита. М.: Мысль, 1972.

Елизаренкова Т.Я. Мир идей ариев Ригvedы // Ригvedа. Мандалы V–VIII / Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука. Лит. памятники, 1999. С. 452–486.

Захарьин Б.А. Патанджали «Паспаша», или Введение в науку о языке и лингвофилософию Древней Индии. М., 2003.

Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под. ред. М.Ф. Альбедиль и А.Н. Дубянского. М., 1996.

Маламуд Ш. Испечь мир. Ритуал и мысль в древней Индии. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005.

Ольденбург С.Ф. Основы индийской культуры // Ольденбург С.Ф. Культура Индии. 3-е изд. М.: УРСС, 2009.

Семенов А.А. Изучение Ригvedы в дореволюционной России: 1830–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.

Тавастшерна С.С. Грамматика Панини и ее современное интерпретирование // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества. М., 2000. С. 76–79.

Топоров В.Н. Ведийская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980.

Топоров В.Н. О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков // Краткие сообщения Института народов Азии. LVII. М.: Акад. Наук СССР, 1961. С. 123–133.

Топоров В.Н. Мифопоэтический локус санскрита // Тезисы докладов и сообщений советских ученых к V Международной конференции по санскритологии. М.: Институт востоковедения, 1981.

Упанишады / Пер., вступ. ст. и коммент. А.Я. Сыркина. 3-е изд. М.: Восточная литература, 2003.

Циммер Г. Мифы и символы в индийской культуре. М., 2015.

Allen W.S. Phonetics in Ancient India. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1953.

Bronkhorst J. Nirukta, Uṇādi Sūtra, and Aṣṭādhyāyī. Indo-Iranian Journal. 1984. № 27. P. 1–15.

Misra N.V. The Descriptive Technique of Pāṇini. Janua linguarum. Studia memoriae Nicolai van Wijk Dedicata. Series practica. XVIII. The Hague-Paris, 1966.

Thieme P. Pāṇini and the Veda: Studies in the Early History of Linguistic Science in India.
Allahabad, 1935.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает:

- доступ к Интернету во внеаудиторное время;
- доступность указанной литературы и словарей.

Программа составлена в соответствии с требованиями ОС МГУ по специальности «Филология».

Разработчик:

Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

oxanav2005@mail.ru

**Программа учебной дисциплины
«История итальянского языка»
для направления «Филология»
(специализация «Зарубежная филология»)
Квалификация (степень) «бакалавр»**

**The Course Programme
“History of the Italian Language”
(“Philology”, specialization “Foreign Philology”).
(Bachelor’s degree in Philology, level of higher professional education)**

1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «История итальянского языка» являются: изучение процессов формирования итальянского литературного языка, важнейших аспектов его внутренней и внешней истории.

создание представления о своеобразии итальянской литературной нормы и причинах, обусловивших ее особый характер.

рассмотрение предпосылок, динамики и направленности языковых изменений на разных стадиях становления итальянского литературного языка.

Задача курса – формирование у учащихся представления о специфике исторического развития итальянского языка.

2. Место дисциплины в структуре ООП

ВАРИАТИВНАЯ ЧАСТЬ ООП. ПРОФИЛЬ «ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

Данная дисциплина предназначена для студентов-итальянистов III курса (5–6 семестр обучения, отделение «Современные западноевропейские языки и литературы») и представляет собой законченный годовой курс.

Курс истории итальянского языка является одним из ключевых для филологов-итальянистов. Он призван подготовить специалистов, обладающих широким научным кругозором, понимающих специфику итальянского языка в его диахроническом развитии и современном состоянии, являющемся результатом взаимодействия исторических, лингвистических и культурных факторов на протяжении всей его истории. Без знания особенностей развития итальянской языковой нормы невозможно составить адекватное представление об особом характере итальянского литературного языка и актуальных тенденциях в его функционировании, а также о современной социолингвистической ситуации в зоне распространения итальянского языка и диалектов Италии. Необходимым для усвоения данного курса предшествующим этапом является усвоение обязательного курса «Введение в романскую филологию», а также курса «Основы языкознания». Закономерным продолжением курса «История итальянского языка» для филологов-лингвистов станет лекционный курс «Сравнительная грамматика романских языков». Кроме того, изучение истории итальянского языка позволяет учащимся более успешно осваивать материал литературоведческих курсов («История зарубежной литера-

туры», спецкурсы, посвященные литературе и культуре Италии) и дает навык филологического анализа текста, являющийся одной из фундаментальных составляющих филологического образования.

3. Требования к результатам освоения дисциплины

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

владение методологией научных исследований в профессиональной области (С-ОНК-5);
способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (С-СК-1);

способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (С-СК-2);

способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (С-СК-3);

знание основных понятий и терминов современной филологической науки, представление о структуре и перспективах развития филологии как области знаний, о важнейших филологических (лингвистических и литературоведческих) отечественных и зарубежных научных школах (С-ОПК-1);

владение терминологическим аппаратом современной науки о языке и приемами научного исследования языка; понимание тенденций и перспектив развития языка в терминах прагмалингвистики и когнитивистики; знание современных подходов к анализу текста и дискурса (С-ОПК-2);

Также частично формируются компетенции:

владение основами исторических знаний, понимание места человека в историческом процессе (С-ОНК-3);

умение применять знания и навыки в процессе педагогической деятельности (С-ОНК-4);

знание основных этапов истории зарубежной литературы; умение исследовать художественные тексты на основе историко-литературного категориального анализа; владение приемами филологической критики текста (текстологии), филологической герменевтики и филологического источниковедения, историко-литературных и биографических исследований (С-ОПК-3);

понимание роли классических языков (латыни) в истории мировой цивилизации; умение читать тексты на изученном классическом языке и переводить их со словарём на русский язык (С-ОПК-4);

владение терминологией специальности на иностранном языке (С-ИК-2).

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

ЗНАТЬ

этапы диахронического развития итальянского языка, становления его литературной нормы;

процессы и изменения, происходившие на разных уровнях языковой системы (в звуковом строе, морфологии, синтаксисе, лексике);

в чем заключается своеобразие исторического развития итальянского языка на фоне других романских языков;

коммуникативно-прагматические и функциональные особенности итальянского языка на разных этапах его истории;

основные работы отечественных и зарубежных историков итальянского языка.

УМЕТЬ

переводить и комментировать с историко-филологической точки зрения тексты разных жанров и стилистической направленности, созданные на разных этапах истории итальянского литературного языка.

ВЛАДЕТЬ

базовой терминологией, основной проблематикой исторического языкознания; информацией о важнейших событиях истории Италии, определивших особенности формирования, становления и развития итальянской литературной нормы; информацией об основных этапах истории итальянской литературы и о жанрах итальянской письменности; о языковых процессах, проходивших на всех этапах истории итальянского языка; о социокультурной и социолингвистической ситуации, о территориальных и социальных диалектах итальянского языка в разные периоды истории.

4. Структура и содержание дисциплины

4.1. СТРУКТУРА ДИСЦИПЛИНЫ

Общая трудоемкость дисциплины составляет:

– 5 семестр: 4 зачетных единицы, 144 часа;

– 6 семестр: 5 зачетных единиц, 180 часов.

№ п/п	Раздел дисциплины	семестр	неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов (с.р.с.) и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра) Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лекция	чтение литературы	семинар	с.р.с.	
1.	1. Введение. 1.1. Предмет курса. 1.2. Основные понятия	5	1	1	1	1		
2.	2. Итальянский литературный язык (italiano standard) и особенности его исторического развития. 2.1 Проблема периодизации истории итальянского языка. 2.2 Литературный язык и диалекты Италии	5	1	1	1	1	2	
4.	3.3. Фонетические изменения в поздней латыни Апеннинского п-ова	5	4	1	1	1	2	

5.	3.4. Изменения в морфологии и лексике поздней латыни Апеннинского п-ова	5	5	1	1	1	2	
6.	4. Характер и этапы романизации Апеннинского полуострова, Цизальпийской Галлии, Сицилии и Сардинии	5	6	1	1	1	2	
7.	4.1. Распад Римской империи. 4.2. Территориальная раздробленность и языковые контакты как факторы генезиса и развития итальянских вольгаре	5	7	1	1	1	2	
8.	5. Германский суперстрат в итальянском языке	5	8	1	1	1	2	контрольная работа
9.	6. От латыни к литературному итальянскому языку. 6.1. Флорентийский вольгаре как основа формирующегося литературного языка	5	9	1	1	1	2	
10.	6.2. Фонетические изменения от латыни к литературному итальянскому. 6.2.1. Вокализм	5	10	1	1	1	2	
11.	6.2.2. Консонантизм	5	11	1	1	1	2	
13.	6.3. Изменения в системе имени от латыни к современному итальянскому. 6.3.1. Имя существительное. 6.3.2. Имя прилагательное	5	13	1	1	1	2	коллоквиум
14.	6.3.3. Образование артикля	5	14	1	1	1	2	
15.	6.3.4 Развитие местоимений от латыни к литературному итальянскому	5	15	1	1	1	2	

16.	6.4. Изменения в системе глагола от латыни к литературному итальянскому	5	16	1	1	1	2	коллоквиум
17.	6.5. Развитие наречий, числительных, предлогов. 6.6. Основные синтаксические изменения от латыни к литературному итальянскому	5	17	1	1	1	2	
18.	6.7. Изменения в словообразовании от латыни к литературному итальянскому	5	18	1	1	1	4	зачет
19.	7. Ранние памятники письменности на вольгаре	6	1	1	1	1	2	
20.	7.1. Письменность на вольгаре в XIII в. Языковая и социокультурная ситуация в северной, центральной и южной Италии этого периода	6	2	1	1	1		
22.	7.3. Проза на вольгаре в XIII в. 7.3.1. Общая характеристика. 7.3.2. Основные жанры	6	4	1	1	1	2	
23.	8. «Три венца» – Данте, Петрарка и Боккаччо. Их творчество и выдвижение флорентийского вольгаре в качестве территориальной базы итальянского литературного языка. 8.1. Староитальянский язык – флорентийский вольгаре XIII–XV вв.	6	5	1	1	1	2	коллоквиум
24.	8.2. Синтаксические изменения староитальянского периода	6	6	1	1	1	2	

25	8.3. Изменения в лексике в староитальянский период. 8.4. «Канцоньере» Петрарки и язык и стиль итальянской лирики	6	7	1	1	1	2	
26.	9. Понятие «volgare illustre». Идеи защиты и прославления народного языка	6	8	1	1	1	2	
27.	10. Гуманисты и вольгаре. «Кризис» XV в.	6	9	1	1	1	2	
28.	11. Влияние флорентийского вольгаре на другие вольгаре Италии. 11.1. «Флорентинизация» литературных произведений	6	10	1	1	1	2	
30.	12. Споры о языке («La questione della lingua»). 12.1. Предпосылки для их возникновения	6	12	1	1	1	2	
31.	12.2. Основные позиции в споре о языке: архаисты, флорентинисты, теоретики «придворного» языка	6	13	1	1	1	2	
32	12.3. Пьетро Бембо «О народном языке»; влияние идей П. Бембо на становление литературной нормы итальянского языка	6	14	1	1	1	2	коллоквиум
33.	13. Начало кодификации литературного итальянского языка. 13.1. Первые грамматики вольгаре. 13.2. Ранняя итальянская лексикография. 13.3. Деятельность Академии делла Круска	6	15	1	1	1	2	

34.	14. Развитие итальянского литературного языка после XVII в. 14.1. Политическая и социолингвистическая ситуация в Италии в XVII–XIX вв.	6	16	1	1	1	2	контрольная работа
35.	14.2. Италия в конце XIX в. Дискуссия о итальянской литературной норме. Идеи А. Манцони. Позиция Г.И. Асколи	6	17	1	1	1		коллоквиум
36.	14.3. Политическое объединение Италии. Утверждение норм итальянского литературного языка	6	18	1	1	1	2	
							36	экзамен

4.2. СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

1.1. Предмет курса – история итальянского литературного языка.

1.2. Основные понятия. Литературный язык. Языковая норма. Вариативность. Нормализация. Кодификация. Функциональная парадигма языка. Язык и диалект. Койне. Роль языковых контактов в истории языка; билингвизм и диглоссия. Литературный язык и язык литературы. Основные этапы формирования литературного языка. Язык ранних памятников. Диалектная база формирующегося литературного языка. Национальный литературный язык.

2. ИТАЛЬЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК (ITALIANO STANDARD) И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Проблема периодизации истории итальянского языка.

2.2. Литературный язык и диалекты Италии. Понятие «вольгаре». Территориальная, социальная и функциональная основы нормы italiano standard. Итальянский язык и латынь. Процесс политического объединения Италии и история итальянского литературного языка.

3. ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В ЕГО РАЗГОВОРНОЙ ФОРМЕ КАК ОСНОВА РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

3.1. Периодизация его истории. Территориальная, функциональная и стилистическая неоднородность латыни. Архаическая латынь. Классическая латынь. Народная латынь. Источники сведений об особенностях разговорного латинского языка (данные современных романских языков, литературные произведения, специальная литература (в том числе раннехристианские сочинения), надписи, глоссы, языковые трактаты; пример: «Аппендикс Проба»).

3.2. Особенности латыни Апеннинского полуострова

Процессы и инновации в народной латыни Апеннинского полуострова, получившие развитие в итальянском языке.

3.3. Фонетические изменения в поздней латыни Апеннинского полуострова. Изменение характера ударения. Тенденция к стяжению дифтонгов. Синкопа безударных гласных. Замолкание конечных согласных. Палатализация С, G перед гласными переднего ряда. Палатализация в группах TJ, DJ. Образование аффрикат. Замолкание H. Ассимиляция в группах PT, PS, CT, CS. Усиление заударного согласного. Протеза в группах «S + согласный».

3.4. Изменения в морфологии и лексике поздней латыни Апеннинского полуострова. Расшатывание падежной системы. Возрастающая роль предлогов в выражении падежных значений. Сращение предлогов *de* и *ab*. Изменения в системе склонений. Переход слов среднего рода в мужской и женский. Замена синтетических форм степеней сравнения аналитическими. Частое употребление *ille, ipse* при существительных.

Развитие аналитического пассива с *esse*. Перифрастические обороты с глаголом *habere*. Переход глаголов из одного спряжения в другое.

Распространение союза *quia*, вводящего придаточные предложения. Использование союза *si* в косвенных вопросах.

Изменения в лексике: распространение слов с уменьшительными суффиксами, эмоциональной лексики. Лексемы классической латыни и их разговорные синонимы.

4. ХАРАКТЕР И ЭТАПЫ РОМАНИЗАЦИИ АПЕННИНСКОГО ПОЛУОСТРОВА, ЦИЗАЛЬПИЙСКОЙ ГАЛЛИИ, СИЦИЛИИ И САРДИНИИ

Расселение племен на этих территориях. Самнитские войны, Пунические войны, Союзническая война. Роль муниципий в процессе романизации. «Городская» и «сельская» латынь. Теория стратов; субстрат, адстрат, суперстрат. Итальянские субстраты (оскский, умбрский и др.). Кельтский субстрат. Этрусский субстрат. Другие индоевропейские и неиндоевропейские субстраты. Языковые контакты с греками. Субстратная лексика в итальянском языке. Особенности итальянской фонетики и морфологии, объясняемые субстратным влиянием. Границы субстратных зон и диалектное членение Италии.

4.1. Распад Римской империи. Образование варварских королевств. Этапы германских завоеваний. Нашествия остготов, лангобардов, франков.

4.2. Территориальная раздробленность и языковые контакты как факторы генезиса и развития итальянских вольгаре. Византийское присутствие в Италии; ее административное деление. Императорская власть и папство: борьба за влияние. Рост и развитие городских коммун в северной и центральной Италии. Различия в политическом устройстве между Севером и Югом Италии. Норманнское королевство в южной Италии и на Сицилии.

5. ГЕРМАНСКИЙ СУПЕРСТРАТ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Германская лексика различного происхождения (готского, лангобардского, франкского) в итальянском языке. Основные семантические группы суперстратной лексики. Семантические сдвиги в исконной лексике.

6. ОТ ЛАТЫНИ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ИТАЛЬЯНСКОМУ ЯЗЫКУ

Основные черты, противопоставляющие Север, Центр и Юг Италии. Тосканский языковой тип как наиболее консервативный по отношению к латыни.

Север: упрощение геминат; палатализация в группах CT, CL, GL; палатализация C, G перед A; апокопа конечных гласных, кроме A; тенденция к синкопе безударных гласных; наличие метафонии; сокращение сферы использования простого перфекта, вытеснение его сложным; наличие ударных и безударных форм личных местоимений; обязательность приглагольных местоимений; в целом – более выраженная, чем в *italiano standard*, тенденция к аналитизму.

Юг: широко распространена метафония; ослабление конечных безударных гласных; сохранение глухих интервокальных согласных; ассимиляция в группах MB, MP, NT, ND; особое развитие групп «согласный + L»; бетаизм; есть фонемы /k'/, /g'/, /d/ какуминальное/, отсутствующие в итальянском; отсутствие дифтонгизации по тосканскому типу; отличия в способах образования форм рода и числа у имен; преимущественное употребление простого перфекта; употребление предлога «а» при одушевленном объекте. Крайний Юг: сицилийский тип ударного вокализма; четкое произношение конечных; отсутствие дифтонгизации по тосканскому типу; ограничена метафония.

6.1. Флорентийский вольгаре как основа формирующегося литературного языка.

6.2. Фонетические изменения от латыни к литературному итальянскому.

6.2.1. Вокализм.

Ударный вокализм. Тосканская дифтонгизация: $\text{Ĕ} > ie$, $\text{Ō} > uo$. Позиционные изменения ударных гласных. Анафония: $\text{E} > i$, $\text{O} > u$ перед NC, NG, LJ, SKJ. Сужение ударных гласных в зиянии. Стяжение дифтонга $\text{AU} > o$.

Безударный вокализм. Сужение E, O предударных: $> i$, e. Сужение e $< \text{ĩ}$ в i в пропарокситонах (словах с ударением на третий от конца слог). Переход предударного ag в eg. Лабиализация предударных гласных.

6.2.2. Консонантизм. Сохранение латинских D, L, M, N, R, F в начальном и интервокальном положении. Регрессивная ассимиляция в группах CS, CT, PS, PT, MN, DV. Замолкание M, T, S конечных. $S > i$ в односложных словах. Влияние конечного S на предшествующие гласные в многосложных словах. Палатализация C, G перед гласными переднего ряда. Переход начального и интервокального J в звонкую аффрикату. Сохранение лабиовелярных [kw], [gw]. Спирантизация интервокального B: $B > v$. Озвончение интервокальных P, T, K: $P, T, K > b, d, g$. Озвончение или сохранение интервокального S. Изменения групп PJ, VJ, KJ, GJ, TJ, DJ, LJ, RJ, SJ. Изменение групп PL, BL, CL, GL, SL, TL.

6.2.3. Общие фонетические процессы.

Протеза i перед S + согласный. Эпитеза e, ne. Эпентеза v, g в зияниях; эпентеза i в группе SM. Афереза. Апокопа. Гаплогогия. Переразложение основы. Фоносинтаксическое удвоение.

6.2.4. Причины нарушения нормального фонетического развития. Аналогия, контаминация, проклиза, замена аффикса, иноязычное происхождение слова (заимствования, книжные и полукнижные слова).

6.3. Изменения в системе имени от латыни к современному итальянскому.

6.3.1. Имя существительное.

Судьба латинских слов среднего рода в итальянском языке. Реликты среднего рода (формы множественного числа на *-a* и др.). Распад системы склонений: слияние II и IV, I и V склонений.

6.3.2. Имя прилагательное.

Аналитические степени сравнения. Латинские влияние: синтетическая превосходная степень на *-issimo*.

6.3.3. Образование артикля. Образование форм определенного артикля из форм указательного местоимения *ille*. Образование неопределенного артикля из форм числительного *unus*.

6.3.4. Развитие местоимений от латыни к литературному итальянскому. Развитие личных и объектных местоимений. Ударные и безударные формы объектных местоимений. Развитие притяжательных местоимений; реликты безударных форм притяжательных местоимений в ранних памятниках. Развитие указательных, неопределенных, вопросительных, относительных местоимений.

6.4. Изменения в системе глагола от латыни к литературному итальянскому. Система латинских спряжений и ее судьба в итальянском языке. Развитие окончаний презенса индикатива. Развитие форм простого перфекта. Образование форм сложного перфекта. Развитие форм имперфекта. Образование форм будущего времени. Образование форм кондиционала.

6.5. Развитие наречий, числительных, предлогов.

Развитие наречий. Наречия на *-mente*.

Развитие числительных. Развитие предлогов.

6.6. Основные синтаксические изменения от латыни к литературному итальянскому.

Изменения порядка слов в простом предложении (SOV>SVO). Наличие или отсутствие субъектных местоимений. Проклиза и энклиза безударных объектных местоимений. Закон Тоблера-Муссафия. Функционирование союза *che*.

6.7. Изменения в словообразовании от латыни к литературному итальянскому. Основные словообразовательные модели. Суффиксальная и префиксальная деривация. Словосложение. Конверсия.

7. РАННИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ НА ВОЛЬГАРЕ

Их нетосканское происхождение. Факторы, способствовавшие появлению и развитию письменности на вольгаре. Памятники X – начала XIII в. (надписи, Веронская загадка, Капуанские тяжбы (960–963), Приписка из Монте Амиато (1087), Умбрская формула исповеди (XI в.), Договор из Фабри (1186), Ритм из библиотеки Сан-Лоренцо, Ритм о св. Алексее, Иудейско-итальянская элегия (начало XIII в.), Ритм из Беллуно (1193), «*Proverbi de femene*» (самое начало XIII в.), стихи Раймбаута де Вакейраса (конец XII в.).

7.1. Письменность на вольгаре в XIII в. Языковая и социокультурная ситуация в северной, центральной и южной Италии этого периода. Сицилийское королевство под властью Фридриха II. Экономическое и политическое могущество Флоренции; борьба гвельфов и гибеллинов. Городские центры Севера Италии. Региональные койне. Возникновение университетов (Болонья, Падуя, Неаполь), их связи с Францией и Испанией. Идеи схоластов. Традиции средневековой риторики. Переводческие школы. Влияние провансальской и старофранцузской литературных традиций на становление итальянской.

7.2. Развитие поэзии на вольгаре. Умбрская религиозная поэзия. Поэзия на вольгаре на Севере Италии.

7.2.1. Сицилийская поэтическая школа.

Влияние языка сицилийской поэзии на язык и стиль итальянской поэзии, начиная с XIII в. Фонетические, морфологические и лексические сицилианизмы.

7.2.2. Преемники сицилийцев. Тосканская, болонская поэтические школы. «Новый сладостный стиль».

7.3. Проза на вольгаре в XIII в.

7.3.1. Общая характеристика. Преобладание паратаксиста над гипотаксистом; парагипотаксис; примеры анаколуфа; невысокая степень латинизации; эндиады и другие риторические приемы.

7.3.2. Основные жанры. «Новеллино». «Книга о пороках и добродетелях» Боно Джамбони. Флорентийская хроника. Прозаические переводы с латыни и французского. Трактаты на вольгаре (Ристоро д'Ареццо и др.).

8. «ТРИ ВЕНЦА» – ДАНТЕ, ПЕТРАРКА И БОКАЧЧО

Их творчество и выдвижение флорентийского вольгаре в качестве территориальной базы итальянского литературного языка. Ее несовпадение с живой разговорной формой флорентийского вольгаре. Архаизирующие черты *italiano standard*.

8.1. Староитальянский язык – флорентийский вольгаре XIII–XV вв.

Совпадение его основных фонетических и морфологических особенностей с *italiano standard*. Отличия от современного итальянского литературного языка: полиморфия; влияние других диалектов – тосканских, северных и южных; влияние латыни.

8.2. Синтаксические изменения староитальянского периода. Возрастающая латинизация (сложная структура периода; обилие герундиальных конструкций; дистантное расположение частей синтагмы; вынесение глагола в конец периода; препозиция качественных прилагательных; ритмизация прозы и т. д.). Влияние «Декамерона» Боккаччо на развитие синтаксиса литературного итальянского языка.

8.3. Изменения в лексике в староитальянский период. Заимствования из галло-романских языков; регионализмы (в т.ч. сицилианизмы); латинизмы

8.4. «Канцоньере» Петрарки и язык и стиль итальянской лирики.

9. ПОНЯТИЕ «VOLGARE ILLUSTRE».

ИДЕИ ЗАЩИТЫ И ПРОСЛАВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ЯЗЫКА

Данте «Пир», «О народном красноречии». Представления о соотношении вольгаре и латыни, историческом развитии языка и роли литературного творчества в этом процессе.

10. ГУМАНИСТЫ И ВОЛЬГАРЕ. «КРИЗИС» XV в.

Культ латыни. «Кризис» XV в.: вытеснение староитальянского языка в качестве языка литературы латынью. Дискуссия о характере разговорного языка в Древнем Риме.

11. ВЛИЯНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ВОЛЬГАРЕ НА ДРУГИЕ ВОЛЬГАРЕ ИТАЛИИ

11.1. «Флорентинизация» литературных произведений. Фактор престижа флорентийской литературы и влияние флорентийского вольгаре на другие вольгаре Италии. Эkleктичность языка итальянской литературы: флорентийское, сицилийское, латинское, провансальское, французское влияние, итальянские региональные черты.

11.2. Развитие флорентийского вольгаре в XV в. Инновации, отличающие его от флорентийского вольгаре эпохи «Трех венцов», послужившего основой для литературного итальянского.

12. СПОРЫ О ЯЗЫКЕ («LA QUESTIONE DELLA LINGUA»)

12.1. Предпосылки для их возникновения. Политическая раздробленность Италии; множественность политических, экономических и культурных центров; наличие региональных койне; представления о *volgare illustre* как о искусственной, сублимированной форме народного языка. Необходимость в кодификации языка в связи с развитием книгопечатания. Споры о неоднородности латинского языка и времени возникновения вольгаре.

12.2. Основные позиции в споре о языке: архаисты, флорентинисты, теоретики «придворного» языка. Причины победы позиции архаистов. Объединяющая культурная роль великих авторов Треченто как основной фактор выбора их языка в качестве основы итальянского литературного языка.

12.3. Пьетро Бембо «О народном языке»; влияние идей П. Бембо на становление литературной нормы итальянского языка.

13. НАЧАЛО КОДИФИКАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

13.1. Первые грамматики вольгаре. «Grammaticetta vaticana» Л.Б. Альберти, грамматика Дж. Фортуньо и др.

13.2. Ранняя итальянская лексикография.

13.3. Деятельность Академии делла Круска. Создание Словаря Академии делла Круска.

14. РАЗВИТИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПОСЛЕ XVII в.

14.1. Политическая и социолингвистическая ситуация в Италии в XVII–XIX вв. Французское влияние на итальянский язык; реакция пуристов. Пополнение словарного состава итальянского литературного языка за счет заимствований; выход из обращения части латинизмов. Стилистическая дифференциация языка.

14.2. Италия в конце XIX в. Дискуссия о итальянской литературной норме. Идеи А. Мандзони. Его социальная программа и идея приближения литературной нормы итальянского языка к разговорной речи Флоренции. Роман А. Мандзони «Обрученные» как «программное» произведение. **Позиция Г.И. Асколи.** Введение к «Archivio glottologico italiano».

14.3. Политическое объединение Италии. Утверждение норм итальянского литературного языка. Роль обязательного среднего образования и средств массовой информации в утверждении норм итальянского литературного языка.

5. Рекомендуемые образовательные технологии

Лекции проводятся в интерактивной форме, используется иллюстративный материал (презентации). Семинары проводятся в активной форме. Предусматривается значительная внеаудиторная работа. Предусматривается использование компьютерных технологий.

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины

ПРИМЕРНЫЙ СПИСОК ВОПРОСОВ ПО КУРСУ

1. Понятие «итальянский литературный язык» («italiano standard»).
2. Периодизация истории итальянского языка.
3. Расселение племен на Апеннинском полуострове, в Цизальпийской Галлии, на Сицилии и Сардинии. Субстраты. Субстратные границы и проблема диалектного членения Италии.
4. Характер и хронология романизации Апеннинского полуострова, Цизальпийской Галлии, Сицилии и Сардинии.
5. Латинский язык в его разговорной форме как источник итальянского языка. Основные языковые процессы, имевшие место в поздней латыни, и источники сведений о них.
6. Германские завоевания. Германское влияние на итальянский язык.
7. Первые свидетельства существования романской речи на территории Италии. Ранние памятники письменности на вольгаре.
8. Языковая ситуация и состояние языка до начала XIII в.
9. Языковая ситуация и состояние языка в староитальянский период. Понятие «староитальянский язык».
10. Формирование итальянского литературного языка. Процессы нормализации и кодификации.
11. «Спор о языке». Его основные участники и этапы. Его влияние на становление итальянской языковой нормы.
12. Языковая ситуация и состояние языка в XVI-XVII в.
13. Развитие итальянского литературного языка после XVII в.
14. Политическая и социолингвистическая ситуация в Италии в XVII-XIX вв.
15. Понимание современного состояния языка как этапа его исторического развития.
16. Первые грамматики вольгаре. Ранняя итальянская лексикография.
17. Ударный вокализм.
18. Безударный вокализм.
19. Консонантизм.
20. Изменения в системе имени.
21. Артикль.
22. Личные местоимения.
23. Указательные местоимения.

24. Притяжательные местоимения.
25. Грамматические категории глагола. Изменения в формах глагольного спряжения. Образование аналитических форм. Соотношение простых и сложных форм глагола.
26. Неличные формы глагола.
27. Наречие. Предлог.
28. Синтаксис предложения. Порядок слов. Сочинительная и подчинительная связь.
29. Процессы, происходившие в итальянской лексике.

Ответ на зачете и экзамене в обязательном порядке предполагает анализ текста.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

А) ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Алисова Т.Б., Репина Т.А., Таривердиева М.А.* Введение в романскую филологию. Практикум. М., 1987.
2. *Алисова Т.Б., Чельшева И.И.* История итальянского языка. От первых памятников до XVI в. М., 2009.
3. *Алисова Т.Б.* Некоторые синтаксические особенности староитальянской (флорентийской) прозы // Вопросы иберо-романского языкознания: Сборник статей к 80-летию В.С. Виноградова. Вып. 7. М., 2005.
4. *Алисова Т.Б.* Особенности становления норм итальянского письменно-литературного языка в XVI в. // Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды ИЯ АН СССР. Т. X. М., 1960.
5. Современное итальянское языкознание: Сборник статей / Под ред. Т.Б. Алисовой. М., 1971.
6. *Чельшева И.И.* Формирование романских литературных языков. Итальянский язык. М., 1990.
7. *Шиммарев В.Д.* Избранные статьи. История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972.
8. Языки мира: Романские языки / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. М., 2001. (Статьи «Итальянский язык» и «Диалекты Италии».)
9. *Alisova T.B.* Rapporti tra sintassi e stile nel processo di formazione della lingua letteraria italiana (dal XIII al XVII sec.) // Beitrage zur Romanischen Philologie. II. Jahrgang, heft 2. Berlin, 1963.
10. *Bueno T.* Crestomazia della letteratura italiana. Parte I: dalle origini al Trecento. М., 1999.
11. *Bueno T.* Crestomazia della letteratura italiana. Parte II: Quattrocento e Cinquecento. М., 2006.
12. *Castellani A.* I più antichi testi italiani. Bologna, 1973.
13. *Migliorini B.* Storia della lingua italiana. Firenze, 1960.
14. *Nencioni G.* Di scritto e di parlato Siscorsi linguistici. Bologna, 1983.
15. *Nencioni G.* Fra grammatica e retorica. Un caso di polimorfia della lingua letteraria dal secolo XIII al XVI. Firenze, 1955.
16. *Patota G.* Nuovi lineamenti di grammatica storica dell'italiano. Bologna, 2002.

17. Prati A. Vocabolario etimologico italiano. 1951.
18. Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. vol. I, II, III. Torino, 1966; 1969.
19. Rohlfs G. Studi e ricerche su lingua e dialetti d'Italia. Firenze, 1972.
20. Salvi G., Renzi L. Grammatica dell'italiano antico. Bologna, 2010.
21. Schiaffini A. Testi fiorentini del Duecento e dei primi del Trecento. Firenze, 1954.
22. Segre C. Lingua, stile e società. Studi sulla storia della prosa italiana. Milano, 1963.
23. Serianni L., Trifone P. (a cura di) Storia della lingua italiana. vol. I Torino, 1993.
24. Storia dell'italiano scritto. II. Prosa letteraria, a c. di G. Antonelli, M. Motolese e L. Tomasin, Roma, Carocci, 2014.
25. Tekavčić P. Grammatica storica dell'Italiano. vol. I, II, III. Bologna, 1972–1974.
26. Tesi R. Storia dell'italiano. La formazione della lingua comune dalle fasi iniziali al Rinascimento. Bologna, 2007.
27. Vitale M. La Questione della lingua. Palermo, 1978.

Б) ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Алисова Т.Б. Опыт анализа концептуального мира Данте с позиций современной лингвистики // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 1996. № 5. С. 7–19.
2. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967.
3. Голенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
4. Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Т. 1. М., 1947; Т. 2. М., 1972.
5. Десятова М.Ю. Хрестоматия по итальянской литературе XIII–XIX веков. М., 2009.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония, история // НЗЛ. Вып. 3. М., 1963.
7. Лободанов А.П. История ранней итальянской лексикографии. М., 1998.
8. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
9. Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. СПб., 2000.
10. Alisova T.B. Studi di sintassi italiana // Studi di filologia italiana. Bollettino dell'Accademia della Crusca. Vol. XXV (1967). Firenze, 1967.
11. Andronov I.E. Storia moderna d'Italia. Parte I. Dalla Controriforma all'Unità. М., 2005.
12. Antonetti P. La vita quotidiana a Firenze ai tempi di Dante. Milano, 2000.
13. Bueno T. Antologia della letteratura italiana. Parte I: La letteratura in Italia fino al Trecento. М., 2010.
14. Castellani A. Grammatica storica della lingua italiana. v. I. Bologna, 2000.
15. Coletti V. Storia dell'italiano letterario. Torino, 1993.
16. Contini G. Letteratura italiana delle origini. Firenze, 1970.
17. Corti M. Dante a un nuovo crocevia. Firenze, 1981.
18. De Mauro T. Storia linguistica dell'Italia unita. Bari, 1963.
19. De Sanctis F. Storia della letteratura italiana. Torino, 2013.
20. Devoto G. Profilo di storia linguistica italiana. Firenze, 1960.

21. Discussioni linguistiche del Settecento / A cura di M. Puppo. Torino, 1957.
22. *D'Ovidio F., Meyer-Lübke W.* Grammatica storica della lingua italiana e dei dialetti toscani. Torino, 1955.
23. *Kristeller P.O.* L'origine e lo sviluppo della prosa volgare italiana // *Studies in Renaissance Thought and Letters*. Roma: Storia e Letteratura, 1956.
24. La Crusca nella tradizione letteraria e linguistica italiana. Atti del Congresso Internazionale per il IV Centenario dell'Accademia della Crusca. Firenze, 1985.
25. *Maiden M.* Storia linguistica dell'italiano. Bologna, 1998.
26. *Marazzini C.* Breve storia della lingua italiana. Bologna, 2004.
27. *Meneghetti M.L.* Le origini delle letterature medievali romanze. Roma, 1997.
28. *Nencioni G.* Essenza del toscano. // *Rassegna della letteratura italiana*, 62 (1). Firenze, 1958. pp. 2-51.
29. *Poggiogalli D.* La sintassi nelle grammatiche del Cinquecento. Firenze, 1999.
30. *Procacci G.* Storia degli italiani. Roma, Bari, 1993.
31. *Rohlf G.* Studi e ricerche su lingua e dialetti d'Italia. Firenze, 1972.
32. *Schiaffini A.* Tradizione e poesia nella prosa d'arte italiana dalla latinità medievale a G. Boccaccio, Roma, 1943.
33. *Trabalza C.* Storia della grammatica italiana. Milano, 1908.
34. Trattati di fonetica del Cinquecento. / A cura di N. Maraschio. Firenze, 1992.
35. *Viscardi A.* Storia della letteratura italiana dalle origini al Rinascimento. Milano, 1960.

В) ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- <https://www.academia.edu/>
<http://scholar.google.ru/>
<http://tlio.ovi.cnr.it/TLIO/> – Tesoro della Lingua Italiana delle Origini
<http://www.etimo.it/> – Vocabolario Etimologico della Lingua Italiana di Ottorino Pianigiani
<http://www.accademiadellacrusca.it/it/> – сайт Академии делла Круска
<http://www.ilritornodeiclassici.it/enav/> – ENAV – Edizione Nazionale degli Antichi Volgarizzamenti dei testi latini nei volgari italiani

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Наличие на факультете специализированного кабинета (Центр Данте), обеспеченного научной, художественной и методической литературой.

Наличие на факультете компьютерных классов с возможностью доступа к сети Интернет.

**Программа составлена в соответствии с требованиями
ОС МГУ по специальности «Филология».**

Разработчики:

МГУ имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра романского языкознания,
ст. преподаватель Л.И. Жолудева.

Сведения о разработчике:

Любовь Ивановна Жолудева,
канд. филол. наук
ст. преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lyubov I. Zholudeva,
PhD
Senior Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
l.zholudeva@gmail.com

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

О.Н. Михайлов. Переделкино, 2005 г.

*Ю.А. Азаров (Москва,
Россия)*

Эмигрантские диалоги Олега Михайлова

Аннотация: В период «перестройки» началось интенсивное изучение литературного наследия русского зарубежья и его активная публикация. Но еще раньше, в пятидесятые годы, Олег Михайлов начал возвращать имена и наследие писателей-эмигрантов. Эпистолярный Олег Михайлова как единый корпус документов профессионально никогда не систематизировался и не публиковался. Фрагментарно эти материалы включались в труды – не только в предисловия и научные статьи, монографии, примечания, но и (наиболее полно) в изданные в 2008 г. воспоминания «Вещая мелодия судьбы», дающие представление о богатстве и уникальности архива писателя. Эта переписка для исследователей – важный первоисточник, поскольку она содержит полученный «из первых рук» материал для изучения литературы зарубежья.

Ключевые слова: русская эмиграция, литература XX века, переписка, воспоминания, источниковедение

Yu.A. Azarov (Moscow, Russia)

Oleg Mikhailov's Emigration Dialogues

Abstract: Perestroika years brought about intensive research into literary heritage of Russian emigration. However, Oleg Mikhailov began to return names and heritage of émigré writers much earlier, in the 1950's. Oleg Mikhailov's letters as a formal unity of documents were never published or systematized professionally. Fragments of these materials were parts of his works, including prefaces, articles, monographs, notes, and, most fully, memoirs, e.g. "The Prophetic Melody of Destiny" in 2008, the book conveying the idea of how rich and unique are the author's archives. His correspondence contains first-hand materials, which make it an essential source of documents for scholars of Russian literature in exile.

Key-words: Russian emigration, 20th century Russian literature, epistolary genre, memoirs, original sources

- А вы понимаете, что вам присылают книжки, приобретенные на средства ЦРУ? – строго сказал ему господин в мятом костюме.
- Я об этом не думаю. Какая разница? Это нужно для моей работы.

(Олег Михайлов. Пляска на помойке) [Михайлов 2000:110]

В 1955 г., окончив с отличием филологический факультет МГУ, О.Н. Михайлов поступил в аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, где обучался до 1958 г. Еще в студенческие годы он начал публиковаться как литературный критик и впоследствии стал автором многих концептуальных работ, посвященных советской литературе. В сфере его исследовательского внимания оказалась и русская эмиграция, что позволило вернуть на родину имена многих писателей, чьи произведения вошли в золотой фонд отечественной литературы XX в. Среди них не только лауреат Нобелевской премии Бунин, но и Аркадий Аверченко, Борис Зайцев, Евгений Замятин, Мережковский, Набоков, Алексей Ремизов, Надежда Тэффи, Иван Шмелев. Именно он определял состав их первых советских изданий, в качестве одного из немногих специалистов по литературе зарубежья принимал участие в подготовке собрания сочинений Бунина, был автором примечаний. В 1988 г. ему довелось стать составителем и комментатором первой в СССР книги прозы «американского» писателя Набокова «Машенька. Защита Лужина. Приглашение на казнь. Другие берега (фрагменты)», его перу принадлежит ее предисловие. Со многими деятелями культуры зарубежья О. Михайлов состоял в переписке, что закономерно вызывало повышенный интерес, как тогда говорили, «компетентных органов». Эта заграничная переписка началась еще в студенческие годы, когда он, участник толстовского семинара профессора и первого декана филологического факультета (до 1945 г.) Н.К. Гудзия, познакомился с переводчиком русской литературы и филологом из Тулузы Мишелем Окутюрье.

На закате «перестройки» началось интенсивное изучение литературного наследия русского зарубежья, его переоценка и активная публикация относящихся к нему текстов. Это во многом отвечало запросам советского читателя, который тогда буквально «заболел» литературой эмиграции, открывая для себя этот прекрасный новый мир. Хотелось бы привести только два примера: в 1990 г. издательство «Правда» выпустило иллюстрированные четырехтомники – В. Набокова и Д. Мережковского. Тираж каждого из них составил 1,7 млн экземпляров – цифра, если говорить уже о нашем времени, просто фантастическая. Запретный плод сладок: интерес к литературе зарубежья у нас существовал всегда, из советской эпохи, – говоря точнее, ее послесталинского периода, – это изучение и ведет свое начало.

Важную роль в те далекие годы сыграли немногие подвижники и среди них О. Михайлов, составитель и редактор упомянутого четырехтомника Мережковского. Он был, без сомнения, личностью уникального масштаба, совмещавшей в себе многие таланты: не только дар яркого прозаика и автора исторических романов, но и критика, литературоведа, который поднял исследование литературы зарубежья на новый уровень. Это относится прежде всего к наследию «белоэмигранта» Ивана Бунина, творчество которого до начала «оттепели» долгое время находилось под запретом. «Реабилитация» писателя состоялась во многом благодаря Константину Федину, руководившему секцией прозы Московского отделения Союза писателей СССР. Именно он через год после смерти Сталина с высокой трибуны Второго Всесоюзного съезда советских писателей «назвал имя» Бунина

и заявил о необходимости возвращения на родину наследия признанного во всем мире «русского классика». Прошло короткое время, и уже в 1955 г. в СССР вышли его «Рассказы», а в 1965 г. Гослитиздат начал выпуск наиболее полного из собранных сочинений Бунина в девяти томах, в котором произведения писателя, хотя и с купюрами, были максимально широко представлены советскому читателю.

Ушла в прошлое советская эпоха и вместе с ней высокая оценка статуса писателя. Жизнь О. Михайлова, которому исполнилось восемьдесят лет, через отмеренное немилосердной судьбой время трагически оборвалась. В ночь на 9 мая 2013 г. он погиб при пожаре в доме № 2 по улице Довженко в писательском поселке Переделкино, где, продолжая творить, вел затворническое существование [Азаров 2013: 185–189]. Истинная причина пожара, как это часто бывает, так и осталась невыясненной. Огонь уничтожил собрание книг, содержавшее редчайшие издания писателей-эмигрантов, эпистолярный архив, уникальное собрание справочной литературы, многочисленные рукописи самого хозяина – почти всю площадь типового дачного дома занимала библиотека. Среди невосполнимых потерь фотографии с автографами, издания с дарственными надписями, портрет будущего императора Александра Павловича в мундире цесаревича с Анненской лентой и звездой, еще многое, многое другое. Ранее часть архива была передана в Российскую государственную библиотеку, однако по объему переданное несопоставимо с тем, что обратилось в пепел. Вплоть до своей гибели О. Михайлов работал в должности главного научного сотрудника ИМЛИ РАН – незадолго до трагедии к нему обратилась дирекция с предложением передать или завещать библиотеку институту, однако этому плану, к сожалению, не суждено было осуществиться. Случай уничтожения писательского архива далеко не первый в Переделкине: за полгода до трагедии на той же улице Довженко сгорела дача другого литератора – Анатолия Рыбакова, в результате чего было утрачено собрание военных мемуаров. Эти потери словно предвещали такую же знаковую, но несопоставимо большую по масштабу утрату постсоветского времени – гибель в 2015 г. в результате пожара значительной части библиотечных и справочных фондов (в том числе из библиотеки ИМЛИ) Института научной информации по общественным наукам РАН.

Переписка О. Михайлова как единый корпус документов профессионально никогда не систематизировалась и не публиковалась. Выборочно эти материалы включались в труды – не только в предисловия и научные статьи, монографии, примечания, но и в отдельные главы изданных в 2008 г. воспоминаний «Вещая мелодия судьбы». В эту книгу, которую автор называл «мое последнее танго», наиболее полно вошла переписка не только с советскими литераторами, но и с теми, кто создавал литературу послереволюционного зарубежья, с еще живущими ее «последними могиканами». По существу, это выборочный обзор личного архивного фонда: в воспоминаниях биография постоянно пересекается с темой историко-литературного исследования, благодаря чему, говоря языком диссертантов, «введены в научный оборот» новые документы. Даваемая без сокращений переписка органично вплетается в ткань мемуарного повествования, документально дополняя размышления о судьбе и литературном процессе, о прошлом и будущем, о событиях прожитой жизни. В ряде случаев эпистолярный текст служит отправной точкой для рассказа о каком-то интересном факте, эпизоде литературной полемики, раскрывает ее скрытое на первый взгляд содержание.

Не один год продолжалась «заочная дружба» с Борисом Зайцевым – прозаиком, в свои девяносто лет пережившим «старую» эмиграцию, который состоял пред-

седателем Союза русских писателей и журналистов в Париже. Не менее интересна переписка с другими известными корреспондентами: Верой Николаевной Муромцевой-Бунинной, Георгием Адамовичем, племянницей и душеприказчицей Ивана Шмелева Юлией Кутыриной и ее мужем поэтом Иваном Новгород-Северским, с князем Шаховским – архиепископом Иоанном Сан-Францисским и Западно-Американским, прозаиком и поэтом, издававшим свои сочинения под псевдонимом «Странник». Нельзя не упомянуть переписку с Александром Сионским – литератором и белым офицером, активным членом Русского общевойскового Союза, Народно-трудового союза и парижской «Русской мысли», который присылал необходимую для работы литературу. Трудно поверить, но все происходило в то время, когда в «Известиях» была напечатана статья под грозным заголовком «Битая ставка г-на Сионского», заклеившая позором «предателя» и «махрового антисоветчика» [Зорькин 1969]. Отдельная глава посвящена депутату Государственной думы, писателю и публицисту Василию Шульгину, члену делегации, которой Николай II когда-то передал отречение от престола. В 1945 г. он был арестован в Югославии, депортирован в СССР и осужден за антисоветскую деятельность. Историко-литературное богатство книги этим не исчерпывается: тут и литературно-биографические портреты Варлама Шаламова, прозу которого «открыл» О. Михайлов, Леонида Леонова, Бориса Слуцкого, Корнея Чуковского, «русского Вийона» Сергея Чудакова и многих других, с кем на разных этапах связывала автора судьба.

Очевидно, что переписка О. Михайлова является важнейшим источником полученного «из первых рук» фактического материала для исследователей русской литературы XX в. и литературы зарубежья. Здесь доверительные беседы «о жизни», творчестве и многое другое: у иностранных адресатов часто запрашивались сведения, которые в то время даже в спецхранах получить не представлялось возможным. Содержащаяся в переписке информация позволяет устранить многие неточности, которые и до сего дня «кочуют» из публикации в публикацию и даже распространяются с телевизионных экранов: в частности, домыслы по поводу отношений Л.Ф. Зурова и семьи Буниных. Вместе с тем она помогает воссоздать живые портреты писателей зарубежья, их психологические особенности, нашедшие отражение в творчестве, объясняет и уточняет важные нюансы непростых подчас взаимоотношений.

Заочное общение О. Михайлова со своими корреспондентами неизменно носило дружеский характер, и, как правило, с годами эта эпистолярная дружба только укреплялась. Закономерным следствием контактов с «белоэмигрантами» стало негласное объявление его «невъездным», лишавшее всякой надежды увидеть русский Париж, о котором он так много писал.

«Звездопад» писем, по собственному выражению О. Михайлова, пролился на него не вдруг и не сам по себе; переписку он начинал, когда для этого требовалось не только желание, но и определенное мужество. «Мужество» здесь слово не случайное: перелистываемые страницы писем перемежаются в воспоминаниях рассказом о том, как непросто было начинать изучение литературы зарубежья, как, например, было отложено на годы издание подготовленной книжки рассказов Тэффи, как критиковали автора за последний том собрания сочинений Бунина. В результате, когда в 1970-е гг. стало ясно, что тема русского зарубежья снова под запретом, ему пришлось «эмигрировать» в историческую прозу. Начиная с 1973 г. он пишет исторические романы и документально-художественные биографии писателей.

В 1957 г. О. Михайлов написал статью «Проза Бунина», появившуюся на страницах журнала «Вопросы литературы». Даже серьезная редакторская правка на стадии верстки не спасла статью от резкой критики: главный редактор издательства «Советский писатель» Б. Соловьев заявил, что в статье Бунин «превращен в икону», а секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков нашел в ней «ложные идеи и ложные репутации»; в литературных верхах высказывались другие не менее резкие суждения [Михайлов 2008: 165]. Понятно, что совсем иным было восприятие статьи в эмиграции. В целом ее положительно оценил знаменитый Глеб Струве, отметив недостатки, которые, по его мнению, закономерно обусловлены обязательными в Советской России идеологическими запретами. В том же году О. Михайлов решил письменно обратиться к Вере Николаевне Муромцевой-Буниной, задав ей вопрос о принципах публикации сочинений Бунина на родине, и 13 декабря получил долгожданный ответ. Вера Николаевна писала ему о составе собрания сочинений и первоисточниках для возможного академического издания: «Я считаю, что нужно издавать произведения Бунина по последним изданиям, такова была воля Ивана Алексеевича, то есть, значит, по изданию Чеховского издательства (те произведения, которые вошли в эти книги).

Вы спрашиваете, как быть с этими <сделанными Буниным. – Ю.А.> купюрами? Да никак, не печатать их для широкой публики. Они интересны **только** <выделение в опубликованном в книге тексте. – Ю.А.> для тех, кто изучает творчество автора, и их можно печатать в приложении **только** в академическом издании. Читателю не нужно показывать кухню автора» [Михайлов 2008: 166]¹.

Тогда Вера Николаевна не могла предполагать, что и через 60 лет работа по непосредственной подготовке академического собрания еще не начнется. «Жизнь Арсеньева. Юность» стала первой книгой нью-йоркского Издательства им. Чехова (Chekhov Publishing House), которая вышла в 1952 г.; через некоторое время появились еще четыре книги, включавшие разные произведения Бунина. Они были изданы по правилам новой орфографии, против чего писатель ранее категорически возражал, однако теперь дал на это согласие, но с обязательным условием использовать букву «ё». Произошло это в результате долгих переговоров при участии его давнего друга М.А. Алданова, который отвечал за составление программы издательства. Не последнюю роль в этом деле, вероятно, сыграло и то, что Чеховское издательство платило авторам очень высокие для того времени гонорары.

Впоследствии О. Михайлов получил от Веры Николаевны необходимые для работы сборники редких в то время бунинских произведений, в том числе сборник 1929 г. «Избранные стихи», а также книгу ее воспоминаний «Жизнь Бунина» с дарственной надписью. Еще одним «подарком», полученным от Веры Николаевны, стал парижский адрес Б. Зайцева, с которым О. Михайлов переписывался в течение многих лет, и заочное знакомство переросло, несмотря на разницу в возрасте, в доверительные отношения. Эти заочные беседы друзей примечательны не только своим содержанием, но и хронологической протяженностью – начиная с 1959 (Зайцеву исполнилось тогда 78 лет) до 1972 г., последнее письмо было отправлено в Москву за несколько дней до его смерти. Ценность писем Зайцева прежде всего в том, что в них представлена общая характеристика чуть ли не всей эмигрантской литературы. Так, в ней отражены особенности восприятия творчества Набокова в литературной среде эмигрантского Парижа, малоизвестные обстоятельства отъезда писателя в Соединенные Штаты. Открывается истинная

¹ Письмо от 13 декабря 1957 г.

история многолетней дружбы Бунина и Зайцева, которая со временем дала трещину. Это товарищество, почти идиллическое, прекратилось лишь в 1945 г., когда Бунин вышел из Союза русских писателей и журналистов во Франции. Сделал он это в знак протеста против исключения из него литераторов, получивших советское гражданство, считая, что Зайцев его не поддерживает и ведет против него закулисную борьбу. Незадолго до кончины Бунина Зайцевым было отправлено ему письмо, точно восстанавливающее факты и причины размолвки. Но на пороге уже стояла смерть – ответ так и не был получен. Как ни странно, в итоге сложившиеся близкие отношения О. Михайлова с Зайцевым стали невольной причиной того, что связь с Верой Николаевной прервалась. Зайцев, как, впрочем, и Бунин, навсегда сохранил непримиримость по отношению к советской власти, а Вера Николаевна в конце жизни получала пенсию от советского правительства.

Зайцевские письма разнообразны по своей тематике: здесь и оценка языка Бунина, средств и приемов внешней изобразительности в его произведениях, сравнение писателя со Львом Толстым, хотя, по мнению Зайцева, «внутренне, по душе, он не наследник великой традиции нашей литературы (XIX в.)» [Михайлов 2008: 175]¹. Речь шла и об Иване Шмелеве. «Писатель сильного темперамента, – отмечалось в письме, – страстный, бурный, очень одаренный и подземно навсегда связанный с Россией, в частности с Москвой, а в Москве особенно – с Замоскворечьем. Он замоскворецким человеком остался и в Париже, ни с какого конца Запада принять не мог. Думаю, как и у Бунина, и у меня, наиболее зрелые его произведения написаны здесь. Лично я считаю лучшими его книгами “Лето Господне” и “Богомолье” – в них наиболее полно выразилась его стихия» [Михайлов 2008: 176]. Оценивая Шмелева, представляющего собой «отчасти фигуру из Достоевского», Зайцев в том же письме сообщает, что «Человек из ресторана» – произведение «довольно слабое и элементарное» [Михайлов 2008: 178]. По его мнению, «Лето Господне» и «Солнце мертвых» гораздо сильнее и выше, однако их публикация, по понятным причинам, в то время в СССР вряд ли возможна. Вызывает интерес оценка Набокова и его произведений, подписанных псевдонимом «Сирин», которые, как мы узнаем, Зайцев ставил намного выше романов американского периода. В других письмах он вспоминал об Аверченко и Куприне, вместе с которым участвовал в работе съезда эмигрантских писателей в Югославии.

Не один раз Зайцев приглашал О. Михайлова навестить его в Париже: «Приезжайте к нам. Много есть о чем поговорить. Я еще пока жив, но торопитесь, помру, некому будет рассказать о доисторическом времени» [Михайлов 2008: 193]².

Именно так, как предвидел Зайцев, все и произошло: «Там, в далеком Париже, – с нескрываемой горечью пишет О. Михайлов, – у меня был старший друг <...>. Он звал меня, хотел рассказать о многом, о том, что не доверишь перлюстрируемыми письмам. Но меня не выпускали даже в социалистическую Болгарию...» [Михайлов 2008: 190].

«Встреча» состоялась только через двадцать лет: «Я навестил Бориса Константиновича на кладбище, в Сент-Женевьев-де-Буа в 1986 году. Постоял у могилы его и Веры Алексеевны <жена Б. Зайцева. – Ю.А.>, положил цветочки. А потом подошел к другой могиле – Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных» [Михайлов 2008: 192].

¹ Письмо от 17 апреля 1959 г.

² Письмо от 29 ноября 1966 г.

Зайцев был тем, кто заочно познакомил О. Михайлова с Юлией Александровной Кутыриной, племянницей жены Шмелева и наследницей его литературного архива и авторских прав – их переписка началась в 1959 г. и продолжалась около двадцати лет. В результате удалось получить необходимые материалы для издания произведений Шмелева на родине. Нет смысла доказывать, насколько они важны для изучения его творческого наследия, в котором и до сего дня остается много белых пятен.

Подобных примеров можно привести множество. В заключение хотелось бы отметить, что сохранившаяся переписка О. Михайлова заслуживает более подробного обзора и далеко не исчерпывается диалогами с эмиграцией. В ней представлена не только ситуация в литературе и контекст времени – она изобилует бытовыми и житейскими подробностями, многими «частными», на первый взгляд, деталями взаимоотношений в писательской среде, которые исследователь, скорее всего, вряд ли обнаружит при изучении других источников. О них, как правило, редко пишут в биографиях и формализованных летописях жизни и творчества. Однако в нюансах часто раскрывается главное. Именно они словно «изнутри» проясняют те или иные обстоятельства писательского существования в эмиграции, позволяя лучше понять характеры, поступки и творческие замыслы. Кроме того, в письмах отражена история возвращения литературы зарубежья на родину, ярче, чем где бы то ни было, отмечены черты уходящей от нас все дальше легендарной эпохи, которая началась после того, как К. Федин «назвал имя» Бунина.

ЛИТЕРАТУРА

- Михайлов Олег.* Пляска на помойке. М.: ООО «Гейта итерум», 2000. 208 с.
Азаров Ю.А. Гибель филолога // *Stephanos*. 2013. № 1(1). С. 185–189 (www.stephanos.ru).
Зорькин Л. Битая ставка г-на Сионского // *Известия*. 1969. 7 мая.
Михайлов О.Н. Вещая мелодия судьбы. М.: ИД «Сибирский цирюльник», 2008. 372 с.

REFERENCES

- Mikhailov Oleg. (2000) *Dance on the Scrap-Heap*. Moscow. Geya Iterum Publ. 280 p.
Azarov Y.A. Death of a Philologist. *Stephanos*. 2013. No 1(1), pp. 185–189 (www.stephanos.ru).
Zor'kin L. The Broken Rate of Mr. Sionsky. *Izvestiya*. 1969. May 7.
Mikhailov O.N. (2008) *The Prophetic Melody of Fate*. Moscow. Sibirsky Tzeryulnik Publ. 372 p.

Сведения об авторе:

Юрий Алексеевич Азаров,
доктор филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН

Yuri A. Azarov,
Doctor of Philology
Leading Researcher
A.M. Gorky Institute of World Literature RAS

gmammoth@mail.ru

С.Н. Мещеряков (Москва, Россия)

**Иво Андрич. Загадка ясности, или Мир без Бога:
К 125-летию со дня рождения писателя**

Аннотация: В статье рассматривается специфика проявления эпического начала в исторических романах И. Андрича «Мост на Дрине» и «Травницкая хроника», а также своеобразии авторской концепции мира и человека. Особое внимание уделено выявлению картины мира в повести «Проклятый двор». Трагическое мироощущение писателя корректируется его верой в творчество и некоторой надеждой на историческое будущее человечества.

Ключевые слова: эпическое начало, миф, иенский романтизм, трагическое мироощущение, принцип противоречия

S.N. Meshcheryakov (Moscow, Russia)

**Ivo Andrić: The Clarity Enigma, or a World without God.
On the 125th Anniversary of the Writer's Birth**

Abstract: The article discusses epic traits in Ivo Andrić's historical novels "The Bridge on the Drina" and "Bosnian Chronicle", as well as the writer's singular view on the world and the human being. The article seeks to discover Andrić's world view in his story "The Damned Yard". The writer's tragic attitude to life is somewhat balanced by his belief in art and certain hopes for the future of human history.

Key words: epic traits, myth, Jena Romanticism, tragic attitude, contradiction principle

Иво Андрич (1892–1975) – единственный сербский и югославянский писатель, удостоенный Нобелевской премии. Она была вручена ему в 1961 г. «за силу эпического дарования, позволившего во всей полноте раскрыть человеческие судьбы и проблемы, связанные с историей его страны». Его широкомасштабный роман-хроника «Мост на Дрине» (1945) отразил историю Боснии на протяжении четырех столетий, с XVI по XX в., роман «Травницкая хроника» (1945) показал на примере Боснии столкновение Востока и Запада в начале XIX в., а повесть «Проклятый двор» (1954) стала глубочайшим выражением трагизма извечной судьбы человека. Творчество Андрича привело к утверждению сербского исторического романа как безусловной эстетической ценности, что убедительно подтвердили

многочисленные переиздания его произведений. Ему посвящены десятки монографических исследований и огромное количество (более тысячи!) статей.

Серб по национальности, католик по вероисповеданию, И. Андрич родился и вырос в Боснии, на Балканах, на перекрестке Востока и Запада, на перекрестке цивилизаций, там, где разыгрывается История. Именно выстрел в Сараево послужил прологом к Первой мировой войне, и именно взрывом моста в 1914 г. завершается знаменитый роман сербского писателя. Босния, страна с глубокими историко-культурными традициями и в то же время, по определению Андрича, «страна ненависти», стала для него моделью мира.

Ключевое слово для Андрича – «мудрость». Мудрость народа, мудрость поколений, мудрость мифа и легенды. При этом в духе XX в. писатель часто подвергает миф критическому анализу, чтобы впоследствии воссоздать творение народа на новой основе, добиться, по словам критика, «великого синтеза»¹. Перефразируя слова «судьба человеческая, судьба народная», в отношении Андрича можно сказать «судьба человека, судьба человечества».

Мудрость немногословна, она рождается из молчания. На надгробной плите писателя в Белграде всего два слова: «Иво Андрич». Герой его рассказа «История одного моста» турецкий визирь все время сокращает текст памятной надписи на своем творении. В итоге остается только мост. По словам С.С. Аверинцева, идея молчания всегда ценилась человечеством. Она была важна для Плотина и Прокла, Григория Назианзина и Псевдо-Ареопагита². Утверждая безмолвие как источник мудрости, Андрич продолжает мысль своих великих предшественников. В эссе «Разговор с Гойей» (1961) писатель признает ценность и емкость слова, необходимость уплотнения текста. Окончательный вариант повести «Проклятый двор» был сокращен им более чем в два раза.

С другой стороны, обращение к мифу, фольклору предполагало эпический размах повествования, утверждение богатства и неисчерпаемости жизни. Вероятно, поэтому в российском литературоведении прозвучала мысль о «Мосте на Дрине» как о романе-эпосе, хотя сам писатель в свое время дал своему произведению подзаголовок «Вышеградская хроника»³. «Сила эпического дарования» Андрича стала залогом его признания в мире.

В романе «Мост на Дрине» перед читателем проходит целая галерея различных представителей общества. Несмотря на некоторую ограниченность пространства (действие разворачивается в пределах небольшого боснийского городка Вышеграда), на страницах произведения находят свое место отзвуки всех крупных исторических событий того времени: изгнание турок из Венгрии, восстание Карагеоргия, возрождение сербского государства и сербско-турецкие войны во время Восточного кризиса. В дальнейшем история все более активно вторгается в жизнь вышеградцев: австрийская оккупация, а впоследствии и аннексия Боснии и Герцеговины, приобщение к «чудесам» западной цивилизации, начало Первой мировой войны и взрыв главной достопримечательности города – вышеградского моста – убедительно свидетельствуют о слиянии судеб города и страны, города и мира.

В романе «Травницкая хроника», имеющем подзаголовок «Консульские времена», описывается лишь семилетие деятельности французского и австрийского

¹ См.: Vučković R. Velika sinteza. O Ivi Andriću. Sarajevo, 1974.

² Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 56–57.

³ См.: Яковлева Н.Б. Стилиевые черты современного исторического романа-эпоса // Художественная форма в литературах социалистических стран. М., 1969.

консульств (с 1807 по 1814 г.) в главном городе Боснии. Однако и здесь Андрич дает широкую, обобщающую картину действительности. В Травнике сталкиваются представители западной и восточной цивилизаций, действуют французские и австрийские чиновники, представляющие могущественные европейские государства, сменяются турецкие визиря. Судьбы героев находятся в полной зависимости от крупных исторических событий: военных успехов французов, австрийцев, русских, дворцовых переворотов в Стамбуле – и в силу этого история властно вторгается на страницы произведения.

Историческое повествование в романах Андрича опирается на доскональное знание писателем своего предмета. Историк по образованию, защитивший в 1921 г. докторскую диссертацию о духовной культуре Боснии под властью турок, И. Андрич в своих романах строго следует историческим фактам, что многократно признавалось наукой. При этом социально-психологический анализ в произведениях писателя служит основой для широких философских обобщений, рассмотрения вопросов смысла жизни, добра и зла, закономерностей исторического развития.

Оба романа содержат в своем заглавии или подзаголовке слова «хроника», и каждый из них в той или иной мере подчиняется законам этого жанра. Роман-хроника обладает рядом черт, характерных для жанра этнологической или национально-героической повести. Повесть такого рода более аморфна, спокойна, нетороплива. По словам В.В. Кожина, события в такой повести «нередко просто присоединяются друг к другу, большую и самостоятельную роль играют внефабульные элементы и т. д. Роман тяготеет к освоению действия, повесть – бытия; она более эпична. Для повести характерна более активная роль автора, повествователя, рассказчика. В повести основная тяжесть переносится, по сути дела, на статические элементы произведения – положения, душевные состояния, пейзажи и т. п. Сами действенные моменты приобретают в повести, так сказать, скульптурный характер, как бы застывают в точке высшего напряжения, ибо единого сквозного действия нет, а эпизоды нередко следуют друг за другом по принципу хроники»¹.

Все эти черты присущи обоим романам И. Андрича. И в «Мосте на Дрине» и в «Травницкой хронике» нет единства действия, повествование развивается спокойно, иногда даже несколько замедленно. Многочисленные обширные описания предметного мира, картины пейзажей, передача душевного состояния героев, их портреты, характеристики, предыстории играют весьма важную роль в этих романах.

Чрезвычайно существенна в произведениях И. Андрича и позиция автора-повествователя. Голос повествователя постоянно звучит со страниц романов, то самостоятельно, то сливаясь с голосами героев; он ведет читателя по ходу развития событий, выступает связующим началом в произведении. По мнению Н.Б. Яковлевой, роль повествователя в этих романах настолько важна, что «вопрос об авторской позиции Андрича и различное ее понимание становятся источником несовпадающих и даже взаимоисключающих суждений о его творчестве»².

Близость обоих произведений жанру повести не исключает и некоторых различий между ними в этом плане. Очевидно, что «Травницкая хроника» по структуре и композиции, по своей жанровой форме ближе роману, чем «Мост на Дрине». «Травницкая хроника» в большей мере тяготеет к единству действия: она охва-

¹ Кожин В.В. Голос автора и голоса персонажей // Проблемы художественной формы социалистического реализма: В 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 224–225.

² См.: Зарубежная литература XIX века. Романтизм. М., 1990. С. 50.

тывает относительно небольшой временной срок, в ней через все повествование проходят одни и те же герои (Давиль, Дафна), причем некоторые из них (Давиль) пользуются самым пристальным вниманием автора, что является характерным для романа. О стремлении писателя к известной завершенности действия свидетельствует и наличие в романе пролога и эпилога.

В «Мосте на Дрине» самостоятельность и завершенность отдельных глав такова, что позволяет рассматривать это произведение как роман в новеллах, а единственным связующим звеном помимо голоса повествователя здесь является лишь образ моста, весьма условно причисляемого к героям произведения. Отсутствие единства действия и героев, пользующихся исключительным вниманием автора, свидетельствует о большей близости этого романа к жанру романа-хроники.

Вместе с тем действие в «Травницкой хронике» как бы застывает в точке высшего напряжения, а в «Мосте на Дрине» оно находит сюжетное завершение. Принцип антитезы, доминирующий в «Травницкой хронике», не ведет к драматическому столкновению героев с обществом; противоречия, не находя явного выражения, скрадываются и затухают. Наиболее показательны в этом плане так называемые «романы» жены австрийского консула, требующей от своих поклонников исключительно платонической любви и в ужасе прерывающей все связи при первой попытке поцелуя.

С другой стороны, вначале неприметные противоречия между героями и обществом в романе «Мост на Дрине» со временем приобретают все больший размах. Бросается с моста и погибает красавица Фата, которую отец решил выдать замуж за нелюбимого. Предают казни молодого батрака Миле, чью песню о Карагеоргии, предводителе Первого сербского восстания, услышали турки. Вступает в конфликт с обществом и умирает при взрыве моста мелкий торговец Алиходжа. По своему жанровому содержанию это произведение Андрича в большей мере соответствует жанру романа, чем «Травницкая хроника».

Жанровая специфика произведений Андрича, безусловно, привлекала к ним внимание. Однако еще больший интерес вызвала его концепция мира и человека. «Иво Андрич: Загадка ясности» – так называлась монография известного сербского ученого М. Бандича¹. «Романы Андрича, или Мир без Бога» – вот заглавие книги не менее известного литературоведа С. Корача². Столь серьезные различия в оценке картины мира, представленной сербским писателем, очевидно, свидетельствовали об ее сложности и неоднозначности.

В первых произведениях Андрича – сборниках стихотворений в прозе «Ех Ронто» (1918) и «Тревоги» («Немири») (1920) – заметна близость Кьеркегору с его трагическим мироощущением. Сходство взглядов было в какой-то мере обусловлено и жизненной ситуацией Андрича. В юности он вступил в национально-патриотическую организацию «Молодая Босния» и после убийства в Сараево австрийского наследника престола Франца-Фердинанда был арестован и заключен в тюрьму, в дальнейшем замененную ссылкой (1914–1917). В тюрьме наследственная склонность к туберкулезу дала себя знать, и юноша, нежный и хрупкий, оказался на пороге смерти.

С другой стороны, близость образованного молодого человека Кьеркегору была обусловлена духом эпохи. Приближающаяся мировая катастрофа рождала мысль о суровости Бога, жестоко карающего своих детей. Грядущая гибель

¹ *Bandić M. Ivo Andrić Zagonetka vedrine. Novi Sad, 1963.*

² *Korać S. Andrićevi rovani ili svijet bez boga. Zagreb, 1970.*

окружающего мира рождала желание уйти в глубины собственной души, постичь тайны экзистенции. И не случайно второй сборник Андрича назван «Тревоги» – здесь прослеживается связь с экзистенциальной тревогой Кьеркегора.

Трагическое мироощущение писателя проявляется и в названии его первого сборника – «Ex Ponto». Оно сразу напоминало об Овидии с его «Понтийскими посланиями». Напоминало оно и о «слезах», пролитых, по словам Пушкина, римским поэтом. В то же время само сопоставление Андричем себя с величайшим лириком античности свидетельствовало об исключительно высокой самооценке юноши.

В 1920-е гг. «трагический теизм» Андрича постепенно сменяется разочарованием в религии. В его классических рассказах «Путь Алии Джержелеза», «Наложница Мара», «Мустафа Маджар» мир, лишенный надежды на высшую справедливость, предстает или как воплощение недостижимых надежд, или как проявление всевозможных пороков. Алиа Джержелез, легендарный турецкий герой, воплощение силы и мужества, напрасно стремится к любви и красоте. Все женщины, избранные им, отвергают его, и возвращение его в конечном итоге к проститутке лишь подчеркивает трагедию мужчины. Наложница Маара, юная и чистая шестнадцатилетняя девушка, оказавшаяся не по своей воле в гареме турецкого паши, обречена на гибель после ухода турок из Боснии в 1878 г. Ее отвергает даже церковь, т. е., по Андричу, божественное милосердие не существует. В рассказе «Мустафа Маджар» мир – это воплощенная мерзость даже для такого жестокого воина и насильника, каковым является герой произведения. И не случайно он вступает в драку с посетителями корчмы и погибает от куска железа, брошенного в него цыганом. В мире без Бога царят хаос, жестокость и беззаконие.

Вместе с тем ощущение безысходности не может длиться вечно: писатель обращается к поиску новых идеалов. Напряженность отношений героев с окружающей средой во многом уравнивается умиротворением, связанным с образом моста – прекрасного произведения искусства, чуда красоты, воплощением идеала. Мост для Андрича, по словам самого писателя, символ единения людей, простертое над пропастью белое крыло ангела. Мост – это преодоление времени, торжество человеческого духа. Наконец, мост – сердце Вышеграда, яркое свидетельство неповторимости города и особого характера его жителей. Писатель создает исключительный по своему значению обобщенный символический образ не только обращаясь к мифу, но и творя свой собственный миф.

Подобный взгляд на произведение искусства роднит И. Андрича, прекрасного знатока немецкой культуры, с иенскими романтиками, утверждавшими и идеальный характер художественного творения, и красоту как высшую ценность, и устремленность к символическому видению мира, и обращение к мифу, и мифотворчество. Даже взрыв моста свидетельствует не только о катастрофе, разрывшейся над человечеством, но и о переходе этого произведения искусства в вечность. Ведь, с точки зрения романтиков, смерть – т. е. выявление границ – означает их осознание, а следовательно, и преодоление. По словам Новалиса, «смерть – это романтизированный принцип нашей жизни. Смерть – это жизнь после смерти. Жизнь усиливается посредством смерти»¹. Интересно, что и у Андрича Алиходжа в момент взрыва размышляет о строительстве новых мостов. Концепция искусства как преодоления смерти представлена в рассказе Андрича «Аска и волк».

¹ Зарубежная литература XIX века. С. 72.

Роднит Андрича с романтиками и устремленность к бесконечности. Как отмечал сам писатель, он стремился постичь «бесконечную действительность во всех ее проявлениях»¹, а с точки зрения Новалиса, «истинный поэт всеведущ; он действительно вселенная в малом преломлении»².

Наконец, романтикам, как известно, присуще истолкование высшей реальности как игры, что не чуждо и Андричу³. Писатель заставляет одного из своих героев включаться в призрачную, ночную игру с таинственным незнакомцем, оказывающимся, скорее всего, бесом, а другого – разгуливать по узким перилам моста, играя и пританцовывая на головокружительной высоте. В эти моменты жизнь для обычных, ничем не примечательных людей открывает свою истинную суть.

Вера в красоту искусства, способного спасти мир, дополнялась у Андрича некоторым подобием надежды на гармоническое будущее человечества. Конечно, опыт прошлого и настоящего подобную надежду отвергал. Как справедливо отмечал В.П. Гудков, «писателю, охватившему своим взором и мыслью широкое географическое и временное пространство и убедившемуся в постоянстве или даже неизблемости вечных категорий человеческого бытия, был органически чужд иллюзорный оптимизм»⁴. Однако в глубине души Давиля, французского консула и главного героя «Травницкой хроники», живет надежда, что, возможно, новое поколение будет жить лучше. Конечно, Давиль – фантазер и мечтатель: в свободные часы он пишет «эпопею» об Александре Македонском, пытаясь создать образ великого человека как образец для людей его эпохи. И все же душевная чистота и искренность этого героя не позволяет видеть мир лишь в темных тонах.

Романы Андрича «Мост на Дрине» и «Травницкая хроника» были написаны в трагические годы Второй мировой войны. Возможно, именно поэтому писатель все же выражал в них некоторую надежду на относительную гармонию в будущем. Однако в повести «Проклятый двор», итоговом произведении, над которым Андрич работал более двадцати лет, картина мира представляется совершенно безысходной. Крупнейший сербский исследователь творчества Андрича П. Джаджич справедливо отмечал, что «трагическое видение жизни Андричем в “Проклятом дворе”, вероятно, достигает своей кульминации. Человек, ломаясь сам по себе и под действием внешних сил, тонет в непроглядной тьме экзистенциального, общественного, исторического и космического бытия. Иного Андрича, выражающего веру в жизнь, восхваляющего ее постоянство, гуманиста, понимающего, что нет такого «Я», которое не являлось бы частью всеобщего «Мы», сознающего, что космос важнее жизни, жизнь важнее человека, а бытие других важнее индивидуальных спазм, такого Андрича мы должны искать в других его произведениях»⁵.

При этом следует отметить, что в повести «Проклятый двор» Андрич, не отказываясь от конкретики, дает предельно обобщенную картину действительности, создает повесть-притчу, повесть-параболу с историческим сюжетом, что повышает значимость этого произведения для выяснения концепции писателя.

В «Проклятом дворе» действие разворачивается в стамбульской тюрьме с символическим названием, вынесенным в заглавие произведения. Герои здесь попада-

¹ Андрич И. Собр.соч. Т. 2. М., 1984. С. 287.

² Зарубежная литература XIX века. С. 59.

³ См.: Кириллова О.Л. Между мифом и игрой. О поэтике Андрича. М., 1992.

⁴ Гудков В.П. Созерцательная мудрость Иво Андрича // Творчество Иво Андрича. Миф. Фольклор. История. Литература: Симпозиум к столетию со дня рождения писателя. М., 1992. С. 14.

⁵ Цацић П. О «Проклятой авлији». Београд, 1975. С. 118.

ют в совершенно иное измерение, они оказываются на необычном, заколдованном острове, который сам писатель называет «демоническим». Это во всех деталях антипод острова счастья, описанного в «Сказке о царе Салтане...». Деревца здесь хиленькие, море далеко, и тюрьма стоит *под* горой. К тому же смотритель тюрьмы Караджоз, чье прозвище означает гротескного персонажа турецкого театра теней, несет в себе демоническое начало. У него «дьявольские» планы, мысль его работает с «дьявольской изощренностью».

Главный персонаж юноша Чамил, лишенный семьи и связей с реальным миром, обвиняется в самоидентификации с султаном Джемом, жившим несколько столетий назад, во второй половине XV в. (1459–1495). XIX век и век XV переплетаются, причем в основе исторического сюжета о борьбе за власть между Джемом и его братом Баязидом (1447–1512) лежит близнечный миф. Сам писатель по поводу этого конфликта отмечает: «Это была новая и величественная версия извечного рассказа о двух братьях. С тех пор, как существует мир, непрестанно появляются и живут на свете два брата-соперника»¹.

И соперничество это предполагает трагический исход, так как это столкновение твердого, практического следования законам жизни и мечтательной попытке утверждения собственных ценностей. Один из братьев, «старший и умудренный опытом, человек с твердым характером, стоит ближе к реальной действительности... Второй брат – полная его противоположность. Не жилец на этом свете, неудачник, он уже с первых шагов совершает ошибки... он заранее обречен на поражение»².

Обречен на поражение и Чамил, обречен на поражение и случайно попавший в тюрьму его слушатель фра (фратар)-Петар. Первые слова повествования – слова о смерти, последние – тоже. В обоих случаях автор говорит о бесконечной снеговой пустыне и о белом безмолвии, наступившем после похорон фра-Петара. Жизнь в произведении Андрича призрачна, единственной реальностью в повести выступает смерть. В заключительных десяти строках повести слово «нет» появляется семь раз, причем один раз оно стоит в конце предложения и шесть раз в начале, образуя специфический интонационно-семантический рисунок.

Итак, человек обречен на поражение. Обречен по своей вине (обычные заключенные Проклятого двора) и обречен без вины (фра-Петар, Чамил, Джем). При этом султан Джем предстает как высшее проявление человеческого духа. Он – само достоинство, верность собственному высокому призванию, воплощение трагического мироощущения. Причем все эти качества присущи ему изначально: он их не приобретал, а следовательно, не может и потерять. Джем – высший тип человека, и его судьба – самое страшное обличение мира и в то же время гимн величию и благородству.

Таким образом, величие и благородство человека и трагизм его судьбы, по Андричу, связаны неразрывно. Трагизм – необходимое условие существования человеческого духа, и здесь возникают некоторые параллели между Андричем и Ницше, Андричем и древнегреческой трагедией. При этом герой Андрича не вступает в спор с судьбой, подобно Эдипу, и лишен «amor fati» (любви к року), впервые утверждаемой Ницше в «Веселой науке» (1881). Трагедия султана Джемма абсолютно неизбежна, она определена самим его рождением. Точно так же, как неизбежна его духовная победа, рожденная из поражения.

¹ *Иво Андрич. Собр. соч. Т. 2. М., 1984. С. 237. Здесь и далее цитируется по данному изданию, страница указывается в тексте статьи.*

² *Vojvodić R. Sudbina umetnika. Beograd, 1976. S. 103.*

Очевидно, что концепция мира и человека в «Проклятом дворе» не совпадает с христианским видением мира. Несмотря на воспитание в католической семье, Андрич приходит к отрицанию Бога. В интервью Р. Войводичу он заявляет: «Художник потому и существует, что не верит в Бога»¹. По мнению писателя, понятие Бога рождается из «отчаяния» и «слабости». Слабость же ведет к вере в «другого» и даже в «абстрактную арабеску».

Вместе с тем в повести «Проклятый двор» звучат и другие ноты. В произведении решающую роль играет принцип противоречия, проявляются единство и борьба противоположностей. У Андрича, как и у Пушкина, жизнь «к противоречиям склонна», а истинный художник предстает как «парадоксов друг». Здесь все подчиняется чудесной, парадоксальной формуле «и да и нет», как в сказке о мудрой крестьянской дочери, приехавшей к царю обнаженной и не обнаженной, верхом и не верхом, с подарком и без подарка.

Так, смотритель Проклятого двора Караджоз действует в отношении заключенных «изнутри», используя не грубую силу, но психологическое давление. «Этот необычный способ делал его хуже, страшнее и опасней его предшественников, но, в известном смысле, лучше и человечнее их» (стр. 207). Караджоз – «бесконечное, неуловимое сплетение противоречивых качеств» (стр. 207). Он «тесно связан с миром порока и преступления», но «прочно отделен от него своим положением» (стр. 207). Его «жилище» «было и удалено от Проклятого двора, и в то же время почти рядом». «Несмотря на свои сто килограммов, он, когда было нужно, становился подвижным и быстрым, как ласка...» (стр. 206). «На его темно-оливковой физиономии никто не видел улыбки, даже когда он сотрясался от неудержимого внутреннего смеха» (стр. 207).

Принцип противоречия проявляется и при изображении самого Проклятого двора и других героев. Так, «заключенные стамбульцы... терзаются и оттого, что не видят и не слышат родного города: казалось бы, никуда не уезжали, а словно отделены от него долгими днями пути» (стр. 202). Чамил при этом и жив и мертв одновременно, а Джем одновременно и султан, и раб. Арестованный монах и рассказчик фра-Петар одновременно и боится заключенных, и в то же время тянется к ним.

Очевидно, что парадоксальность «Проклятого двора» напоминает о христианском парадоксализме. И само присутствие демонического начала «от противного» свидетельствует о начале божественном. Однако трудно сказать, было ли это заложено в повесть самим Андричем. «В ужасах жизни – залог будущего», – убежденно утверждает вслед за Ницше Лев Шестов². Этой мыслью завершается и «Мост на Дрине». Эта мысль не противоречит и христианству.

И все же подводить итоги рано. Кажется, вспоминая вслед за Шестовым Заратустру, Андрич мог сказать: «Дабы никто не мог заглянуть в мою глубину и узнать мою последнюю волю, я изобрел себе долгое и светлое молчание».

ЛИТЕРАТУРА

- Дело Иве Андрића у контексту европске књижевности и културе. Београд, 1981. 991 с.
Вучковић Р. Андрић. Паралеле и рецепција. Београд, 2006.
Bandić M. Ivo Andrić Zagonetka vedrine. Novi Sad, 1963. 419 s.

¹ Шестов Л. Соч. М., 1995. С. 16.

² Шестов Л. Соч. С. 64.

Korać S. Andrićevi romani ili svijet bez boga. Zagreb, 1970. 265 s

Džajić P. Hrastova greda u kamenoj kapiji: Mitsko u Andrićevom delu. Beograd, 1983. 226 s.

Сведения об авторе:

Сергей Николаевич Мещеряков,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey N. Meshcheryakov,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

pionerskaya@bk.ru

Библиографии

Bibliography

В.А. Воропаев (Москва, Россия)

**Библиография произведений Н.В. Гоголя
и литературы о нем на русском языке (1981–1985)**

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works
and Literature about Him in Russian (1981–1985)**

1981

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки / Рис. И. Байрачного. Минск: Юнацтва, 1981. 191 с.: ил.

Избранное: В 2 т. / Редкол.: Ш. Муртазаев и др.; худ. А. Кулинич. Алма-Ата: Жазушы, 1981.

Т. 1.

Т. 2. 423 с.: ил.

Мертвые души: [поэма] / Послесл. и примеч. Ю.В. Манна. М., 1981. 398 с.

Загл. послесл.: В поисках живой души. С. 374–388.

Примеч. С. 389–397.

Мертвые души: поэма / Предисл. П.Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1981. 415 с.: ил.

Загл. предисл.: Мертвые души. С. 5–35.

Мертвые души: поэма / Ил. В. Горяева. М.: Художественная литература, 1981. 575 с.: ил.

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине. Редакция, разрешенная цензурой. С. 569–574.

Невский проспект: повесть / Рис. Д.Н. Кардовского. Л.: Изокombинат «Художник РСФСР», 1981. 106 с.: ил.

[Факсимильное воспроизведение изд. 1905 г.]

[Откл.: *Викторова Е.* Сокровища – для всех // Ленинградская правда. Л., 1981. 18 сентября.]

[Впервые: Невский проспект: Повесть Н.В. Гоголя / рис. Д.Н. Кардовского. СПб.: Кружок любителей русских изящных изданий, печатано в типографии Т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1905. [4]. 74 с.: ил.]

[150 нумерованных экземпляров.]

Несколько слов о Пушкине // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М.: Изд-во Правда, 1981. – (Библиотека «Огонек»).

Петербургские повести / Вступ. статья С.Г. Бочарова. М.: Правда, 1981. 206 с.: ил.
Загл. вступ. статьи: Петербургские повести Гоголя. С. 5–18.

Петербургские повести / Послесл. С.Г. Бочарова. Барнаул: Алтайское книжное изд-во,
1981. 175 с. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: Петербургские повести Гоголя. С. 164–174.

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья Л.М. Полуяновой. Одесса: Маяк, 1981. 119 с.
Загл. вступ. статьи: Он воспел любовь к Родине. С. 5–7.

Шинель: повесть / Послесл. Ю.В. Манна; рис. Ю. Игнатъева. М.: Детская литература,
1981. 47 с. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: «Одно из величайших созданий Гоголя». С. 39–46.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент.
А.С. Курилова. М.: Современник, 1981. 383 с. – (Библиотека «Любителям российской
словесности»).

Загл. вступ. статьи: Константин и Иван Аксаковы. С. 5–29.

Из содерж.:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души.
С. 141–150.

[Впервые: отдельной брошюрой. М., 1842.]

Аксаков К.С. Объяснение <по поводу рецензии В.Г. Белинского на «Несколько слов о поэме
Гоголя...»>. С. 151–158.

[Впервые: Москвитянин. 1842. № 9. Критика. С. 220–229.]

Коммент. С. 359.

Аксаков И.С. Несколько слов о Гоголе. С. 250–252.

[Впервые: Московский сборник. Т. 1. М., 1852. С. VII–XII.]

Коммент. С. 365.

[Указ. имен.]

Алексеев А., Наумов А. «Неправосудие, величайшее в свете несчастье...» (Право в
творчестве Н.В. Гоголя) // Социалистическая законность. М., 1981. № 10. С. 57–59.

Альбом гоголевских типов // Приокская правда. Рязань, 1981. 15 августа.

[О выставке, посвященной 165-летию художника П.М. Боклевского, на которой представлено
прижизненное издание «Альбома гоголевских типов».]

Альми И.Л. Пушкинская традиция в комедии Гоголя «Ревизор» // Проблемы современ-
ного пушкиноведения. Л., 1981. С. 13–24.

Анненкова Е.И. Осмысление жизненных фактов в художественной концепции «Мерт-
вых душ» Н.В. Гоголя // Пути анализа литературного произведения: Пособие для учи-
теля / Под ред. Б.Ф. Егорова. М.: Просвещение, 1981. С. 20–30.

Анненский И. Заметки о Гоголе, Достоевском, Толстом / Публ. Н.Т. Ашимбаевой // Из-
вестия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981. Т. 40. № 4. С. 378–386.

Бердников Г. Гоголь и Чехов: К вопросу об исторических судьбах творческого наследия
Н.В. Гоголя // Вопросы литературы. М., 1981. № 8. С. 124–162.

Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4: Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921 М.: Художественная
литература, 1982. 462 с.

Дитя Гоголя.

Вертлиб Е. От Гоголя до Гегеля, или «Мертвые души» в «Селе Степанчикове» Достоев-
ского // Canad. Amer. Slavic Studies. Montreal, 1981. Vol. 15. № 4. P. 467–491.

[Впервые: Современник. Торонто (Канада), 1979. № 42. С. 12–18; № 43/44. С. 77–85. Перепечатано: Дон. Ростов на Дону, 1997. № 1. С. 215–238; *Вертлиб Е.* Разнообрывки рифмованных мыслей. Note. СПб.: Терция, 1994. С. 91–138. Примеч. С. 176–185.]

Вишневская И. Нравственные искания Гоголя // Театральная правда. Тбилиси, 1981. С. 81–101.

Воропаев В. «Замкни речь пословицей». Народнопоэтическая стихия в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Литературная учеба. М., 1981. № 4. С. 172–179.

Воропаев В.А. «Мертвые души» и традиции народной культуры (Н.В. Гоголь и И.М. Снегирев) // Русская литература. Л., 1981. № 2. С. 92–107.

Гамсахурдиа К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7–8: Новеллы, очерки, статьи. Тбилиси: Мерани, 1981. Гоголь / Пер. П. Шариа. С. 495–514.

Гончар О. Гоголевскими шляхами // Литературная газета. М., 1981. 2 декабря. № 49. С. 6. [Гоголевская Полтавщина.]

Гончар О. Гоголевскими шляхами / Авторизов. пер. с укр. К. Григорьева // Радуга. Киев, 1981. № 12. С. 31–39.

Грибушин И.И. О поэтике социальной утопии (Гоголь и Некрасов) // Русская литература 1870–1890 гг. Свердловск, 1981. Сб. 14. С. 138–151.

Гураль С.К. Творчество Н.В. Гоголя в свете основных направлений современной американской критики // Современная идеологическая борьба и проблемы изучения и преподавания литературы, журналистики США / Тезисы докладов Всесоюзной конференции по проблемам американистики (22–24 сентября 1981, Москва). М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 55–56.

Гус М.С. Живая Россия и «Мертвые души». М.: Советский писатель, 1981. 336 с.

Добин Е.С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1981. 432 с. [Гоголь: С. 311–363].

Друговская А.Ю., Капинос С.В. Из истории преследования царской цензурой «Письма к Гоголю» В.Г. Белинского // Научные труды / Курский пед. ин-т. Курск, 1981. Т. 216. С. 149–159.

Зарубежные исследования по литературоведению: реферативный сб. Вып. 1 / Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам; материалы подгот. А.Н. Николукиным и И.П. Ильиным; отв. ред. Е.Ф. Трушенко. М., 1981. 192 с. – (Сер. Направления и тенденции в современном зарубежном литературоведении и литературной критике).

Из содерж.:

Никитин В.А. Фэнджер Д. Творчество Николая Гоголя. С. 97–113.

[*Fanger D.* The creation of Nikolai Gogol Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press., 1979. XIII, 300 p.]

Золотусский И. Душа и дело жизни: Очерки о Гоголе. М.: Правда, 1981. 48 с. – (Библиотека «Огонек»).

Золотусский И. На земле Гоголя // Огонек. М., 1981. № 3. С. 14–15.

История русской литературы: В 4 т. Т. 2. От сентиментализму к романтизму и реализму / Академия Наук СССР. Институт Русской Литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. Н.И. Пруцков; ред. тома Е.Н. Купреянова. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. 880 с. *Купреянова Е.Н.* Н.В. Гоголь. С. 530–579.

Иваньо И. Очерк развития эстетической мысли Украины. М.: Искусство, 1981. 423 с.
[Указ. имен.]

Классическое наследие и современность: [сб. статей] / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); редкол.: Д.С. Лихачев (отв. ред.) и др. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1981. 416 с.

Из содерж.:

Жаравина Л.В. К проблеме национального характера в поэме Гоголя «Мертвые души». С. 159–166.
Кузьмин А.И. Гоголевские традиции в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». С. 285–294.

Каганская М. Апология жанра // 22 (Двадцать два): [альманах.] Тель-Авив, 1981. № 2. Июль – Август. С. 192–208.

[«Апология сумасшедшего» П.Я. Чаадаева как реакция на «Записки сумасшедшего» Гоголя.]

Коханова Л. Возвращение писателя // Смена. М., 1981. № 7. Апрель. С. 20.

[Квартира Гоголя в Москве.]

Кочемасов В.И. На благо общества // Литературная газета. М., 1981. 7 января. № 2. С. 10.

Кривонос В.Ш. Проблема читателя в творчестве Гоголя / Науч. ред. В.П. Скобелев. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981. 168 с.

Кубарев Е.М. Сопоставительно-текстологический анализ ключевой группы слов (как средство когезии) в авторских вариантах комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Научные труды Куйбышевского гос. пед. ин-та. Т. 252: Художественная речь. Куйбышев, 1981. С. 12–138.

Ланский Л. Неизвестное об известном // В мире книг. М., 1981. № 3. С. 78–80.

[С. 80: Надпись Гоголя на форзаце прекрасно переплетенного экземпляра первого издания «Ревизора» (СПб., 1836): «Федору Лаврентьевичу Халчинскому от Автора». Экземпляр хранится в отделе редкой книги Государственной исторической библиотеки (Москва). Надпись не датирована. Можно предположить, что сделана она весной 1836 г, вскоре после выхода книги в свет.]

Литвин Н.О., Брайко Г.С. Великосорочинский литературно-мемориальный музей Н.В. Гоголя: Путеводитель. 4-е изд. Харьков: Прапор, 1981. 62 с.: ил.

Лихачева И.В. Опера «Мертвые души» Р. Щедрина: Путеводитель. М.: Советский композитор, 1981. 81 с.: ил., нот. ил.

Любас Л.А. «Женитьба» Н.В. Гоголя и «Бедная невеста» А.Н. Островского: Сопоставительная характеристика драматургии конфликта и драматургии диалога // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1981. С. 87–98.

Люблю отчизну я... / Сост. И.В. Воробьева. М.: Детская литература, 1981. 494 с.

Манн Ю. Парадокс Гоголя-драматурга // Вопросы литературы. М., 1981. № 12. С. 132–147.

Молдавский Д.М. Товарищ Смех. Л.: Лениздат, 1981. 344 с.

Из содерж.:

О фольклоризме Гоголя. Предположение об имени «Вий». С. 143–153.

Николюкин А.Н. Литературные связи России и США. Становление литературных контактов / АН СССР, ИНИОН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.: Наука, 1981. 406 с.: ил.

[Гоголь и Ирвинг. С. 242–244.]

Осокин В. Заветная полка // Книжное обозрение. М., 1981. 18 сентября.

Попов В.П. Отношение Гоголя к брошюре К. Аксакова о «Мертвых душах» // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество: межвузовский сб. / Кубанский гос. ун-т; редкол.: В.А. Михельсон (отв. ред.) и др. Краснодар: Кубанский ун-т, 1981. С. 47–54.

Поспелов Г.Н. История русской литературы XIX века. 40–60-е годы. М.: Высшая школа, 1981. 480 с.

Проблема традиций и новаторства в русской литературе XIX – начала XX вв.: межвузовский сб-к научных трудов / Министерство просвещения РСФСР, Горьковский гос. пед. ин-т им. М. Горького; редкол.: М.Я. Ермакова (отв. ред.), В.Г. Ермушкин, В.В. Харчев, А.Н. Орфанова, З.Е. Либинзон. Горький, 1981. 151 с.

Из содерж.:

Короленок А.И. «Тарас Бульба» Гоголя и народная смеховая культура. С. 103–110.

Гольденберг А.Х. «Житие» Павла Чичикова и агиографическая традиция. С. 111–118.

Райку Л. Гоголь, или фантастика банального // Литература и жизнь народа: Литературно-художественная критика в СРР [Социалистическая Республика Румыния]: Сб. статей / Пер. с рум.; общ. ред. А.А. Языковой; сост. и предисл. М.В. Фридмана. М.: Прогресс, М., 1981. С. 394–404.

Раков Ю. Два портрета: Гоголь и Иванов // Литературная Россия. М., 1981. 18 декабря. № 51. С. 22.

Русская критика от Карамзина до Белинского / Сост., вступ. статья и коммент. А.А. Чернышева. М.: Детская литература, 1981. 400 с.

Из содерж.:

Пушкин А.С. Вечера на хуторе близ Дикеньки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. 2-е изд. Две части.

Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине.

Гоголь Н.В. Театральный разъезд после представления новой комедии.

Гоголь Н.В. В честь же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность.

Шевырев С.П. Похождения Чичикова, или Мертвые души, поэма Н. Гоголя. Статья первая.

Шевырев С.П. Похождения Чичикова, или Мертвые души, поэма Н. Гоголя. Статья вторая.

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»

Герцен А.И. <Из дневника 1842 года.>

Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»).

Белинский В.Г. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю.

Русская литература XIX века. Первая половина: Хрестоматия литературно-критических, мемуарных и эпистолярных материалов / Сост. И.Е. Каплан, П.Г. Пустовойта. М.: Просвещение, 1981. 240 с.

Из содерж.:

Стасов В.В. Гоголь в восприятии русской молодежи 30–40-х гг.

Русская литература в оценке современной зарубежной критики: [сб. статей. Вып. 3] / Под ред. проф. В.И. Кулешова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 288 с.

Из содерж.:

III. О спорном и бесспорном:

Лучкова Г.А. Неравноценные этюды о классиках (О сборнике «Русская литература XIX в.: Очерки о десяти русских писателях» под редакцией Дж. Феннелла). С. 130–179.

[Nineteenth-Century Russian Literature: Studies of Ten Russian Writers / Ed. by John Fennell. London: Faber and Faber, 1973.]

[Об очерке А. де Джонга «Гоголь»: С. 161–179.]

IV. Сообщения:

Гураль С.К. Ф. Дриссен о Гоголе-повествователе. С. 280–283.

[*Driessen F.C.* Gogol' as Novellist. Bijdrage tot de kennis van zijn compositietechniek. Baarn Hollandia, 1955; *Driessen F.C.* Gogol as a Short-Story Writer. A Study of His Technique of Composition / Transl. from Dutch by Ian F. Finlay. Paris; The Hague; London: Mouton & Co., 1965.]

Кулешов В.И. Упрощение сложного (О книге Д. Фэнгера «Творчество Гоголя»). С. 284–287.

[*Fanger Donald.* The Creation of Nicolai Gogol. The Belknap Press of Harvard University Press, 1979. 300 p.]

Сахарова Е.М., Семибратова И.В. Энциклопедия русской жизни: Роман и повесть в России второй половины XVIII – начала XX века. Рекомендательный библиографический указатель / Под ред. проф. В.И. Кулешова. М.: Книга, 1981 / Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина. 384 с.

[Н.В. Гоголь. С. 77–91].

Сашина А. Самозванная родня литературных героев // В мире книг. М., 1981. № 6. С. 80. [Откл на кн.: Добчинский и Бобчинский. Как ловко надувают в Петербурге помещиков. СПб., 1865; *Курдиновский А.И.* Майская ночь или случай с писарем у пруда. Венок на памятник Н.В. Гоголю (Харьков, 1902) и др.]

Слюсарь А.А. Герои и ситуации в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя и «Хаджи-Мурате» Л.Н. Толстого // Вопросы литературы народов СССР. Киев; Одесса, 1981. Вып. 7. С. 64–74.

Смелянский А.М. Н.В. Гоголь // Смелянский А.М. Наши собеседники. М., 1981. С. 43–90.

Смирнова Е.А. Гоголь Николай Васильевич // Лермонтовская энциклопедия. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1981. С. 114–115.

Струве П.Б. Два русских ясновидца: Гоголь и Иванов // Струве П.Б. Дух и слово: Статьи о русской и западноевропейской литературе. Paris: YMCA-Press, 1981. С. 177–183.

Турчин В.С. Эпоха романтизма в России: К истории русского искусства первой трети 19 столетия: Очерки. М.: Искусство, 1981. 552 с.

[О Гоголе: С. 72–74.]

Хандрос Б.Н. Всматриваясь в лица: Художественно-документальные повествования Киев: Молодь, 1981. 191 с.

На Михайловой горе. С. 135–151.

[К истории отношений Гоголя и М.А. Максимовича].

Храпченко М.Б. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3: Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Художественная литература, 1981. 431 с.

[Указ. имен.]

Червинский Н., Панишинская Н. Загадка диплома Н.В. Гоголя // Нева. Л., 1981. № 4. С. 220–221.

[Приводится текст диплома Гоголя – почетного члена Московского университета.]

Шаблій М.И. Н.В. Гоголь и М.Ю. Лермонтов: (К истории вопроса об идейно-эстетической общности) // Вопросы русской литературы. Львов, 1981. Вып. 21. С. 43–51.

Шагинян Р.П. Белинский – основоположник русской классической критики: [Учебное пособие] / Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои. Самарканд: Самаркандский гос. ун-т, 1981. 90 с.

Шкловский В. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М.: Советский писатель, 1981. 352 с.

Из содерж.:

Гоголь. Почему не дописаны «Мертвые души». С. 309–325.

[«Мертвые души» «не дописаны потому, что их нельзя было воскресить».]

1982

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Послесл. П. Николаева. М.: Художественная литература, 1982. 432 с.: ил. – (Классики и современники. Русская классическая литература).

Послесл. С. 420–430.

Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1982. 583 с.

Мертвые души: поэма. М.: Московский рабочий, 1982. 384 с.

Мертвые души: поэма / Предисл. С.И. Машинского. М.: Детская литература, 1982. 384 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Предисл. С. 3–22.

Мертвые души: поэма / Послесл. М. Рукавицина. М.: Московский рабочий, 1982. 382 с. Послесл. С. 365–381.

Высказывания и отзывы о поэме

Приложение

Повесть о капитане Копейкине. Редакция, разрешенная цензурой.

Мертвые души: поэма / Предисл. С.И. Машинского; примеч. М.Г. Качурина; ил. А. Агина, П. Боклевского, А. Лаптева. М.: Просвещение, 1982. 256 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 5–22.

Примеч. С. 236–253.

Приложения:

Повесть о капитане Копейкине. Редакция, разрешенная цензурой. С. 224–228.

Н.В. Гоголь о «Мертвых душах». Из писем и произведений. Сост. М.Г. Качурин. С. 229–235.

Ревизор / Послесл. В. Цаавы. Тбилиси, 1982. 160 с.

Загл. послесл.: Гоголевская ревизия (О «Ревизоре»). С. 135–159.

Ревизор. Мертвые души Шинель. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа Головлевы. Сказки. М.: Детская литература, 1982. 718 с. – (Библиотека мировой литературы для детей).

Тюнькин К.И. Вершины русской сатиры. С. 3–42.

Мертвые души: поэма. М.: Московский рабочий, 1982. 384 с.

Переписка Пушкина. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. – (Сер. Переписка русских писателей).

Шинель: повести. М.: Советская Россия, 1982. 63 с. – (Школьная библиотека).

Содерж.:

Шинель. С. 5–35.

Нос. С. 36–61.

Шинель / Послесл. Ю. Манна. Изд. 3-е. М. Детская литература, 1982. 47 с. – (Школьная библиотека. Для средней школы).

Загл. послесл.: Одно из глубочайших созданий Гоголя. С. 39–46.

ЛИТЕРАТУРА

Авдонин А.М. Неосуществленное намерение Н.В. Гоголя, или История одной легенды // Русская литература. Л., 1982. № 2. С. 195–196.

[О намерении Гоголя посетить Симбирск.]

Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / Сост., вступ. статья и коммент. А.С. Курилова. М.: Современник, 1982. 383 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).

Загл. вступ. статьи: Константин и Иван Аксаковы. С. 5–29.

Из содерж.:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 141–150.

[Впервые: отдельной брошюрой. М., 1842.]

Аксаков К.С. Объяснение <по поводу рецензии В.Г. Белинского на «Несколько слов о поэме Гоголя...»>. С. 151–158.

[Впервые: Москвитянин. 1842. № 9. Критика. С. 220–229.]

Коммент. С. 359.

Аксаков И.С. Несколько слов о Гоголе. С. 250–252.

[Впервые: Московский сборник. Т. 1. М., 1852. С. VII–XII.]

Коммент. С. 365.

[Указ. имен.]

Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М.: Изд-во Наука, 1982. 863 с.

[Ганц Кюхельгартен: С. 697–700.]

[Указ. имен.]

Альтман М.С. О собственных именах в произведениях Гоголя // *Finitis Duodecim Lustris*: сб. статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллин. 1982. С. 106–109.

Аннинский Л. «Юбиляр во фраке...» (Не лишенный загадочности эпизод из жизни Афанасия Фета) // Московский комсомолец. М., 1982. 13 августа.

[Гоголь и А. Фет.]

Афанасьев В.В., Боголепов П.К. Тропа к Лермонтову: Документально-художественная книга-справочник жизни и творчества М.Ю. Лермонтова / Под общ. ред. В.И. Коровина. М.: Детская литература, 1982. 286 с.: 96 л. ил.

Из содерж.:

Афанасьев В.В. Окружение Лермонтова (избранные лица). Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). С. 98–99.

Бекедин Б.В. В.Г. Белинский и проблема эпопеи // Русская литература. Л., 1982. № 3. С. 38–55.

[Полемика В.Г. Белинского с К.С. Аксаковым о «Мертвых душах» Гоголя.]

Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. / Редкол.: Н.К. Гей и др. М., 1976–1982.

Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. Ann Arbor: Ardis Publishers, 1982. 319 с.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Владимиров Е.В. Н.В. Гоголь в чувашской литературе // Владимир Е.В. Обретение традиций. Чебоксары, 1982. С. 100–108.

Войтоловская Э.Л. С.Т. Аксаков в кругу писателей-классиков: Документальные очерки. Л.: Детская литература, 1982. 220 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Аксаков и Гоголь. С. 91–151.

Воронский А.К. Избранные статьи о литературе / Вступ. статья А.Г. Дементьева. М.: Художественная литература, 1982. 527 с.

Из книги «Гоголь». С. 445–522.

[Рец.: *Николаев П.* Вера в художественную истину // Новый мир. М., 1983. № 8. С. 240–244.]

Воропаев В. Рукою Гоголя // Огонек. М., 1982. Октябрь. № 43. С. 15.

[Записка Гоголя графине Л.К. Виельгорской «Разные дела по части Гоголя» (1844).]

Воропаев В.А. Заметки о фольклорном источнике гоголевской «Повести о капитане Копейкине» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1982. № 6. С. 35–41.

Воропаев В.А. О роли пословиц в создании характеров «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Проблемы литературного развития (на материале русских и зарубежных литературно-художественных традиций): сб. статей. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. С. 48–59.

Воскерчян А.К. Всемирное значение творчества Гоголя // Воскерчян А.К. Вопросы русской и армянской литературы. Ереван, 1982. С. 110–118.

Вяземский П.А. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. М.И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. 462 с.

Загл. вступ. статьи: Петр Андреевич Вяземский. С. 5–36.

Из содерж.:

Поминки <Гоголь> («Ты загадкой своенравной...»). С. 282–283.

Вяземский П.А. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Литературно-критические статьи / Сост., подгот. текста и коммент. М.И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. 383 с.

Из содерж.:

«Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С-Петербург, 1836 г. С. 146–162.

[Впервые: Современник. 1836. Т. 2. С. 285–309.]

Коммент. С. 341–343.

Языков и Гоголь. С. 162–188.

[Впервые: Санкт-Петербургские ведомости. 1847. 24–25 апреля. № 90–91.]

Коммент. С. 343–346.

Приложение:

Из «Автобиографического введения». С. 239–280.

[О Гоголе: С. 274–276.]

[Впервые: *Вяземский П.А.* Полное собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. I–LX; Т. 2. С. VII–XVIII.]

[Печ. с уточнением по рукописи.]

Коммент. С. 355–363.

[Указ. имен.]

Гольденберг А.Х. Житийная традиция в «Мертвых душах» // Литературная учеба. М., 1982. № 3. С. 155–162.

Громов М.П. О гоголевской традиции у Чехова // Чехов и литература народов Советского Союза. Ереван: Изд-во Ереванского гос. ун-та, 1982. С. 55–76.

Гураль С.К. Творчество Н.В. Гоголя в современной американской критике (по материалам книг Т. Линдстром «Краткая история русской литературы» и «Николай Гоголь») // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. С. 154–163.

Дилакторская О. О «Шинели» Н.В. Гоголя: Построение сюжета // Литературная учеба. М., 1982. № 3. С. 149–154.

Докусов А.М., Качурин М.Г. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в школьном изучении: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1982. 194 с.

Дубинин М. Гоголь и Оптинские старцы // Новый журнал. Нью-Йорк, 1982. № 147. С. 5–17.

Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1982. 269 с.

[Указ. имен.]

Егоров Б.Ф. Литературно-критическая деятельность В.Г. Белинского: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1982. 175 с.

Из содерж.:

Разд. I: У истоков литературно-критической деятельности

«О русской повести и повестях г. Гоголя». С. 29–32.

Разд. III: Время критических шедевров

Статьи о «Мертвых душах». С. 92–101.

Разд. IV: Борьба за «натуральную школу»

«Лучшее произведение бесцензурной демократической печати». С. 153–158.

[Письмо В.Г. Белинского к Гоголю от 15 июля (н. ст.) 1847 г. из Зальцбрунна.]

Жаравина Л.В. Шекспиризм Гоголя: к постановке проблемы // Литературно-критические опыты и наблюдения. Вопросы русского языка и литературы. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 3–12.

Жаравина Л.В., Компанец В.В. Идеино-эстетические искания позднего Гоголя и проблема художественного метода // Эстетические позиции и художественное мастерство писателя. Вопросы русского языка и литературы. Кишинев: Штиинца, 1982. С. 16–28.

Живоглядов А.А. Особые случаи переводов смысловых имен собственных (На материале перевода поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык) // Теория и практика перевода. Киев, 1982. Вып. 7. С. 60–72.

Жирмунский В.М. Избранные труды. Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1982. 560 с. [Поэма Гоголя «Ганц Кюхнльгартен»: С. 49, 68.]

Залыгин С.П. Читая Гоголя: Размышления и заметки // Залыгин С.П. Литературные заботы. 3-е изд. доп. М., 1982. С. 294–321.

Заславский И.Я. Пушкин и Украина. Киев: Вища школа, 1982. 151 с. [О влиянии украинского фольклора на творчество Гоголя: С. 70–76.]

Зубков В.А. Жанр «Мертвых душ» Н.В. Гоголя в свете кольцевой композиции // Проблемы типологии литературного процесса. Пермь, 1982. С. 44–56.

История русской драматургии: В 2 т. Т. 1: XVII – первая половина XIX века / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Л.М. Лотман. Л.: Наука, 1982. 531 с.

Манн Ю.В. Драматургия Н.В. Гоголя. С. 426–473.

Канашкин В. Уроки народности: Статья 5 // Кубань. Краснодар, 1982. № 10. С. 84–91. [Русский национальный характер в творчестве русских писателей (в том числе Гоголя).]

Карташова И.В. Своеобразие романтической позиции Гоголя в «Миргороде» // Проблемы эстетики и творчества романтиков. Калинин, 1982. С. 90–122.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. 417 с. Мысли о русских писателях

Н.В. Гоголь. С. 312–316.

[Впервые: *Ключевский В.О.* Неоконченная статья о Н.В. Гоголе (Из неопубликованных материалов) [1892] // Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. Ленина. Вып. 24. М., 1961. С. 409–414.]

Короленок А.И. Шолохов и Гоголь: (К вопросу о традициях в «Тихом Доне») // Жанрово-композиционное своеобразие реалистического повествования. Вологда, 1982. С. 3–25.

Костова Н. [Рецензия] // Болгарская русистика. София, 1982. № 5. С. 90–95.

[Рец. на кн.: *Троев Петко.* Гоголь. София: Нар. просвета, 1981. 138 с., 8 отд. л. ил. – (Библ. Творчески портрети).]

Кулешов В.И. Этюды о русских писателях (Исследования и характеристики). М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 264 с.

Из содерж.:

Гротескность сюжета «Ревизора». С. 73–76.

Ласский Ю. Выигрыши и проигрыши инженера Германа, майора Ковалева и художника Чарткова // Литературная учеба. М., 1982. № 1. С. 136–144.

[Фантастическое у А.С. Пушкина и Гоголя.]

Листрова Ю.Т. Художественные функции иносистемных языковых явлений (вкрапленных) в творчестве Н.В. Гоголя // Коммуникативная и поэтическая функция художественного текста. Воронеж, 1982. С. 149–156.

Лихачев Д.С. Память истории священна // Огонек. М., 1982. № 29. Июль. С. 19–20.

Макогоненко Г. Тема Петербурга у Пушкина и Гоголя: Проблемы преемственного развития // Нева. Л., 1982. № 8. С. 150–159.

Манн Ю. «Через душу живу» // Литературная учеба. М., 1982. № 3. С. 142–148.
[О работе Гоголя над «Мертвыми душами»].

Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М.: Художественная литература, 1982. 412, [1] с.

Маркович В.М. Тургенев и русский реалистический роман XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 208 с.
Гоголь: С. 29–32.

Масальская Г.И. Гоголевские традиции комического в литературе натуральной школы (Сатира А.Н. Плещеева) // Вопросы русской литературы. Львов, 1982. Вып. 2(40). С. 49–55.

Машковцев Н.Г. Из истории русской художественной культуры. Исследования, очерки, статьи / Сост. Т.Н. Горина, А.Н. Машковцева. М.: Советский художник, 1982. 328 с.: ил.

Из содерж.:

Гоголь в кругу художников: С. 82–131.

[Указ. имен.]

Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь. Статьи I–III // Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1982. Вып. 604. С. 112–126; Тарту, 1983. Вып. 620. С. 85–98; Тарту, 1986. Вып. 683. С. 50–65. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение.

Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь: Статья первая // Единство и изменчивость историко-литературного процесса / Ученые записки / Тартуский гос. ун-т. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1982. Вып. 604. С. 112–126.

Пенкин М.С. Искусство и наука: Проблемы, парадоксы, поиски. М.: Современник, 1982. 302 с.

Парадокс Гоголя. С. 171–204.

Первушин Н.В. О Гоголе и Блоке // Русское Возрождение. Нью-Йорк; Москва; Париж, 1982. № 1(17). С. 137–152.

Переверзев В.Ф. Гоголь; Достоевский: Исследования / Сост. В.В. Переверзев. М.: Советский писатель, 1982. 512 с.

Поляков А. В.Ф. Переверзев и проблемы поэтики. С. 5–38.

Творчество Гоголя: монография. С. 39–187.

[Рец: *Раков В.* Литературное обозрение. М., 1983. № 5. С. 80–81; *Николаев П.* Вера в художественную истину // Новый мир. М., 1983. № 8. С. 240–244; *Гуральник У.* Валерьян Переверзев – историк русской литературы // Вопросы литературы. М., 1983. № 12. С. 224–230; *Шрамков В.* Сохраняет силу аргумента // Подъем. Воронеж, 1984. № 7. С. 141–143.]

Поламишев А.М. Театр Н.В. Гоголя: Природа театральной прозы писателя. М.: Советская Россия, 1982. 118 с.: ил.

Порудоминский В. 26 апреля 1909 года. Повествование-хроника // Панорама искусств. М., 1982. № 5. С. 88–108.

Поэтика. Труды русских и советских поэтических школ / Сост. Д. Кирай, А. Ковач. Будапешт: Изд-во: «Tankönyvkiado», 1982. 800 с.

Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя.

Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осовата. М.: Искусство, 1982. 544 с. – (История эстетики в памятниках и документах).

Загл. вступ. статьи: Русская эстетика середины XIX века: теория в контексте художественной культуры. С. 7–41.

Из содерж.:

Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 42–53. Примеч. С. 503–504.

[Впервые: Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». М., 1842.]

Шевырев С.П. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая. С. 54–80.

Примеч. С. 504–507.

[Впервые: Москвитянин, 1842. Ч. 4. № 8. Критика. С. 346–376.]

Майков В.Н. Нечто о русской литературе 1846 году. С. 81–105.

Примеч. С. 507–512.

[Впервые: Отечественные Записки. 1847. Т. 50. № 1. Отд. V. С. 1–17. Без подписи.]

Григорьев А.А. Гоголь и его последняя книга. С. 106–125.

Примеч. С. 510–512.

[Впервые: Московский Городской Листок. 1847. 10 марта. № 56; 17 марта. № 62; 18 марта. № 63; 19 марта. № 64. Подпись А. Г.]

Белинский В.Г. Письмо к Н.В. Гоголю. С. 192–201.

Примеч. С. 518–519.

[Впервые: Полярная звезда на 1855 год. Лондон, 1855. Кн. 1. С. 65–75.]

Аксаков И.С. Несколько слов о Гоголе. С. 284–286.

Примеч. С. 524–525.

[Впервые: Московский сборник. Т. 1. М., 1852. С. VII–XII. Без подписи.]

[Указ. имен.]

Сахаров В.И. Молодой Гоголь и романтическая традиция // Литературная учеба. М., 1982. № 5. С. 160–169.

Селезнев Ю.И. Мысль чувствующая и живая: Литературно-критические статьи. М.: Современник, 1982. 336 с.

Из содерж.:

Созидающая память. С. 51–55.

Сергеев Н. Гоголь и Блок // Вестник РХД. Париж, 1982. № 1/2(136). С. 177–188.

Симачева И.Ю. Гоголь и А. Белый // Русская речь. М., 1982. № 2.

Слюсарь А.А. О сюжетных мотивах в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина и «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Вопросы русской литературы. Львов, 1982. Вып. 2(40). С. 93–101.

Смирнова Е.А. О многозначности «Мертвых душ» // Контекст. 1982. Литературно-теоретические исследования: сб. статей. М.: Наука, 1983. С. 164–191.

Сохряков Ю.И. Восприятие творчества Н.В. Гоголя в США // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1982. № 4. С. 24–32.

Станчева А. Корни идейно-художественного пафоса повестей Гоголя // Болгарская русистика. София, 1982. № 4. С. 56–73.

Супрунюк Честь и долг. На Полтавщине создается заповедник-музей Н.В. Гоголя // Правда Украины. Киев, 1982. 8 декабря.

Сурков Е.А. Тип героя и жанровое своеобразие повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Типологический анализ литературного произведения: сб. научных трудов / Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 1982. С. 67–74.

[Сопоставление повести Гоголя с Житием Феодосия Печерского.]

Тезисы докладов Первых Гоголевских чтений / Министерство просвещения УССР, Министерство культуры УССР, Полтавский гос. пед. ин-т им. В.Г. Короленко и др. Полтава, 1982. 116 с.

Из содерж.:

Петренко О.И. Творчество Гоголя – достояние братских литератур. С. 11–12.

Михальский Е.Н. Вопросы изучения стиля Гоголя. С. 13–14.

Мирный В.П., Пересыпкин А.А. Дидактические взгляды Н.В. Гоголя. С. 20–22.

Любченко В.Г. Гоголь в Чехословакии. С. 23–25.

Самойленко Г.В. Н.В. Гоголь в восприятии и оценке А. Фадеева. С. 38–39.

Виролайнен М.Н. Проблема замкнутой формы в эстетике Гоголя. С. 44–45.

Гетман И.М. Театральность образа в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 54–56.

Бобырь А.В. Гоголевские традиции в творчестве Е.Н. Чирикова. С. 65–66.

Заславский И.Я. Н.В. Гоголь и М.А. Максимович. С. 72–73.

Михед П.В. Н.В. Гоголь и украинская культура народного барокко. С. 85–87.

Ковальчук А. Хронотоп дороги в романах «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Твоя заря» О. Гончара. С. 91–92.

Сульма Н.М. Н.В. Гоголь и украинская древняя литература. С. 93.

Яценко М.Т. Типология комического в творчестве И. Котляревского и Н. Гоголя. С. 94.

Турбин В.Н. К нам едет «Ревизор» // Современная драматургия. М., 1982. № 2. С. 262–270.

Федоров Н. Проективное определение литературы в «Мертвых душах» / Публ. и примеч. С. Семеновой // Литературная учеба. М., 1982. № 3. С. 163–168.

Финк Э.Л. Эволюция смысла гоголевской комедии «Ревизор» и движение времени // Поэтика реализма. Куйбышев, 1982. С. 111–133.

Фролова Т.С. Повести М.А. Булгакова («Дьяволиада», «Роковые яйца») и гоголевская литературная традиция // Художественное творчество и литературный процесс: сб. статей. Томск, 1982. Вып. 3. С. 28–40.

Хализев В. Писатель и народная бытовая эстетика: Гоголь, Лесков, их современники и продолжатели // Литературная учеба. М., 1982. № 3. С. 131–141.

Храпченко М.Б. Горизонты художественного образа. М.: Художественная литература, 1982. 332, [2] с.

Незавершенные замыслы и их истолкование. С. 244–251.

[2-й том «Мертвых душ» Гоголя.]

Шнейдер М.Е. Переработка как метод включения русской классики в китайскую литературу (На примере произведений Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя) // Русская классика в странах Востока: сб. статей. М., 1982. С. 175–183. – (Институт востоковедения).

Шоки М. Роль индивидуальных фразеологизмов в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Studia russica. 5. Будапешт, 1982. С. 93–97.

Шубин Вл. «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. Л., 1982. № 12. С. 192–194.

Юзовский Ю. Мейерхольд // О театре и драме: В 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1982. С. 332–338.

Языков Н.М. Сочинения / Сост., вступ. статья примеч. А.А. Карпова. М.: Художественная литература, 1982. 448 с.

Загл. вступ. статьи: Судьба Николая Языкова. С. 3–20.

Примеч. С. 392–432.

Из содерж.:

Н.В. Гоголю («Благословляю твой возврат...»): [стихотворение]. С. 189–190.

Письма к Н.В. Гоголю. С. 380–385.

[Указ имен.]

Finitas Duodecim Lustris: сб. статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана / Редкол.: С.Г. Исаков (отв. ред.) и др. Таллин: Ээсти раамат [Эстонская книга], 1982. 176 с.

Из содерж.:

Черныш Г.Г. Неизвестное письмо Гоголя. С. 109–116.

[Письмо Гоголя к В.А. Панову от 24 сентября 1841 г.]

Белоусов А.Ф. О гоголевском подтексте рассказа И.С. Тургенева «Бурмистр». С. 116–120.

1983

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Н.В. Гоголь. Книга для чтения с комментарием. Русская литература для иностранного читателя / Сост., вступ. статья, коммент. Л.М. Крупчанова.

Вступ. статья. С. 5–12.

Коммент. С. 247–304.

Избранное / Послесл. П.А. Николаева. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1983. 527 с.

Загл. послесл.: Художественные открытия Гоголя. С. 508–522.

Избранные произведения: В 2 т. Киев: Дніпро, 1983. 406 с.

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород: повести / Вступ. статья О. Гончара. 406 с.

Загл. вступ. статьи: Гоголь и Украина. С. 5–14.

Т. 2: Мертвые души; Ревизор: поэма, пьеса. 415 с.

Мертвые души: поэма / Предисл. П. Антокольского. М.: Художественная литература, 1983. 415 с.: ил.

Загл. предисл.: Мертвые души. С. 5–35.

Мертвые души: поэма. М.: Художественная литература, 1983. 416 с.: ил.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья С.И. Машинского; худож. С.К. Артюшенко. Киев: Веселка, 1983. 420 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: О великой поэме Гоголя. С. 5–24.

Петербургские повести. Ревизор: комедия / Послесл. Ю.В. Манна. Красноярск: Книжное изд-во, 1983. 272 с. – (Школьная библиотека)

Загл. послесл.: Сила «Ревизора». С. 260–269.

Повести / Вступ. статья, примеч., библиографические списки Л.В. Барбашовой, В.М. Гуминского; послесл. У.М. Спектора; ил. П.Б. Розенберга. М.: Книга, 1983. 480 с. [Миниатюрный формат.]

Загл. вступ. статьи: Гоголь и «Миргород». С. 5–58.

Примеч. С. 423–457.

Загл. послесл.: Н.В. Гоголь и миниатюрная книга. С. 458–474.

Библиографические списки. С. 475–478.

Содерж.: Старосветские помещики; Вий, Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Повести: Книга для чтения с комментарием / Вступ. статья и коммент. Л.М. Крупчанова. М.: Русский язык, 1983. 305 с. – (Русская литература для иностранного читателя).

Загл. вступ. статьи: Повести Н.В. Гоголя. 1809–1852. С. 5–12.

Повести. Драматические произведения. Л.: Художественная литература, 1983. 328 с. – (Классики и современники. Русская классическая литература).

Пьесы / Примеч. Ю.В. Манна; ил. С.А. Алимова. М.: Правда, 1983. 272 с.: ил. Примеч. С. 261–271.

Содерж.:

Ревизор. С. 3–92.

Женитьба. С. 93–150.

Драматические отрывки и отдельные сцены

Игроки. С. 153–190.

Утро делового человека. С. 191–198.

Тяжба. С. 199–205.

Лакейская. С. 206–212.

Отрывок. С. 213–225.

Театральный разезд после представления новой комедии. С. 226–260.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья, подбор материалов, историческая справка о постановках «Ревизора» и примеч. Вл. Филиппова. 10-е изд. М.: Детская литература, 1983. 176 с.: 8 л. фотоил.

Загл. вступ. статьи: «Ревизор» Н.В. Гоголя. С. 5–24.

Приложения:

Гоголь Н.В. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 111–116.

Гоголь Н.В. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 117–124.

Из писем Н.В. Гоголя. С. 125–128.

«Ревизор» на сцене: Историческая справка. С. 129–135.

Ильинский И. Моя работа над ролью Хлестакова и городничего. С. 136–149.

Примеч. С. 150–158.

Фотоиллюстрации к «Ревизору». С. 159–175.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общей ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. М.: Современник, 1983.

[Текст печ. по изд.: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Художественная литература, 1976–1979.]

[Формат 70x108.]

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки / Примеч. А.В. Чичерина, Н.Л. Степанова. 479 с.

Приложения:

Ганц Кюхельгартен. С. 317–363.

Две главы из малороссийской повести «Страшный кабан». С. 364–382.

Гетьман. С. 383–447.

Примеч. С. 448–478.

[Сопроводит. статья:] *Чичерин А.В.* Ранний Гоголь-романтик С. 448–465.

Примеч. *Степанов Н.Л.* С. 465–478.

Т. 2. Миргород / Примеч. С.И. Машинского. 479 с.

Приложение:

Тарас Бульба (редакция «Миргорода» 1835 г.). С. 343–444.

Примеч. С. 445–478.

[Сопроводит. статья:] Миргород. С. 445–466.

Примеч. С. 466–478.

Т. 3. Повести / Примеч. Г.М. Фридендера. 447 с.

Приложения:

Портрет (Редакция «Арабесок»). С. 334–394.

Ночи на вилле. С. 395–398.

Мелкие отрывки

Страшная рука. С. 399.

<Фонарь умирал.> С. 399–402.
<Дождь был продолжительный.> С. 402–404.
<Рудокопов.> С. 404.
<Семен Семенович Батюшек.> С. 404–406.
<Девицы Чабловы.> С. 406–407.
Примеч. С. 408–446.
[Сопроводит. статья:] Повести Гоголя. С. 408–427.
Примеч. С. 427–446.
Т. 4. Драматические произведения / Примеч. Ю.В. Манна. 639 с.

Приложения:

Приложения к комедии «Ревизор»

1. «Ревизор» (редакция первого издания, 1836 г.). С. 375–492.
 2. Две сцены, выключенные при первом издании как замедлявшие течение пьесы. С. 493–498.
 3. Сцена, не внесенная автором в печатные издания «Ревизора». С. 499–500.
 4. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 501–508.
 5. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 509–520.
 6. Развязка «Ревизора». С. 521–538.
 7. Вторая редакция окончания «Развязки «Ревизора»». С. 539–547
- Владимир 3-ей степени. С. 548–558.
Альфред. С. 559–587.
Наброски драмы из украинской истории. С. 588–592.
Примеч.: С. 593–637.
[Сопроводит. статья:] Драматургия Гоголя. С. 593–619.
Примеч.: С. 619–637.
Т. 5. Мертвые души: поэма / Примеч. С.И. Машинского. 830 с.

Приложения:

Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой). С. 747–754.
<Заметки> к 1-й части. С. 754–757.
Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ». С. 757–762.
Примеч. С. 763–828.
[Сопроводит. статья:] «Мертвые души». С. 765–805.
Примеч. С. 806–828.
Т. 6. Статьи / Примеч. Ю.В. Манна. 830 с.

Приложение:

Петербургская сцена в 1835–36 г. С. 697–714.
Примеч. С. 715–827.
[Сопроводит. статья:] Гоголь– критик и публицист. С. 715–740.
Примеч. С. 740–827.
Т. 7. Письма / Вступ. статья и примеч. Г.М. Фридендера. 639 с.
Загл. вступ. статьи: Письма Гоголя. С. 5–36.
Примеч. в тексте.

Приложение:

<Письмо к> В.Г. Белинскому. Конец июля – начало августа 1847 г. С. 543–557.
[Шарыпкин Д.М.] Хронологическая канва жизни и творчества Н.В. Гоголя. С. 558–587.
[Шарыпкин Д.М.] Алфавитный указатель имен и названий к томам 6 и 7. С. 588–628. [Указатель имен аннотированный.]

Тарас Бульба: повесть / Послесл. С. Машинского. Ереван: Луйс, 1983. 176 с. – (Школьная библиотека).
Загл. послесл.: Гениальная повесть Гоголя. С. 155–175.

ЛИТЕРАТУРА

Аврамец И.А. «Портрет» Н.В. Гоголя и «Хозяйка» Ф.М. Достоевского (К проблеме типологического родства) // Ученые записки / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1983. Вып. 620. С. 42–49.

Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983. 487 с.

Из содерж.:

Гоголь и Т. Мур. С. 341–350.

Андроникашвили Б. Потомки Вахтанга VI // Литературная Грузия. Тбилиси, 1983. № 3. С. 191–213.

[О взаимоотношениях Гоголя с графами А.П. и А.Г. Толстыми.]

Анненков П.В. Литературные воспоминания / Вступ. статья В.И. Кулешова; коммент. А.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. М.: Художественная литература, 1983. 694 с. – (Серия литературных мемуаров).

Загл. вступ. статьи: П.В. Анненков – мемуарист. С. 5–32.

Из содерж.:

Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 34–120.

Коммент. С. 541–571.

Замечательное десятилетие. 1838–1848. С. 121–367.

Коммент. С. 571–613.

[Указ. имен.]

Анненкова Е.И. Гоголь и Аксаковы (Лекция) / Министерство просвещения РСФСР, Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена; отв. ред. Н.Н. Скатов. Л., 1983. 48 с.

Барбашова Л.В., Гуминский В.М. Гоголь и четыре урока «Миргорода» // Литературная учеба. М., 1983. № 2. С. 158–166.

Бароти Т. Традиция Данте и повесть Гоголя «Рим» // *Studia Slavica Hung.* Т. 29. Вр., 1983. С. 171–183.

Белинский В.Г. Статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе. М.: Просвещение, 1983. 272 с.

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу / Вступ. статья и коммент. А.С. Курилова. М.: Современник, 1983. 606 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности»).

Загл. вступ. статьи: Виссарион Белинский. С. 5–17.

О русской повести и повестях г. Гоголя. С. 192–150.

Взгляд на русскую литературу 1847 года. С. 518–598.

Коммент. С. 599–605.

Бердников Г. Творческое наследие Гоголя // Знамя. М., 1983. № 10. С. 204–221.

Бердников Г., Ким Ле Чун (Рехо). Наследие сатирика: Советско-японский симпозиум «Гоголь и современность» // Литературная газета. М., 1983. 26 октября. № 43. С. 2.

Бочаров И., Глушакова Н. Гоголь в Риме // Советский музей. М., 1983. С. 69–73.

Бретаницкая А.Л. «Нос» Д.Д. Шостаковича: Путеводитель. М.: Музыка, 1983. 95 с.

Букчин С. Народ, издревле нам родной. Белоруссия в русской классике. Похождения Чичикова в Минской губернии // Неман. 1983. № 5. С. 149–154.

Булгаков М., Каростин М. Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю): Сценарий / Публ. подгот. Г. Файман // Искусство кино. М., 1983. № 9. С. 112–134.

Файман Г. «В манере Гоголя»... С. 106–109.

Бурнашева С.А. Новая семантика гоголевских слов и выражений в произведениях В.И. Ленина // Русский язык в национальной школе. М., 1983. № 2. С. 14–18.

Волкова Л.П. Комедия «Игроки» в драматургической системе Н.В. Гоголя // Традиции и новаторство в русской литературе XIX века. Горький, 1983. С. 32–38.

Володина Ю.В. Жанровое своеобразие мемуаров П.В. Анненкова (Н.В. Станкевич, Н.В. Гоголь, А.И. Герцен) // Поэтика эпических жанров в русской литературе. Йошкар-Ола, 1983. С. 111–124.

Воропаев В. Книги для Гоголя // Прометей: Историко-биографический альманах сер. «Жизнь замечательных людей». Т. 13 / Сост. В.И. Калугин. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 128–142.

Врачу А. «Повесть о капитане Копейкине» в более старом переводе на румынский язык // Romanoslavica. 21 Buc., 1983. P. 349–357.

[Рассматривается перевод, выполненный Ch. D. Belinschi в 1910 г.].

Лозбэ М. Функциональный анализ художественного текста: «Шинель» Н.В. Гоголя (с учетом переводов на румынский язык) // Romanoslavica. 21 Buc., 1983. P. 399–417.

Гоголь и современность: Творческое наследие писателя в движении эпох. Киев: Вища школа, 1983. 150 с.

Содерж.:

Крутикова Н.Е. Великое братство. С. 9–30.

[Творчество Гоголя в контексте русско-украинских литературных взаимосвязей.]

Душечкина Е.В. «Тарас Бульба» в свете традиций древнерусской воинской повести. С. 30–34.

Михед П.В. Об истоках художественного мира Н.В. Гоголя (Н.В. Гоголь и В.Г. Нарезный). С. 35–41.

Пустовойт П.Г. Гоголевское начало в творчестве И.С. Тургенева. С. 41–49.

Карташова И.В. Об одной гоголевской традиции в творчестве Ф.М. Достоевского (Тема мечтателя). С. 49–56.

Маевская Т.П. Гоголь и Короленко (Из опыта исследования преемственных и типологических связей). С. 57–61.

Евстафьева Е.Н. Н.В. Гоголь в жизни и творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. С. 68–74.

Бобырь А.В. К вопросу о художественном наследии Гоголя в русской литературе начала XX века (Гоголь и Чириков). С. 75–78.

Абрамович С.Д. Способ художественного обобщения у Н.В. Гоголя. С. 98–105.

Самойленко Г.В. Гоголевские традиции в советской многонациональной литературе. С. 82–90.

Сохряков Ю.И. Н.В. Гоголь и современная реалистическая литература Запада. С. 91–97.

Абрамович С.Д. Способ художественного обобщения у Н.В. Гоголя. С. 98–105.

Михальский Е.Н. Мастерство психологического анализа в творчестве Н.В. Гоголя. С. 106–114.

[Рец.: *Жаркевич Н.* Досліджуючи класику // Радянське літературознавство. Київ, 1984. № 4. С. 68–69; *Холодова Г.М.* [Рец.] // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1984. № 4. С. 87–88; *Радецкая М.* В современном прочтении // Вопросы литературы. М., 1984. № 3. С. 228–234.]

Гольденберг А.Х. Фольклорные превращения в поэтике Гоголя // Русская литература и фольклорная традиция: межвузовский сб. научных трудов / Министерство просвещения РСФСР, Волгоградский гос. пед. ин-т им. А.С. Серафимовича; редкол.: Д.Н. Медриш (отв. ред.), А.М. Буланов, А.Х. Гольденберг и др. Волгоград, 1983. С. 53–63.

Гольденберг А.Х. Эволюция характеров в «Мертвых душах» и художественная традиция // Проблема традиций и новаторства в изучении и преподавании русской литературы (методические рекомендации для студентов). Горький, 1984. С. 19–20.

Гончаров С.А. К вопросу об эволюции плутовского романа // III Всесоюзная научная конференция молодых ученых-филологов, посвященная 200-летию Георгиевского трактата. Тезисы докладов. Тбилиси, 1983. С. 62–63.

Гончаров С.А. О жанровом «контексте» «Мертвых душ» // Типологические категории в анализе литературного произведения как целого: сб. научных трудов / Кемеровский гос. ун-т; отв. ред. Н.Д. Тамарченко. Кемерово, 1983. С. 52–62.

Гуминский В.М. Гоголь и «Миргород» // В мире книг. М., 1983. № 4. С. 48–50.

Гуминский В.М. «Степной царь» (о пространстве прозы Н.В. Гоголя) // Литературная учеба. М., 1983. № 5. С. 189–198.

Гураль С.К. Психоаналитическое направление изучения творчества Н.В. Гоголя в современном американском литературоведении // Проблемы литературных жанров / Материалы IV научной межвузовской конференции 28 сентября – 1 октября 1982 г. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С. 51–52.

Гураль С.К. Творчество Н.В. Гоголя в современной американской критике (По материалам книг Т. Линдстром) («A Concise History of Russian Literature» и «Nicolay Gogol») // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 10. С. 154–163.

Деревянко Т. Из истории постановки фильма «Ревизор» / Сценарий М.А. Булгакова и М. С. Каростина // Искусство кино. 1983. № 9. С. 109–111.

Дилакторская О.Г. Повесть Н.В. Гоголя «Нос» (Бытовой факт как структурный элемент фантастики) // Вестник Ленинградского ун-та. Л., 1983. № 14. История, язык, литература. Вып. 3. С. 44–49.

Добринская Л.Б. Чисто русский анекдот // Добринская Л.Б. Рассказы из Пушкинского дома: Эссе. Л.: Детская литература, 1983. С. 155–175.

Есенков В. Совесть: Повесть о Гоголе / Предисл. С. Чупринина // Подъем. Воронеж, 1983. № 4. С. 17–115; № 5.

[Рец.: Кузнецов Ф. В кривом зеркале // Новый мир. М., 1983. № 12. С. 227–241.]

Зарецкий В.А. Народная и авторская утопия в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Проблема автора в художественной литературе: межвузовский сб. научных трудов. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1983. С. 35–43.

Золотуский И.П. Очная ставка с памятью. М.: Современник, 1983. 288 с.

Из содерж.:

Уроки классики:

О прозе Гоголя. С. 141–158.

Гоголь о литературе. С. 158–178.

«Записки сумасшедшего» и «Северная пчела». С. 179–195.

Обманутый Хлестаков. С. 195–201.

Из дневника Зоила:

III:

[О стихотворении А. Вознесенского «Похороны Гоголя Николая Васильича» (Новый мир. М., 1974. № 1): С. 268–275.]

Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: сб. произведений / Сост. и коммент. А.А. Карпова; вступ. статья В.М. Марковича. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 560 с.

Загл. вступ. статьи: Тема искусства в русской прозе эпохи романтизма.

История русской литературы XI–XX веков. Краткий очерк. М.: Наука, 1983. 479 с.

Николаев П.А., Шаталов С.Е. Формирование критического реализма. «Натуральная школа». С. 196–216.

[О Гоголе. С. 196–208 и др.]

Казарин В.П. Вопросы историзма в эстетике Гоголя и проблема эпического стиля повести «Тарас Бульба» // Художественное творчество и литературный процесс: сб. статей. Томск, 1983. Вып. 5. С. 115–124.

Карпенко А.И. О принципах смехового «ряженого» изображения в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Вопросы русской литературы. Львов, 1983. Вып. 1(41). С. 120–129.

Карташова И.В. Гоголь и Вакенродер // Эстетика и творчество русских и зарубежных романтиков. Калинин, 1983. С. 55–71.

Кикачейшвили Т. Обогащая родную литературу: Константинэ Гамсахурдия о творчестве Л. Толстого и Гоголя // Литературная Грузия. Тбилиси, 1983. № 5. С. 160–167.

Ковалев Вл. А. Поэтика Льва Толстого. Истоки. Традиции. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 177 с.

Гл. 7: Гоголевское в поэтике Льва Толстого. С. 120–140.

Кривонос В.Ш. Биография Чичикова в составе «Мертвых душ» // Типологические категории в анализе произведения как целого. Кемерово, 1983. С. 98–105.

Кривонос В.Ш. Этическая функция произведения и авторские обращения к читателю в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Функциональные аспекты изучения и преподавания литературы. Волгоград, 1983. С. 19–29.

Крупышев А.М. Спор о лиризме Н.В. Гоголя в «Мертвых душах» и «Заметки о журналах за октябрь 1855 года» Н.А. Некрасова // Н.А. Некрасов и русская литература XIX – нач. XX века. Ярославль, 1983. Вып. 67. С. 17–28.

Кузьмин А.И. Маяковский и Гоголь // Русская речь. М., 1983. № 4. С. 18–22.

Куликова В.П. Отглагольные существительные со значением действия в русском литературном языке первой половины XIX века (На материале произведений А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя) // Проблемы современной русской лексикологии. Калинин, 1983. С. 39–54.

Ланщиков А.П. Три Гоголя: По поводу книги И. Золотусского «Гоголь» // Ланщиков А.П. Чувство пути. М., 1983. С. 37–49.

Лебеденко Н.П. К вопросу о гоголевской традиции в творчестве А. Блока // Радянское литературознание. 1983. № 4. С. 52–56.

Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Т. I. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. 216 с.

[А.М. Бухарев (в монашестве архимандрит Феодор) и Гоголь: С. 168–171].

Либер Л. Сравнительный анализ ценностного сознания гоголевских и чеховских персонажей // Hungaro-Slavica, 1983. Будапешт, 1983. № 1. С. 185–194.

Литература и нравственные проблемы современности: [сб. статей]: В 2 ч. / Под ред. П.А. Бугаенко и др. Ч. 2. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. 153 с.

Из содерж.:

Смирнова Е.А. Проблема авторской оценки и ее художественное решение в «Мертвых душах». С. 40–56.

М. Р. Посвящается Гоголю // Вопросы литературы. М., 1983. № 12. С. 264–270.

[Отчет о третьем советско-японском симпозиуме (Токио, 1982)].

Манн Ю.В. У истоков русского романа // Вопросы литературы. М., 1983. № 5. С. 151–170.
[Гоголь и В.Т. Нарезный.]

Медриш Д.Н. Метафорическая антитеза в фольклоре и литературе // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1983. С. 112–119.
[На материале русского фольклора и творчества Гоголя.]

Мельниченко О.Г. Жест и слово в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1983. Т. 225. № 1. С. 89–106.

Мкртчян К.Л. «Записки сумасшедшего» и их армянский перевод // Вестник Ереванского ун-та. Общественные науки. Ереван, 1983. № 2. С. 175–185.
[О переводе А. Мазманяна (1954 г.).]

Мостовская Н.Н. Гоголь в восприятии Некрасова // Некрасовский сборник. Л., 1983. Т. 8. С. 25–35.

Нарезный В.Т. Соч.: В 2 т. / Вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна. М.: Художественная литература, 1983. Т. 1. 623 с.
Загл. вступ. статьи: У истоков русского романа. С. 5–44.
[Гоголь и В.Т. Нарезный.]

Николаев П.А. Историзм в художественном творчестве и в литературоведении. М.: Изд-во Московского ун-та, 1983. 368 с.
Художественные открытия Н.В. Гоголя. С. 116–154.

Осокин В. Сожженная рукопись // Куранты. Историко-краеведческий альманах. М.: Московский рабочий, 1983. С. 187–193.
[О последних днях жизни Гоголя.]

От Пушкина до Чехова. Из русской прозы XIX века / Сост., предисл., справки о писателях А.М. Туркова. 2-е изд. М.: Русский язык, 1983. 447 с.

Из содерж.:
Н.В. Гоголь. С. 45–47. [На англ. яз.]
Нос: [повесть.] С. 48–71.

Паламарчук П. Неожиданная развязка. Вариант финальной сцены «Ревизора» // Неделя. М., 1983. № 20(1208). С. 12.

Паперный В.М. Андрей Белый и Гоголь: Статья вторая // Ученые записки / Тартусский гос. ун-т. 1983. Вып. 620. С. 85–98.

Пеньковский А.Б. Полежаев – Сопиков – Храповицкий // Русская речь. М., 1983. № 4. С. 124–134.
[Происхождение названных фамилий в произведениях Гоголя.]

Пехтерев А. Невольно к этим берегам. Тула, 1983.
[О пребывании писателей (в частности Гоголя) в Калужском крае.]

Пистунова А.М. Книга книг. М.: Советская Россия, 1983. 256 с.
В гоголевской призме. С. 73–80.
[А.А. Агин – иллюстратор «Мертвых душ».]

Поддубная Р.Н. Тип героя и характер конфликта в повести Гоголя «Вий» // Вопросы художественной структуры произведений русской классики. Владимир, 1983. С. 61–80.

Поэтика реализма: межвузовский сб. / Куйбышевский гос. ун-т; редкол.: Л.А. Финк (отв. ред.) и др. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1983. 160 с.

Из содерж.:
Егоров И.В., Константиновская Е.Я. О формах выражения авторской позиции в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. С. 33–44.

Кривонос В.Ш. Алогизм у Гоголя («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). С. 44–52.

Свиясов Е.В. Гоголь и царская цензура // Русская литература. Л., 1983. № 2. С. 147–150.

Сенин А. Подсказано великим композитором (Опера Вайнберга «Портрет» по повести Гоголя) // Советская культура. М., 1983. 18 июня.

Славянские литературы: IX международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.). Доклады советской делегации / Академия наук СССР. Отд. лит. и яз.; Советский комитет славистов. М.: Наука, 1983. 356 с.

Из содерж.:

Фридендер Г.М. Гоголь и славянские литературы. С. 104–119.

Смирнова Е.А. О многозначности «Мертвых душ» // Контекст. 1982. М.: Наука, 1983. С. 164–191.

Структура литературного произведения: межвузовский сб. / Редкол.: И.К. Кузьмичев (отв. ред.), Т.Г. Боголепова, Н.И. Великая, С.И. Крившенко, В.И. Мельник. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1983. 180 с.

Из содерж.:

Казарин В.П. Гоголь о творческом труде (По материалам писем писателя первой половины 30-х годов). С. 71–79.

Дилакторская О.Г. Мотив холода в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. С. 79–86.

Турбин В.Н. Герои Гоголя: Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1983. 127 с.: ил.

[Обсуждение книги под рубрикой «С разных точек зрения»: *Казинцев А.* Эффект концепции // Литературное обозрение. М., 1984. № 4. С. 40–43; *Немзер А.* Отметки не будет // Литературное обозрение. М., 1984. № 4. С. 44–47 [Полемика со статьей А. Казинцева]; заключение «От редакции». С. 47–48. Рец.: *Киреев Р.* Методу вопреки // Октябрь. М., 1984. № 6. С. 207–208.]

<Тургенев И.С.> И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2 / Подгот. текста С.М. Петрова и В.Г. Фридлянд; коммент. В.Г. Фридлянд. М.: Художественная литература, 1983. 557 с.: ил. – (Серия литературных мемуаров).

Коммент. С. 429–510.

[Указ. имен.]

Усачев С.В. Пришвин о Гоголе // Проблемы восприятия и оценки русской классической литературы. Ашхабад, 1983. С. 54–66.

Фридендер Г.М. Литература в движении времени: историко-литературные и теоретические очерки. М.: Современник, 1983. 300 с.

О повести Гоголя «Рим». С. 104–112.

Фридман Н.В. Тема «маленького человека» в творчестве Пушкина и Гоголя // А.С. Пушкин и русская литература: сб. научных трудов / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР; Калининский гос. ун-т. Калинин, 1983. С. 32–50.

Челышев Б.Д. Имеют свое лицо... / Тираспольский гос. пед. ин-т им. Т.Г. Шевченко; отв. ред. В.А. Филатов. Кишинев: Штиинца, 1983. 207 с.: ил.

[В частности, разыскания книголюба о Гоголе.]

Чумак Т.М. Исторические реалии в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» // Вопросы русской литературы: республиканский межведомственный научный сб. Львов, 1983. Вып. 2(42). С. 79–86.

Шкловский В.Б. Избранное: В 2 т. М.: Художественная литература, 1983.

Т. 1. 637 с.

Гоголь С. 280–362.

Т. 2. 640 с.

Гоголь. Почему не дописаны «Мертвые души».

Gogol' e la sua opera: Colloquio italo-sovietico. Roma, 18–19 febr. 1981. Roma: Accad. naz. dei Lincei, 1983. 183 p.: ill. – (Atti dei convegni Lincei / Accad. naz. dei Lincei; 58). На рус. и ит. яз. [Материалы итало-советской конференции (Рим, 18–19 февраля 1981 г.), посвященной творчеству Гоголя.]

Из содерж.:

Мани Ю. О жанровом феномене «Мертвых душ». Р. 155–163.

1984

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки. Алма-Ата: Жазуши, 1984. 480 с.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Вступ. статья П. Николаева. М.: Художественная литература 1984. 463 с. – (Библиотека юношества).

Загл. вступ. статьи: Поэзия народной жизни. С. 3–11.

Приложение:

Ганц Кюхельгартен.

Вечера на хуторе близ Диканьки // Повести и рассказы писателей XIX – начала XX века / Вступ. слово М. Шолохова; редкол. М. Шолохов, М. Алексеев и др; сот. П. Николаева. М.: Художественная литература, 1984. С. 87–111.

Избранные сочинения: В 2 т. / Вступ. статья П. Николаева. М., 1984.

Загл. вступ. статьи: Художественные открытия Гоголя. С. 3–18.

Избранные соч.: В 2 т. / Вступ. статья П. Николаева; примеч. Ю. Манна. М.: Художественная литература, 1984. – (Библиотека классики. Русская литература).

Загл. вступ. статьи: Художественные открытия Гоголя. С. 5–16.

Т. 2. 496 с.: ил.

Примеч. С. 483–494.

...К нам едет ревизор / Сост. Н.В. Колосова. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1984. 448 с.: ил. – (Библиотека юношества).

Мертвые души / Предисл. П. Антокольского; Примеч. Ю. Манна; Ил. С. Тюнина. М.: Московский рабочий, 1984. 399 с.: ил.

Загл. предисл.: Мертвые души: поэма. С. 5–28.

Примеч. С. 358–366.

Мертвые души: поэма / Вступ. статья П. Антокольского; примеч. Ю. Манна; ил. С. Алимова. М.: Правда, 1984. 368 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Мертвые души: поэма. С. 5–28.

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой). С. 353–357.

Примеч. С. 358–366.

Молитва (К Тебе, о Матерь Пресвятая!..) // <Флоренский П.> Соль земли, то есть Сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским монастыря Св.-Германовский Аляскинский монастырь. Платина (Калифорния), 1984. С. 37–38. Ре-принт с издания Свято-Троицкой Сергиевой лавры 1909 г.

Петербургские повести / Послесл. С.Г. Бочарова. М., 1984. 208 с.

Загл. послесл.: Петербургские повести Гоголя. С. 196–207.

Петербургские повести / Послесл. С.Г. Бочарова. Хабаровск: Книжное изд-во, 1984. 192 с.: ил.

Загл. послесл.: Петербургские повести Гоголя. С. 179–192.

Повести / Сост., вступ. статья и коммент. В.М. Гуминского. М.: Книга, 1984.

Загл. вступ. статьи: Уроки Гоголя. С. 4–48.

Коммент. С. 385–409.

Повести / Сост., вступ. статья, примеч. Л.В. Барбашовой, В.М. Гуминского. М.: Книга, 1984. 478 с.

Повести / Вступ. статья С. Машинского. М.: Детская литература, 1984. 271 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Повести Гоголя. С. 5–27.

Повести. Драматические произведения. М.: Правда, 1984. 320 с.

Повести. Ревизор / Худож. С. Алимов. М.: Художественная литература, 1984. 336 с. – (Классики и современники. Русская классическая литература).

Содерж.:

Ночь перед Рождеством. С. 4–41.

Старосветские помещики. С. 42–61.

Тарас Бульба. С. 62–163.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. С. 164–205.

Нос. С. 206–227.

Шинель. С. 228–254.

Ревизор: комедия в пяти действиях. С. 255–332.

Повести. Ревизор. Женитьба. М.: Художественная литература, 1984. 526 с.: ил.

Ревизор, Мертвые души, Шинель; Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. Сказки. М., 1984.

Тюнькин К. Вершины русской сатиры. С. 3–42.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1984–1986.

[Текст печ. по изд.: *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Художественная литература, 1976–1979.]

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / Коммент. А.В. Чичерина Н.Л. Степанова. М., 1984. 319 с. От издательства. С. 5–8.

Приложения:

Ганц Кюхельгартен. С. 203–237.

Две главы из малороссийской повести «Страшный кабан». С. 238–249.

Гетьман. С. 250–290.

Коммент. С. 291–318.

Чичерин А.В. [Сопроводит. статья:] Ранний Гоголь – романтик. С. 291–306.

Степанов Н.Л. [Коммент.] С. 306–318.

Т. 2. Миргород / Коммент. С.И. Машинского. М., 1984. 319 с.

Приложение:

Тарас Бульба [редакция «Миргорода» 1835 г.] С. 222–286.

Коммент. С. 287–318.

[Сопроводит. статья:] Миргород. С. 287–305.

Коммент. С. 305–318.

Т. 3. Повести / Коммент. Г.М. Фридендера. М., 1984. 294 с.

Приложения:

Портрет (Редакция «Арабесок»). С. 211–249.

Ночи на вилле. С. 250–252.

Мелкие отрывки

Страшная рука. С. 252.

<Фонарь умирал.> С. 252–254.

<Дождь был продолжительный.> С. 254–255.

<Рудокопов.> С. 255.

<Семен Семенович Батюшек.> С. 256–257.

<Девушки Чабловы.> С. 257.

Коммент. С. 258–293.

[Сопроводит. статья:] Повести. С. 258–274.

Коммент. С. 275–293.

Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В.Р. Щербины. М.: Изд-во Правда, 1984. (Библиотека «Огонек». Отечественная классика).

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / Вступ. статья В.Р. Щербины. Примеч. В.И. Сахарова. 382 с.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 3–56.

Приложения:

Ганц Кюхельгартен. С. 272–308.

Две главы из малороссийской повести «Страшный кабан». С. 309–321.

Гетьман. С. 322–366.

Примеч. С. 367–381.

Т. 2: Миргород / Примеч. В. Гуминского. 319 с.

Приложение:

Тарас Бульба (Редакция «Миргорода» 1835 г.). С. 235–303.

Примеч. С. 304–318.

[Сопроводит. статья:] Миргород. С. 304–306.

Примеч. С. 306–381.

Т. 3. Повести / Примеч. М. Громова. 335 с.

Приложения:

Портрет <Редакция «Арабесок».> С. 226–268.

Ночи на вилле. С. 268–270.

Мелкие отрывки

Страшная рука. С. 270.

<Фонарь умирал.> С. 270–272.

<Дождь был продолжительный.> С. 272–274.

<Рудокопов.> С. 274.

<Семен Семенович Батюшек.> С. 274–275.

<Девушки Чабловы.> С. 275.

Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и Миргород»). С. 276–317.

Примеч. С. 318–334.

Т. 4: Драматические произведения / Примеч. Г. Елизаветиной. 431 с.

Приложения:

Приложения к комедии «Ревизор»

1. «Ревизор» (Редакция первого издания, 1836 г.). С. 260–343.

2. Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы. С. 348–349.

3. Сцена, не внесенная автором в печатные издания «Ревизора». С. 328–329.

4. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 350–355.

5. Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 356–363.

6. Развязка «Ревизора». С. 364–375.

7. Вторая редакция окончания «Развязки «Ревизора». С. 376–381.

Владимир третьей степени. С. 382–389.

Альфред. С. 390–409.

Наброски драмы из украинской истории. С. 410–413.

Примеч. С. 414–430.

Т. 5. Мертвые души: Поэма: Том первый / Примеч. С. Машинского. 319 с.

Приложения:

Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой). С. 250–255.

Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ». С. 256–259.

Черновые отрывки к отдельным главам. С. 260–307.

Примеч. С. 308–318.

Т. 6. Мертвые души. Том второй / Примеч. С. Машинского. 319 с.

[Приложение:]

Короленко В.Г. Трагедия великого юмориста (Несколько мыслей о Гоголе). С. 260–310.

Примеч. С. 311–318.

Т. 7: Статьи. 1831–1847 / Примеч. Ю. Манна. 528 с.

Приложение:

Петербургская сцена в 1835–36 г. С. 467–478.

[Сопроводит. статья:] *Мани Ю.* Гоголь – критик и публицист. С. 479–499.

Примеч. С. 500–525.

Т. 8: Письма / Примеч. М. Громова. 399 с.

Приложение:

<Письмо к> В.Г. Белинскому. Конец июля – начало августа 1847 г. С. 319–328.

Примеч. С. 329–360.

Алфавитный указатель имен и названий, встречающихся в статьях и письмах Н.В. Гоголя (т. 7, 8). С. 361–391. [Указ. имен аннотированный.]

Тарас Бульба / Вступ. статья, примеч., библиографические списки В.М. Гуминского; ил. А. Л. Костина. М.: Книга, 1984. 324 с.

Загл. вступ. статьи: «Тарас Бульба»: мир и книга. С. 5–46.

Примеч., библиографические списки. С. 295–324.

ЛИТЕРАТУРА

Агаева И.И. «И как любил он – ненавидя!» К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Русский язык и литература в азербайджанской школе. Баку, 1984. № 4. С. 11–21.

Алексян Е. Искусство смеха. Гоголь и Паронян: проблемы типологии // Литературная Армения. Ереван, 1984. № 7. С. 79–89.

Алексеев М.П. Избранные труды. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования / Отв. ред. Г.В. Степанов, В.Н. Баскаков. Л.: Наука, 1984.

[Указ. имен.]

Амберг Лоренцо. Литургия и храм у Гоголя // *Dissertationes Slavicae. Slavistische Mitteilungen.* Материалы и сообщения по славяноведению. Sectio Historiae Literarum. XVI. Szeged, 1984. С. 51–63.

Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина / Вступ. статья Г.М. Фридендера; подгот. текста и коммент. А.А. Карпова. М.: Современник, 1984. 476 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности. Из литературного наследия»).

Загл. вступ. статьи: Первая биография Пушкина. С. 5–31.

Коммент. С. 385–436.

[Указ. имен.]

Арват Н.Н. Структура текста повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Русское языкознание. Киев, 1984. № 8. С. 116–124.

Арзуманова О.И., Кузнецова В.Г., Макарова Т.Н., Невский В.А. Музей-заповедник «Абрамцево»: Очерк-путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1984. 256 с.: ил, фот.

[Гоголь в Абрамцево.]

Асадуллаев С. Жизнь и обогащение традиции // Литературный Азербайджан. Баку, 1984. № 6. С. 108–114.

[Влияние Гоголя на творчество азербайджанских писателей.]

Асадуллаев С.Г. Н.В. Гоголь в Азербайджане // Русская литература. Л., 1984. № 4. С. 176–185.

Бажин Е.Ф., Ганина Н.А., Корнеева Т.В. Описания лица в художественной литературе как проблема восприятия человека человеком // Вопросы психологии. М., 1984. № 2.

Балашов Н.И. Функции поэтической прозы в позднем творчестве Гоголя // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1984. Т. 43. № 5. С. 394–408.

Барская Т. «...Был только в Крыму» // Советский Крым. Симферополь, 1984. 1 апреля. [Гоголь в Крыму.]

Белоусов А. Творческий путь Гоголя // Русский язык в эстонской школе. Таллин, 1984. № 2. С. 3–9.

Берковский Н. Заметки из архива (О Н.В. Гоголе) / Вступ. статья Г. Фридендера; подгот. текста и примеч. Л. Виролайнен // Вопросы литературы. М., 1984. № 3. С. 108–125.

<Блок А.А.> Библиотека А.А. Блока. Описание: В 2 кн. Кн. 1 / Библиотека Академии наук СССР: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР; сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобова, С.Я. Вовиной; под ред. К.П. Лукирской. Л.: Библиотека Академии наук СССР, 1984. 316 с.
[№ 309–310: Гоголь. С. 234.]

Блюм А. Гоголевский Петрушка: прототипы и последователи // В мире книг. М., 1984. № 4. С. 64.

Блюмин Г. Последнее лето Гоголя // Ленинское знамя. 1984. 17 августа.

Богат Е. В профиль и анфас. О «шукшинских сюжетах» в жизни // Литературная газета. М., 1984. № 34. С. 13.
[В.М. Шукшин и Гоголь.]

Боткин В.П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., вступ. статья и примеч. Б.Ф. Егорова. М.: Советская Россия, 1984. 320 с. – (Библиотека русской критики).
Загл. вступ. статьи: Боткин – критик и публицист. С. 3–22.
Примеч. С. 281–310.

Будагов Р.А. Стилистическое новаторство «Мертвых душ» Гоголя // Будагов Р.А. Писатели о языке и язык писателей. М., 1984. С. 95–117.

Букчин С.В. Похождения Чичикова в Минской губернии // Букчин С.В. ...Народ, издревле нам родной: Русские писатели и Белоруссия. Минск, 1984. С. 131–144.

Быков Р. Тайна давно известного / К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Советская Россия. М., 1984. 1 апреля. № 77. С. 4.

Васильев К. Воспитатель и врач Гоголя // Вечерняя Одесса. Одесса, 1984. 19 февраля. [И.С. Орлай и его воспитательное значение.]

Васильев К.Г., Васильев К.К. И.С. Орлай и Н.В. Гоголь: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Советское здравоохранение. М., 1984. № 6. С. 69–71.

Век нынешний и век минувший // В мире книг. М., 1984. № 4. С. 38–39; 42–44.
[Иллюстраторы произведений Гоголя.]

Великий художник слова: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Литературная газета. М., 1984. 4 апреля. № 14. С. 2.
[Авторы статей: С. Залыгин, Н. Скатов, В. Кирилюк.]

Венок Н.В. Гоголю: Гоголь и время / Сост. Б.Н. Левин; худож. В.А. Рияка. Харьков: Прапор, 1984. 152 с.: 8 л. ил. На рус. и укр. яз.

Из содерж.:

- Гончар О. Гоголевскими шляхами. С. 11–12.
- Цюпа И. Гоголевщина. С. 24–31.
- Михальский Е.Н., Самойленко Г.В. Гоголь в Нежине. С. 51–54.
- Лобурец В.Е. Гоголевские образы в трудах В.И. Ленина. С. 101–106.
- Крутикова Н.Е. Гоголь и украинская литература. С. 114–124.
- Золотуский И. Гоголь в Риме.
- Гончар О. Гоголь и Украина. С. 138–150.
- [Рец.: Паламарчук П. Гоголь и наше время // Дружба народов. М., 1986. № 6. С. 262–263.]
- Виротайнен М.Н. Конференция, посвященная 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя / Ленинград, 23–24 апреля 1984 г. // Русская литература. Л., 1984. № 4. С. 223–226.
- Вишневская И. Неюбилейный Гоголь // Советская культура. М., 1984. 29 марта. С. 4.
- Вишневская И. Перечитаем Гоголя! // Театр. М., 1984. № 3. С. 17–21.
- Власенко Л. По гоголевским местам. «Москва – моя родина» // Строительство и архитектура Москвы. М., 1984. № 7. С. 27.
- Вопросы русской литературы. Вып. 2(44): республиканский межведомственный научный сб. / Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Черновицкий гос. ун-т; редкол.: Н.В. Николаев (отв. ред.), Д.М. Степанюк (отв. секр.) и др. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1984. 119 с.
- Из содерж.:**
- Губарев И.М. О художественном психологизме Н.В. Гоголя (На материале его высказываний). С. 71–77.
- Краевская Г.М. Традиции Н.В. Гоголя в творчестве раннего А.И. Куприна. С. 78–84.
- Полек В.Т. Сочинения Н.В. Гоголя на Западной Украине. С. 84–91.
- Воропаев В.А. К истории публикации «Мертвых душ» // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1984. № 3. С. 10–13.
- Воропаев В. Судьба рукописи. Новые известия о втором томе «Мертвых душ» // Литературная учеба. М., 1984. № 3. С. 167–171.
- Воропаев В. «...Я совершу свой путь...» К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Библиотекарь. М., 1984. № 4. С. 49–52.
- Воропаев В. Загадки гоголевских библиотек // В мире книг. М., 1984. № 4. С. 65–67.
- Воропаев В. Гражданин земли Русской // Советский воин. М., 1984. № 7. Апрель. С. 22–23.
- Вулих Н.В. Античные мотивы и образы повести Гоголя «Тарас Бульба» // Русская литература. Л., 1984. № 1. С. 143–153.
- Выходцев П.С. Преемственность гуманизма (Гоголь и Пришвин) // Русская литература. Л., 1984. № 4. С. 3–17.
- Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. Л.В. Дерюгиной. М.: Искусство, 1984. 458 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
- Загл. вступ. статьи: Эстетические взгляды П.А. Вяземского. С. 7–42.
- Из содерж.:**
- «Ревизор». Комедия, соч. Н. Гоголя. С.-Петербург, 1836. С. 142–154.
- Коммент. С. 411–412.
- [Впервые: Современник. 1836. Т. 2. С. 285–309.]

Языков и Гоголь. С. 162–187.

Коммент. С. 414–417.

[Впервые: Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. 24 и 25 апреля. № 90, 91.]

Современные темы, или Канва для журнальных статей. С. 271–276.

[Гоголь в журнальной критике.]

[Указ. имен.]

Выходцев П.С. Преемственность гуманизма: Гоголь и Пришвин // Русская литература. Л., 1984. № 4. С. 3–17.

Гальцева Р., Роднянская И., Бибихин В. «Обескураживающая фигура» (Н.В. Гоголь в зеркале западной славистики // Вопросы литературы. М., 1984. № 3. С. 126–161.

[Обзор работ 1950–1980-х гг.]

[См. также сб. Гоголь: История и современность. М., 1985.]

Гладышева Л.А. Птица-тройка // Русская речь. М., 1984. № 2. С. 26–29.

Гоголевские места на Украине. Фотоальбом / Сост. и вступ. статья Н.А. Хоцкого; фото И.А. Гильбо; худож. Н.Ю. Слепцова. Киев: Мыстэцтво, 1984. 96 с. На рус. и укр. яз.

<Гоголь Н.В.>. Н.В. Гоголь и литература народов СССР: Библиографический указатель / Нежинский гос. пед. ин-т им. Н.В. Гоголя; сост. Г.В. Самойленко, Е.Н. Михальский; предисл. Г.В. Самойленко]. Нежин, 1984. 147 с.

Гончар Н.А. Д. Демирчян – переводчик «Мертвых душ» Н. Гоголя (К вопросу о «психологии», технике и эстетике художественного перевода) // Литературные связи. Ереван, 1984. Т. 4. С. 95–137.

Гончар-Ханджян Н.А. Во власти бессмертного голоса (О ритме в поэме «Мертвые души» и об отражении его в армянском переводе Д. Демирчяна) // Вестник Ереванского ун-та. Общественные науки. Ереван, 1984. № 1. С. 45–56.

Горелов А.Е. Очерки о русских писателях: Избранное. 4-е изд. Л.: Советский писатель: Ленинградское отделение, 1984. 607 с.

Именем живых: Н.В. Гоголь. С. 82–107.

Грудинина И. Два русских гения. К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Нева. Л., 1984. № 4. С. 172–175.

[О дружбе Гоголя и А.А. Иванова.]

Гужанов С.И. Сравнение как средство сатирического изображения действительности в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русское языкознание. Киев, 1984. Вып. 8. С. 129–136.

Гураль С.К. Американское литературоведение о проблеме автора и повествователя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Литература, журналистика и политическая жизнь в США. М., 1984. С. 66–86.

Дзюба А.А. Гоголь и музыка // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. Киев, 1984. № 2. С. 21–27.

Дилакторская О.Г. Фантастическое в повести Н.В. Гоголя «Нос» // Русская литература. Л., 1984. № 1. С. 153–166.

Дмитриев Ю.А. Малый театр, 1917–1941 гг. М.: Искусство, 1984. 381 с.

[Указ. имен.]

Довгаль И.Ф., Литвин Н.О. Великосорочинский литературно-мемориальный музей Н.В. Гоголя: Путеводитель. 5-е изд., перераб. и доп. Харьков: Прапор, 1984. 62 с.: ил.

Дранкова И.Г. Гоголь и Вогюэ (К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1984. С. 44–51.

Ерохин А. Живые «Мертвые души»: Гоголевская поэма в иллюстрациях Виталия Горяева // Литературная Россия. М., 1984. 30 марта. № 14. С. 20.

Жулинский Н. Талант яркий и неисчерпаемый: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Под знаменем ленинизма. Киев, 1984. № 5. С. 71–72.

Записки русской академической группы в США: [ежегодный журнал общества «Русская академическая группа в США»]. Т. 17 / Ред. Н.А. Жернакова. New-York, 1984. 321 с. На рус. и англ. яз.

Из содерж.:

Юрьева З., Филипп В. О поэтике страха в повести Гоголя «Вий». С. 3–21.

Жернакова Н. «Портрет» Гоголя в двух редакциях. С. 23–47.

Каухчишвили Н. О художественных приемах у Гоголя. С. 49–67.

Террас В. «Шинель» Гоголя в критике молодого Достоевского. С. 75–81.

Натова Н. Михаил Булгаков и Гоголь: Опыт сопоставительного анализа. С. 83–114.

Крупич В. Гоголь и Аполлон Григорьев. С. 133–141.

Полторацкий Н. И.А. Ильин о Гоголе. С. 143–170.

[Изложение лекции «Гоголь, великий сатирик, романтик и философ жизни» (1944).]

[Перепечатано: *Полторацкий Н. И.А.* Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение: сб. статей. Без м. изд. Эрмитаж, 1989. С. 77–98.]

Иванов-Натов А. Новое прочтение «Выбранных мест из переписки с друзьями». С. 171–191.

Климов Е. Иллюстрации русских художников XX века к произведениям Н.В. Гоголя. С. 193–215.

[Откл.: *Бахрах А.* Гоголь в новых отражениях // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1985. 4 августа. С. 5.]

Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы. М.: Наука, 1984.

Заславский И. Гоголь в украинских переводах // Радуга. Киев, 1984. № 4. С. 161–164.

Золотусский И. Блок и Гоголь // Atti del symposium «Aleksandr Blok». Milano – Gargnano del Garda 6–11 settembre 1981. Milano, 1984. P. 711–726.

Золотусский И. Высокое благородство сердца // Огонек. М., 1984. № 14. С. 14–16.

[К 175-летию со дня рождения Гоголя.]

Золотусский И.П. Гоголь. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1984 / Сер. ЖЗЛ. 527 с.

[Рец.: *Мамлеев Ю.* Бессмертие мертвых душ // Континент. Мюнхен, 1986. № 47. С. 404–408.]

Золотусский И. Гоголь в Москве // Литературная Россия. М., 1984. 30 марта. № 14. С. 6–7.

Золотусский И. Горизонт без конца: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Новый мир. М., 1984. № 4. С. 238–248.

Золотусский И. Еще о «Ревизоре» // Современная драматургия. М., 1984. № 1. С. 260–267.

Золотусский И. Здесь создавались «Мертвые души» // Юность. М., 1984. № 4. С. 97–100.

Золотусский И. Песнь о товариществе: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Москва. М., 1984. № 4. С. 181–187.

Золотусский И.П. По следам Гоголя. М.: Детская литература, 1984. 191 с.: ил. – (По дорогим местам).

- [Рец.: *Клименко В.* Путешествие за словом // Москва. М., 1986. № 1. С. 202–203.]
- Золотусский И.* Смех Гоголя // Октябрь. М., 1984. № 4. С. 195–200.
- Ильинский О.* К юбилею Гоголя // Русское возрождение. Нью-Йорк; Москва; Париж, 1984. № 27/28. С. 141–161.
- [Отклик на статью И. Золотусского «Песнь о товариществе» // Новый мир. М., 1984.]
- Инфантьев Б., Лосев А.* Гоголевское притяжение // Даугава. Рига, 1984. № 4. С. 109–114.
- [Влияние Гоголя на латышскую литературу.]
- Искрин М.* Тайна одного стихотворения // Московская правда. М., 1984. 6 июня.
- [По поводу стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...».]
- Казарин В.П.* А.С. Пушкин и творческая история повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Вопросы русской литературы. Львов, 1981. Вып. 1. С. 54–61.
- Казарин В.П.* Романтическая традиция в «Мертвых душах» // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. Киев, 1984. № 3. С. 12–16.
- Казарин В.П.* Типология героя в русской литературе XIX века: Учебное пособие для студентов-иностранцев / Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Симферопольский гос. ун-т им. М.В. Фрунзе. Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1984. 87 с.
- Гл. 3: Поэма Гоголя «Мертвые души». С. 70–83.
- Казинцев А., Казинцева Н.* Автор двух поэм (К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя) // Поэзия. М., 1984. № 40. С. 106–117.
- Казинцева Н., Казинцев А.* Автор двух поэм: О поэтическом начале в художественном мышлении Гоголя // Литература в школе. М., 1984. № 1. С. 20–26.
- Капустин В.* Гений нашей литературы // Южная Правда. Николаев, 1984. 1 апреля.
- [К 175-летию со дня рождения Гоголя.]
- Карташова И.В.* «Портрет» Н.В. Гоголя и эстетические принципы В.Г. Вакенродера // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1984. № 4. С. 69–73.
- Катаев В.* Возвращаясь к Гоголю / Беседу вел А. Кузнецов // Вопросы литературы. М., 1984. № 3. С. 88–107.
- Кирай Д.* К проблеме авторской точки наблюдения в повествовательной концепции текста Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого // Studia russica. Br., 1984. P. 141–158.
- Клименко В.* Енотовая шуба: Петербург и «Петербургские повести» Н.В. Гоголя // Литературная Россия. М., 1984. 30 марта. № 14. С. 17.
- Ковач А.* Модель инерции мышления в «Шинели» Гоголя // Studia Russica. 7. Budapest, 1984. P. 159–171.
- Колоколова Л.И.* Лексико-семантические источники антропонимии в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Русское языкознание. Киев, 1984. Вып. 8. С. 124–129.
- Кошелев В.А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984. 196 с.
- «Мертвые души» Н.В. Гоголя в славянофильском истолковании. С. 106–143.
- Краюхин С.* Родственница Пушкина и Гоголя // Неделя. М., 1984. № 22.

Кубарев Е.М. Формирование структуры художественного текста в процессе работы Н.В. Гоголя над комедией «Ревизор» (На примере отражения психического состояния персонажа в аффективной речи // Формирование семантики и структуры художественного текста: межвузовский сб. научных трудов / Куйбышев. гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева; редкол.: М.Н. Везерова (отв. ред.) и др. Куйбышев, 1984. С. 70–96.

Кузнецова Н. Бессмертие Гоголя // Культура и жизнь. М., 1984. № 7. С. 32.

Лазарева А. О рефлексивности гоголевского смеха // Эстетические проблемы художественного творчества. М., 1984. С. 41–48.

Лазарева А. Проблема субъекта творчества в эстетике Гоголя // Историко–методологические проблемы эстетического познания. М., 1984. С. 51–58.

Лазарева А.Н. Этические искания в творчестве Н.В. Гоголя // Факторы и механизмы динамики культуры. М., 1984.

Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2 т. М.: Художественная литература, 1984. – (Литературные мемуары).

Т. 1 / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. А. Горелова. 479 с.

Загл. вступ. статьи: Книга сына об отце. С. 5–30.

Коммент. 416–477.

Т. 2 / Подгот. текста и коммент. В. Туниманова и Н. Сухачева. 607 с.

Коммент. 505–563.

[Указ. имен.]

Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л.: Советский писатель, 1984. 271 с.

Из содерж.:

Социальные корни типа Манилова. С. 31–43.

Ахматова и Гоголь. С. 155–160.

Лобанов М. Вечное слово: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Молодая гвардия. М., 1984. № 4. С. 237–248.

Лобашкова А.И. Эстетические искания в творчестве Н.В. Гоголя // Факторы и механизмы динамики культуры / Академия наук СССР, Институт философии; редкол.: А.И. Арнольдов (отв. ред.) и др. М.: ИФАН, 1984. С. 55–64.

Лурье С. Гоголь, Башмачкин и другие / Послесл. Е. Невзглядовой // Аврора. Л., 1984. № 4. С. 115–122.

Макогоненко Г. Принадлежит России: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Звезда. Л., 1984. № 4. С. 154–171.

Манн Ю.В. В поисках живой души: «Мертвые души»: Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1984. 415 с. – (Судьбы книг).

[Рец.: Залыгин С. «Гоголевский вопрос» // Литературная газета. М., 1985. 16 января. № 3. С. 6; Немзер А. Счастливые поиски // Литературное обозрение. М., 1985. № 3. С. 61–63; Koehler L. [Rev.] // Slavic and East European Journal. Tucson, 1986. Vol. 30. № 3. P. 442–444; Бакчи Д. // Studia Slavica. Budapest, 1987. T. 33, fasc. 1/4. С. 389–391.]

Манн Ю.В. Всемирная известность // Книжное обозрение. М., 1984. № 13. С. 8.

[К 175-летию со дня рождения Гоголя.]

Манн Ю.В. Гоголь Н.В. Язык его произведений // Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание). М., 1984. С.64–68.

Манн Ю.В. Гоголь в контексте эстетических споров (Полемика В.Г. Белинского с Константином Аксаковым) // Вопросы философии. М., 1984. № 3. С. 111–119.
[К 175-летию со дня рождения Гоголя.]

Манн Ю. Гоголь на Пьяцце Сан-Джованни // Дружба народов. М., 1984. № 5. С. 259–263.

Манн Ю. Как построены «Мертвые души» // Литературная учеба. М., 1984. № 3. С. 157–166.

Манн Ю. Как построены «Мертвые души» // Soviet Literature. М., 1984. № 4. С. 164–176.

Манн Ю. «Показать всю Русь...»: У истоков поэмы «Мертвые души» // Литературное обозрение. М., 1984. № 4. С. 31–39.

Манн Ю.В. Полемика Белинского с Константином Аксаковым о «Мертвых душах» Гоголя // Zeitschrift für Slawistic. Berlin, 1984. Bd. 29. H. 4. S. 535–545.

Марченко Н. Мемории из портфеля: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Советский музей. М., 1984. № 2. С. 28–29, 45.

Марченко Н., Малиновская Е. «По знакомству моему с художниками...» Рисунки Н.В. Гоголя и К.К. Павловой // В мире книг. М., 1984. № 4. С. 41–47.

Матвеев Б.И. Живое и меткое слово Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 1984. № 2. С. 21–25.

Мацкин А.П. На темы Гоголя: Театральные очерки / Послесл. Е.И. Поляковой. М.: Искусство, 1984. 375 с.: ил. 16 л.

Загл. послесл.: На темы прочитанной книги. С. 368–374.

Содерж.:

От автора. С. 3–4.

Михаил Чехов – Хлестаков. 1921–1927. С. 5–62.

Мейерхольд. Как создавался «Ревизор» 1926. С. 63–213.

Станиславский. Скрещение идей и судеб в «Мертвых душах». 1932. С. 214–367.

[Рец.: *Манн Ю.* // Новый мир. М., 1985. № 7. С. 266–267; *Смелянский А.* На гоголевском перекрестке // Вопросы литературы. М., 1985. № 3. С. 242–249; *Борщаговский А.* И не только театральная история // Театр. М., 1985. № 4. С. 158–160; *Кириллов А.* Сценическое освоение классики // Нева. Л., 1985. № 9. С. 166–167.]

Мильдон В. Мир вещей у Гоголя // Декоративное искусство СССР. М., 1984. № 4. С. 34–39.

Михалков С. Слово о Гоголе // Литературная Россия. М., 1984. 6 апреля. № 15. С. 4.

Мкртчян К. «Невский проспект» – «всеобщая коммуникация» петербургских повестей [Н.В. Гоголя] // Литературная Армения. Ереван, 1984. № 7. С. 89–98.

Мкртчян К.Л. Петербургские повести Н.В. Гоголя в армянских переводах: Прочтение оригинала как переводческая проблема. Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1984. 139 с.

[Рец.: *Тухарели Д.* Проблема оригинала и перевода // Советакан граканутюн. Ереван, 1985. № 8. С. 135–137; *Григорян А.* Прочтение оригинала как переводческая проблема // Литературная Армения. Ереван, 1985. № 11. С. 105–108.]

Мовчан П. От свитки до шинели: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Дружба народов. М., 1984. № 4. С. 231–239.

Молева Н. Свет добра и справедливости: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Комсомольская правда. М., 1984. 31 марта.

[О молодых годах Гоголя и начале его творческого пути.]

Моргун Ф.Т. В отчем доме Н.В. Гоголя // Радуга. Киев, 1984. № 8. С. 103–110.

[О заповеднике-музее на Полтавщине в селе Гоголево (Васильевке).]

Музей-заповедник «Абрамцево»: Очерк-путеводитель / Авт.: О.И. Арзуманова, А.Г. Кузнецова, Т.Н. Макарова, В.А. Невский. М.: Изобразительное искусство, 1984. 256 с.: ил.

[О Гоголе: С. 34–56 и др.]

Немзер А.С. Н.В. Гоголь // Памятные книжные даты. М., 1984. С. 87–89.

Никифоров В. «Ему есть куда поглядеться»: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Нева. Л., 1984. № 4. С. 185–189.

Николаев Д.П. Пасичник Рудый Панько и вопрос о социальных истоках сатиры Гоголя // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1984. № 3. С. 3–9.

Николаев Д.П. Сатира Гоголя. М.: Художественная литература, 1984. 367 с.: 9 л. ил.
[Рец.: *Дмитренко С.* Действенность смеха // Новый мир. М., 1986. № 9. С. 263–264; *Радецкая М.* Сатира Гоголя в сегодняшнем прочтении // Вопросы литературы. М., 1986. № 3. С. 238–243.

Новиков Л.А. Художественное слово Гоголя (Стилистический анализ «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») // Русский язык в школе. М., 1984. № 1. С. 48–55.

Осокин В. Ожившая статуя / [Послесл. В. Погребного]. М.: Молодая гвардия, 1984. 190 с.: ил. – (Сер. Загадки отечественной культуры).

Из содерж.:

Аксаков и Гоголь. С. 104–110.

Плюшкин... в таверне (Н. Гоголь). С. 110–113.

Павлова И.Б. Юбилейная научная конференция, посвященная 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя / Москва, 29–30 марта 1984 г. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1984. Т. 43. № 5. С. 475–477.

Паламарчук П. «Высокая комедия»: «Ревизор» и дополнения к «Ревизору» // Литература в школе. М., 1984. № 5. С. 62–64.

Паламарчук П. Ключ к «Ревизору» // Советская литература. М., 1984. № 4.

Парамонов Б. К юбилею Гоголя // Панорама. Лос Анжелес, 1984. 27 апреля – 4 мая. № 159. С. 10.

[К 175-летию со дня рождения.]

Пенская Е.Н. Н.В. Гоголь // Альманах библиофила. М., 1984. № 2.

[К 175-летию со дня рождения.]

Петров А. Дом Гоголя // Нева. Л., 1984. № 4. С. 189–192.

Петров Б. За коляской Чичикова // Советская Россия. М., 1984. 23 марта. С. 4.

[Беседа с художником-графиком Сергеем Алимовым.]

Попов В. Великий подвиг любви к России: Заметки литературоведа // Кубань. Краснодар, 1985. № 12. С. 76–82.

Прийма Ф.Я. Гоголь и народная Россия // Русская литература. Л., 1984. № 2. С. 3–27.

<*Пришвин М.*> Пришвин о Гоголе: Из дневников разных лет / Публ. и примеч. Л. Рязановой // Литературная учеба. М., 1984. № 3. С. 172–177.

Прождогин Н. Альбомная страница, или Стихотворение в прозе // Советская культура, М., 1984. 24 марта.

[См. также: *Прождогин Н.* Под миртами Италии прекрасной. М., 1988. С. 52–60.]

См. также Жовтис 1973.]

Пынзару С. Гоголь в предоктябрьской Бессарабии // Кодры. Кишинев, 1984. № 12. С. 144–147.

Раков Ю. Где жил Башмачкин // Ленинградская правда. Л., 1984. 28 июля.

Раковская Н.М. Г. Плеханов о месте и роли Н. Гоголя в историко-литературной концепции В.Г. Белинского // Проблемы поэтики и истории литературы. Одесса, 1984. С. 128–138.

Рехо К. Гоголь в Японии // Русская речь. М., 1984. № 2. С. 30–38.

Рехо К. Японо-советский симпозиум «Гоголь и современность» / Токио, апрель 1983 г. // Япония. 1983: Ежегодник. М., 1984. С. 284–288.

Сажин В. На пороге. Из архивных разысканий о Н.В. Гоголе // Звезда. 1984. № 4. С. 177–179.

Сахаров В. Романтики и реалисты // Подъем. Воронеж, 1984. № 6. С. 119–121.
[О творческом содружестве Гоголя и князя В.Ф. Одоевского.]

Сахаров В. Под сенью дружных муз: О русских писателях-романтиках. М.: Художественная литература 1984. 295 с.
[Гоголь и В.А. Жуковский.]

Семенов Р. Афанасий Иванович и Аграфена Максимовна, или Образ семьянина у Гоголя и Платонова // Литературная учеба. М., 1985. № 6. С. 183–193.

Сергиева Н.Н. Характеры и ситуации в повести Н.В. Гоголя «Нос» // Проблемы поэтики и истории литературы. Одесса, 1984. С. 147–157.

Скатов Н. Иван Александрович Хлестаков и другие // Звезда. Л., 1984. № 4. С. 172–176.
[Анализ комедии «Ревизор» с точки зрения ее сценической интерпретации.]

Смелянский А. Жизнь во времени. Заметки о телефильме «Мертвые души» // Комсомольская правда. М., 1984. 2 декабря. С. 4.
[О телесериале М. Швейцера.]

Современные зарубежные исследования творчества Н.В. Гоголя: сб. научно-аналитических обзоров. М., 1984. (ИНИОН). 154 с.

Из содерж.

Красавченко Т.Н. Реальность и вымысел у Гоголя (взгляд английской литературной критики). С. 63–92.

Степанов В.Г. Критика оценки повестей Н.В. Гоголя буржуазным литературоведением Англии и США 40-х – 60-х годов XX века: И. Перри, В. Набоков, В. Эрлих // Функциональное и системно-типологическое изучение языка и литературы. М., 1984. С. 206–213.

Степанов Г. «Ваял, а не писал» // Литературная Россия. М., 1984. 30 марта. № 14. С. 19.
[С.Н. Сергеев-Ценский о Гоголе.]

Страницы сожженного тома // Известия. 1984. 2 апреля. № 93. С. 6.
[О втором томе «Мертвых душ» Гоголя.]

Страхов Н.Н. Литературная критика / Вступ. статья, сост. Н.Н. Скатова; примеч. Н.Н. Скатова и В.А. Котельникова. М.: Современник, 1984. 431 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности»).

Загл. вступ. статьи: Н.Н. Страхов (1828–1896). С. 5–43.

Коммент. С. 407–426.

[Указ. имен.]

Сугай Л.А. Идеиные споры о наследии Н.В. Гоголя в конце XIX – начале XX века // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1984. № 4. С. 3–10.

Сугай Л.А. Русская критика XIX века и трактовка Гоголя символистами // Проблема традиций и новаторства в изучении и преподавании советской литературы. Горький: ГГПИ [Горьковский гос. пед. ин-т им. М. Горького], 1984. С. 18–19.

Султанова Г. Муза, открывшая миры. Баку: Язычы, 1984. 183 с. – (Литературные связи). [Сопоставительный анализ произведений русской литературы (в том числе Гоголя) и их переводов на азербайджанский язык.]

Сурмило В. Встреча в Венеции // Литературная Россия. М., 1984. 13 апреля. [Отрывок из воспоминаний И.К. Айвазовского о встрече с Гоголем.]

Тезисы докладов вторых Гоголевских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения писателя / Министерство просвещения УССР, Полтавский гос. пед. ин-т им. В.Г. Короленко и др.; редкол.: Н.Е. Крутикова, Т.П. Маевская, Н.В. Хоменко и др.; Полтава, 1984. 212 с.

Содерж.:

Горобец И.Е. Гоголь и современная Полтавщина. С. 3–4.

Зязюн И.А. О принципах театральной эстетики Н.В. Гоголя. С. 4–6.

Фридлендер Г.М. Истоки гоголевского реализма. С. 6–7.

Матвиенко П.И. Полтавщина в творчестве Н.В. Гоголя. С. 7–8.

Лобурец В.Е. Гоголевские образы в теоретическом наследии В.И. Ленина. С. 8–10.

Кулешов В.И. О методологии изучения наследия Н.В. Гоголя. С. 10–11.

Яценко М.Т. Гоголь и украинский романтизм. С. 11–12.

Прийма Ф.Я. Гоголь и Белинский. С. 13–14.

Вайнгорт Л.С. Заповедник-музей Н.В. Гоголя на Полтавщине. С. 14–15.

Хоменко Н.В. Идею утверждение и отрицание в творчестве Гоголя. С. 15–16.

Борщевский Ф.М. Кантемир, Фонвизин, Гоголь – преемственность и новаторство. С. 16–17.

Троицкий В.Ю. Гоголь и русская предромантическая проза. С. 18.

Козлова М.И. На пути движения к реализму (Н.В. Гоголь и В.Т. Нарезный). С. 19–20.

Фомичев С.А. «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». С. 20–21.

Руднева Е.Г. Комизм Гоголя в оценке Белинского. С. 21–22.

Теплинский М.В., Цивкач О.М. Н.В. Гоголь и проблемы развития русской журналистики 30–40-х гг. XIX века. С. 23–24.

Жаркевич Н.М. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя в литературно-критическом восприятии 30–40-х гг. XIX в. С. 24–25.

Мостовская Н.Н. Гоголь и Некрасов. С. 25–26.

Баскаков В.Н. Гоголевская библиография. Традиции, современное состояние, перспективы. С. 26–27.

Кошелев В.А. Гоголь и Константин Аксаков. С. 27–28.

Гин М.М. Достоевский и Некрасов в борьбе за гоголевскую «натуральную школу». С. 29.

Бабичева Ю.В. Гоголь в кино (два киносценария М. Булгакова по Гоголю). С. 30–31.

Левандовский Л.И. Гоголь в русской критике и литературоведении конца XIX – начала XX вв. С. 31–32.

Лявданский Э.К. Творчество Н.В. Гоголя в философско-эстетической концепции Ин. Анненского. С. 33–34.

Голотина Г.А. Нравственно-воспитательный аспект в повестях Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1-й том). С. 34–35.

Коновалов В.Н. Эпистолярное наследие Н.В. Гоголя. С. 35–36.

Мацапура В.И. Гоголь о Пушкине. С. 36–37.

Бельчикова З.Ф., Розанова Л.А. Н.В. Гоголь, его литературная позиция в оценке члена-корреспондента Академии наук СССР Н.Ф. Бельчикова. С. 38.

Камышалова Л.С. Книги Н.В. Гоголя в библиотеке Лескова. С. 39–40.

Смирнов А.А. Юмор в прозе Н.В. Гоголя и А.С. Пушкина (принципы сопоставления). С. 40–41.

Карпенко А.И. «Мертвые души» сквозь «магический кристалл» А.С. Пушкина. С. 41–42.

Мельник Н.Ф., Рымишина Е.В. Особенности авторской позиции в «Старосветских помещиках» Н.В. Гоголя. С. 42–43.

Горячкина М.С. Традиции Гоголя в сатире Щедрина. С. 44.

Никитина Н.С. Н.В. Гоголь и М.Е. Салтыков-Щедрин. С. 45–46.

- Столярова И.В. Гоголевские традиции в сатире Н.С. Лескова. С. 46–47.
- Нагорная Н.М. Гоголевские традиции в повести Н.С. Лескова «Несмертельный голован». С. 47–48.
- Видуэцкая И.П. Гоголь и Лесков (к вопросу о творческой преемственности). С. 48–49.
- Зарва В.А. Характер сатирического обличения у Н.В. Гоголя и Н.С. Лескова (на материале повести «Детские годы»). С. 50–51.
- Мищенко А.К. Традиции Н.В. Гоголя в ранней прозе А.Н. Толстого. С. 51–52.
- Березовская В.В. Идеино-эстетические функции детали в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и ранних рассказах Л.Н. Толстого. С. 52–53.
- Смирнов В.Б. К проблеме гоголевских традиций в литературном народничестве (Гоголь и Глеб Успенский). С. 53–54.
- Маевская Т.П. Традиции романтического пейзажа Гоголя в творчестве Лескова, Короленко, Чехова. С. 55–56.
- Силантьева В.И. «Тарас Бульба» Гоголя и «Степь» Чехова (к воплощению темы). С. 56–57.
- Удалов В.Л. Драматургия Н.В. Гоголя и А.П. Чехова. С. 57–58.
- Крук И.Т. Гоголевские образы в поэтической системе А. Блока. С. 58–59.
- Лебедеко Н.П. Гоголевские традиции в циклах А. Блока «Пляска смерти» и «Жизнь моего друга». С. 59–60.
- Левченко М.А. Н.В. Гоголь в жизни и творчестве В.В. Маяковского. С. 61–62.
- Короленок А.И. «Мертвые души» и «Тихий Дон» (Эпические традиции в жанровой структуре романа-эпопеи). С. 62–63.
- Зверева Л.И. Традиции Н.В. Гоголя в драматургии А.Н. Толстого. С. 63–64.
- Александрова Л.П. Гоголевские традиции в советском романе-эпопее. С. 64–65.
- Мартусь В.И. Проблема положительного героя в советской сатире в свете поэтики «Ревизора» и «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С. 65–66.
- Назарок М.А. С.Н. Сергеев-Ценский о Гоголе. С. 66–67.
- Собин В.А. Отражение народных традиций в творчестве Н.В. Гоголя. С. 68–69.
- Карташова И.В. Соотношение романтического и реалистического в прозе Гоголя 30-х гг. С. 69–70.
- Маркович В.М. О творческом методе Гоголя в петербургских повестях. С. 71–72.
- Булгаков Н.Н. Концепция народности в эстетике Гоголя. С. 72–73.
- Пащенко В.А. О природе фантастического в «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 73–74.
- Бекедин П.В. В.Г. Белинский и К.С. Аксаков (к спорам о жанре «Мертвых душ» Н.В. Гоголя). С. 74–75.
- Булат Т.П. Н. Гоголь и музыка. К проблеме интерпретации повестей писателя в музыкально-театральных жанрах. С. 76–77.
- Левченко Г.С. Украинская народная песня в творчестве Н.В. Гоголя. С. 77–78.
- Дзюба А.А. Н.В. Гоголь и музыкальная культура. С. 78–79.
- Слюсарь А.А. О циклизации в прозе Н.В. Гоголя. С. 79–80.
- Чалый Д.В. Из наблюдений над поэтикой «Мертвых душ». С. 81.
- Воропаев В.А. Поэтика «Мертвых душ» и традиции русского народного творчества. С. 81–82.
- Кирилюк З.В. Традиции создания литературного характера и новаторство гоголевских принципов. С. 83–84.
- Марченко Н.Г. Функции сказа в художественной структуре «Мертвых душ». С. 84–85.
- Лукавецкая Г.И. Портрет как средство раскрытия характера в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. С. 85–86.
- Лужановский А.В. Роль гоголевской традиции в становлении жанра рассказа. С. 87–88.
- Степовик Д.В. Изобразительное искусство как источник образов ранних произведений Н.В. Гоголя. С. 88–89.
- Медриш Д.Н. Метафорическая антитеза в поэтической системе Гоголя. С. 89–90.
- Губарев И.М. «Арабески» Н.В. Гоголя (об идейно-художественном единстве сборника и своеобразии жанра). С. 91–92.
- Дубровина Т.Ю. Фольклорные мотивы в повести Н.В. Гоголя «Портрет». С. 92–93.
- Яковлев В.В. Художественное своеобразие повести Гоголя «Записки сумасшедшего». С. 93–94.
- Поддубная Р.Н. Тип героя и конфликта в «Ви» (к вопросу о барочном характере повести). С. 94–95.
- Конева Т.М. Проблема героического в творчестве Н.В. Гоголя и военной документально-художественной прозе 40–50-х годов. С. 96–97.
- Качаева Л.А. Поэзия в прозе (Элементы поэтического языка в пейзажах Н.В. Гоголя). С. 97–98.

- Андрианов Ю.П., Лабунько О.И.* Поэтика пейзажа в исторической прозе Н.В. Гоголя. С. 98–99.
- Балакирева Р.С.* Эстетический смысл детали в поэтике Н.В. Гоголя. С. 99–100.
- Бурмистрова К.И.* Письма Н.В. Гоголя и их роль в развитии мемуарно-автобиографического жанра в русской литературе. С. 100–101.
- Звизняцкий В.Я.* Образы-символы «Миргорода» Гоголя в интерпретации Чехова и Бунина. С. 102–103.
- Дьяченко А.Н.* Идеино-эстетические функции и эволюция пейзажа в творчестве Н.В. Гоголя. С. 103–104.
- Свербилова Т.Г.* «Ревизор» и проблема гротеска в советской комедии. С. 104–106.
- Самойленко Г.В.* Н.В. Гоголь в литературоведении народов СССР. С. 106–107.
- Сулима Н.М.* Традиции украинской древней литературы в творческом наследии Н.В. Гоголя. С. 107–108.
- Михед П.В.* Творчество Н.В. Гоголя в системе русско-украинских литературных взаимосвязей. С. 108–109.
- Радченко Е.Е.* И.Я. Франко и Н.В. Гоголь. С. 109–110.
- Павлюк Н.Н.* Н. Гоголь и П. Гулак-Артемовский. С. 110–112.
- Заславский И.Я.* «Ревизор» в украинских переводах. С. 112–113.
- Барабан Л.И.* Некоторые аспекты перевода и сценической интерпретации комедии «Ревизор» Н.В. Гоголя на Украине (60–80 гг. XX ст.). С. 113–114.
- Маркушевский П.Т.* «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя и украинский театр. С. 114–115.
- Микитась В.Л.* Н.В. Гоголь и Закарпатье в XIX в. С. 116–117.
- Охрименко О.П.* Н.В. Гоголь в творческой жизни Миколы Садовского. С. 117–118.
- Саенко В.П.* Гоголевские традиции в творчестве А. Довженко. С. 118–119.
- Радецкая М.М.* Концепция образа Н.В. Гоголя в советской поэзии. С. 119–120.
- Спивак А.И.* Гоголь и его герои в художественной интерпретации советских поэтов (Опыт классификации поэтической гоголианы). С. 121–122.
- Заморий Т.П.* Гоголевские традиции и проблема изображения характера в творчестве М. Стельмаха (на материале романа «Четыре брода»). С. 122–123.
- Нахлик Е.К.* Гоголь и украинская романтическая проза 30–60-х гг. XIX в. С. 123–125.
- Ковальчук А.Г.* Жанр в системе аксиологических отношений («Набросок драмы из украинской истории» Н. Гоголя и роман П. Загребельного «Я, Богдан»). С. 125–126.
- Синицкая В.В., Тюнин А.П.* Повесть Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» и народная поэзия. С. 126–127.
- Охрименко П.П.* Отзвуки творчества Н.В. Гоголя в белорусской литературе. С. 127–128.
- Черных С.Я.* Традиции Н.В. Гоголя в творчестве классика марийской литературы Осыпа Шабдара. С. 129–130.
- Лебединская Т.Н.* Восток в научном и литературном творчестве Н.В. Гоголя. С. 130–131.
- Ганич О.Ф.* Шевченко и Гоголь. С. 131–132.
- Загайко П.К.* Традиции Н.В. Гоголя в творчестве Олеса Гончара. С. 132–133.
- Полянина Т.В.* Проблема славянских связей в мировоззрении и творчестве Н.В. Гоголя. С. 134–135.
- Михилев А.Д.* Н.В. Гоголь и французская сатирическая традиция. С. 135–136.
- Волкова Н.Д.* Гоголь и Проспер Мериме. С. 136–137.
- Гуляев Н.А.* «Ревизор» Гоголя в связи с немецким романтизмом. С. 137–138.
- Окунь Г.Б.* Немецкая революционная драма 20–30-годов и Гоголь. С. 138–139.
- Златина Е.Г.* Уроки Гоголя в творчестве Джорджа Гиссинга. С. 139–140.
- Сверженская Е.В.* Анна Зегерс о художественном мастерстве Гоголя. С. 141–142.
- Сичковская (Михед) Т.В.* Генезис и характер функционирования формулы «мир – театр» в художественной системе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя и «Ярмарке тщеславия» У.М. Теккерея. С. 142–143.
- Вовк Я.Г.* Традиции Гоголя в испанской литературе: С. 143–144.
- Волкова Л.П.* Гоголь и Аристофан. С. 144–145.
- Покальчук Е.В.* Традиции Гоголя и современная латиноамериканская литература. С. 145–146.
- Василенко В.Н.* Элементы гоголевской фантастики в польской литературе начала XX века (на материале повести-сказки Болеслава Лесьмяна «Ведьма»). С. 146–147.
- Костенко В.Д.* Гоголевский «Ревизор» за рубежом. С. 148–149.
- Нечепорук Е.И.* Н.В. Гоголь в оценке прогрессивной австрийской критике. С. 149–150.

- Арват Н.Н.* Авторское своеобразие в построении художественного текста (повесть Н.В. Гоголя «Шинель»). С. 150–152.
- Нестеров М.Н.* Жанрово-стилистические особенности языка повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 152–153.
- Карагодникова Л.И.* Н.В. Гоголь в борьбе за демократизацию русского языка. С. 153–154.
- Алефиренко Н.Ф.* Образные устойчивые обороты как средство художественной выразительности языка произведений Н.В. Гоголя. С. 154–155.
- Бескишкина М.Т., Жигилий Н.В.* Стилистико-семантические функции фразеологизмов в повестях Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». С. 156–157.
- Варава Н.В., Степаненко Н.И.* Стилистическое использование вариантов фразеологических единиц в художественных произведениях Н.В. Гоголя. С. 157–158.
- Яреценко А.П.* Лексическая основа эмоционально-смысловых центров в произведениях Н.В. Гоголя. С. 158–159.
- Иванова Л.В.* Стилиобразующие функции словообразовательных средств в произведениях Н.В. Гоголя. С. 160–161.
- Оголевец А.В.* Языковые средства обобщения и типизации в повести Н.В. Гоголя «Шинель». С. 161–162.
- Гетман И.М., Ломтева Л.И.* Анализ ключевых понятий как путь интерпретации образа в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 162–163.
- Гулак А.Т.* Стилистика повести Н.В. Гоголя «Портрет». С. 164–165.
- Линник Г.Т.* Антонимы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 165–166.
- Алексеев С.И.* Употребление заимствованной лексики в произведениях Н.В. Гоголя. С. 166–167.
- Семенюченко М.Л.* Элементы украинского языка в системе изобразительных средств Н.В. Гоголя. С. 167–168.
- Борисенко Н.А.* Лексические украинизмы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя. С. 169–170.
- Сологуб Л.А.* Устаревшая и устаревающая лексика как изобразительное художественное средство в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 170–171.
- Лебедев С.А., Тыминский М.В.* Антропонимия повестей миргородского цикла Н.В. Гоголя. С. 172–173.
- Мойсеев А.К.* Качественные существительные в контекстуальном окружении (на материале художественных произведений Н.В. Гоголя). С. 173–174.
- Липатов А.Т.* Глагольные новообразования в языке произведений Н.В. Гоголя как изобразительное средство. С. 175–176.
- Казырод Н.И.* Словоизменение имен существительных в комедии В.А. Гоголя «Простак». С. 176–177.
- Бондаревская О.Д.* Синонимия фразеологизмов как одно из изобразительных средств в произведениях Н.В. Гоголя. С. 177–179.
- Ермак В.Н.* Структура словообразовательной парадигмы топонимов в произведениях Н.В. Гоголя. С. 179–180.
- Лихошвай Т.В.* О синонимических функциях грамматических форм в петербургских повестях Н.В. Гоголя. С. 180–181.
- Вакуленко Н.А., Папина А.Ф.* Свообразие сложного синтаксического целого в поэме-романе «Мертвые души» Н.В. Гоголя. С. 182–183.
- Безобразова Л.Л.* Коррелятно-союзные предложения как изобразительное средство в произведениях Н.В. Гоголя (на материале сборника «Миргород»). С. 183–184.
- Халчанская А.В.* Синонимия причинных конструкций как одно из средств речевой выразительности (на материале повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»). С. 184–185.
- Стась Т.В.* Функционирование комбинированных сложных пореждений (на материале произведений Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», «Мертвые души»). С. 186–187.
- Скаб М.С., Скаб М.В.* Ситуативная характеристика обращений в пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор». С. 187–188.
- Моргун В.Ф.* Психологические типы личности и творчество Гоголя. С. 188–189.
- Дановский А.В.* Формирование понятия о литературном типе при изучении школьниками поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 189–191.
- Малич М.И.* Использование гоголевских образов-персонажей в преподавании общественных наук. С. 191–192.
- Шебитченко А.П.* Значение творчества Н.В. Гоголя для нравственного воспитания личности. С. 192.

Базилевич Н.Г., Поколотный Л.Д. Патриотическое воспитание школьников при изучении творчества Н.В. Гоголя. С. 193–194.

Шохирев В.К. Углубление теоретических сведений о композиции произведения при изучении поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 194–195.

Тарасевич Н.Н. Н.В. Гоголь и проблема личности педагога. С. 195–196.

Ермак А.П. Н.В. Гоголь о преподавании истории. С. 196–197.

Виговская А.А. Осуществление межпредметных и внутрипредметных связей в процессе изучения повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 198–199.

Крамущенко Л.В. Активизация художественного восприятия учащихся при изучении повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». С. 199–200.

Шумская А.И., Косенко Н.В. Н.В. Гоголь в литературном краеведении школ Полтавщины. С. 200–201.

Гладченко Н.В., Кривонос И.Ф. Творческое освоение передового педагогического опыта изучения произведений Н.В. Гоголя в школе. С. 201–202.

Тодорова И.С., Мудрак В.И. Психологический анализ гоголевских психологических типов как средство развития перцептивных способностей будущих учителей. С. 202–203.

Томашевский Н. Гоголь и Белли: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Иностранная литература. М., 1984. № 7. С. 163–165.

Тресков В. Здесь он читал «Ревизора» // Неделя. М., 1984. № 13. С. 18.

Трофимова Н.П. Пушкинские и гоголевские реминисценции в «Деревянной королеве» Л. Леонова // Из истории русской литературы и литературной критики. Кишинев, 1984. С. 135–140.

Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 664: Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1984. 140 с.

Из содерж.:

Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему). С. 4–29.

Пумпянский Л.В. Гоголь. С. 125–137.

Федоров В.В. О природе поэтической реальности: монография. М.: Советский писатель, 1984. 184 с.

[О Гоголе: С. 90–110, 157–160 («Мертвые души»); С. 120–135 («Тарас Бульба»); С. 154–156, 161–172 («Ревизор»).]

Филин М. О помещике Трёмалаханского уезда и о «шалостях потаенных» // Литературная Россия. М., 1984. 30 марта. № 14. С. 18–19.

[Декабристское время в «Мертвых душах»: Попытка нового прочтения.]

Фридлиндер Г.М. Гоголь и современность // Русская литература. Л., 1984. № 1. С. 3–13.

Хлодовский Р. Рим в мире Гоголя // Иностранная литература. М., 1984. № 12. С. 203–210.

Храпченко М.Б. Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя. М.: Современник, 1984. 654 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности»).

Храпченко М.Б. Подвиг художника: К 175-летию со дня рождения Н.В. Гоголя // Литературная газета. М., 1984. 28 марта. № 13. С. 7.

Чалый Д.В. Из наблюдений над поэтикой «Мертвых душ» // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. Киев, 1984. № 4. С. 20–25.

Чеботарева В. О гоголевских традициях в прозе М. Булгакова // Русская литература. Л., 1984. № 1. С. 166–176.

Чудаков А.П. Живые картины // Литературная газета. М., 1984. 28 ноября. № 48(5010).

[Рубрика: «Внимание: на экране классика». Разговор, в частности, об экранизации М. Швейцером «Мертвых душ».]

Щеблыкин И. «Любил он, ненавидя...» // Пензенская правда. Пенза, 1984. 1 апреля.
[К 175-летию со дня рождения Гоголя.]

<Щепкин М.С>. Михаил Семенович Щепкин: Жизнь и творчество: В 2 т. Т. 2: Современнике о М.С. Щепкине. Критика. Из дневников и переписки. Воспоминания / Коммент. Т.М. Ельницкой, Н.Н. Панфиловой, О. М. Фельдман. М.: Искусство, 1984. 479 с.: ил.

Из содерж.:

Щепкин П.М. Первое знакомство Щепкина с Гоголем. С. 267.

Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем [Фрагмент.] С. 300–302.

Буслаев Ф.И. Комик Щепкин о Гоголе. С. 310–312.

Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания [Фрагмент.] С. 349–350.

Оболенский Д.А. О первом издании посмертных сочинений Гоголя [Фрагмент.] С. 350–351.
Коммент. С. 405–428.

Эпштейн М. О значении детали в структуре образа: («Переписчики» у Гоголя и Достоевского) // Вопросы литературы. М., 1984. № 12. С. 134–145.

[Акакий Акакиевич Башмачкин и князь Мышкин.]

Яценко М.Т. Природа комического в творчестве Котляревского и Гоголя // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. Киев, 1984. № 2. С. 14–20.

Gogol a naše doba / Red. J. Klementa. Olomouc: Univ. Halackého, 1984. 136 s. / Материалы международного симпозиума «Гоголь и наше время», состоявшегося в Оломоуце 26–27 апреля 1984 г. На рус. и чеш. яз.

Из содерж.:

Борсукевич Ю. В.Г. Белинский об эволюции художественного метода в творчестве Н.В. Гоголя.

Фенина С.В. Традиции Н.В. Гоголя и советская драматургия.

Орловски Я. «Мертвые души» Гоголя и польский сатирический роман 19 века.

Лесюв М. Антропонимия в украинских повестях Гоголя.

Рыцик Х. Творчество Н.В. Гоголя в учебной программе по русскому языку в польской школе. 458 с.

Peuranen E. Акакий Акакиевич Башмачкин и Святой Акакий // Studia slavica finlandensia. Helsinki, 1984. Т. 1. Р. 122–133.

1985

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность [Фрагмент] // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. Т. 2 / Сост. А.А. Гугнин. М.: Радуга, 1985. С. 514–517.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород: повести. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1985. 491 с.

Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Послесл. П. Николаева; ил. А.Г. Антонова. М.: Правда, 1985. 464 с.: ил.

Послесл. С. 449–462.

Вечера на хуторе близ Диканьки: В 2 т. / Вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Книга, 1985. Т. 1. 415 с.

Загл. вступ. статьи: Сказки Рудого Панька. С. 5–60.

Т. 2. 527 с.

Немзер А.С. Становление Гоголя. С. 5–56.

Примеч. С. 469–526.

Женитьба / Вступ. статья и послесл. Ю. Манна. М., 1985. 96 с.
Загл. вступ. статьи: Комедийный мир Гоголя. С. 5–11.
Загл. послесл.: История «Женитьбы» в документах. С. 82–94.

Избранные повести. М.: Правда, 1985. 528 с.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Тарас Бульба; петербургские повести.

Избранные произведения: В 2 т / Худож. И.Т. Богдеско. Кишинев: Литература артистикэ, 1985.

Т. 1. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Петербургские повести / Вступ. статья П. Николаева; примеч. Н. Степанова, А. Бушмина, Г. Фридендера. 661 с: ил.

Загл. вступ. статьи: Художественные открытия Гоголя. С. 5–30.

Т. 2. Ревизор; Женитьба; Мертвые души / Примеч. Ю. Манна. 544 с.

Примеч.: С. 522–543.

Приложения:

Повесть о капитане Копейкине (редакция, разрешенная цензурой).

Избранные сочинения / Вступ. статья П. Николаева. М.: Правда, 1985. 672 с.

Загл. вступ. статьи: Художественные открытия Гоголя. С. 3–18

Мертвые души: поэма / Худож. С. Алимов. М.: Художественная литература, 1985. 368 с. – (Классики и современники. Русская классическая литература).

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине. Редакция, разрешенная цензурой. С. 364–368.

Мертвые души: поэма / [Ил. А. Лаптева]. Таллин: Ээсти раамат [Эстонская книга], 1985. 303 с.: ил.

Миргород: повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» / Послесл. и примеч. В.М. Гуминского; худож. Ю.К. Бажанов. М.: Советская Россия, 1985. 256 с.: ил. – (Библиотека юношества).

Загл. послесл.: Мир и герои «Миргорода». С. 219–236.

Примеч. С. 237–251.

Об «Одиссее», переводимой Жуковским (Из письма к Н.М. Я...ву) [Фрагмент] // За рубежом поэзия в переводах В.А. Жуковского: [В 2 т.]. Т. 2 / Сост. А.А. Гугнина; коммент. К.Н. Атаровой, О.М. Савельевой М.: Радуга, 1985. С. 517–520.

Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1984–1986.

Т. 4: Драматические произведения / Коммент. Ю.В. Манна. М., 1985. 423 с.

Приложения:

Приложения к комедии «Ревизор»

1. «Ревизор» (Редакция первого издания, 1836 г.). С. 248–324.

2. Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы. С. 325–328.

3. Сцена, не внесенная автором в печатные издания «Ревизора». С. 328–329.

4. Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 329–334.

5. Предуведомление для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 334–341.

6. Развязка Ревизора. С. 342–352.

7. Вторая редакция окончания «Развязки Ревизора». С. 353–358.

Владимир 3-ей степени. С. 358–365.

Альфред. С. 365–383.

Наброски драмы из украинской истории. С. 383–386.

Коммент. С. 387–422.

[Сопроводит. статья:] Драматургия Гоголя. С. 387–407.

Коммент. С. 407–422.

Т. 5: Мертвые души: поэма / Коммент. С.И. Машинского. М., 1985. 527 с.

Приложения:

Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой). С. 474–479.

<Заметки> к 1-й части. С. 479–480.

Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ». С. 481–484.

Коммент. С. 485–525.

[Сопроводит. статья:] «Мертвые души»: С. 486–511.

Коммент. С. 512–525.

Шинель: повесть / Послесл. Ю.В. Манна; рис. Ю. Игнатъева. М.: Детская литература, 1985. 47 с. – (Школьная библиотека).

Загл. послесл.: «Одно из величайших созданий Гоголя». С. 39–46.

Шинель: [повесть] / Ил. С. Бродского М.: Художественная литература, 1985. 79 с.: ил.

Шинель: [повесть.] Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1985. 127 с.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.П. Русская культура и романский мир: избранные труды / АН СССР, Отделение лит. и яз.; отв. ред. [и авт. послесл.] Ю.Б. Виппер, П.Р. Заборов. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1985. 542 с.: ил.

[Указ. имен.]

Антонова Т.И. Лирическая строфа Гоголя // Вопросы стилистики. Саратов, 1985. Вып. 20. С. 112–122.

Асоян А.А. Заметки о дантовских мотивах у Белинского и Гоголя // Дантовские чтения 1985. М.: Наука, 1985. [Вып. 7.] С. 104–119.

Бахрах А. Гоголь в новых отражениях // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1985. 4 августа. С. 5. [Обзор 17-го тома ежегодника «Записки русской академической группы в США» (1984), посвященного творчеству Гоголя.]

Беглов В.А. О некоторых типологических связях эпического характера в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя и «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова // Изучение преемственных связей в русской и советской литературе: межвузовский сб. Горький, 1985. С. 36–40.

Беловинский Л.В. Культура слова (Актуальный вопрос) // Новый мир. М., 1985. № 8. С. 244–247.

Белоусов А.Ф. Процесс познания как художественная проблема («петербургские» повести в «Арабесках») // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы научной конференции. Таллин, 1985. С. 94–98.

Бердников Г.П. Над страницами русской классики. М.: Современник, 1985. 415 с.

Из содерж.:

Гоголь и Чехов. С. 71–103.

Исторические судьбы творческого наследия Гоголя. С. 33–70.

Бибихин В.В., Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Гоголь и русская действительность (Идейные споры на страницах западных исследований). М., 1985.

Библиография литературы о Н.В. Гоголе (1962–1966) / Сост. В.П. Казарин; Министерство высшего и среднего специального образования УССР; Симферопольский гос. ун-т им. М.В. Фрунзе. Симферополь: СГУ, 1985. 19 с.

Библиография художественной литературы и литературоведения: [Учебник для студентов институтов культуры, педагогических вузов и университетов] / Под ред. С.А. Трубникова. М.: Книга, 1985. 335 с.

[Указ. имен.]

Богомолова Е.И., Жаров Т.К., Кедрова М.М. Пособие по литературе для слушателей подготовительных отделений высших учебных заведений: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 431 с.

Гл. 5: Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 148–161.

«Ревизор». С. 149–154.

«Мертвые души». С. 154–159.

Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. 296 с.

Из содерж.:

Загадка «Носа» и тайна лица. С. 124–160.

Переход от Гоголя к Достоевскому. С. 161–209.

[Рец.: *Бабаев Э.* Сообщающиеся миры // Новый мир. М., 1988. № 2. С. 250–253.]

«Ваш брат Николай Гоголь» Из писем сестрам (1836–1851 гг.) / Вступ. заметка Н. Булгакова // Парус. М., 1985. Вып. 5. С. 162–181.

Виротайнен М.Н. Гоголь и Лермонтов (проблема стилистического соотношения) // Лермонтовский сборник / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); редкол.: И.С. Чистова (отв. ред.) и др. Л.: Наука, 1985. С. 104–130.

Воропаев В., Воропаева Е. И.М. Снегирев и литературная Москва // Москва литературная: сб. статей московских критиков / Сост. В. Гусев. М.: Московский рабочий, 1985. С. 184–196.

[Гоголь и И.М. Снегирев.]

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь: История и современность: К 175-летию со дня рождения / Сост. В.В. Кожин, Е.И. Осетров, П.Г. Паламарчук. М.: Советская Россия, 1985. 493 с.

Содерж.:

Кожин В.В. Вместо предисловия. С. 3–14.

I:

Щербина В.Р. Н.В. Гоголь. С. 16–74.

Михалков С.В. Слово о Гоголе. С. 75–78.

Бурсов Б.И. Родник русского реализма. С. 79–84.

Палиевский П.В. Место Гоголя в русской литературе. С. 85–93.

Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе. С. 94–131.

Федоров В.В. Поэтический мир Гоголя. С. 132–162.

Фридендер Г.М. Гоголь и современность. С. 163–178.

II:

Бочаров С.Г. Загадка «Носа» и тайна лица. С. 180–212.

Манн Ю.В. Заметки о поэтике Гоголя. С. 213–239.

[Главы из книги «Поэтика Гоголя».]

Гуминский В.М. «Тарас Бульба» в «Миргороде» и «Арабесках». С. 240–258.

Чудаков А.П. Вещь в мире Гоголя. С. 259–280.

Скатов Н.Н. Иван Александрович Хлестаков – и другие. С. 281–291.

Золотусский И.П. Еще о «Ревизоре». С. 292–307.

Казинцев А.И., Казинцева Н.А. Автор двух поэм. С. 308–324.

III:

Осетров Е.И. Гоголь и «Слово о полку Игореве». С. 326–332.

Гусев В.И. Порыв к высокому. Заметки на тему «Гоголь и романтизм». С. 333–338.

Сахаров В.И. Суровый наследник (Гоголь и Лев Толстой). С. 339–347.

Горелов П.Г. О повести «Старосветские помещики». С. 348–359.

Чудакова М.О. Гоголь и Булгаков. С. 360–388.

IV:

Бибихин В.В., Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Литературная мысль Запада перед «загадкой» Гоголя». С. 390–433.

Воропаев В. Три этюда о Гоголе (Из архивных разысканий). С. 434–467.

Рязанова Л.А. Пришвин о Гоголе: С. 469–483.

- Паламарчук П.Г.* Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя. С 484–491.
[Рец.: *Пенская Е.Н.* Гоголь – наш современник // Литература в школе. М., 1986. № 2. С. 67–69;
Галиуллин Т. Книга о Гоголе // Наш современник. М., 1987. № 3. С. 185–186.]
- Голубков С.А.* О некоторых традициях Н. Гоголя и Л. Толстого в прозе А.Н. Толстого // Классические традиции в русской советской литературе. Куйбышев, 1985. С. 91–103.
- Гончаров С.А.* Соотношение литературно-критических и публицистических статей Н.В. Гоголя с текстом «Мертвых душ» (К постановке проблемы) // Проблемы литературно-критического анализа. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1985. С. 100–107.
- Григорьев А.А.* Театральная критика / Вступ. статья А.Я. Альтшуллера и Б.Ф. Егорова; сост., примеч. Т.Б. Забозлаевой, Л.С. Даниловой, И.В. Кудряшевой. Л.: Искусство, 1985. 407 с.
Загл. вступ. статьи: Аполлон Григорьев – театральный критик. С. 3–27.
Примеч. С. 345–375.
[Указ. имен.]
- Гронская А.В.* Украинизмы в русской прозе Н.В. Гоголя как тип речевой экспрессии (На материале «Повести о том как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем») // Вопросы восточнославянского языкознания. Днепропетровск, 1985. С. 105–107.
- Гуминский В.М.* Пенаты: Уроки русской классической литературы. М.: Молодая гвардия, 1985. 111 с.: ил. – (Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». № 12(171). Гоголь и четыре урока «Миргорода».
Степной царь.
- Денисов В.Д.* Мертвые души царской России // Русский язык в башкирской школе. 1985. № 1. С. 51–52.
- Евреинов Ю.Н.* Ценность, которая принадлежит всем // Строительство и архитектура. Киев, 1985. № 1. С. 3–9.
- Ерофеев В.* На грани разрыва: («Мелкий бес» Ф. Сологуба на фоне русской реалистической традиции) // Вопросы литературы. М., 1985. № 2. С. 140–158.
- Диалектова А.В.* М.М. Бахтин о жанре воспитательного романа (Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров) // Проблемы научного наследия М.М. Бахтина: межвузовский сб. научных трудов. Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 1985. С. 41–51.
- Жуковский В.А.* Эстетика и критика / Вступ. статья Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича; сост. и примеч. Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. М.: Искусство, 1985. 431 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
Загл. вступ. статьи: Своеобразие романтической эстетики и критики В.А. Жуковского. С. 7–48.
- Из содерж.:**
Статьи 1840-х годов
О поэте и современном его значении. Письмо к Н.В. Гоголю. С. 328–338.
Примеч. С. 416–417.
[Впервые: Москвитянин. 1848. № 4. С. 11–26.]
[Указ. имен.]
- Заповедник-музей Н.В. Гоголя: Путеводитель / [Авт. текста Н.В. Хоменко, А.П. Тюнин]. Харьков: Прапор, 1985. 54 с.: ил.
- Захарова В.А.* Творчество Н.В. Гоголя в освещении критики 90–900-х гг. // Ученые записки Ярославского пед. ин-та. Ярославль, 1985. Вып. 25. С. 583–611.
- Звяницковский В.Я.* «Сын Альбиона», или История двух экспедиций. Чехов и «англичанин Морган» на родине Гоголя // Вопросы литературы. М., 1985. № 4. С. 274–277.

Зиман Л. «Поэт, открытый Гоголем». Об одном эпизоде русско-итальянских литературных связей // Альманах библиофила. Вып. 18. М.: Книга, 1985. С. 197–205.
[Римский поэт Джузеппе Джоанино Белли.]

Золотое слово Н.В. Гоголя. 1809–1852: «Ваш брат Николай Гоголь». Из писем сестрам // Парус: сб. литературно-художественных и публицистических произведений. Вып. 5 / Сост. Л.А. Белая. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 162–181.

Иванов А. Экология исторических памятников и могил. Н.В. Гоголь: Возвращение на Родину. Смерть. Посмертная судьба // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. № 161. С. 271–285.
[Последние годы жизни Гоголя, его завещание и похороны. Могила писателя в Москве.]

Исупов К.Г. Эстетика истории в «Риме» Гоголя // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы научной конференции. Таллин, 1985. С. 98–100.

Казарин В.П. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор» в контексте романтической драмы // Жанры в историко-литературном процессе. Вологда, 1985. С. 45–59.

Карпенко А.И. У истоков гоголевской поэмы «Мертвые души» // Вопросы русской литературы. Львов, 1985. Вып. 1(45). С. 36–44.
[Гоголь и А.С. Пушкин].

Ковалева Ю.Н. К спорам о втором томе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя (Об идейно-художественных исканиях писателя в последний период творчества) // Русская классическая литература и современность. Воронеж, 1985. С. 49–60.

Кокарев В.А. «Письмо из провинции» Н.П. Огарева в свете гоголевских традиций // Проблемы творчества Н.П. Огарева: межвузовский сб. научных трудов / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР; Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 1985. С. 32–48.

Колосова Н. Смирнова и Гоголь // Кавказиони: Литературный сб. Тбилиси, 1985. Вып. 3. С. 189–240.
[Фрагмент книги «А.О. Смирнова и русские писатели XIX века».]

Косоруков А. По былям сего времени // Москва. М., 1985. № 12. С. 145–160.
[К 800-летию «Слова о полку Игореве».]
[Родство художественных натур Гоголя и автора «Слова о полку Игореве».]

Кривонос В.Ш. Притча о Кифе Мокиевиче и ее роль в «Мертвых душах» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1985. Т. 44. № 1. С. 48–55.

Кривонос В.Ш. «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы: Проблемы повествования: монография / Науч. ред. В.П. Скобелев. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 159 с.

Кубарев Е.М. Стилистические функции повторов в речевой «самохарактеристике» Хлестакова (На основании текстологического сопоставления авторских вариантов комедии Н.В. Гоголя «Ревизор») // Функциональный и семантический аспекты изучения лексики. Куйбышев, 1985. С. 141–157.

Лиходеев Л. 3:2 в пользу Гоголя // Неделя. М., 1985. № 1(1293). С. 18–19.
[Заметки о телефильме М. Швейцера «Мертвые души».]

Лозбэ М. Повтор – художественный прием гоголевской стилистики и поэтики («Мертвые души») // Analele şti ale Univ. Al. I. Cuza din Iaşi. Sect. 3-e, Linguistica, 1985. Т. 31. С. 55–61.

Майков В.Н. Литературная критика. Статьи. Рецензии / Сост., подгот. текста, вступ. статья, примеч. Ю.С. Сорокина. Л.: Художественная литература, 1985. 408 с.: ил. – (Русская литературная критика).

Загл. вступ. статьи: В.Н. Майков и его литературно-критическая деятельность. С. 3–32.

Из содерж.:

Стихотворения Кольцова. С портретом автора. его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях. СПб., 1846. С. 67–176.

Примеч. С. 355–366.

[Впервые: Отечественные Записки. 1846. Т. 49. Отд. V. № 11. С. 1–38; № 12. С. 39–70. Без подписи.]

Нечто о русской литературе в 1846 году. С. 177–200. Без подписи.

Примеч. С. 366–369.

[Впервые: Отечественные Записки. 1847. Т. 50. № 1. Отд. V. С. 1–17. Без подписи.]

Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Изд. 2-е. М., 1846. В университетской тип. С. 296.

Примеч. С. 380.

[Впервые: Отечественные Записки. 1846. Т. 49. № 12. Отд. VI. С. 57. Без подписи.]

Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб.: В тип. Департамента внешней торговли. С. 297–299.

[Печатается по рукописи.]

Примеч. С. 381–382.

[Впервые: Отечественные Записки. 1847. Т. 50. № 2. Отд. VI. С. 69–71. Без подписи.]

Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя «Мертвые души». Издание Е.Е. Бернадского и А. Г. Рисовал А. Агин, гравировал на дереве Е. Бернадский. СПб.: В тип. Э. Праца, 1846. Вып. I–XII. С. 300–324.

Примеч. С. 382–384.

[Впервые: Отечественные Записки. 1847. Т. L. № 2. Отд. VI. С. 71–88.]

[Указ. имен.]

Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин: Монография. Л.: Советский писатель, 1985. 352 с.

[Рец.: *Сурков Е.* Гоголь и Пушкин: проблемы и решения // Вопросы литературы. М., 1986. № 5. С. 234–241; *Карпов А.* Проблемы литературной преемственности // Звезда. Л., 1986. № 7. С. 202–204; *Мазья М.* Родословная русского реализма // Нева. Л., 1986. № 6. С. 165–166; *Моторин А.В.* // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1987. № 1. С. 83–85.]

Манн Ю.В. Гоголевские мемуары (Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года) Анненкова как эстетический документ // Проблемы изучения культурного наследия: [сб. статей] / АН СССР, Научный совет по истории мировой культуры; отв. ред. Г.В. Степанов. М.: Наука, 1985. С. 251–256.

Манн Ю.В. Еще раз о «тайне лица» Гоголя // Литературная учеба. М., 1985. № 5. С. 200–203.

Манн Ю.В. О мировом значении Гоголя // Славянские культуры и мировой культурный процесс: Материалы международной научной конференции ЮНЕСКО / Редкол.: С.В. Марцелев (отв. ред.) и др. Минск: Наука и техника, 1985. С. 218–222.

Манн Ю. «Открыть человека в человеке» // Достоевский Ф.М. Бедные люди. М., 1985. С. 5–23.

Манн Ю.В. Смелость изобретения: Черты художественного мира Гоголя / Худож. В. Сергеев. 3-е изд. М.: Детская литература, 1985. 144 с.: ил.

Михед П.В. Гоголь и Сильвио Пеллико // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы научной конференции. Таллин, 1985. С. 23–25.

Молдавский Д. «Мастерство Гоголя». Заметки о книге А. Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества. М.: Советский писатель, 1985. С. 269–281.

Носов В.Д. [*Паламарчук П.Г.*] «Ключ» к Гоголю. Опыт художественного чтения / Вступ. статья Б. Филиппова. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 1985. 133 с. Загл. вступ. статьи: Вокруг Гоголя. Вереница цитат и размышлений. С. 5–24.

[Рец.: *Радашкевич А.* Коротко о книгах // Русская мысль. Париж, 1986. 7 марта. № 3611. С. 10; *Кублановский Ю.* Тайна Гоголя // Русская мысль. Париж, 1986. 30 мая. № 3623. С. 10.]

[Перепечатано: *Паламарчук П.Г.* Козацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования. М., Современник, 1990. С. 336–422; *Паламарчук П.* Свиток. Сборник прозы. [М.:] Паломник, 2000. С. 153–244.]

Овчарова П.И. Жанровое своеобразие повести Гоголя «Шинель» // Поэтика реализма. Куйбышев, 1985. С. 47–62.

Павлов Н.Ф. Сочинения / Сост., послесл. и примеч. Л.М. Крупчанова. М.: Советская Россия, 1985. 304 с.

Загл. послесл.: Н.Ф. Павлов. С. 279–290.

Из содерж.:

Письма Н.Ф. Павлова к Н.В. Гоголю по поводу его книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

Первое письмо. С. 254–265.

Второе письмо. С. 265–271.

Четвертое письмо. С. 271–278.

[Впервые: Московские Ведомости. 1847. № 28, 38, 46; перепечатано: Современник. 1847. Май, Август.]

Примеч. С. 301–302.

Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983 / Академия наук СССР, Научный совет по истории мировой культуры; редкол.: Д.С. Лихачев (пред.) и др. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. 538 с.

Из содерж.:

Белецкий А.П. Исследование и восстановление усадьбы Н.В. Гоголя в Полтавщине.

Паперный З.С. Гоголь в восприятии Чехова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1985. Т. 44. № 1. С. 68–71.

Пенская Е. Необъятный мир Гоголя: По залам выставки «Николай Васильевич Гоголь» в Государственном литературном музее // Альманах библиофила. М., 1985. Вып. 18. С. 189–196.

Пляшко Л.А. Город, писатель, время: Нежинский период жизни Н.В. Гоголя / Отв. ред. Ф.П. Шевченко. Киев: Наукова думка, 1985. 112 с.: ил. – (Научно-популярная литература).

[Рец.: *Михед П.* // Радянське літературознавство. Київ, 1987. № 9. С. 74–75.]

Пустыгина Н.Г. Принцип приближения/удаления в творчестве Н.В. Гоголя // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы научной конференции. Таллин, 1985. С. 91–94.

Раков Ю. Где мог жить Башмачкин? // Литературная Россия. М., 1985. 29 марта.

Саркисова Н.Н. В. Вартамянц о творчестве Н. Гоголя и Г. Успенского // Вестник Ереванского ун-та. Общественные науки. Ереван, 1985. № 2. С. 126–130.

Семенов Р. Афанасий Иванович и Аграфена Максимовна, или Образ селянина у Гоголя и Платонова // Литературная учеба. М., 1985. № 6. С. 183–193.

Скатов Н.Н. Иван Александрович Хлестаков и другие // Скатов Н.Н. Литературные очерки. М., 1985. С. 20–30.

Слюсарь А.А. Сатира в русской и украинской прозе 30-х гг. XIX в. («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. Гоголя и «Пан Халявский»

Г. Квитки-Основьяненко) // Вопросы литературы народов СССР. Киев; Одесса, 1985. Вып. 11. С. 92–103.

Степанов В.Г. Английские переводы гротескных аномалий в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя (перевод издательства «Визетелли» 1887 года, переводы Д. Хогарта, К. Гарнет, Д. Маргаршака) // Системно-типологическое описание языков и литературы. М., 1985. С. 254–262.

Сто рисунков из сочинения Н.В. Гоголя «Мертвые души» / Рисовал А. Агин, гравировал Е. Бернарнский. М.: Книга, 1985. разд. паг. Факсимильное изд.: 72 гравюры. Вып. 1846 г. и 31 гравюра. Вып. 1892 г. с отдельным приложением: Г.Ю. Стернин. Иллюстрации А.А. Агина и Е.Е. Бернарнского к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя: 1892. 32 с.

[Приложение:]

Вступительный текст к изданию 1892 г. От издателя. С. 30.

Лесков Н. Об иллюстрациях «Мертвых душ». С. 30–32.

Строганов М.В. Творчество М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя в восприятии Л.Н. Толстого: Учебное пособие / Калининский гос. ун-т. Калинин, 1985. 55 с.

Сугай Л.А. Брюсов – исследователь и интерпретатор Гоголя // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван: Советакан грох, 1985. № 4. С. 141–153.

«Судила здраво и светло...»: Из «Автобиографических записок» А.О. Смирновой-Россет / Вступ. и подгот. текста С. Житомирской // Литературная газета. М., 1985. 13 февраля. № 7. С. 6.

[О Гоголе, А.С. Пушкине, Ф.И. Тютчеве.]

Султанова Ш.И. Творчество Н.В. Гоголя в освещении периодической печати Туркестана конца XIX – начала XX века // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1985. № 7. С. 48–51.

Тарасов Б.Н. В мире человека. М.: Современник, 1985. 319 с.

Н.В. Гоголь и Чаадаев (тема единства в сознании мыслителя и писателя).

Тер-Оганесян И. Традиции гоголевской реалистической фантастики в романе Ю. Олеша «Зависть» // Труды / Тбилисский ун-т. Совет молодых ученых. Тбилиси, 1985. Вып. 11. С. 308–315.

Толстой Л.Н. О Гоголе // Толстой Л.Н. Что такое искусство? М.: Современник, 1985. С. 340–341.

Труайя А. Гоголь в Париже / Публ. Н.Т. Унанянц // Литературная Армения. Ереван, 1985. № 9. С. 87–90.

Урнов Д.М. Гоголь и Диккенс // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1985. Т. 44. № 1. С. 38–47.

Фейзуллаева А. Н.В. Гоголь на азербайджанском языке // Известия АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. Баку, 1985. № 3. С. 25–29.

Фридкин В.М. Отчет о командировке // Наука и жизнь. М., 1985. № 2.

Храпченко М.Б. Метаморфозы критического субъективизма // Новый мир. М., 1985. № 11. С. 225–242.

[Критический анализ работ советских литературоведов последних лет, посвященных творчеству Гоголя.]

Чалый Д.В. Пушкин и Гоголь // Теория и история литературы. К 100-летию со дня рождения академика А.И. Белецкого. Киев: Наукова думка, 1985. С. 96–101.

Черевацкая Б.В. Стилистические особенности антитез в лирических отступлениях «Мертвых душ» Гоголя / Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 1985. 37 с.

Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. Повествовательная проза и лирика. 2-е изд., дополн. М.: Художественная литература, 1985. 447 с.

Гл. 3: Гоголь. С. 117–140.

[Указ. имен.]

Шаров А. Волшебники приходят к людям: Книга о сказке и о сказочниках. М.: Детская литература, 1985. 320 с.: ил.

Встреча с Гоголем. С. 43–47.

[С.Т. Аксаков и Гоголь.]

Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. 285 с.

В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь. С. 265–273.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru

Научная жизнь

Academic Life

Б. Мирчевска-Бошева (Скопје, Македонија)

**Кон јубилејот на Катедрата за славистика
при Филолошкиот факултет «Блаже Конески» во Скопје**

В. Mirchevska-Bosheva (Skopje, Macedonia)

**Towards the Jubilee of the Department of Slavic Studies
at the Faculty of Philology “Blaze Koneski” in Skopje**

ИСТОРИЈАТ

Во учебната 2016/2017 година Катедрата за славистика на Филолошкиот факултет «Блаже Конески» при Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» во Скопје одбележа седум децении постоење и седум децении континуирана настава по руски јазик и литература.

Проучувањето на словенската филологија во Македонија влече корени од 1920 година кога на Филозофскиот факултет во Скопје основан од Владата и Министерството за просвета на Кралството СХС Степан Михајлович Куљбакин ги одржал првите предавања од оваа област за студентите на историско-филолошкиот отсек. Но, овој факултет престанал да работи по заповед на Ректоратот на Универзитетот во Белград на 3 април 1941 година како последица на приближувањето на Втората светска војна [Петреска 2006: 18–19].

Јубилејот 70 години настава по руски јазик и книжевност на Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» се поврзува со учебната 1946/1947 година кога на новооснованиот Филозофски факултет започнува да работи лекторат по руски јазик, од кој подоцна се формира денешната Катедра за славистика.

Лекторите Маргарита Неверова и Тамара Гнуни, професорот Фран Петре и асистентите Цветанка Органчиева, Лилјана Мојсова и Вера Јанева се првите наставници на оваа катедра. Функционирањето на Катедрата од 1950 до 1955 година во најголема мера е поврзано со активната и неуморна дејност на Серафима Пољанец која е ангажирана во изведувањето на поголем број курсеви од областа на рускиот јазик и руската литература. Кон крајот на 1955 година, од здравствени причини, професорката Пољанец била принудена да ја напушти активната работа и да се пензионира, но со повремени гостувања и понатаму помага во надминувањето на кадровскиот дефицит. За време на својот престој во Скопје, Пољанец објавила трудови од светската и руската литература, изработила скрипти заедно со асистентот Лилјана Мојсова, а заедно со својот сопруг го изработиле и Руско-хрватско-српски-

от речник. По нејзиното заминување за шеф на Катедрата привремено доаѓа Блаже Конески, кој раководи со неа во периодот од 1956 до 1961 година.

Во 60-тите години Катедрата ја напуштаат Маргарита Неверова (поради заминување на друго работно место) и Лилјана Мојсова (поради за минување во странство). Но, во овој период започнува нова фаза во развојот на Катедрата што е обусловено од доаѓањето на нови кадри кои ја преземаат наставно-научната работа и значително го зголемуваат обемот на истата.

За наставник по предметот руски јазик доаѓа д-р Борис Марков кој е и првиот шеф на катедра во новиот состав, а наставата по руска литература ја изведуваат д-р Милан Ѓурчинов и д-р Цветанка Органџиева. Катедрата добива и нови асистенти: Ефтим Кафеџиски (руска литература од прва половина на 19. век), Димитар Бошков (60-тите години од руската литература на 19. век), Марија Сидоровска (синтакса на рускиот јазик) и Спирос Наќев (фонетика и историска граматика на рускиот јазик), а од 1965 како лектор по руски јазик започнува да работи Нина Чундева.

Од 1965 година па се до денес во наставниот процес е вклучен и лектор-роден говорител на рускиот јазик кој доаѓа во рамките на меѓудржавниот договор за соработка на СФРЈ и СССР, а подоцна во рамки на договорот меѓу филолошките факултети на Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» и Московскиот државен универзитет «М.В. Ломоносов».

Фотографија на професорите и дел од студентите на руски јазик по повод гостувањето на проф. Кулешов во 1968 година (прв ред од лево Марија Најческа-Сидоровска, Спирос Наќев, Ташко Белчев, Вера Јанева, Кулешов, Милан Ѓурчинов, Владимир Лирниченко, Борис Марков)

Ваквата нова состојба на Катедрата е забележана и во «Споменица – 30 години Филолошки факултет 1946–1976» каде стои: «Иако низа години без достатно наставен кадар, катедрата за славистика односно за источнословенски и западнословенски јазици и книжевности, денес е оформена во една од најразвиените наставно-научни единици на нашиот факултет во чиј состав работат 14 наставници и асистенти и тоа: шест доктори на науки, двајца редовни професори, тројца доценти, еден предавач, четири магистри, двајца асистенти и четворица лектори. Веќе овој податок укажува дека Катедрата успеа низ изминатиов период да ја одликува

својата физиономија и да израсне во една од најбројните катедри на Факултетот со доста развиена наставна, стручна и научна дејност» [1976: 29].

Во периодот на 70-тите и 80-тите години проф. д-р Борис Марков ја изведува наставата по предметите фонетика, морфологија, историска граматика на рускиот јазик, проф. д-р Милан Ѓурчинов – наставата по руска литература на 19 и 20 век, доц. д-р Марија Сидоровска – по синтакса на рускиот јазик, доц. д-р Ефтим Кафеџиски руска литература од првата половина на 19 век, предавачот Спирос Наќев – методика на наставата по руски јазик и литература, а лекторската настава ја изведуваа: м-р Нина Чундева, Таисија Попспирова (од 1970 по пензионирањето на Тамара Гнуни) и странски лектор. Во наставниот процес се вклучени асистентите м-р Маргарита Пашоска, м-р Максим Каранфиловски и стажантите: Тронда Влашкова-Пејовиќ (руска литература), Ружица Лабан (руски јазик) и Димитрија Ристески (руска литература).

Фотографија по повод јубилејот 60 години Филолошки факултет «Блаже Конески» во 2006 година (долу од лево Биљана Мирчевска-Бошева, Јасминка Делова-Силјанова, Таисија Попспирова, Кита Бицевска, Димитрија Ристески, Ружица Јанчулева, Максим Каранфиловски, Валентина Павловска, Лидија Танушевска, горе од лево Милена Пшикрилова и Милица Миркуловска)

Потоа следи период на промени во наставниот кадар што се должи на заминувањето на проф. д-р Цветанка Органџиева и на проф. д-р Милан Ѓурчинов на друго работно место, како и пензионирањето на проф. д-р Марија Сидоровска, Спирос Наќев, проф. д-р Борис Марков и проф. д-р Димитар Бошков. Во новонастаната ситуација наставата ја презедоа кадрите кои веќе подолго време созреваа на катедрата и ги одбранија своите дисертации. Наставата по граматика ја презеде д-р Нина Чундева, а по докторирањето во 1992 и проф. д-р Максим Каранфиловски и проф. д-р Маргарита Пашоска. Наставата по литература од 1992 година ја презема проф. д-р Ружица Јанчулева, а од 1996 во овој сегмент се вклучи и проф.

д-р Димитрија Ристески. Од 1988 година за предметот методика на наставата по руски јазик е ангажирана проф. д-р Красимира Илиевска која подоцна е ангажирана и за предметот граматика на современиот руски јазик, а истата година во колективот се влучува и проф. д-р Кита Бицевска која започнува со настава по руски јазик за нематични факултети, а подоцна се вклучува и во наставата по граматика на рускиот јазик. Од 1989 до 1994 година на Катедрата работи Јања Ортакова како асистент по руска литература, а во тој период во лекторската настава се вклучуваат и Екатерина Терзијоска и Роза Тасевска.

Фотографија од свеченото отворањето на Меѓународниот славистички собир по повод јубилејот 70 години на Катедрата за славистика, 2017 (прв ред од лево Димитрија Ристески, Биљана Мирчевска-Бошева, Таисија Попспирова, Кита Бицевска, Красимира Илиевска, Донка Роус, Јасминка Делова-Силјанова, Наталија Лапаева-Ристеска, Ирен Алчевска, втор ред од лево Климент Ристески, Екатерина Терзијоска, Максим Каранфиловски, Милица Миркуловска)

Со доаѓањето на Катедрата на академик Рина Павловна Усикова од МГУ (Москва) во 1993 година се активира наставата за преведувачката насока и курсот на предавања по контрастивна анализа на рускиот и на македонскиот јазик.

По подолга пауза во 2006 година Катедрата добива помлад асистент по граматика на рускиот јазик – Биљана Мирчевска. По докторирањето во 2012 година таа ја презема наставата по граматика на рускиот јазик, контрастивна анализа на рускиот и на македонскиот јазик и Историја на рускиот јазик со историска граматика.

Во последните 10 години се пензионираа Таисија Попспирова, проф. д-р Димитрија Ристески, проф. д-р Кита Бицевска, проф. д-р Максим Каранфиловски, проф. д-р Ружица Јанчулева и проф. д-р Красимира Илиевска, а вработен е само еден лектор по руски јазик – м-р Ирен Алчевска.

Со пензионирањето на поголемиот дел од професорите по руски јазик се чувствува сериозен дефицит на наставен кадар за непречено одвивање на наставата на единствената институција во Р. Македонија каде рускиот јазик се изучува како главна специјалност. Овој дефицит делумно е намален со ангажирањето на

Наталија Лапаева-Ристевска, доцент од Пермскиот државен универзитет, која од септември 2016 година ја презема наставата по руска литература и на Николина Трајковски која од февруари 2017 година како стручњак од практика е вклучена во одржување на вежби од областа на руската граматика.

НАСТАВА

Катедрата за славистика денес нуди профилирање во три области: професор по руски јазик, преведувач од руски на македонски јазик и обратно и филолог кој покрај рускиот паралелно изучува уште еден јазик или книжевност застапени во студиските програми на Филолошкиот факултет «Блаже Конески». Покрај тоа, постои можност за изучување на рускиот јазик како втор главен или како изборен предмет.

Интересот за студирање на оваа група е подложен на варирање кое во голема мера зависи и од општествено-политичките услови, но и од потребата на пазарот на трудот. Според статистичките податоци во периодот на 70-тите до 90-тите години на минатиот век секоја година 30–40 студенти го избирале рускиот јазик како своја идна професија. Во последните период тој број е намален на 10–15 студенти, додека повеќе од 100 студенти годишно го изучуваат рускиот јазик како изборен.

По завршувањето на додипломските студии, на студентите кои сакаат да го продлабочат своето знаење во оваа област Катедрата им нуди можност да продолжат на постдипломски и докторски студии во областа наука за јазикот (група руски јазик).

Освен на матичната група, наставничкиот кадар на Катедрата за славистика одржува настава по руски јазик и за Природно-математичкиот, Педагошкиот факултет, Електротехничкиот факултет, Технолошко-металуршкиот и Економскиот факултет на Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» во Скопје.

Покрај редовната настава, идните русисти имаат можност да го подобрат своето знаење на летните школи во Московскиот државен универзитет „Ломоносов“ или да искористат стипендија на друг руски универзитет со кој нашата институција има договор за соработка.

МЕЃУНАРОДНА СОРАБОТКА

Во областа на меѓународната соработка може да се напомене дека Катедрата одржува тесни врски со сродните катедри во Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Перм, Грац, Белград, Нови Сад, Сараево и др.

Најинтензивна соработка има со Филолошкиот факултет при Московскиот државен универзитет «М.В. Ломоносов» и таа се рефлектира на повеќе полиња. Првото поле каде е особено видлива успешаната соработка е во обезбедувањето лектор – роден говорител што се одвива непрекинато од 1965 година до денес. Така, до овој момент на Катедрата работеле 22 лектори од МГУ: Зоја Свирина (1965–1967), Владимир Лирниченко (1967–1969), Тамара Глазнева (1969–1971), Николај Ковалџов (1971–1973), Николај Белоусов (1973–1976), Марина Тверитинова (1974–1976), Лилија Ермакова (1976–1978), Нинел Макаренко (1978–1980), Елена Кууз (1980–1982), Лидија Ветошкина (1982–1984), Нина Кохтарјова (1984–1986), Анастасија Сухих (1986–1989), Наталија Федотова (1989–1996), Рина Усикова (1993–1996, од 1994 како визитнг-професор), Елена Верижникова (1996–2000), Вера Муравјова (2000–2003), Наталија Зеленова (2003–2006), Татјана Ганенкова (2006–2010), Јулија Мареева (2010–2013), Надежда Пљасунова (2013–2016), Наталија Кикило (2016–). Покрај своите обврски во наставата дел од лекторите по руски јазик се активни и во изработката на наставни помагала и речници. Како резултат на тоа лекторот Николај

Ковалџов издаде учебник по македонски јазик, Лилија Ермакова во коавторство со проф. Борис Марков изработи «Краток руско-македонски фразеолошки речник», а Рина Усикова во текот на својот престој на нашата катедра ја организира и интензивира работата на преведувачката насока. Колектив од нашата катедра во соработка со руските колеги изработија и руско-македонски речник, прирачник за усвојување на рускиот јазик како странски, бројни заеднички истражувања и објавени статии.

Во соработка со колегите од МГУ, како и од другите партнерски универзитето од Русија организирани се седум македонско-руски конференции посветени на прашања од областа на јазикот, литературата и културата.

Секоја година студентите-русисти престојуваат во МГУ на летна школа по руски јазик, а студентите – македонисти од Москва доаѓаат на Семинарот за македонски јазик, литература и култура во Охрид.

Договорот за соработка меѓу Филолошкиот факултет «Блаже Конески» при Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» и Филолошкиот факултет при Воронешкиот државен универзитет овозможи бројни студиски посети и учества на летни школи во Воронеш и во Охрид, размена на искуства и книги. Последното збогатување на библиотечниот фонд на Катедрата за славистика благодарение на подарокот од Воронешкиот државен универзитет беше направено во јуни 2016 година кога Софија Заболотнаја (раководител на Македонскиот центар при Филолошкиот факултет на ВДУ) врачи повеќе од 50 монографии, учебници, прирачници и зборници од областа на рускиот јазик, литература и култура.

Плодната соработка со Филолошкиот факултет при Санктпетербуршкиот државен универзитет се гледа и во вклученоста на Зоја Шанова во тимот кој го изработи тритомниот македонско-руски речник, како и во низа други истражувања.

Долгогодишната соработка со Филолошкиот факултет при Пермскиот државен национален истражувачки универзитет се интензивира во последниот период во кој се реализирани повеќе настани како на пример обука за наставниците по руски јазик и литература во Р. Македонија (Скопје, 2014). Исто така, покрај учеството во сите претходни билатерални конференции, во 2014 година Перм беше домаќин на шестата руско-македонска научна конференција.

Во 2016 година Катедрата го иницираше научноистражувачкиот проект за создавање електронска база на македонски фраземи со нивни еквиваленти во рускиот, во полскиот, во чешкиот и во францускиот јазик. Во рамки на овој проект интензивно соработувавме со проф. Тошовиќ од Универзитетот во Грац кој при неговото гостување во Скопје го сподели своето искуство со членовите на научноистражувачкиот тим, одржа и предавање за студентите и колегите од нашиот факултет и зеде учество во тематската конференција «Зборот збор отвора» (октомври 2016, Скопје).

МАПРЈАЛ

Со одлука на Президиумот на Меѓународната асоцијација на наставниците по руски јазик и литература од 26 октомври 1997 година, Асоцијација на наставниците по руски јазик и литература од Р. Македонија, во чиј состав влегува и Катедрата за славистика, официјално е примена за член на МАПРЈАЛ. Како членови на Асоцијацијата, наставниците од Катедрата веќе 48 години се вклучени во организацијата и реализацијата на олимпијади по руски јазик за учениците од основните и средните училишта во Р. Македонија.

ИЗДАВАЧКА ДЕЈНОСТ

Катедрата за славистика во 1976 година започнува со издавање на списанието «Славистички студии» како списание за русистика, полонистика и бохемистика. Во моментот се работи на осумнаесеттиот број од списанието посветен на проф. д-р Кита Бицевска по повод нејзиниот 70-ти роденден.

Покрај зборниците од организраните конференции, членовите на Катедрата изработиле или биле дел од тимот за изработка на: Руско-македонски речник (Н. Чундева, М. Најческа-Сидоровска, С. Наќев), Македонско-руски речник (Р. Усикова, З. Шанова, М. Поварницина, Е. Верижникова, Р. Тасевска) Краток фразеолошки речник (Б. Марков, Л. Ермакова), Речник на антоними во македонското јазик (Р. Тасевска)

Поаѓајќи од потребите за национално ориентирани учебници кои ќе бидат максимално прилагодени на предметните програми на Катедрата, изработени се прирачници за усвојување на рускиот јазик како странски на пример: «Изучаем русский язык» (Р. Тасевска), «Современ руски јазик – практичен курс за 3-та година» и «Современ руски јазик – практичен курс за 4-та година» (Т. Попспирова и В. Павловска), «Руски јазик за сите. Курс за напреднати» (Р. Усикова, Т. Попспирова, Р. Тасевска), «Работна тетратка по руски јазик за студентите слависти од 3-та година» и «Работна тетратка по руски јазик за студентите слависти од 4-та година» (Т. Попспирова и И. Алчевска), «Запознајте се со Русија – елементарен курс по руска историја и култура» (Т. Попспирова и И. Алчевска) и др. За потребите на наставата по литература издадени се прирачниците: «Меѓусловенски книжевни вкрстувања» (Д. Ристески), «Избор на текстови од староруската и руската книжевност од XVIII век» (Д. Ристески).

За потребите на наставата на другите факултети исто така се изработени повеќе прирачници со тематски прилагодени текстови за студентите на економскиот факултет и на факултетот за физичка култура (Спиро Наќев).

За наставата по руски јазик во основните училишта К. Илиевска изработила повеќе учебници: «Учебник русского языка-1: первый год обучения» (К. Илиевска, З. Богачова Глигоријевиќ), «Учебник русского языка-2: третий год обучения», «Учебник русского языка-3: третий год обучения» (К. Илиевска), «Учебник русского языка-4: четвертый год обучения» (К. Илиевска), а С. Наќев подготвил «Грамматика на рускиот јазик за средните училишта».

Преводот на дела од руски автори посебно го привлекува вниманието на скоро сите членови на Катедрата кои голем број дела од руските класици, но и од современите автори ги направиле достапни за македонските читатели.

На овој начин, дополнително се збогатува и библиотеката на Катедрата за славистика која брои повеќе од 20.000 книги и 15.000 списанија на руски, чешки, полски, белоруски, украински јазик. Интензитетот на збогатување на библиотеката во последно време е намален, но со помош на донација на книги од Фондот Солженицин и од други партнерски институции постојано се надополнува со нови изданија од областите на интерес на вработените и студентите.

НАГРАДИ И ПРИЗНАНИЈА

За својата наставна, научноистражувачка и преведувачка дејност Катедрата и нејзините членови се наградени со многу признанија, а на нејзините членови им се доверувани значајни позиции. Така, акад. Милан Ѓурчинов е член на МАНУ, бил претседател на Друштвото на писателите на Македонија, претседател на Меѓународниот славистички комитет. проф. д-р Борис Марков бил декан на Фи-

лолошкиот факултет, проф. д-р Максим Каранфиловски бил продекан и декан на Филолошкиот факултет, Директор на Семинарот за македонски јазик, проф. д-р Ружица Јанчулева – продекан на Филолошкиот факултет.

Акад. Ѓурчинов е добитник на наградата «Давид Бурљук» (награда на Академијата на светскиот заум), медалот Пушкин, наградата 11 октомври, француско одликување «Витез на легија на честа» и др., проф. д-р Максим Каранфиловски е почесен професор на Московскиот државен универзитет, добил Одликување за афирмација на македонскиот јазик на Јагелонскиот универзитет во Краков, медал Пушкин, наградата Гоце Делчев и др. Проф. д-р Кита Бицевска е добитник на наградата Гоце Делчев, а проф. д-р Красимира Илиевска на медалот Пушкин.

По повод на 200-годишнината од раѓањето на големиот руски писател и поет А.С. Пушкин на Катедрата за славистика за својата успешна работа во ширењето и популаризирањето на рускиот јазик во Р. Македонија доделен и е бронзен медал со ликот на А.С. Пушкин.

На Меѓународниот славистички собир (јуни 2017 година) на акад. Милан Ѓурчинов, на проф. д-р Нина Чундева, на проф. д-р Максим Каранфиловски, на проф. д-р Красимира Илиевска, на проф. д-р Кита Бицевска, на проф. д-р Димитрија Ристески и на лектор Таисија Попспирова Филолошкиот факултет «Блаже Конески» им додели плакети и благодарници за нивната улога во афирмацијата на рускиот јазик и литература во Р. Македонија.

Фотографија од доделување на плакети и благодарници за афирмација на рускиот јазик (2017)
(од лево прв: Д. Ристески, К. Бицевска, Т. Попспирова, Д. Роус, К. Илиевска и М. Каранфиловски)

ЛИТЕРАТУРА

Филолошки факултет 1946–1976. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј», 1976.

Монографија: Филолошки факултет «Блаже Конески»: 1996–2006: 60 години. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2006.

Петреска Д. Филозофскиот факултет во Скопје од 1920 година // Филозофски факултет во Скопје. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј», 2006. С. 17–32/

Сведения об авторе:

Биляна Мирчевска-Бошева,
доктор филол. наук
доцент
заведующий кафедрой славистики
филологический факультет
имени Блаже Конеского
Университет Свв. Кирилла и Мефодия
(Скопье).

Biljana Mirchevska-Bosheva,
Doctor of Philology
Associate Professor
Head of Department for Slavistics
Faculty of Philology "Blaze Koneski"
Sts. Cyril and Methodius University (Skopje).

biljana.mirchevska@gmail.com

О.В. Розинская (Москва, Россия)

V Соколовские научные чтения на филологическом факультете МГУ

О.В. Rozinskaya (Moscow, Russia)

The 5th Sokolov Readings at Moscow University's Faculty of Philology

С 2009 г. на филологическом факультете МГУ проходят научные чтения, посвященные памяти профессора А.Г. Соколова. Организатор – лаборатория «Русская литература в современном мире».

26 октября 2017 г. на факультете состоялись уже традиционные V Соколовские научные чтения на тему «Реализм и *не-реализм* на рубеже эпох: XVIII / XIX – XIX / XX – XX / XXI вв.»

Чтения отличались разнообразием тем представленных докладов.

Так, о возрождении жанра агиографии в русле древней традиции и новых тенденций был прочитан доклад профессора факультета иностранных языков и регионоведения М.М. Лоевской – «Русская агиография рубежа веков (XX–XXI)».

Многоаспектности оппозиции *реализм – не-реализм* на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI вв. посвящено выступление научного сотрудника филологического факультета Е.А. Певак.

О поэтике стиля поздних произведений Е. Евтушенко рассказала доцент МПГУ Е.В. Иванова.

В докладе профессора филологического факультета А.Г. Шешкен «Исследование русского авангарда в трудах сербских ученых (1990–2016)» рассматривались работы сербских ученых, посвященные проблемам русского авангарда в литературе на протяжении 1990–2010 гг.

Профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Н.М. Солнцева в докладе «О вкусе поэтов к крови» рассматривала проблему оправдания жертвенной или искупительной крови как один из аспектов модернистского сознания в творчестве поэтов-оппонентов – В. Маяковского и Н. Клюева.

Оценка российскими периодическими изданиями 1903–1905 гг. публицистических работ и общественной деятельности Надежды Александровны Лухмановой (1841–1907), писателя, журналиста, лектора, представлена в выступлении профессора филологического факультета М.В. Михайловой и аспирантки Т.В. Левицкой.

О месте и роли формы «сослагательного наклонения» в реалистической и постмодернистской стилистических парадигмах на примере произведений В.П. Некрасова и Ю.В. Буйды рассуждала научный сотрудник филологического факультета В.Г. Моисеева.

В докладе научного сотрудника ИНИОН РАН А.Н. Красовец «Деятельность группы поэтов-биокосмистов (1920–1923) в контексте философии русского космизма и искусства авангарда» охарактеризована одна из множества поэтических групп биокосмистов, образовавшаяся после революции 1917 г.

Магистрантка факультета иностранных языков и регионоведения Т.А. Большакова в докладе «Канонизации Николая II в 1981 и 2000 гг.: история и проблемы принятия» предприняла попытку анализа процесса канонизации Николая II в контексте сложившихся православных традиций причисления к лику святых.

Доцент факультета иностранных языков и регионоведения И.Л. Анастасьева обратилась к докладу Леона Штильмана, посвященному вопросам реалистической эстетики в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Леон Штильман – русский эмигрант первой волны, автор нескольких книг и учебных пособий по русскому языку и литературе.

О некоей форме «модернизированного» реализма, нашедшей свое воплощение как в русской, так и в западной литературе XX–XXI вв., рассуждала в докладе «“Модернизированная проза” европейской литературы рубежа XX–XXI веков» старший научный сотрудник филологического факультета В.В. Сорокина.

Изучению русской литературы в мире посвящены два доклада – старшего научного сотрудника филологического факультета Т.Н. Беловой и О.В. Розинской. Первый – «О роли литераторов и критиков русского зарубежья в становлении англо-американской русистики в 20–50-е гг. XX столетия», второй – «Современная польская русистика за последние 15 лет».

Анализ романа М. Цетлина «Декабристы» был дан в сообщении старшего научного сотрудника филологического факультета Т.Я. Орловой.

Деятельности Евгения Зноско-Боровского в журнале «Аполлон» было посвящено выступление научного сотрудника филологического факультета Е.Г. Домогацкой.

В докладе профессора филологического факультета А.В. Злочевской «Роман В. Набокова “Приглашение на казнь”: духовная индивидуальность в фокусе метафизических и металитературных проблем» анализировалась внутренняя структура романа В. Сирина «Приглашение на казнь».

Прозвучавшие на Соколовских чтениях яркие и разнообразные доклады определяют высокий научный уровень подобных заседаний, способствуют установлению тесных контактов ученых-литературоведов.

Выступления носили оживленный характер и сопровождались активной полемикой участников.

Сведения об авторе:

Ольга Валерьевна Розинская,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga V. Rozinskaya,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
o.rozinskaya@mail.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

А.В. Злочевская (Москва)

Элиаш М. и колл. Роды и разновидности русского искусства XIX и XX веков. Ключевые этапы развития русского искусства XIX и XX веков и его резонанс в европейском культурном пространстве. Братислава: Университет Коменского, 2016. 308 с.

A. V. Zlochevskaya (Moscow)

Eliáš M. a kol. Podoby ruského umenia 19 – a 20. storočia. Kľúčové etahy vývoja ruského umenia 19 – a 20. storočia a ich rezonancia v európskom kultúrnom priestore. Bratislava: Univerzita Komenského, 2016. 308 s.

Коллективная монография словацких ученых – плод совместной работы сотрудников философского факультета Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе: кафедр «Русистики и восточнославянских литератур», «Эстетики» и «Музыковедения».

Представляемый труд – это краткий курс истории русского искусства XIX–XX вв. В центре внимания авторов два проблемных комплекса:

- развитие основных видов русского искусства XIX–XX вв. (литературы, драматургии и театра, музыкального искусства живописи и скульптуры, киноискусства, эстетики) – ведущие направления и его ключевые моменты;
- функционирование русского искусства в западноевропейском контексте.

Книга представляет читателю разноплановую и полноценную картину движения художественного процесса в России XIX–XX вв.

Авторы монографии – как представитель старшего поколения, патриарх словацкой русистики профессор М. Элиаш (глава «Русская поэзия и проза XIX в.»), так и известные ученые среднего поколения – профессора М. Куса (глава «Русская поэзия и проза XX в.» – о прозе) и О. Бакош (глава «Культурные влияния и переключки эстетики и философии VIII–XX вв. в русском искусстве»), доктор филологических наук М. Бабиак (глава «Ключевые моменты развития русского драматического искусства XIX–XX вв.»), а также молодые талантливые исследователи: магистры И. Посохин (глава «Русская поэзия и проза XX в.» – о поэзии), Б. Ладич (глава «Русская музыка и опера XIX–XX вв. – развитие и контекст»), М. Пальесек (глава «Русское изобразительное искусство XIX – первой половины

XX вв.»), Ю. Онищенко (глава «Основные особенности и виды русской фильмографии: советская монтажная школа и А. Тарковский») и др.

Книга адресована студентам и преподавателям-русистам, а также всем, кто интересуется русским искусством.

Сведения об авторе:

Алла Владимировна Злочевская,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla V. Zlochevskaya,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zlocevskaya@mail.ru

А.Г. Шешкен (Москва, Россия)

Петров А. Литературная Россия. Взгляд из Сербии. Белград, 2015. 360 с.

A.G. Sheshken (Moscow, Russia)

A. Petrov Literary Russia. A Look from Serbia. Belgrade, 2015. 360 p.

Труд А. Петрова «Литературная Россия. Взгляд из Сербии» опубликован издательством филологического факультета Белградского университета в рамках исследовательского проекта Библиотека «Язык и литература», которая издается под покровительством президента Республики Сербия и при поддержке Министерства культуры и информации Республики Сербия. Это десятая книга серии «Труды о литературе и языке», где представлены работы сербских и русских ученых по проблемам лингвистики и литературоведения. Серия публикуется на русском языке, что существенно расширяет возможность знакомства с результатами исследований ученых специалистами из других стран, в первую очередь, из России. Таким образом, популяризируются достижения сербской филологии последних десятилетий.

Книга Александра Петрова «Литературная Россия. Взгляд из Сербии» является уникальной по жанру, богатству фактов и подаче материала. Ее автор принадлежит к числу признанных в мире авторитетов в области русской поэзии и до недавнего времени был известен в России прежде всего как переводчик русской лирики и сербский поэт. Такую его репутацию подтверждают многочисленные литературные премии и переводы его стихов во многих странах мира, отклики о его поэзии авторитетов (И. Бродский). Глубокое понимание и восприятие звучания русского поэтического слова, русской литературы и культуры в целом А. Петров впитал с молоком матери. Он по происхождению русский, родился в родовитой дворянской семье (1938) в Королевстве Югославия. Там он вырос и получил образование. А. Петров закончил филологический факультет Белградского университета, где его наставниками были выдающиеся русские и сербские ученые и педагоги (К.Ф. Тарановский), сформировавшие его интерес к научному исследованию в области поэзии. Диссертация на звание доктора филологии была посвящена лирике одного из крупнейших сербских писателей XX в. М. Црнянского («Значение поэзии Милоша Црнянского в эволюции сербского поэтического творчества», 1971). На рубеже 1960–1970-х гг., во время бурных споров о путях развития национальной литературы, А. Петров заявил о себе и как писатель, литературный критик и эссеист. Он был активным участником литературного процесса Сербии: вдохновитель и организатор литературных журналов («Литературная история» /

«Књижевна историја», 1968–1972), член редколлегии влиятельных литературных изданий («Литературная газета» / «Књижевне новине», 1965–1967), автор литературной рубрики центральной белградской газеты «Политика» (1975–1980), руководитель Союза писателей Сербии. А. Петров немало лет преподавал в разных зарубежных университетах, в том числе США, Канады и Австралии.

Широкою известность и признание А. Петров получил как составитель и переводчик, а также автор вступительной и сопроводительных статей о поэтах в одной из самых полных изданных в Сербии антологий русской поэзии («Антология русской поэзии XVII–XX веков», 2011). Наделенный поэтическим даром, А. Петров с редким художественным вкусом отобрал для расширенного и дополненного издания «Антологии» (первое вышло в 1977 г.), наряду с известными поэтами и стихами, стихотворения малоизвестных авторов. Это значительно расширило представление читателя о русской лире XX в., ее богатстве и оригинальности.

В рецензируемом труде научные исследования автора органично сочетаются с его личными впечатлениями от общения с русскими поэтами и учеными. Это налагает отпечаток на гибридный характер книги, которая как целое все же выглядит органично, так как ее автор – ученый и поэт одновременно, и трудно сказать, кто же он, прежде всего. Целостность работе придают размышления о русской литературе, прежде всего поэзии и путях ее развития, которым отведено главное место как в исследованиях, так и воспоминаниях о встречах с русскими поэтами, переводчиками и учеными. Книга в полной мере отразила незаурядную творческую личность А. Петрова, его эрудицию и масштаб его собственного не ограниченного рамками конкретной научной школы понимания движения творческой мысли великих русских поэтов. Для российского читателя одинаково интересны его размышления о развитии русского стихосложения на протяжении трех столетий и воспоминания о встречах и разговорах о поэзии с выдающимися русскими учеными, писателями и переводчиками (Р. Якобсон, М. Бахтин, К.Ф. Тарановский, А. Вознесенский, И. Бродский др.).

Книга «Литературная Россия...» содержит избранные труды А. Петрова разных лет о русском формализме, об истории русской поэзии от былинного эпоса, Симеона Полоцкого до И. Бродского. Одной из главных проблем в исследованиях А. Петрова является проблема самобытности русской поэзии, отражения в ней национального видения мира, что автор обнаруживает еще в народной эпической поэзии, а затем выделяет как черту художественной индивидуальности в лирике XVIII–XXI вв. В статье «Русская идея в русской поэзии: Восток и Запад, “свое” и “чужое” в былинах» А. Петров останавливается на мотиве противостояния былинных героев киевского цикла – защитников родины – иноземным завоевателям и его художественной реализации. Подчеркивается патриотический пафос эпоса, кровная связь богатырей с отечеством и верой. «Герои былин не ставят своей целью распространять веру, особенно не огнем и мечом, как закон божий распространяли крестоносцы. Герои не были и завоевателями чужих земель, они защитники родины» (стр. 25), – приходит к выводу автор.

Большой научный интерес представляет раздел «Русская поэтическая традиция», содержащий статьи об особенностях эволюции русской поэзии, увиденной автором через развитие устойчивых мотивов, присутствующих в ней почти три века. Это мотивы, связанные с государственной символикой (образ двуглавого орла, «Медного всадника», Петербурга), образом родины («Тема России в мессианской перспективе»), библейскими мифами о сотворении мира, великом потопе

и др. Их автор прослеживает лирике от С. Полоцкого и М. Ломоносова, А. Пушкина, до А. Блока, А. Ахматовой, Е. Евтушенко. Характерны они и для поэзии русской эмиграции. Такой подход к анализу русской поэзии в ее диахронии сформировался вследствие необходимости решения практической задачи: подбором авторов и текстов для антологии. Это всегда ставит вопрос о критерии, понимании того, «что такое поэзия и великая поэзия прежде всего» и «что есть поэзия одного народа или языка, одной эпохи или школы» (стр. 27) и как ее можно наиболее убедительным образом представить. А. Петров справедливо замечает, что составитель антологии, как и историк литературы, служат общей цели. Антология, по его мнению, представляет собой особый жанр, мерила которого «приспособлены не столько к отдельным произведениям, сколько к целому, идеальному порядку самой антологии» (стр. 29). Естественно, этот порядок не может быть абсолютно свободным от исторического контекста, времени, когда та или иная антология составляется. Недаром представленная картина русской поэзии вызывала бурную реакцию не только литераторов и литературоведов, но и властных особ. Кроме того, А. Петров рассматривает жанр антологии в движении, замечая, что эпоха Интернета неизбежно наложит на этот жанр свой отпечаток. Отдающий предпочтение свободному стиху, А. Петров проявляет интерес к этому типу поэзии и при составлении антологии, и при оценке путей развития современного русского стихосложения, и в разговорах и спорах о поэзии с Г. Сапгиром и И. Бродским. Последний, как известно, был сторонником рифмованного стиха.

Отдельное внимание уделено анализу культурно-исторической роли журнала «Русский архив» (1928–1937), который выходил в Белграде. Этот журнал был одним из важнейших печатных органов в русском зарубежье, прежде всего в Югославии, на страницах которого большое внимание уделялось литературе, и был адресован не только русским, но и сербским читателям, так как выходил на сербском языке. Ценность и убедительность суждениям А. Петрова придает тот факт, что он сам был (и продолжает оставаться) организатором и редактором нескольких литературных журналов, в том числе объединяющих читателей-эмигрантов (он редактор старейшего сербского журнала «Србобран» в США). Он в своих выводах равно опирается как на научный анализ, так и на практический опыт. При анализе роли и значения журнала «Русский архив» ученый сопоставляет его с аналогичными журналами русской эмиграции первой волны, в первую очередь с пражским журналом «Воля России» и парижскими «Современными записками». «Тем, что “Русский архив” в первую очередь обращался к “иностранному читателю”, он отличался от других журналов того времени. А иностранного читателя журнал искал в современном югославском общественном мнении, чтобы познакомить его с “истинной Россией”... во всем блеске ее гения» (стр. 189), – пишет автор. Журнал стал органом, который объединил вокруг себя «первоклассных интеллектуалов, ученых, специалистов в разных областях, писателей, деятелей искусства и журналистов; некоторые жили в Сербии и Югославии, а остальные присылали корреспонденции из Праги, Парижа и других европейских городов» (стр. 206). Этот журнал был важен также тем, что освещал литературную жизнь как в эмиграции, так и в России (статьи М. Слонима и др.). Кроме того, особое внимание уделено сотрудничеству в журнале М. Цветаевой, которая писала о русской художнице Наталье Гончаровой, Владимире Маяковском и Борисе Пастернаке, о Пушкине и современной русской поэзии. В свою очередь Н. Гончарова выступила автором текстов о создании декораций к балетам Стравинского.

Плодотворным было сотрудничество с «Русским архивом» А. Ремизова (статьи о творчестве Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова, Блока, Горького, Замятина и др.), о чем, как заметил автор, «можно было бы написать отдельную монографию» (стр. 211). А. Петров проанализировал рубрики «Русского архива», подчеркнув значимость в определении качества литературной периодики, на первый взгляд, «второстепенных» материалов, которые отличаются высоким качеством. Он выделяет в этой связи рубрики «Обзора статей и материалов»: «Почти нет ни одной значительной русской книги, из любой области, опубликованной в России или в эмиграции, так же как и многих русских журналов и газет в период выхода “Русского архива”, появление которых не сопровождалось критическим откликом или более обширной заметкой» (стр. 205). А. Петров высказал также интересные наблюдения над литературным журналом как особым жанром («Русский формализм и периодика»). В целом, изданная на русском языке книга А. Петрова, безусловно, относится к трудам, стимулирующим исследовательскую мысль.

Сведения об авторе:

Алла Геннадьевна Шешкен,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla Shesken,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

Е.И. Якушкина (Москва, Россия)

**Работы по языкознанию кафедры сербского языка
филологического факультета белградского университета /
Сост.: Велько Брборич, Райна Драгичевич;
пер. И. Гучковой. Белград, 2015.**

E.I. Yakushkina (Moscow, Russia)

**Linguistics Works of the Department of Serbian Language
(Philological Faculty of the Belgrade University) /
Comp.: Velko Brborich, Raina Dragichevich;
Transl. by Irina Guchkova. Belgrade, 2015.**

В 2015 г. в серии «Труды о языке и литературе» филологический факультет Белградского университета опубликовал в переводе на русский язык сборник работ преподавателей кафедры сербского языка. Это первое крупное издание из области лингвистической сербистики на русском языке: до сих пор из работ сербских лингвистов в переводе на русский издавался только труд Р. Бошковича «Основы сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1984) и несколько статей П. Ивича в сборниках и журнале «Вопросы языкознания».

Сборник включает 25 статей, ранее публиковавшихся в других изданиях. Цель этой подборки – дать представление об основных проектах и направлениях исследований на кафедре. Таких направлений выделяется несколько: современный сербский язык (экспериментальная фонетика, акцентология, словообразование, грамматическая и лексическая семантика, лингвокультурология, фразеология, семантика синтаксических конструкций, язык художественной литературы), история сербского языка (язык средневековых текстов, древнесербская ономастика, историческая лексикология, древнесербский синтаксис, история литературного языка XIX в.), социолингвистика, история сербистики.

Р. Симич поднимает проблему разграничения сербского и хорватского литературного корпуса. Согласно точке зрения автора, писатели, считавшие себя сербами, но употреблявшие в своем языке западные – «хорватские» – особенности, должны быть включены в сербский языковой корпус, несмотря на то что их язык отличается от белградского. В статье фонетиста и акцентолога Аны Батас представлены результаты акустического анализа аллофонов фонемы [x] в сербском языке в позициях после гласных переднего ряда и перед палатальными согласными. Акцентолог Е. Йоканович-Михаилова в работе «Просодия и проблема

идентификации и самоидентификации» описывает то, как приезжие из областей с нелитературной системой ударения в новой (столичной) языковой среде приспосабливают свое произношение к норме, а также то, как иностранцы овладевают сербской просодией. В. Брборич, сопоставляя орфографические нормы, представленные в новейших орфографических справочниках Сербии, Черногории, Боснии и Хорватии (1996–2011), делает вывод о том, что принципиально новых решений в них предложено не было и что все они представляют собой продолжение прежней сербскохорватской нормы с допущением разных вариантов.

В статье Р. Драгичевич «Лексическая семантика в сербистике конца 20 – начала 21 века» описываются различные направления в современной сербской лексической семантике: социолингвистические, психолингвистические, лингвокультурологические исследования, концептуальный анализ, диахроническая семантика, диалектная семантика, исследование синонимии, тематических и лексических групп. В качестве характерной черты сербской лексической семантики отмечается тесная связь с лексикографией, развитием которой был обусловлен взлет лексико-семантических исследований. В исследовании Б. Стипчевич описывается семантика двух типов модальных дативных конструкций с частицей *се* (*снава ми се* «мне хочется спать» и *приспавало ми се* «мне захотелось спать»). Д. Мршевич-Радович в статье «Сербская фразеология и европейское культурное наследие» выявляет мотивацию фразеологизмов с компонентом *Максим* и *Мартин*, описывающих глупого человека, возводя такие фраземы к именам персонажей уличных игр.

Языку художественной литературы посвящена статья М. Дешича «Акцентный ритм в стихотворении И. Андрича “Водопад на Дрине”», которое хотя и написано свободным стихом, но демонстрирует ритмические особенности: повторение слов, звуков, синтаксических конструкций и целый ряд просодических особенностей (употребление слов с одним типом ударения, чередование долгих и кратких слогов в конце слова и др.). Е. Йованович-Симич в статье «“Жанр” и структура прозаического текста» на примере романа Д. Чосича «Корни» описывает, как организован внутренний монолог героя, исследуя его многослойность.

В статье М. Стакича анализируются основы настоящего времени в сербском языке и история их формирования. П. Дилпарич исследует употребление инфинитива и *да*-конструкции в законе о рудниках деспота Стефана, памятнике XVI в., написанном преимущественно на народном языке, и делается вывод о том, что употребление инфинитива было стабильным, но более редким, чем в старославянский период, так как при глаголе *хотети* стала распространяться *да*-конструкция. В. Савич устанавливает в Хиландарском типиконе значение слова «церковник», обозначавшего скитского монаха. В работе С. Вучкович «Структурно-семантическая словообразовательная реконструкция древнесербских топонимов» дается этимологический и словообразовательный анализ гидронимов *Нерестуша* и *Любижня*. А. Миланович в статье «Статус фонемы *ц* в реформированной азбуке С. Мркаля» исследует вопрос, почему в кириллице, предложенной в 1810 г., отсутствовала графема *ц*. По мнению ученого, отсутствие буквы было связано с концепцией литературного языка, которой придерживался С. Мркаль и в которую входила морфологическая орфография и пуризм по отношению к турцизмам. Статья Б. Чорича «О письме и языке грамоты бана Кулина» посвящена орфографическим и языковым чертам первого памятника на сербском народном языке.

В исследовании В. Станишича «Сербско-албанские фонологические отношения: влияния и ареальная общность» анализируется албанское влияние на фонетику сербских говоров на албанском пограничье (систему ударения, систему согласных и гласных); сербское влияние на албанские говоры, а также параллельное развитие общих фонетических явлений, причем оспариваются многие традиционные точки зрения. П. Радич в статье «Древнесербский акут в говорах Косово и Метохии» рассматривает свидетельства существования в указанных диалектах особого восходящего ударения, связанного с праславянским акутом. Внимание обращено также и на то, почему акут, выделенный в чакавских и славонских говорах, не был выделен Беличем в сербских говорах. Исследование М. Шчепановича «Порядок слов: между базой и надстройкой сербского языка» посвящено месту энклитик в восточно-герцеговинском диалекте, синтаксис которого анализируется в сопоставлении с литературным языком. Р. Йовичевич в статье «Слово об учителе» пишет о выдающемся сербском слависте, историке языка Радосаве Бошковиче и делает обзор его трудов.

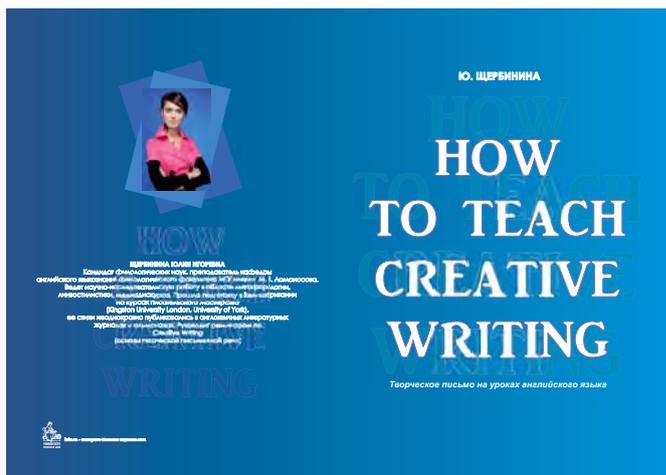
Д. Велькович-Станкович в статье «Когнитивные аспекты диминутивизации глаголов в сербском языке» рассматривает семантику глагольных диминутивов и ее отличия от производящей основы. На основании результатов анкетирования выявляются наиболее продуктивные диминутивные суффиксы глаголов, их семантика, выражаемая наречиями со значением ослабленности, а также делаются выводы о присутствии значения сниженной динамики и отношения говорящего к действию. Д. Кликовац исследует грамматическую категорию лица указательных слов в сербском языке, выделяя такие значения, как физическое пространство (связанное с говорящим, собеседником или удаленное от них) и абстрактное пространство (пространство времени, знания, владения, внимания, эмоциональное пространство). В статье В. Ломпар «Местоимение с префиксом *u-* в сербском языке» рассматривается вопрос, к какой категории можно отнести данные местоимения. Д. Гортан-Премк в работе «О несамостоятельных семантических элементах в структуре лексем» дает уточненное определение морфемы, по сравнению с ранее сформулированным. Л. Попович в рамках проекта взаимодействия между текстом и словарем излагает принципы интегрального (коммуникативно-грамматического) подхода к синтаксису, а именно – как осуществляется взаимосвязь слов в ходе анализа предложений. Ж. Станойчич в статье «Значение, аналогия и альтернативность синтаксических структур» описывает условия, при которых возможна взаимозамена союзов *где*, *што*, *како* и *да*.

Для российской славистики это издание имеет очень большое значение, и хочется выразить надежду, что филологический факультет продолжит начинание по популяризации в России достижений сербской филологической традиции, с которой российский читатель знаком очень мало.

Сведения об авторе:

Екатерина Ивановна Якушкина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina I. Yakushkina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
jkatia@yandex.ru

Д.С. Мухорттов (Москва, Россия)

**How to Teach Creative Writing:
Творческое письмо на уроках
английского языка:
учебное пособие. М.: КДУ, 2017. 64 с.**

D.S. Mukhortov (Moscow, Russia)

How to Teach Creative Writing: Schoolbook. Moscow: KDU Publ., 2017. 64 p.

Учебное пособие Ю.И. Щербининой «How to Teach Creative Writing» является, по-видимому, первой за последние три десятилетия новаторской методической разработкой отечественных педагогов по формированию и совершенствованию письменной речи на английском языке с элементами творчества у учащихся с уровнем C1 и C2. Материал пособия, прошедший многократную апробацию автором – специалистом по стилистике и методике, таким образом, восполняет пробел, давно уже существующий в системе языковой подготовки в российских школах и вузах.

Креативность как важнейший компонент в обучении языку все реже принимается на вооружение преподавателями. Все чаще во всем винят пресловутую нехватку аудиторного времени и постоянно меняющиеся стандарты и требования министерства. Однако Ю.И. Щербинина своим подходом заставляет по-новому взглянуть на стереотипы, прочно укоренившиеся в образовательной среде.

Взгляд Ю.И. Щербининой на преподавание стилистики характерен для западных вузов. Российское университетское сообщество в подавляющем большинстве случаев стоит на следующих позициях: теоретические дисциплины по иностранному языку (в том числе стилистика) являются данностью, студент должен овладеть ими в указанных лектором рамках. Поэтому зачастую тропы и фигуры речи превращаются в формулы и готовые модели, которые нужно уметь распознавать и интерпретировать в речи других людей (как правило, писателей и поэтов). Из стилистики уходит жизнь, и она превращается в занимательную механику. Пособие Ю.И. Щербининой задает планку, к которой могут стремиться вузовские преподаватели в России.

Наиболее важным достижением автора является то, что она смогла свести в единую систему материал восемнадцати пособий западных авторов, адаптировать их методику к потребностям российских учащихся; сконцентрировавшись на главном, внести в каждый из уроков свое понимание целей и задач и суметь так подать материал, чтобы он увлекал, вдохновлял и мотивировал.

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что, не являясь носителем языка, Ю.И. Щербинина по сути создала курс, который может быть по силам только носителям языка. Автор активно учит использовать средства синонимии, антонимии и фразеологии для создания самостоятельных произведений словесного искусства на английском языке. Она развивает чувство слога, учит избегать заско-рузных подходов к письму, которые сформированы у вчерашних школьников при подготовке к ЕГЭ, дает полет фантазии и насыщает жизнь студента чем-то новым и интересным.

Все уроки написаны прекрасным английским языком, подводки к упражнениям делаются настолько тонко, что у студента невольно появляется уверенность, что он обязательно справится с поставленной задачей и с радостью втянется в игру, в которую его приглашает автор – составитель пособия.

Из предисловия читатель узнает, что Ю.И. Щербинина прошла серьезную подготовку в Великобритании на курсах писательского мастерства и ее работы неоднократно публиковались в литературных журналах и альманахах. Это является еще одним доказательством, что данное пособие разрабатывал мастер своего дела, человек увлеченный и методически подкованный, имеющий большой опыт литературной работы и педагогической практики. Пользователи пособия – как студенты, так и преподаватели – находятся в надежных руках автора, которому они смело могут доверять.

Знакомясь с этой работой, все больше проникаешься мыслью о том, с какой заботой автор относится к своим ученикам, как много всего интересного и полезного он хочет сообщить им в рамках этого курса, сколь разнообразным умениям и навыкам он планирует их научить.

Особую ценность в этой методической разработке представляют упражнения и задания на развитие творческого потенциала учащихся, на стимулирование их ощущений, активацию рецепторов, развитие сферы чувств. Тем самым претворяются в жизнь принципы возрастной и педагогической психологии. Автор создает свою программу обучения иностранному языку с ориентиром на учащихся с разной системой мировосприятия, и эта образовательная модель заслуживает всяческого одобрения в эпоху доминирования «клипового сознания».

Следует подчеркнуть, что автор самым внимательным образом отнесся к оформлению, и без преувеличения можно сказать, что работа прошла серьезную редакторскую и стилистическую правку, и это только повышает ее ценность.

Сведения об авторе:

Денис Сергеевич Мухортов,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Denis S. Mukhortov,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dennismukhortov@mail.ru

Е.В. Гурулева (Москва, Россия)

**Русские литературоведы XX века:
Библиографический словарь.
Т. I: А–Л / Сост. А.А. Холиков;
под общей редакцией О.А. Клинга и
А.А. Холикова. М.; СПб.:
Нестор-История, 2017. 532 с., ил.**

E.V. Guruleva (Moscow, Russia)

Russian Literary Critics of the 20th Century: Biographical and Bibliographical Dictionary. Vol. I: A – L / Compil. by A. A. Kholikov (author); Eds.: O.A. Kling and A.A. Kholikov. Moscow; St.-Petersburg. Nestor-Istoriya Publ. 2017. 532 p., ill.

Рецензируемый Словарь явился первым в своем роде изданием, дающим наиболее целостную картину литературоведческой жизни прошлого столетия в лицах. «До этого, – как справедливо замечено в предисловии «От главного редактора», – в России выходили словари русских писателей, общие и литературные энциклопедии, справочные издания в жанре “Кто есть кто...”, где были статьи лишь о некоторых, самых знаменитых литературоведах либо прозаиках и поэтах, которые наряду с художественным творчеством занимались по большей части критикой, реже – наукой о слове. Теперь наступила пора сконцентрировать внимание на самих литературоведах, независимо от их принадлежности к тем или иным региональным либо столичным учреждениям»¹(стр. 5).

История отечественной науки о литературе XX в. противоречива и контрастна. Дореволюционная пора, характеризовавшаяся преимущественно мирной и доброжелательной научной атмосферой, в дальнейшем была редуцирована и частично вычеркнута из коллективной памяти. В годы советской власти литературоведение, как известно, столкнулось с идеологическим удушьем, репрессиями, физическим уничтожением ученых и научных школ, расправой над так называемыми «врагами» и «космополитами». Во времена «перестройки» в науке произошла кардинальная смена вектора и новая «переоценка ценностей», увы, не избежавшая перегибов. Сегодня, когда страсти утихли, пришла пора поставить вопрос

¹ См. например: Филологический факультет Московского университета: Энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Л. Ремнева. М., 2005; Литературоведы Саратовского университета. 1917–2009: Материалы к биографическому словарю / Под ред. В.В. Прозорова. Саратов, 2010; Русское литературоведение в Казанском университете (1806–2009): Библиографический словарь / Науч. ред. Л.Я. Воронова. Казань, 2011 и др.

о честности и объективности прочтения истории русского литературоведения XX в. в его достижениях и поражениях. Это не только научная необходимость, но и этический долг перед предшественниками – коллегами и учителями.

Литературоведческое наследие XX в. на страницах Словаря приобретает качественно новое измерение. Только первый том подготовленного издания включает 378 статей. Его основными «героями» стали ушедшие из жизни исследователи, чья деятельность могла начаться еще в последней четверти XIX столетия, завершилась до 2010 г. (за редкими исключениями) и была сосредоточена на изучении художественной литературы. В первую очередь к ним относятся собственно ученые (историки и теоретики литературы, фольклористы, лингвисты, библиографы, книговеды). При этом важно отметить, что рецензируемый труд, вопреки доминирующему у нас европоцентризму, включает ряд исследователей восточных литератур, таких как В.М. Алексеев, И.С. Брагинский, И.Ю. Крачковский и др. Составители также не обошли вниманием писателей, размышлявших о природе художественного творчества и внесших свой вклад в академическое литературоведение (среди них А.А. Ахматова, Т.А. Бек, А. Белый, И.А. Бродский, В.А. Каверин и др.). Так, статья Ю.В. Шевчук об Ахматовой раскрывает перед нами глубокого пушкиниста, текстолога, близкого Г.А. Гуковскому и Б.В. Томашевскому. Автор, в частности, отмечает, что именно Ахматова установила литературный источник фабулы «Сказки о золотом петушке» («Легенда об арабском звездочете» В. Ирвинга). Кроме того, в Словарь вошли отдельно взятые философы (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, В.В. Розанов и др.) и критики (АЛ. Волинский, А.К. Воронский, А. Лежнев и др.), которые сыграли важную роль в осмыслении литературного процесса. Включение критиков в перечень имен оправдано еще и тем, что в XX в. (особенно в первой его половине) едва ли не каждый литературовед выступал с критическими статьями, а значит, провести четкую грань между «чистой» наукой и литературной критикой довольно сложно, а порой невозможно. Наконец, издание содержит персональные статьи об эмигрантах (Г.В. Адамович, Ю.И. Айхенвальд, Н.М. Бахтин и др.).

К сожалению, ряд исследователей, заявленных еще в «Проспекте словаря» (2010), не попал на страницы первого тома. И это, судя по всему, объясняется объективными трудностями, с которыми всегда сталкиваются инициаторы столь масштабных проектов. Однако встречающиеся лакуны будут восполнены в третьем (дополнительном) томе (по принципу КЛЭ). По крайней мере, так нас уверяют в одной из вступительных статей, где, в свою очередь, изложены общие принципы издания, его основная стратегия и правила оформления.

Каждая словарная статья имеет трехчастную композицию и содержит краткие биографические сведения, данные в хронологической последовательности, аналитический обзор литературоведческой деятельности исследователя, библиографию его трудов и литературу о нем. Несмотря на внешнюю унификацию и заданные рамки, в исключительных случаях реализация заявленного формата была определена личностью не только «героя», но и автора статьи. К примеру, текст о Ю.М. Лотмане, подготовленный Б.Ф. Егоровым при участии Т.Д. Кузовкиной, отмечен индивидуальным стилем и некоторыми «вставными» эпизодами мемуарного характера, которые, впрочем, помогают представить жизнь ученого и в частном измерении, и в контексте исторических судеб научного сообщества. «Не будет преувеличением сказать, – утверждает А.А. Холиков (составитель 1-го тома), – что жизнеописания таких исследователей, как А.П. Скафтымов, В.Б. Шкловский,

Ю.Г. Оксман, М.М. Бахтин, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, М.Л. Гаспаров – это в свернутом виде история отечественного литературоведения XX века» (стр. 11).

Самостоятельную эвристическую ценность представляет подробнейшая пристатейная библиография, которая включает не только список авторских книг и статей литературоведа, литературу о нем, указание на архивы, но и особо ценный раздел «Письма, дневники, мемуары», где по крупицам собраны разбросанные по труднодоступным источникам материалы, помогающие реконструировать человеческих портрет академических исследователей, большинство из которых непредставимы для потомков как личности. Этому же способствует богатый иллюстративный ряд, который позволяет увидеть за именем ученого не только его тексты, но и живое лицо: «Большая часть фотографий (многие из них публикуются впервые) была любезно предоставлена А.А. Гришуниной из личной коллекции ее отца, известного литературоведа Андрея Леопольдовича Гришунина» (стр. 13).

Научно-справочный аппарат ко всему тому существенно облегчает дальнейшую работу с этим полезным изданием. В приложениях к Словарю приведен перечень опубликованных статей и их авторов, список допустимых сокращений и аббревиатур, но главное (что самое редкое в энциклопедиях) – именной указатель всех встречающихся в издании фамилий, а это около 5200 позиций!

Поставив перед собой серьезные задачи (представить специалистам краткую систематизированную информацию о русских литературоведах XX в. с современным аналитическим обзором их деятельности и оптимальным библиографическим положением, а вместе с тем – внести посильный вклад в разработку методологии создания биографий ученых и осветить картину научной жизни в относительной полноте, обратившись не только к научным школам и их лидерам, но и к представителям вненаправленного литературоведения), редакционная коллегия не могла не столкнуться с рядом трудностей, среди которых полнота реализации первоначально составленного словника – не самая большая, хотя и бросается в глаза раньше остальных. Так, не менее значимая проблема оценки вклада того или иного исследователя успешно решена через фактологическую насыщенность статьи и ее объем. Опора на документы (а при необходимости давать характеристики тем или иным поступкам, порой нелюбимым, – апелляция к «чужому» слову) позволила избежать антиисторического подхода при создании научных биографий. В результате интонация опубликованных статей строго соответствует словарно-энциклопедическому канону, сложившемуся за несколько столетий.

Несмотря на то что в целом издание решает поставленные перед ним задачи, в двух оставшихся томах хотелось бы видеть сведения о тех из семьи «героев», кто имеет прямое отношение к науке о литературе. Например, в статье о Л.М. Лотмане не сказано, что она родная сестра Ю.М. Лотмана, хотя в тексте о самом Лотмане упоминается, что одна из его сестер, Лидия, была филологом. Вероятно, стоило сказать и о сыновьях Лотмана и З.Г. Минц, один из которых – М.Ю. Лотман – известный литературовед, профессор Таллинского университета. Аналогичный случай – статья о Г.Д. Гачеве, жена которого (С.Г. Семенова) и дочь (А.Г. Гачева) тоже известные исследователи литературы. В статье об А.И. Журавлевой можно было указать, что ее муж и соавтор научных работ, Вс. Некрасов, был поэтом, критиком и литературоведом.

Впереди у редакционной коллегии еще много работы. В свое время А.П. Скафтымов, статья о котором вошла в «Перспектив словаря» и была написана покойным

В.Е. Хализевым, настаивал на честном прочтении художественных произведений. Думается, что такой подход является единственно верным и в отношении научных трудов. Отрадно, что именно его придерживаются авторы и редакторы «Русских литературоведов XX века».

Сведения об авторе:

Евгения Викторовна Гурулева,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

Eugenia Guruleva,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
eu.guruleva@gmail.com

Т.Я. Орлова (Москва, Россия)

**Труды и дни. Памяти В.Е. Хализева:
Сборник / Под ред. О.А. Клинга, С.А. Мартьяновой,
О.В. Никандровой, Л.В. Чернец (отв. ред.).
Москва: МАКС Пресс, 2017. 448 с.**

T.Ya. Orlova (Moscow, Russia)

**Works and Days. In Memory of V.E. Khalizev:
A Collection of Articles / Eds.: O.A. Kling, S.A. Mart'yanova,
O.V. Nikandrova, L.V. Chernets (ed.-in-chief).
Moscow: MAKS Press, 2017. 448 p.**

Сборник, посвященный памяти Валентина Евгеньевича Хализева (1930–2016), теоретика и историка литературы, заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова, – издание во многом уникальное, так как включает не только подборку научных статей, разнообразных по тематике и проблематике, но ряд чрезвычайно интересных материалов из семейного архива В.Е. Хализева и воспоминания о нем коллег и учеников. Публикуется несколько фрагментов из хроники семьи ученого, которая создавалась им, как предполагает подготовивший материалы к изданию С.В. Хализев, с 1970-х гг. В основе этой хроники беседы Валентина Евгеньевича с родственниками, работа с архивом семьи Хализевых. Раздумья о прошлом помогли ему, как он сам написал в послесловии к хронике, почувствовать связь между изучением своей семейной истории и профессиональной деятельностью: «Со временем уяснилась связь между этой гранью моей работы и всем иным, что я делал (на протяжении тех же двадцати лет) и пытаюсь продолжать сейчас: публикации о пушкинских “Евгении Онегине”, “Повестях Белкина”, “Капитанской дочке”, “Борисе Годунове”, о “Войне и мире”, о Лескове, а также о нашем XX веке (А.А. Ухтомский, М.А. Золотарев и Н.С. Арсеньев, М.М. Пришвин и А.А. Мейер, М.М. Бахтин и В.М. Жирмунский)» (стр. 13).

И то, и другое, поясняет он далее свое суждение, объединено общей мыслью о судьбе нашей страны и о русском менталитете. Это пояснение помогает понять, в чем была притягательность личности Валентина Евгеньевича, чему подтверждением служат опубликованные в сборнике воспоминания тех, кто на протяжении долгих лет поддерживал с ним дружеские отношения (воспоминания составили вторую часть книги). Понятно становится, в чем особенность его работ по теории и истории литературы: все его «академические» штудии имеют несколько изме-

рений, они не замкнуты в сухом предметном анализе, но отражают разные грани русской цивилизации.

Новые штрихи к личности В.Е. Хализева добавлены публикацией «Устных мемуаров» – записанных С.В. Хализевым бесед с отцом, как и включенным в сборник интервью («Я – маргинал...», 2001 г.) с интересным предисловием интервьюера, Г.В. Зыковой. Вошли в первую часть книги, где собраны тексты В.Е. Хализева, его «теоретические размышления» – «Искусство мизансцены» и несколько писем (с предисловиями, послесловиями и, в ряде случаев, примечаниями) адресатов.

Третья часть сборника – статьи, в которых исследуются разные аспекты истории и теории литературы, и само их разнообразие, при том что все они тематически перекликаются с работами В.Е. Хализева, помогает представить масштаб и характер научной деятельности ученого. Авторы ряда статей обратились к творчеству Пушкина (А.М. Гуревич, «“В вековом прототипе...” (К истолкованию “Пира во время чумы” А.С. Пушкина); В.И. Коровин, «О мотиве чаши в “Моцарте и Сальери” А.С. Пушкина») – с ней перекликается, расширяя проблематику, статья Е.Г. Рудневой «О смысле трансисторического символа Чаши в русской литературе») и истории пушкиноведения (Д.П. Ивинский, «Из истории пушкиноведения: С.М. Бонди и Вяч.И. Иванов»).

Проблемы психологии творчества, специфика восприятия художественных произведений критиками и читателями, отношение автора к создаваемому им тексту – эти сложные вопросы авторы статей решают на материале творчества писателей разных эпох: Ф.М. Достоевского (В.А. Котельников, «“Истина” у Ф.М. Достоевского и М. Хайдеггера») и Ф. Сологуба (О.В. Никандрова, «Отсутствие катарсиса как черта неклассической картины мира в романе Ф. Сологуба “Мелкий бес”»), И. Бродского (Л.А. Колобаева, «Язык, речь и смысл в эстетике И. Бродского») и А. Грина (А.А. Ревякина, «“Скульптура души...”: А.С. Грин о психологии творчества»). В этом же контексте рассматриваются позиция Н.Д. Ахшарумова-критика (Н.В. Володина, «Читатель в литературной критике Н.Д. Ахшарумова») и литературно-критическое творчество С.Н. Дурылина (И.В. Мотеюнайте, «Наука или литература: исследовательские стратегии С.Н. Дурылина»).

Есть в сборнике статьи, посвященные частным вопросам русской драматургии (И.Н. Исакова, «Имена персонажей в пьесе А.Н. Островского “Не так живи, как хочешь” в контексте народной культуры»; С.А. Мартыанова, «Речевое поведение персонажей пьесы А.П. Чехова “Чайка”»), а также статьи, в которых авторы обращаются к проблемам общего (Б.Ф. Егоров, «Патриотизм и любовь») и теоретико-литературного характера (О.А. Клинг, «Культурная память сатиры»; Л.В. Чернец, «О темпах повествования в эпических произведениях»). Специфика сюжетного повествования в эпосе на примере бунинской «Старухи» представлена в статье В.Б. Семенова («Сюжетность, или Как построена “Старуха” Бунина»).

Авторы других статей анализируют типологию героев русской литературы, обнаруживая связь разных литературных эпох (П.С. Глушаков, «“Как-нибудь включиться в народную жизнь” (Аксиологические поиски М. Горького и В.М. Шукшина)»), исследуя «сквозные» образы русской литературы (Г.И. Романова, «Странники в русской литературе и их типология») или обращаясь к типу героя у конкретного автора (В.И. Тюпа, «Чеховский герой: между характером и самостью»).

Наряду с ними есть статьи, в которых речь идет о современных тенденциях в литературе и литературоведении (М.Н. Эпштейн, «Текстоника. Об электронных текстах и их конфигурациях»; В.В. Курилов, «Металитературоведение: о форми-

ровании понятия в русской науке»), о применении законов литературных жанров в журналистике (В.В. Прозоров, «Телевидение как явление драмы»).

Заинтересуют читателя фотоматериалы, представленные в книге, и, конечно же, «Список трудов В.Е. Хализева» (составлен О.В. Никандровой), включающий более 300 наименований.

Сведения об авторе:

Татьяна Яковлевна Орлова,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana Ya. Orlova,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
orlova.t.y@yandex.ru

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2017-26-6-1-342

STEPHANOS
2017
№6 (26)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2017
Ноябрь — November